

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ И МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ

БУ ВО «СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

СЕВЕР РОССИИ: СТРАТЕГИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

*Материалы II Всероссийской
научно-практической конференции
27 мая 2016 г.*

Том III

**Сургут
2016**

УДК 001(063)
ББК 72
С28

Редакционная коллегия:

О. Г. Литовченко, д. биол. н., профессор; Е. В. Воронина, к. экон. н., доцент;
Н. Р. Хадасевич, к. экон. н., доцент; Г. В. Шевнина, к. экон. н.; Н. Ю. Ямпольская, д. экон. н.,
доцент; С. П. Подустов, к. экон. н., доцент; В. В. Мархинин, д. филос. н., профессор;
Т. Ю. Денисова, к. филос. н., доцент; Н. В. Ушакова, к. ист. н.; М. Ю. Мартынов, д. полит. н.,
доцент; Л. А. Попова, к. ю. н., доцент; Н. А. Филиппова, д. ю. н., доцент; А. Я. Козинцев,
д. ю. н., доцент; А. П. Евласьев, к. филос. н., доцент.

С28 Север России: стратегии и перспективы развития : материалы II Всерос.
науч.-практич. конф. Сургут, 27 мая 2016 г. : в 4 т. – Сургут. гос. ун-т. – Сургут : ИЦ
СурГУ, 2016. – Т. III. – 256 с.
ISBN 978-5-89545-458-9

Сборник содержит материалы по актуальным вопросам электроэнергетики, системной безопасности производственных технологий Севера России. В статьях затронуты вопросы управления нефтяным пластом на основе суперкомпьютерных технологий. Также в сборнике освещаются вопросы разработки новых материалов и технологий для развития инфраструктуры северных территорий.

Издание предназначено для ученых, преподавателей, специалистов в области нефтяной, газовой промышленности и электроэнергетики, аспирантов, студентов и других заинтересованных лиц.

УДК 001(063)
ББК 72

ISBN 978-5-89545-449-7
978-5-89545-458-9

© БУ ВО «Сургутский государственный
университет»

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

<i>Адаменко Е. А.</i> Роль интеллектуального капитала в развитии северной цивилизации	7
<i>Адаменко Е. А.</i> Этика науки и профессиональная ответственность учёного как составная часть интеллектуального капитала высших образовательных учреждений в условиях развития северной цивилизации.....	10
<i>Андрющенко И. В.</i> Концепция альтернативных затрат как фактор развития северных регионов	13
<i>Воронов Г. А.</i> Формирование клиентского капитала в условиях развития Северной цивилизации	16
<i>Воронов С. А.</i> Алгоритм учёта кадровых рисков в развитии Северной цивилизации	22
<i>Гириш В. А., Зубарева Л. В.</i> Структуры интеллектуального капитала фармацевтических компаний, особенности и методы его оценки	27
<i>Горячевская Е. С.</i> Эффективность развития инновационной инфраструктуры северных территорий	36
<i>Ищенко О. В.</i> Формирование гражданского общества в ХМАО – Югре	42
<i>Королёва Ю. Г., Мединцева С. Г.</i> Стратегия социально-экономического развития муниципального образования городской округ город Сургут на период до 2030 года – первые результаты	46
<i>Назина Э. Б., Храмова А. И.</i> Проблемы развития жилищного строительства в ХМАО – Югре	50
<i>Селюков М. В., Воронина Е. В.</i> Налоговые механизмы формирования доходной базы бюджетов муниципальных образований	53
<i>Серова Н. А.</i> Перспективные направления инвестиционного развития Арктической зоны РФ	58
<i>Соколов С. Н.</i> Рекреационно-географическое положение Ханты-мансийского автономного округа – Югры как предпосылка развития туристской индустрии	62

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ, КУЛЬТУРЫ

<i>Бахитов С. Б.</i> Отчуждение труда и социально-гуманитарное образование	69
<i>Бутенко Н. А.</i> Проблемы исследования глобальных процессов в современном мире	73
<i>Габеркорн А. И.</i> Проблема гражданского долга и ответственности в античной философии	76
<i>Денисова Т. Ю.</i> Человек как обитатель границы	80
<i>Долгицкий О. Д.</i> Аномия с точки зрения нужд и потребностей	83
<i>Жогаля А. В.</i> Информационная безопасность в северных регионах России	87
<i>Кулагина И. В.</i> Методологические основания развития северной и арктической регионалистики	90
<i>Мархинин В. В.</i> Экологическая этика: две ориентации	94
<i>Нестерова О. Ю.</i> Проблемы логики в современном образовании	98
<i>Полищук В. И.</i> Познание как фактор культуры	101

Попков Ю. В. Проблема этнокультурного неотрадиционализма в современном мире	104
Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Россия между Западом и Востоком: северное позиционирование	108
Товмасын Н. Т. Публичная сфера: термин, понятие, концепции	110
Торгашова Е. С. Теория справедливости Джона Ролза	115
Третьякова А. В. Проблема альтруизма в классической античности	118

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СЕВЕРНОМ РЕГИОНЕ

Мартынов М. Ю., Пуртова В. С. Межэтническая конфликтность VS гражданская идентичность	122
Мархинин В. В., Утенкова В. Ю. Измерение электоральной активности партий в предвыборной гонке (по материалам исследования регионального электорального цикла 2011 г. в Югре)	126
Сердюков Д. В. К вопросу о доверии к политическим партиям: общероссийские и муниципальные тенденции (на примере г. Сургута)	130
Ушакова Н. В. Условия формирования межэтнической толерантности и противодействия рискам национализма в молодежной среде г. Сургута	134

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ РАЙОНОВ СЕВЕРА И АРКТИКИ

Гребнева Н. Н. Анализ типичных следственных ситуаций по делам об убийствах (на примере деятельности следственных отделов следственного комитета России по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре)	140
Громова Г. А. Правовая политика России в отношении коренных малочисленных народов севера (исторический опыт и современные проблемы)	144
Ельмендеева Л. В. Конституционные гарантии прав муниципальных образований арктических и приарктических регионов России в сфере природопользования	148
Жадобина Н. Н. Регулирование межбюджетных отношений в Ханты-Мансийском округе – Югре: современное состояние и перспективы	153
Заринова Э. К. Правовые проблемы устойчивого экологического развития районов Севера и Арктики	156
Нехайчик В. К. О предпосылках разработки и развития отрасли административное право ХМАО – Югры	159
Чарковская Н. И. Правовые позиции Конституционного Суда РФ по применению норм, регулирующих третейское разбирательство	164
Шкаревский Д. Н. Об организации специальных судов на водном транспорте в 1931–1933 гг.	169

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

Бирук И. А., Гаджиева К. Ф., Пьянов К. В. Перспективы развития социальной ответственности корпораций в ХМАО – Югре	173
Бирук И. А., Гаджиева К. Ф., Пьянов К. В. Повышение эффективности социальной ответственности корпораций как фактор устойчивого экономического развития государства	184

Варлакова Ю. Р. Методика развития креативности бакалавров педагогического образования в условиях северного вуза	187
Гапоненко Ж. А. Получение качественного образования детьми коренной национальности в условиях сельской школы	191
Дроздова А. А., Насырова Э. Ф. Региональные особенности подготовки будущих педагогов в условиях северного вуза	195
Касько Л. М. По следам живой культуры восточных ханты через обряды и традиции	198
Кравченко Е. Н. Формирование этнического самосознания у учащихся	206
Лельхова Ф. М. К вопросу реализации этнокультурного компонента в учебных пособиях по хантыйскому языку (сургутский диалект)	210
Орехова А. Н. Образование детей коренных малочисленных народов севера Югры: проблемы и перспективы	215
Пятникова Т. Р. Пища в культуре северных хантов Полноватского Приобья	218
Садретдинова В. Б. Об обучении детей народов коренных национальностей	222
Силантьева Н. А., Сунцов А. П. К вопросу о реализации конституционной гарантии прав коренных малочисленных народов в сфере культуры в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре	226
Ткачук Н. В. Молодежь из числа коренных малочисленных народов Севера в системе социально-трудовых отношений: проблемы трудоустройства, профессионально-трудовые ориентации	230
Филиппова Н. А. Принадлежность к коренным народам: модели правового обеспечения	232
Хакназаров С. Х. Социологический анализ деятельности органов местного самоуправления и социально-экономическое положение коренных народов Севера: на примере Сургутского и Нижневартовского районов Югры	237
Цай А. В., Ефанова Е. Н., Русак Ю. Э. Проблемы здравоохранения селькупов – одного из малочисленных народов Севера	241
Цай А. В., Русак Ю. Э., Ефанова Е. Н. Культура и история селькупского народа ...	244
Швейд М. А. Особенности народной педагогики обских угров	248
Сведения об авторах	253

Дорогие друзья!

26-27 мая 2016 года в Сургутском государственном университете при поддержке Департамента образования и молодёжной политики Ханты-Мансийского автономного округа – Югры состоялась II Всероссийская научно-практическая конференция «Север России: стратегии и перспективы развития», посвященная обсуждению социально-экономических, экологических, технологических, инфраструктурных, медицинских проблем и перспектив устойчивого развития северных территорий России.

На пленарном заседании прозвучали доклады, в которых подчеркивалась важность исследований вопросов, посвященных Северу. Учёные говорили о позиционировании России между Западом и Востоком, о региональной системе высшего образования Югры, участники конференции познакомились с направлениями работы Уральской инженерной школы как программы кадрового развития региона, с возможностями современных компьютерных архитектур. Эти актуальные проблемы вызвали живой научный интерес участников мероприятия и задали настроение активного обсуждения секционных докладов.

В работе конференции приняли участие более 500 ученых, представителей образовательных и научных учреждений, ведущих специалистов крупных предприятий из Москвы, Казани, Екатеринбурга, Новосибирска, Тюмени, Челябинска, Ханты-Мансийска, Сургута. В результате работы 15 секций, 5 круглых столов и семинара-практикума были намечены пути реализации научных исследований и перспективы развития таких направлений, как медицина, спорт, экология, электроэнергетика, информационные технологии, системная безопасность, язык, культура, образование, история.

Уверены, что обсуждение актуальных тем, связанных с Севером и Арктикой, продолжится в мае 2017 года на III Всероссийской научно-практической конференции «Север России: стратегии и перспективы развития».

Желаем учёным успехов в развитии и реализации научных идей и проектов, продуктивных встреч на научных площадках и плодотворного сотрудничества как с научным, так и с бизнес-сообществом России.

*С уважением
оргокомитет конференции*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 005.336.4:332.1(470.1-17)

Адаменко Е. А.
Adamenko E. A.

РОЛЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА В РАЗВИТИИ СЕВЕРНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

INTELLECTUAL CAPITAL ROLE IN DEVELOPMENT OF NORTHERN CIVILIZATION

В настоящее время активно развивается совершенно уникальная среда – северная цивилизация. Осваиваются новые территории, появляются новые города, осуществляются новые научные открытия – и всё это на северной территории. В интенсивном и качественном развитии этой среды большую роль играет интеллектуальный капитал.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал, человеческий капитал, северная цивилизация.

Ни для кого не секрет, что мы живём в достаточно сложное время – время нехватки и истощения природных ресурсов. Именно этот ресурсный кризис заставляет большие корпорации задумываться об освоения северных земель, и Севера России в частности, как ресурсного прииска. Для добычи, присвоения и удержания ресурсных центров используются любые средства, и потому наш регион находится в опасности превратиться в такой сырьевой придаток, к тому же не стоит забывать, что его интенсивное развитие в последние годы было обусловлено именно нахождением здесь больших запасов сырья.

Однако Север России – это, прежде всего, совершенно неповторимое место, дом для многих тысяч людей, красивейшая природа, суровый климат, уникальный регион, который необходимо оберегать и сохранять, а не бездумно выкачивать из него ресурсы. В этом и кроется сама основа существования северной цивилизации: жить на этой земле, заботиться о ней и развиваться именно в таких условиях, ответственно относясь к природе, культуре, обществу, которые её окружают, стать, в конце концов, неотъемлемой частью всего этого.

Для того чтобы избежать печальной участи, сохранить Север России не только как ресурсный центр, но и как уникальный регион с удивительной природой, самобытной культурой, поразительными особенностями, его нужно развивать культурно и экономически.

Для России значение Севера обусловлено ещё и тем, что он составляет две трети ее территории [2]. Север, который несёт в себе огромный потенциал, большое количество ресурсов, отличается завораживающей природой и, к сожалению, мало освоен. И эта ситуация требует скорейших изменений и, к счастью, начинает меняться уже сейчас.

Сейчас Север России привлекателен не только как регион, в котором можно быстро зарабатывать деньги, но и как культурный центр, обладающий своими преимуществами. Многие люди, рождённые здесь, не стремятся уехать, несмотря на то, что такая тенденция наблюдалась в предыдущие десятилетия, и это даёт основания говорить о формировании на Севере России северной цивилизации.

Север России интенсивно развивается: не только количественно – по охвату и освоению новых территорий, но и качественно – облагораживанием территорий уже освоенных,

созданием благоприятной среды для жизни, построением культурных, общественных и научных центров. Одним из таких центров является Сургутский государственный университет.

Безусловно, подобное развитие невозможно без привлечения интеллектуального капитала в целом и человеческого капитала в частности, ведь любое развитие основывается прежде всего на людях, которые его осуществляют, на их мотивации, знаниях, умениях и навыках.

Позиционирование Севера не только как промышленного региона, но и как культурного центра делает необходимым привлечение не только рабочих, но и специалистов: безусловно, специалистов в сфере физики, химии, машиностроения, а также и специалистов социального профиля, а кроме этого, и учёных, и преподавателей.

Это обусловлено тем, что гораздо легче воспитывать и обучать новых специалистов здесь, чем приглашать их из других регионов России. Обучая местных специалистов, мы заранее знаем, какими умениями, навыками, знаниями, они должны обладать, можем научить их и не тратить силы на переучивание специалистов из других регионов. Кроме того, для привлечения сторонних специалистов необходимо обеспечить их жильём, удобной инфраструктурой, а это несёт за собой дополнительные затраты. Обучая же специалистов здесь, мы имеем дело с людьми, которые уже привыкли к климату, чаще всего имеют своё жильё, действительно, готовы получать именно те знания, которые помогут им при работе в северных условиях. Кроме того, специалисты, которые родились и были выращены на этой земле, трепетно к ней относятся, любят её, считают своей родиной, и потому будут больше заботиться о ней и о её интересах, эта черта очень важна. Именно отношение к этим землям делает их особенными для людей, выросших здесь. И именно люди, которые так к ней относятся, в состоянии донести до всей России и всего мира её уникальность и неповторимость. Это и есть их мотивация, она формирует человеческий капитал региона, выступает катализатором его развития. Именно поэтому так активно и качественно развиваются здесь университеты, и в частности Сургутский государственный университет.

Самой большой проблемой при развитии северных территорий на данный момент является высокая стоимость жизни на Севере [2]. Безусловно, жилищно-коммунальные услуги, цены на товары и услуги, а для приезжих и стоимость проживания очень велики. Заработная плата, конечно, выше, чем в центральной части России, но и затраты тоже существенно превышают стоимость проживания в центральной России.

И, тем не менее, северные города успешно развиваются, становятся больше, окультуреннее, интереснее. Здесь появляются новые успешные компании, как мелкие, так и крупные. К крупным компаниям, учитывая специфику развития региона, относятся как раз компании нефтегазового сектора.

Интеллектуальный капитал представлен как в компаниях, так и в университетах в трёх ипостасях: в качестве клиентского, структурного и человеческого капитала. Каждая из этих составляющих вносит значительный вклад в развитие северных территорий.

Структурный капитал включает в себя такие нематериальные активы компаний, как символику, эмблему, лозунги. Именно благодаря этому компании становятся узнаваемыми. У региональных компаний, а особенно у региональных университетов есть тенденция работать больше, чем компании, находящиеся в центре страны. Это связано с тем, что им необходимо заявить о себе и своей деятельности, для того чтобы привлечь инвестиции. Благодаря своим нематериальным активам компании становятся узнаваемыми, а благодаря своей упорной работе – известными и инвестиционно привлекательными. Это играет сразу две роли в развитии северных территорий: во-первых, привлекает необходимые инвестиции, ведь компании, которые развиваются благодаря этим инвестициям, вносят свой вклад в развитие Севера России; во-вторых, делая себе имя, компании эти добиваются того, что на их основе могут проходить различные научные и практические конференции, конкурсы, выставки и т. п. Это привлекает представителей научного сообщества, грамотных специалистов, изобретателей, они посещают северный регион и делают свой вклад в его развитие.

Клиентский капитал представлен репутацией компании и её клиентской базой. Потребители услуг северных компаний могут располагаться и не только в нашем регионе, но и по всей России, что, в свою очередь, благотворно сказывается на развитии региона.

И, наконец, человеческий капитал, представленный знаниями, навыками, умениями людей, работающих на северных территориях, их выносливостью, трудоспособностью и мотивацией. Его польза неоспорима, ведь именно он формирует совершенно особенное мировоззрение людей, живущих здесь. О жителях северных регионов отзываются как об очень добродушных людях, это связано с историческими предпосылками, ведь осваивать эти территории приезжали со всех концов СССР, а это сформировало удивительное мультикультурное общество, в котором работа плечом к плечу, взаимовыручка, профессионализм и человеческие качества значат больше культурных, религиозных и национальных особенностей [4].

Таким образом, интеллектуальный капитал оказывает очень большое влияние на развитие Севера России, и влияние это многогранно. Как было сказано выше, Север должен развиваться не только в качестве ресурсного центра, но в большей части как самобытный регион, со своей культурой, своими традициями, своим обществом, это первоочередная задача развития Севера, поскольку если культура его будет развита слабо, то велика вероятность того, что он окажется заброшен, когда сырьевые ресурсы начнут истекать. Именно потому интеллектуальный капитал, который вносит свою большую лепту именно в социальное и культурное развитие Севера, так важен и приносит такую пользу.

Именно человеческий капитал Севера представляет собой огромное его богатство: энтузиасты, которые приехали осваивать эту землю, когда здесь ничего ещё не было, ведомые не столько высокими зарплатами, сколько желанием привнести свой вклад в развитие чего-то нового, и именно этот дух, который сохраняется до сих пор, оказывает большое влияние на интенсивное и качественное развитие этих суровых земель. Именно любовь к ним, особое отношение, понимание их красоты, уникальности, неповторимости способны задать верную тенденцию качественного развития. Развития, при котором не потеряется значение их вековой истории, не потеряются их традиции, но преумножатся, сформируют в конечном итоге новую традиционность, и тем самым сделают Север России ещё более особенным социальным, культурным и промышленным центром.

Литература

1. Драчева Е. Л., Селезнев П. С. Эффективная информация и управление знаниями внутри организации // Менеджмент в России и за рубежом. 2004. № 6.
2. Назин Г. И. Северная цивилизация – настоящее и будущее // Региональная школа: перспектива развития. 2016. № 1, 2. С. 7–9.
3. Одегов Ю. Г., Руденко Г. Г. Социальная ответственность предпринимателя: от идеи к российской реальности // Управление персоналом. 2004. № 7.
4. Руденко С. А. У истоков Северной цивилизации // Учительская газ. 2007. № 39.

УДК 001.3:174

Адаменко Е. А.

Adamenko E. A.

**ЭТИКА НАУКИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УЧЁНОГО
КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА
ВЫСШИХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

**SCIENCE ETHICS AND SCIENTIST PROFESSIONAL RESPONSIBILITY
AS PART OF HIGHER EDUCATION INSTITUTE INTELLECTUAL CAPITAL
IN NORTHERN CIVILIZATION DEVELOPMENT CONDITIONS**

Интеллектуальный капитал в заведениях высшего учебного образования имеет свои особенности формирования, в частности, в структуре человеческого капитала большое значение занимают личностные качества профессорско-преподавательского состава, знания, умения и навыки преподавателей и, безусловно, сформированная этика и ответственность.

Ключевые слова: человеческий капитал, этика науки, ответственность учёного.

В настоящее время наблюдается положительная тенденция в развитии северных регионов, причём развиваются они не только как ресурсные центры, но и как центры социальные и культурные. Это означает, что в них активно развивается социальная сфера, культура, наука. Развитие науки предполагает следование этики науки, которая в свою очередь является вопросом дискуссионным, что, тем не менее, не делает её несуществующей или необязательной. Напротив, для качественного интенсивного развития региона необходимо развитие науки, и развитие это должно быть обусловлено именно этикой, которая даёт толчок к правильному, стабильному порядку развития науки и научного знания. Любая научная сфера имеет свою специфику, любой регион также имеет свои уникальные особенности, но этика науки для всех регионов и для всех сфер научной деятельности остаётся одинаковой, именно поэтому так важно привести её к общему знаменателю. Дискуссионность этого вопроса лежит в сфере философского познания, и потому не пройдёт никогда, но с прикладной точки зрения, тем не менее, должен быть определённый, пусть и вариативный свод правил и принципов, которым необходимо следовать.

Говоря об этике науки важно помнить, что такое этика науки. Этика (греч. *etika*, от *ethos* – обычай, нрав, характер) – философская дисциплина, изучающая мораль, нравственность. Как обозначение особой области исследования термин «этика» впервые был употреблен древнегреческим философом Аристотелем (384–322 гг. до н. э.). В сфере современной научной деятельности этика изучает специфику моральных взаимоотношений как внутри самого научного сообщества, так и между наукой и обществом в целом, определяя свод ценностей, норм и правил в данных областях [1].

Другими словами, этика наука – это формирующаяся система представлений о содержании научных исследований и о поведении учёного как исследователя, это стремление прийти к решению дилеммы научного познания и мышления, основанного на понятиях морали и ценностей.

Существует гипотеза, носящая название тезиса ценностной нейтральной науки [2], которая гласит, что наука сама по себе нейтральна, она имеет только инструментальный смысл, и потому не относится к целям, в которых могут быть использованы научные открытия и достижения.

Если бы данный тезис был общепринятым, он мог бы освободить учёных от ценностной оценки науки, но, тем не менее, вопрос является открытым и дискуссионным, ведь мы живём в социальной среде, имеем систему ценностей, представления об этике и морали, которые позволяют нам давать оценочные суждения тем вещам, которые нас окружают, и науке в том числе.

Основные принципы этики науки можно сформулировать следующим образом [4]:

1. Принцип самоценности истины или универсализм – предполагает ориентацию на нахождение истины, а не на получение результатов, соответствующих чьим-либо интересам. Из него логически вытекают такие требования к научным исследованиям, как соблюдение правил получения, выборки, отбора данных, а также добросовестная публикация результатов научных исследований, соответствующая действительности.

2. Новизна научного знания – обусловлена постоянным развитием науки, привнесением чего-то нового в неё. Наука может существовать только в постоянном развитии, которое и должны обеспечивать учёные.

3. Свобода научного творчества – провозглашает, что областью для исследований может быть выбран любой объект, что результаты исследовательской деятельности должны быть рассмотрены научным сообществом вне зависимости от того, кто их представляет. Данный принцип не всегда реализуем на практике и часто является темой дискуссий о науке и лженауке.

4. Открытость научных достижений – принцип об общедоступности научных достижений, открытий, результатов научных исследований, поскольку новые знания становятся достижением всего человеческого сообщества и могут быть признаны, только если будут одобрены и приняты сообществом научным.

5. Организованный скептицизм – говорит о том, что сомнениям может быть подвергнуто любое научное знание, как получаемое, так и уже полученное и признанное.

В соответствии с вышесказанным можно обозначить и профессиональную ответственность учёного.

Профессия учёного отличается от других видов профессиональной деятельности, и это логично, ведь учёный – это исследователь, тот, кто стремится внести в общее научное пространство нечто новое. И потому с позиции социологии можно выделить ряд особых черт, присущих только учёным.

1. Специальная профессиональная подготовка – самая первая черта, которую логичнее всего было бы выделить, потому что, как правило, в науку приходят не просто так, к этому стремятся, и потому стремятся получить образование, позволяющее заниматься наукой как профессиональной деятельностью. Специальная профессиональная подготовка подразумевает и владение специальными навыками и приёмами исследовательской деятельности. Это предполагает не только владение знаниями, но и умение их использовать в целях дальнейшего расширения сферы научного познания.

2. Следование научно-методологической парадигме. Эта черта обеспечивает получение объективных и достоверных результатов и тесно переплетается с принципом универсализма.

3. Основная цель деятельности – получение признания научного сообщества. Учёные, как врачи или учителя, являются скорее альтруистами. Материальное стимулирование играет для них далеко не главенствующую роль, в первую очередь им важно привнесение новых знаний в общую научную среду и получение признания за свои заслуги.

4. Эмоциональность. Эта черта присуща не только учёным, но и людям других творческих профессий и логически вытекает из предыдущей особенности. Поскольку для учёного важно именно признание, оценка его действий со стороны общества. Конечно, рациональная составляющая – это одна из основных составляющих науки, но помимо неё всегда присутствует так называемое научное творчество, которое и предполагает широкий спектр эмоций – от восторга совершения открытия до страха грандиозного провала.

5. Результаты деятельности учёного не могут быть объектом купли-продажи, так как после их признания начинают принадлежать всему обществу. Таким образом, учёный не может получить дополнительное вознаграждение за свои труды, тем не менее, на предприятиях и в высших учебных заведениях существует система надбавок за научную степень, и, кроме того, вузы поощряют научно-исследовательскую деятельность педагогов.

Говоря именно об этической ответственности учёного необходимо понимать, что учёный работает в определённой организации, будь это предприятие, вуз или НИИ, а следовательно, имеет контракт с этой организацией. Правила этого контракта он и должен соблюдать. Безусловно, вузам и НИИ присуща определенная коллегиальность принятия решений, так как в таких организациях трудятся высокомотивированные люди, исследователи, прекрасные профессионалы, и тем не менее, всегда существуют правила, обязанности и распоряжения, которым их работники должны следовать.

Учёный трудится, кроме этого, и в определенном коллективе, будь это кафедра, институт, лаборатория, и потому не может не принимать тех норм поведения, которые приняты в данном коллективе. Очень важна хорошая социальная среда, приятная рабочая атмосфера, которая достигается именно путём следования общим нормам. Кроме того, большую роль играет так же авторитет сотрудников, который складывается исходя из их научно-исследовательской деятельности. Такие учёные, как правило, имеют большую степень влияния и являются неформальными лидерами коллектива.

Как правило, ответственность учёного строится на гласных нормах, которые, безусловно, включают в себя уважительное отношение к коллегам и их труду, что подразумевает не только этичное общение, но и отсутствие плагиата, присвоения открытий, исследований, даже специфических названий, новой терминологии.

В мире науки этика играет очень важную роль, которую сложно переоценить, она возлагает на учёных нравственную ответственность, именно это и помогает науке развиваться. Ведь соблюдая все принципы этики, каждый, кто занимается наукой, действительно движет её вперёд. Не будь научной этики, было бы слишком много плагиата, непроверенных, необоснованных, ложных исследований и их результатов, которые, несомненно, отягощали бы информационное поле научного сообщества. Этика помогает избежать этого, делает научное знание действительно научным, проверенным, доказанным, обоснованным. И это воспитывает в людях, занимающихся наукой, ту самую профессиональную ответственность, предполагающую уважительное отношение к науке как таковой, к научному сообществу и другим деятелям науки, и к себе самому, своим работам и трудам.

Литература

1. Богатов В. В. Этика в научной деятельности // Вестн. ДВО РАН. 2008. № 1. С. 144–157.
2. Куренной В. А. Лев Толстой и Макс Вебер о ценностной нейтральности университетской науки // Теоретические и прикладные исследования. 2010. С. 48–74.
3. Наука мира. Washington ProFile – Intern. News & Inform. Agency, 2001–2007. URL: <http://www.washprofile.org/ru/node/5164> (дата обращения: 20.04.2016).
4. Хорошавина С. Г. КСЕ : курс лекций. URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-9350.html> (дата обращения: 20.04.2016).
5. Этика науки / отв. ред. В. Н. Игнатьев. М. : ИФРАН, 2007. 143 с.

УДК 336.6:332.1

Андрющенко И. В.
Andriushchenko I. V.

КОНЦЕПЦИЯ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ЗАТРАТ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ

OPPORTUNITY COST CONCEPT AS FACTOR IN NORTHERN REGIONS DEVELOPMENT

Статья посвящена вопросам применения концепции альтернативных затрат в современных экономических условиях и ее влиянию на развитие отдельного региона.

Ключевые слова: финансовый менеджмент, корпоративные финансы, альтернативные затраты, прибыль.

Мы всегда выбираем. Одежду, спутника жизни, телефон – все, что находится вокруг нас, и мы стараемся сделать выбор оптимальным для нас. Мы задаем критерии, по которым будем оценивать продукт с точки зрения нашей полезности сейчас, сегодня, в течение года, полезнее для нас хлеб или масло, машина или квартира, что принесет нам большее внутреннее удовлетворение?

Любая компания независимо от размеров также сталкивается с таким выбором, что начать производить, где начать производить, в каком году начать производить, альтернативность строится по сотням критериев от стоимости капитала до конъюнктуры на рынке основных ресурсов. К примеру, наблюдая за снижением цены на рынке нефти, нефтедобывающие компании могут принять решение о консервации месторождений, которые в один момент стали нерентабельными и переключить денежные потоки на месторождения минеральной воды, где при сопоставимых инвестициях корпорация получит неиссякающий рынок потребления, которое будет только расти. Ведь альтернативные издержки – это неотделимая часть принятия любого управленческого решения.

Транснациональные корпорации, наверное, лучше всех в мире просчитывают альтернативные издержки, достаточно проследить за наименованием страны, в которой выпускались кроссовки за последние десять лет. Мы, скорее всего, увидим следующую картину: Китай, Вьетнам, Индонезия, Филиппины. В данном случае топ-менеджеры корпораций четко просчитывают, во сколько им обходится рабочая сила в конкретной стране и сколько они выиграют от переноса завода в другую местность. Поэтому главный вклад концепции альтернативных издержек в экономическую науку состоит в том, что она является первым описанием принципов эффективного производства.

Влияние концепции альтернативных издержек (альтернативных доходов) на экономику региона всеобъемлющее. Выбирая инвестиционный проект, инвестор всегда сравнивает, либо он вкладывает деньги в предприятие и получает отдачу в виде дивидендов (доли прибыли), либо кладет деньги в банк на депозит. Он выбирает, есть ли смысл вкладываться в данный проект, если рентабельность инвестиций от него меньше или на уровне процентных ставок по депозиту, а если больше, то насколько она должна быть больше, чтобы выбрать эту альтернативу. Стоит ли начинать дело, если средневзвешенная стоимость капитала выше рентабельности собственного капитала предлагаемого инвестиционного проекта? Все эти вопросы и варианты ответа на него ставит данная концепция. Государство как мегарегулятор экономики может создавать и снижать альтернативные издержки, повышая (снижая) налоги, пошлины, сборы, квоты, субсидии, устанавливая определенные правила ведения бизнеса (как

пример, торговля сигаретами). После введения ограничений на продажу спиртных напитков ежегодное потребление алкоголя на душу населения в РФ снизилось на несколько литров с 18 до 15. Для государства и нашего региона это отличная новость, так как в стране снижается уровень заболеваний, связанных с потреблением алкоголя, а денежные средства, высвобождаемые от лечения таких больных, можно направить на профилактику здорового образа жизни. Конечно, все это в будущем повлечет снижение прибыли в алкогольных компаниях, но зато должно повыситься у компаний, выпускающих спортивный инвентарь, а это не так уж и плохо.

Альтернативные издержки не являются расходами в бухгалтерском понимании, они всего лишь экономическая конструкция для учёта упущенных альтернатив. Ведь если предприятие, производящее несколько видов продукции, всё своё сырьё и материалы пустит на производство одного изделия, оно не сможет произвести остальные, так как ресурсы ограничены. И для предприятия встает сложнейший глобальный вопрос, что производить и в каких объемах, так как согласно концепции ограниченность ресурсов определяет конкурентность и альтернативность способов их использования.

Посмотрите, как быстро компании «Кока-кола» и «ПепсиКо» меняют свою структуру производства в угоду рынка. Слабеет спрос на их традиционные газированные напитки – они выводят линейки новых товаров: минеральная вода, соки, и даже квас – все это производится этими гигантами. Компании постоянно защищают свой уровень прибыли, и оценка альтернатив помогает им в этом. Используя чисто бухгалтерский подход расчета издержек, для предпринимателя переезд из крупного торгового центра в маленький магазин на окраине города сулит только выигрыш в арендной плате, но этот маленький магазин никогда не создаст такого потока потенциальных покупателей, и поэтому здесь хороший предприниматель будет сравнивать не только выгоду от снижения арендной платы, но и примет во внимание изменение выручки. Действительная стоимость (полезность) любой продукции – это недополученные полезности других продуктов, которые могли быть произведены с помощью ресурсов, истраченных на производство данной продукции. Именно это гласит закон Фридрих фон Визера, ученого, впервые применившего термин альтернативные издержки [1].

Обращаясь к изучению особенностей рыночной системы, зададимся вопросом о том, что следует вкладывать в понятие «рынка». В общих чертах это понятие известно любому человеку, осуществляющему какие-либо покупки. В то же время понятие рынков более масштабно и многопланово. Происходящие здесь изменения интересуют и затрагивают огромное количество людей, в том числе и таких, кому, казалось бы, нечего искать и терять в этой сложной системе.

Привести краткое и однозначное определение рыночной системы сложно, прежде всего, потому, что это не застывшее, раз и навсегда данное явление, а процесс эволюции экономических отношений людей по поводу производства, обмена и распределения продуктов труда и ресурсов, поступающих в индивидуальное и производственное потребление.

Рынок представляет собой универсальную систему использования ограниченных ресурсов, только она создает условия для их эффективного использования. Ограниченность ресурсов и проблема экономического выбора – это краеугольный камень современных экономических отношений. Если у вас есть деньги (ресурсы) вы выбираете, куда их вложить, если у вас есть идеи – вы стараетесь сделать так, чтобы ваши идеи понравились тем, у кого есть деньги (ресурсы). Примером может служить практически все современные онлайн-проекты, многочисленные конкурсы на получение грантов, которые проходят во всех регионах.

Этот очевидный факт еще и сегодня не является бесспорным для многих людей, требующих продолжения революционных переворотов, а в прошлом веке он выглядел лишь предметом фундаментальных научных теорий. О некоторых из этих теорий следует хотя бы вкратце напомнить, тем более что их возникновение совпало по времени, но принципиально различалось по содержанию и выводам. Речь идет, например, об идеях альтернативных издержек и общественном выборе. Ограниченность свойственна ископаемым, капиталу, знаниям и информации о технологиях производства. Так, ограниченность ресурса труда проявля-

ется в том, что человек как работник способен производить только какой-либо один вид продукта, работать только в одной отрасли. Однако его потребности не могут быть удовлетворены одной разновидностью продукта, который он производит. Его потребности, как и потребности всех людей, исчисляются миллионами наименований потребительских благ. Но ни один человек, только вследствие физиологических пределов своего организма, не может одинаково эффективно трудиться даже в течение одних суток. Это возможно лишь в рамках определенного количества часов рабочего дня. Любая отрасль может испытывать потребность в трудовых ресурсах, а общество – в продуктах их труда. Но занятость каждого трудоспособного человека в одной отрасли исключает возможность его одновременной занятости во всех остальных.

В каждый данный момент времени количество любых ресурсов представляет собой величину фиксированную. Применение практически всех, в особенности первичных, ресурсов (труда, земли, капитала) в какой-либо одной отрасли исключает возможность их применения в какой-либо другой. Например, ресурсы земли ограничены не только в смысле естественных планетарных пределов земной суши или географически обозначенных территорий отдельных государств. Земле свойственна ограниченность в том смысле, что каждый ее участок в одно и то же время может использоваться либо в аграрном секторе, либо в добывающей промышленности, либо для строительства.

Выбор решений, относящихся к проблеме ЧТО, КАК и ДЛЯ КОГО производить, издержки такого выбора, а соответственно, и альтернативные издержки рыночной организацией «перекладываются» на частное предпринимательство. В этом случае «ценой» риска за сделанный выбор выступает либо прибыль, либо убытки. По существу, они и выступают предпринимательской оплатой использования части ограниченных ресурсов общества для производства и предложения разнообразных благ. Если предлагаемые блага не пользуются спросом и не удовлетворяют потребности общества, они не будут куплены потребителями и издержки предпринимательского выбора не будут возмещены.

Все, кто живет в Сургуте последние 6–7 лет, видят, как изменился город и регион, как поменялась структура различных рынков (услуги, HoReCa, продуктовый ритейл). Благодаря развитию в регионе транспортной инфраструктуры, большой покупательной способности населения альтернативные издержки снизились настолько, что наш город стал магнитом для федеральных сетей. Сегодня в Сургуте рыночные торговцы и хозяйева закупаются в федеральных гипермаркетах, а не на оптовых базах, как было еще совсем недавно. И если регион сможет повысить свою привлекательность и развивать дополнительные отрасли народного хозяйства, помимо нефтегазодобычи и транспортировки сырья, мы можем получить один из стабильнейших регионов Российской Федерации.

Литература

1. Лузина И. А., Малых О. Е., Стебунова И. С. Экономические теории О. Бём-Баверка, Ф. Визера // История экономики и экономических учений. Уфа : ДизайнПолиграфСервис, 2000. Ч. 3. 80 с.

УДК 005.346:658

Воронов Г. А.

Voronov G. A.

ФОРМИРОВАНИЕ КЛИЕНТСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

CLIENT CAPITAL FORMING IN CONDITIONS OF NORTHERN CIVILIZATION DEVELOPMENT

Северная цивилизация обретает свои «нео-традиционные» черты. Множество коренных народов России являются по своему образу жизни и менталитету северными народами. Даже русский народ во многом – это северный народ, привыкший жить и работать в условиях долгой зимы и короткого лета. Особый интерес вызывает взаимосвязь между традиционными финансовыми показателями и показателями клиентоориентированности северных народов и населения проживающего в северных условиях. Целесообразно идентифицировать клиентский капитал предприятия как единство знаний о клиентах в форме стабильных, надежных и взаимовыгодных отношений с ними, что может накапливаться, увеличивать прибыль компании в долгосрочной перспективе. Приведена общая классификация клиентского капитала. Предложена схема синтеза человеческого и клиентского капитала, а также действия по управлению клиентским капиталом, приводящие к повышению эффективности работы организации.

Ключевые слова: северная цивилизация, клиентский капитал.

Большая часть природных богатств страны, включая ископаемые ресурсы, находятся на севере. Там же расположены и крупнейшие производственные мощности, крупнейшие компании, чего нет ни в одной другой стране мира.

В наше время источником дохода компании являются именно клиенты, а не продукты. Соответственно, компании начали тратить значительные ресурсы на формирование и поддержание отношений с клиентами, поэтому приобретает чрезвычайную актуальность понимание того, как усилия по управлению клиентами соотносятся с финансовой эффективностью компании. Особый интерес вызывает взаимосвязь между традиционными финансовыми показателями и показателями клиентоориентированности. Особенно этот показатель приобретает свою ценность в условиях Севера. Еще большую значимость управление клиентским капиталом имеет для предприятий, действующих в сфере услуг страховых компаний, банков, автосервисов, предприятий гостиничного бизнеса, заводов – поставщиков оборудования и т. д.

На сегодняшний день не существует единой трактовки клиентского капитала. Наиболее распространенными терминами, которыми ученые определяют данный вид капитала, является потребительский или клиентский капитал, внешний структурный капитал, рыночные или маркетинговые активы, интерфейсный капитал и т. д. Исследователи также расходятся во взглядах относительно круга экономических субъектов, взаимоотношения с которыми является основой потребительского капитала. Большинство ученых рассматривает важность только взаимоотношений с клиентами. Другие же охватывают все экономические контрагенты внешней среды, с которыми взаимодействует предприятие. Обобщая различные научные позиции относительно определения клиентского капитала, целесообразно идентифицировать клиентский капитал предприятия как единство знаний о клиентах в форме стабильных, надежных и взаимовыгодных отношений с ними, что может накапливаться, увеличивать прибыль компании в долгосрочной перспективе. Под управлением клиентским капиталом

следует понимать комплексные управленческие действия по планированию, организации, мотивации и контролю в отношении формирования и развития клиентского капитала компании для повышения конкурентоспособности предприятия, а также увеличения стоимости предприятия в долгосрочной перспективе [1].

Наращивание и капитализация активов – важнейшие стратегические задачи любой коммерческой организации. Представители бизнеса вынуждены искать новые возможности для их решения. Налаживание длительных устойчивых отношений с клиентами оказывает непосредственное влияние на рост нематериальных активов и рыночную стоимость компании [2].

Руководители многих организаций пытаются использовать концепцию CRM-технологии управления взаимоотношениями с клиентами, рассчитывая получить быстрые положительные результаты. Однако далеко не каждая компания, внедряющая ее технологии, добивается успеха на рынке и роста активов. Без ясного понимания сущности CRM-концепции и CRM-технологии, их влияния на рост клиентского капитала и маркетинговых активов невозможно построить эффективную CRM-систему (табл. 1).

Таблица 1

Общая классификация клиентского капитала

Результативные	Категориальные
Эффективность <i>описывает соотношение полученного результата и того, чего хотят или ожидают клиенты.</i>	<p><i>Основные</i> – производят постоянную базу. Их немного, обычно не более десятка.</p> <p><i>Обеспечивающие</i> – снабжают информационными ресурсами, и их количество достигает нескольких десятков, они важны в определении процессов затрат и их истинной себестоимости.</p> <p><i>Развивающие</i> – направленные на совершенствование услуги, технологии а также инновационные подходы в сопровождении клиентов.</p> <p>Управленческие охватывают весь комплекс функций управления. Базируются на концепции <i>контроллинга</i>, которая позволяет сформировать полный цикл управления клиентским капиталом, начиная от стратегического планирования до анализа причин отклонений от плана и формирования управляющих воздействий.</p>
Успешность <i>показывает, как хорошо выполняются взаимоотношения с клиентами.</i>	
Гибкость <i>свидетельствует о том, насколько хорошо клиент способен реагировать на изменения.</i>	
Функциональные	
<i>Производительность</i> – это отношение количества единиц на выходе (при формировании клиентской базы) к количеству единиц на входе	
<i>Длительность</i> – это время, которое необходимо для выполнения условий договора с клиентами, (промежуток времени между началом процесса и его завершением).	
<i>Стоимость</i> – это совокупность всех затрат в денежном исчислении, которые необходимо произвести для однократного выполнения услуг.	

Клиентский капитал является одним из стратегических активов компании. Существует множество его научных трактовок, что приводит к неоднозначности понимания данной категории в теории и практике управления компанией.

Эволюция научных взглядов на понятие «клиентский капитал» складывалась следующим образом. Изучение понятия «клиентский капитал» требует четкого представления о его исходной категории – «капитал». На ранних этапах развития экономической мысли (XV–XVIII вв.) он определялся как материальная форма, способная приносить дополнительный доход. Первые попытки рассмотреть нематериальные формы капитала были сделаны А. Смитом в XVIII в. [6]. Дальнейшее развитие науки о капитале получило в XIX в. с выходом в свет труда великого немецкого экономиста К. Маркса «Капитал». Он обосновал качественно новый подход к определению данной категории. По его мнению, капитал – это не деньги, не средства производства, а отношение, в результате которого у собственника

средств производства появляется возможность присваивать часть неоплаченного труда наемных работников [4].

В рамках управления организацией, в том числе и в Северных условиях, под капиталом будем понимать активы компании, приносящие добавленную стоимость ее владельцу.

Само понятие «клиентский капитал» не сразу вошло в обиход в его современном понимании. Начиная с середины XX в. в научных трудах представителей различных западноевропейских школ управления особое внимание стали уделять взаимоотношениям между компанией и ее клиентами. Так, в начале 50-х гг. XX в. Э. Маккгари в список основных функций маркетинга, таких как ценовая, сбытовая, пропаганды и функция физического распределения, включил также контактную функцию. Он считал, что она является одной из главных в маркетинге и направлена на развитие сотрудничества и взаимозависимости всех участников рынка [3].

Глобализация мировой экономики во второй половине XX в., усиление международной конкуренции и межгосударственной интеграции экономических систем способствовали росту конкуренции за клиентов. В связи с этим зародилась и получила быстрое развитие теория клиентского капитала. Клиентский капитал рассматривается многими учеными в рамках теории интеллектуального капитала. По мнению таких зарубежных ученых, как Дж. Гэлбрэйт, Л. Эдвинссон, Т. Стюарт, И. Нонака, Т. Шульц и Г. Беккер, Э. Брукинг, Т. Бьюзен, Г. Минц и др., а также отечественных ученых В. С. Ефремова, А. Л. Гапоненко, В. Варшавского, В. Л. Макарова, Д. С. Львова, А. Н. Козырева, В. Л. Иноземцева, Б. Б. Леонтьева и др., интеллектуальный капитал включает в себя человеческий, организационный и клиентский капитал. Клиентский капитал был впервые идентифицирован как маркетинговый актив в 1996 г. Р. Блэттбергом и Д. Дейтеном. Исследования этих авторов в данной области были направлены на анализ клиентского капитала только с позиции определения оптимальных инвестиций приобретения и удержания клиентов. Они также одними из первых начали разработку методов оценки и учета клиентского капитала [30]. В период с 2000 по 2005 гг. Р. Раст, В. Цайтамл и К. Лемон внесли свой вклад в развитие теории клиентского капитала, выделив и обосновав его составляющие. По их мнению, он состоит из ценностного, марочного капиталов и капитала отношений (рис. 1).

Дальнейшее развитие понятия «клиентский капитал» получило в трудах таких ученых, как Д. Хассенс, Дж. Вилануевал, С. Гупта. По их мнению, клиентский капитал – дисконтированная сумма денежных потоков от индивидуального клиента или определенного сегмента клиентов за весь период их взаимоотношений с компанией [29, с. 15]. Они продолжили исследования Р. Блэттберга и предложили более простые и доступные для практического применения методы оценки клиентского капитала. С развитием информационных технологий появилась CRM-концепция. В ее рамках Э. Пэйн определил клиентский капитал как добавочную ценность, которую получает компания в результате предложения клиентам выгодных условий сотрудничества и формирования на этой основе долгосрочных взаимоотношений с ними. Он утверждал, что отношения с клиентами генерируют добавочную ценность, что присуще любой форме капитала [31, с. 95]. Э. Пэйн одним из первых выделил и классифицировал основные источники формирования клиентского капитала, описал процесс создания ценностей, получаемых клиентом и компанией.

По его мнению, генерация добавочной стоимости может происходить только при эффективном и взаимовыгодном обмене ценностями между клиентом и компанией [31, с. 103–104]. Анализ трактовок клиентского капитала показывает, что зарубежные ученые не учитывают некоторые аспекты, отражающие его сущность. Во-первых, в структуру клиентского капитала входят инвестиции на его формирование и добавленная стоимость, которую он генерирует. В структуру инвестиций входят вложения в развитие бренда компании, изучение предпочтений клиентов, мероприятия по привлечению новых и удержанию старых клиентов и др. Так как привлечение новых клиентов обходится дороже, чем удержание существующих, то основная доля инвестиций в развитие клиентского капитала приходится на поиск и

привлечение новых покупателей. Поэтому клиентский капитал должен в себя включать стоимость как существующих, так и будущих клиентов компании. Во-вторых, основной функцией любой формы капитала является генерация добавленной стоимости. Компания наращивает клиентский капитал с целью получения дополнительных экономических эффектов в виде добавленной стоимости. Кроме того, в зарубежной литературе четко не разграничены понятия клиентского, потребительского и покупательского капиталов. В экономическом словаре представлено различное толкование их субъектов: «потребитель – лицо или организация, потребляющие, использующие продукт чьего-либо производства, чьей-либо деятельности, включая и свой собственный продукт; покупатель – физическое или юридическое лицо, осуществляющее оплату деньгами и являющееся приобретателем товара или услуги; клиент – лицо, пользующееся услугами какой-либо организации» [2].

Раскрывая элементы клиентского капитала, необходимо выявить способы и методы его измерения. Формирование устойчивых отношений с клиентами требует инвестиций, порой очень значительных (ежегодные рекламные расходы крупных транснациональных компаний зачастую измеряются сотнями миллионов долларов). Поэтому логично определять ценность связей с клиентами, их влияние на стоимость предприятия с помощью динамических методов инвестиционных расчетов [3].

В первом приближении экономическая ценность связей с клиентами может быть определена в денежном выражении по следующей формуле:

$$КК = \sum_{t=0}^n \frac{D_t - Z_t}{(1+k_d)^t},$$

где КК – величина клиентского капитала организации в денежном выражении; D_t – доходы организации за период t ; Z_t – затраты организации за период t ; k_d – коэффициент дисконтирования; t – номер периода; n – количество периодов в интервале времени, для которого проводится оценка клиентского капитала.

Разумеется, такой подход является весьма упрощенным. Во-первых, не вся прибыль организации объясняется существованием связей с клиентами, значительная ее часть формируется за счет сбыта товаров новым клиентам, за счет случайных, эпизодических продаж и т. д. Во-вторых, следует учитывать, что ценность отношений с клиентами заключается не только в возможности получать прибыль от сбыта товаров. Довольные клиенты распространяют положительную информацию и позволяют предприятию увеличить прибыль за счет привлечения новых потребителей. В-третьих, прибыль, обусловленная устойчивыми отношениями с клиентами, формируется не только «на стороне» сбыта. Реализация мероприятий по повышению эффективности производства, инициированных информацией, полученной от клиентов, сокращает затраты и также способствует росту прибыльности предприятия.

С учетом сказанного величина клиентского капитала организации может быть определена по следующей формуле:

$$КК = \sum_{t=0}^n \frac{(\Pi_k + \Pi_p + \Pi_{ин})_t}{(1+k_d)^t},$$

где Π_k – прибыль, которую обеспечит сбыт товаров предприятия «старым» клиентам за соответствующий период; Π_p – прибыль за счет сбыта товаров предприятия новым покупателям, сотрудничество с которыми установилось благодаря рекомендациям со стороны «старых» клиентов; $\Pi_{ин}$ – прибыль, полученная за счет внедрения мероприятий, ставших возможными благодаря сотрудничеству с постоянными клиентами.

Средняя рентабельность продаж организации зависит, среди прочего, от следующих факторов: соотношения спроса и предложения; уровня платежеспособности клиентов; структуры продаваемого ассортимента, доли относительно рентабельных и менее рентабельных товаров; лояльности клиентов, которая позволяет предприятию более свободно повышать цены на продукцию.

Наконец, коэффициент дисконтирования, применяемый при расчете клиентского капитала, зависит от уровня гарантированной доходности вложений, уровня доходности и колебаний доходности отрасли и степени рискованности бизнеса клиентов предприятия. В работе В. Макарова и А. Козырева приводятся данные о том, что средние ставки дисконта при оценке нематериальных активов в США составляют около 30 % ($k_d = 0,3$); для российских условий авторы считают возможным применять дисконт в 60 % [3].

Все перечисленные факторы влияют на величину клиентского капитала. Он может формироваться как за счет высокой прибыли, которую способен принести средний клиент, так и за счет большого количества клиентов; в то же время, если, например, лояльность клиентов равна нулю, клиентский капитал также обнуляется. Сбыт на предприятии обеспечивается в этом случае за счет разовых и случайных покупок. В целом для повышения клиентского капитала возможны следующие пути: увеличение численности клиентов; увеличение общей потребности клиентов в товаре и уровня спроса со стороны клиентов; повышение доли повторных покупок; стимулирование смежных покупок; повышение средней рентабельности продаж за счет увеличения доли высокоплатежеспособных клиентов, изменения структуры ассортимента и повышения цен; стимулирование клиентов предприятия к устной рекламе, рекомендациям; стимулирование обмена информацией с клиентами; выбор направлений деятельности с низким уровнем риска.

Основным критерием оценки потребительского капитала является удовлетворенность клиента, наиболее точным способом измерения которой является установление ее взаимосвязи с финансовыми показателями предприятия. Модель интеграции человеческого и клиентского капитала для создания конкурентоспособного предприятия предлагается реализовать посредством следующих мероприятий (рис. 2 и табл. 2).

Ключевые клиенты составляют основу успешности предприятия, поэтому должны быть предприняты все меры по их сохранению и укреплению сотрудничества с ними. По отношению к критическим клиентам рекомендуется снижение затрат по цепочке создания ценности, отказ от элементов предложения, нейтральных с точки зрения удовлетворенности, проверка обоснованности цен и условий поставки. Для рискованных клиентов следует продумать возможности для повышения удовлетворенности и лояльности. По отношению к клиентам, относящимся к «балласту», необходимо проверить возможности для повышения прибыльности и лояльности и, если это окажется невозможным, прекратить сотрудничество.

В условиях развития Северной цивилизации возрастает актуальность развития и управления клиентским капиталом. При этом подтверждается и эффективность предлагаемых действий по управлению клиентским капиталом, повышающим эффективность работы организации.

Таблица 2

**Действия по управлению клиентским капиталом,
приводящие к повышению эффективности работы организации**

Действие	Описание
1. Несколько рабочих клиентских баз объединяются в одну	Происходит горизонтальное сжатие. Если не удастся привести все шаги к одной базе, то создается команда, отвечающая за управление данными базами, что неизбежно приводит к некоторым задержкам и ошибкам, возникающим при передаче работы между членами команды

Окончание табл. 2

Действие	Описание
2. Ответственные исполнители принимают самостоятельные решения	При этом происходит вертикальное сжатие процессов. Наделение сотрудников большими полномочиями и увеличение роли каждого из них в работе предприятия приводит к значительному повышению их отдачи
3. Шаги по управлению клиентской базой выполняются в естественном порядке (а не в линейном)	Это позволяет относительно распараллеливать круг экономических субъектов, взаимоотношения с которыми являются основой потребительского капитала
4. Взаимоотношения с клиентами имеют различные варианты исполнения	Надо иметь различные версии исполнения в зависимости от конкретной ситуации, причем каждый вариант должен быть простым и понятным
5. Работа с клиентом выполняется в том месте, где это целесообразно	При этом распределяется работа между границами подразделений и устраняется излишняя интеграция
6. Уменьшается количество проверок и управляющих воздействий	Они должны выполняться в отложенном режиме, что приведет к сокращению времени и стоимости процессов
7. Минимизируется количество согласований (за счет сокращения внешних точек контакта)	При этом стираются грани между функциональными подразделениями
8. «Уполномоченный» менеджер по управлению клиентским капиталом обеспечивает единую точку контакта	Этот механизм применяется, когда необходимо обеспечить участие заказчика в сложном процессе
9. Преобладает смешанный централизованно/децентрализованный подход	При этом подразделения предприятия могут действовать полностью автономно при наличии единого корпоративного хранилища данных.

Рис. 2. Синтез человеческого и клиентского капитала

Литература

1. Азрилиян А. Н. Большой экономический словарь. М. : Ин-т новой экономики, 2004. 783 с.

2. Воронов Г. А., Воронова А. В. Эффективное управление бизнес-процессами в сфере партнерских продаж как аспект процессного подхода в условиях неопределенности // Управление экономическими системами : электрон. науч. журн. 2012. № 2 (40). URL: <http://uecs.mcsnp.ru> (дата обращения: 20.04.2016).
3. Воронов Г. А. Оптимизация бизнес-процессов в управлении экономическим департаментом // Управление экономическими системами : электрон. науч. журн. 2012. № 2 (30). URL: <http://uecs.mcsnp.ru> (дата обращения: 20.04.2016).
4. Интеллектуальный капитал – стратегический потенциал организации / под ред. А. Л. Гапоненко, П. В. Беспалов, В. И. Корниенко и др. М., 2013. 184 с.
5. Куш С. П. Сравнительный анализ основных концепций теории маркетинга взаимоотношений // Вестн. Санкт-Петербург. ун-а. 2013. № 4. С. 260–289.
6. Пэйн Э. Руководство по CRM: Путь к совершенствованию менеджмента клиентов. Минск : Гревцов Паблшер, 2007. 384 с.
7. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М. : Соцэгиз, 1962. 206 с.
8. Blattberg R. Managing Marketing by the Customer Equity Test // Harvard Business School Publication Corp. 2006. № 3. P. 12.
9. Driving Customer Equity / T. Roland, R. Rust, A. V. Zeithaml, A. Katherine Lemon. New York : Free Press. 2000. № 8. С. 34.
10. Hakansson H. Developing Relationships in Business Networks // London : New York, 1995. № 2. P. 15.
11. Saint-Onge H., Armstrong C. The Conductive Organization. Oxford : Elsevier Inc., 2004. P. 37.

УДК 005.96:005.334:332.1(470.1-17)

*Воронов С. А.
Voronov S. A.*

АЛГОРИТМ УЧЕТА КАДРОВЫХ РИСКОВ В РАЗВИТИИ СЕВЕРНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

PERSONNEL INVENTORY RISK ALGORITHM IN NORTHERN CIVILIZATION DEVELOPMENT

Риск главным образом определяется как экономическая объективно существующая категория, вызванная неопределенностью осуществления производственно-хозяйственной деятельности организации и обуславливающая потери в результате неправильно выбранного того или иного варианта принимаемого решения или в случае непредвиденных и независимых от предприятия форс-мажорных ситуаций.

Ключевые слова: Северная цивилизация, кадровые риски.

Основными рисками Северной цивилизации являются экологический и экономический. Суровая природа регионов, приравненных к условиям Крайнего Севера, очень хрупкая, поэтому любая авария наносит непоправимый вред и требует восстановления в течение долгих десятилетий.

Высокий экономический риск объясняется тем, что система однонаправлена и ориентирована исключительно на нефтегазовую отрасль.

Возрастают в Северных условиях и кадровые риски. Из всего многообразия рассмотренных определений на основе общих признаков и логической структуры необходимо выделить отличительные особенности понятия «кадрового риск-менеджмента». Актуальность этой проблемы заставляет современный менеджмент организаций анализировать причины частых отклонений в реализации стратегии их развития и определение уровня влияния кадровых рисков в снижении доходности производства, потери конкурентоспособности их продукции.

В настоящее время кадровые риски тесно переплетаются с понятием операционных рисков. Специфика кадрового риск-менеджмента в формировании стратегии развития организации не была достаточным образом исследована в публикациях специалистов по вопросам теории стратегического и кадрового менеджмента. Авторский подход основывается на выявлении приоритетов стратегического менеджмента современных организаций, которые будут направлены на поиск универсальных методов, технологий, позволяющих организации устойчиво развиваться и повышать эффективность функционирования всех бизнес-процессов организации за счет снижения убытков, вызванных нерациональным применением компетенций персонала. При этом трудовой коллектив должен рассматриваться с двух позиций: и как сумма производительных способностей отдельных работников, и как некая общность, для которой характерно совместное отношение к производству, единая система ценностей и взглядов. Исходя из этого, целесообразно предложить уточненную трактовку понятия «кадровый риск-менеджмент», учитывающую его роль в стратегическом управлении организацией как сферы отношений работников, обладающих профессиональными компетенциями и процесса их производственной деятельности, ориентированных на сближение целей функционирования организаций с личными целями работников в достижении планируемых максимальных экономических результатов посредством управления кадровыми рисками.

Существование риска непосредственно связано с неопределенностью и неоднородностью различных явлений жизни общества. На эффективность деятельности предприятия, прежде всего, влияет нестабильная внешняя среда, включающая в себя объективные, политические, экономические, социальные, природные условия, и динамика, к проявлению которой хозяйственные субъекты вынуждены приспосабливаться.

Общеизвестным считается тот факт, что только около 30 % работников не причинят вред организации ни при каких обстоятельствах. В проведенном конкретном исследовании этот показатель оказался на уровне 27 %. Остальные считают это возможным, 23 % даже с риском для себя, причем этот риск снижается в организациях с высоким уровнем государственного участия и возрастает до 37 % в организациях частной формы регистрации.

Управление кадровыми рисками предполагает выделение совокупности факторов риска, обоснованный выбор методов оценки и управления данными рисками с учетом их влияния на устойчивое развитие организации. Предлагает осуществлять управление кадровыми рисками с учетом двух аспектов: уровень профессиональных знаний и навыков работников компании и склонности менеджеров к риску, обусловленных их психотипом.

Механизм учета кадровых рисков в стратегии устойчивого развития организации представляет собой систему основных элементов, регулирующих процесс формирования и реализации управленческих решений в этой области. Основой действия данного механизма стал разработанный автором алгоритм, который можно представить в виде следующей схемы (рис. 1).

Был рассмотрен экономический механизм как комплекс мероприятий, направленных на создание или организацию системы, способной к эффективной разработке и освоению методов кадрового риск-менеджмента (рис. 2). Целесообразнее рассматривать данный экономический механизм как систему принципов и методов разработки и реализации управленческих решений, связанных с обеспечением эффективного его применения в различных видах деятельности предприятия.

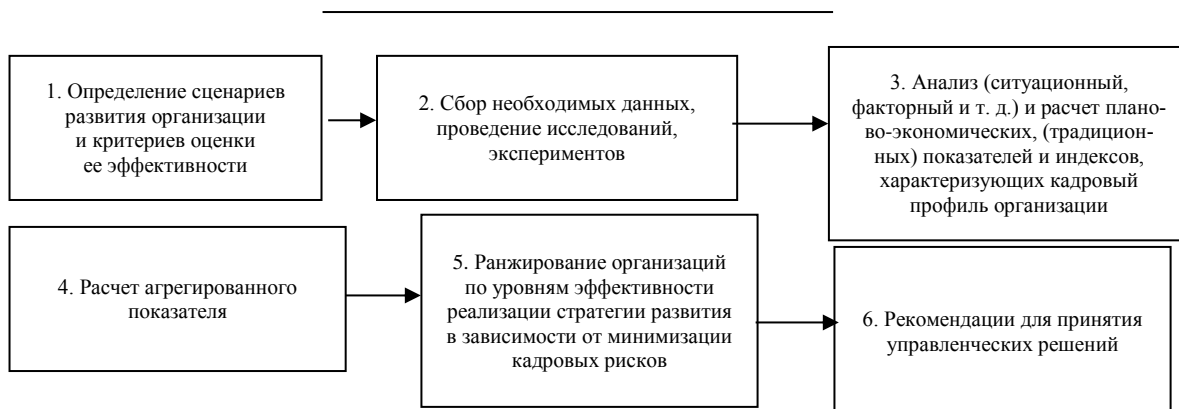

Рис. 1. Схема алгоритма: основа действия экономического механизма учета кадровых рисков в стратегии устойчивого развития организации

На практике есть необходимость в разработке экономического механизма учета кадровых рисков в стратегии устойчивого развития организации как системы принципов и методов формирования и реализации управленческих решений с целью обеспечения эффективного их применения к сложившейся практике менеджмента организации.

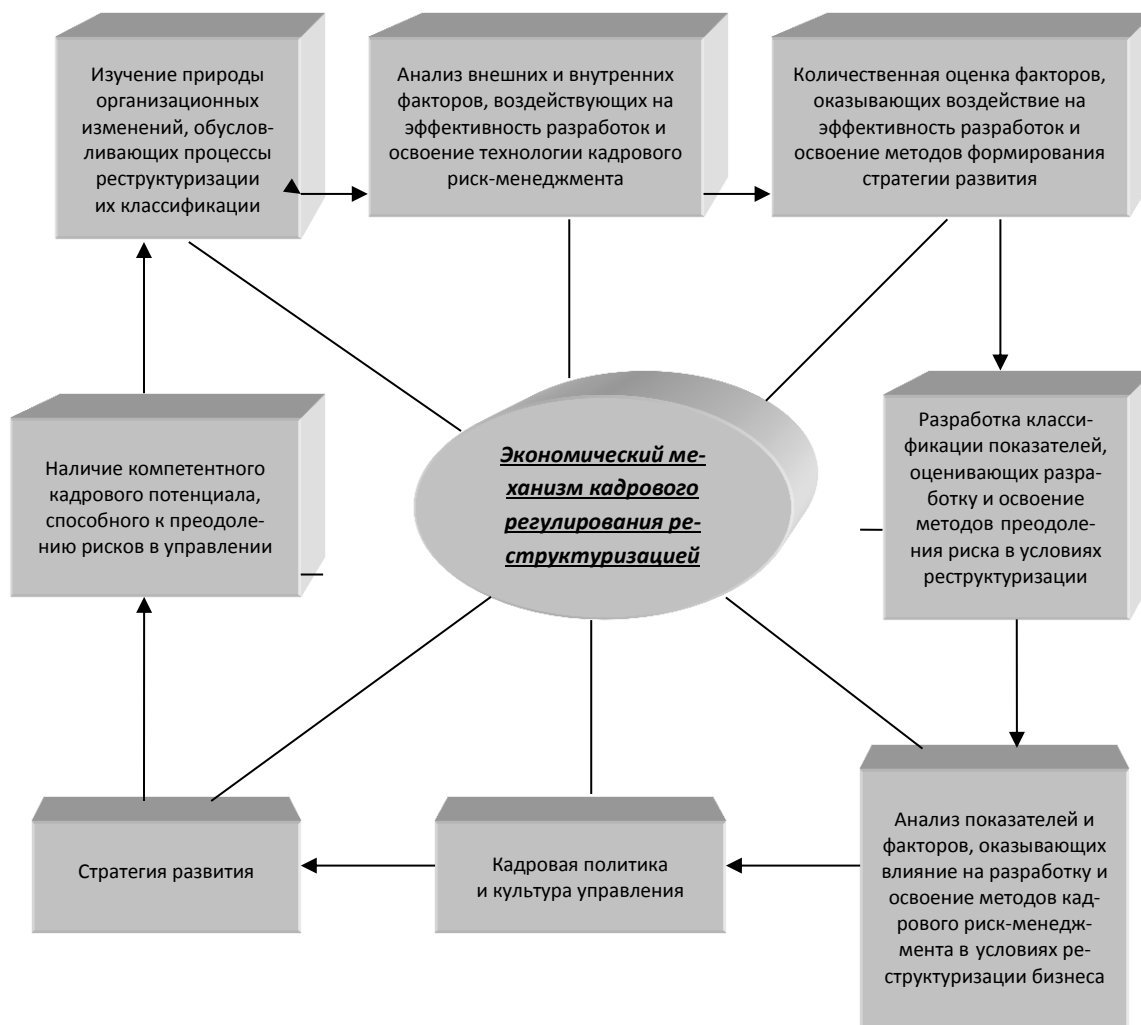

Рис. 2. Экономический механизм учета кадровых рисков в развитии организации

Общие методы управленческого воздействия на риски: уклонение от рисков; трансферт рисков передачей взаимный обменом, слиянием, поглощением, без всяких возмещений; разделение рисков; резервирование средств и ресурсов; объединение рисков; локализация

рисков; диверсификация рисков; лимитирование рисков; компенсация рисков; предупреждение рисков.

Механизм *кадрового регулирования реструктуризацией бизнеса* представляет собой систему основных элементов, регулирующих процесс формирования и реализации управленческих решений в этой области. Рассматривая отдельно каждый метод воздействия можно рекомендовать более углубленное исследование в этом направлении.

Механизм *кадрового регулирования реструктуризацией бизнеса* представляет собой систему основных элементов, регулирующих процесс формирования и реализации управленческих решений в этой области. Рассматривая отдельно каждый метод воздействия можно рекомендовать более углубленное исследование в этом направлении.

Проведенный ситуационный анализ развития организации в условиях Северной цивилизации выявил функциональные направления взаимодействия с потенциальным кадровым риск-менеджментом, что способствовало определению дифференциации организации в зависимости от степени влияния факторов социально-экономического характера.

Как правило, информационно-аналитическая схема определения развития организации в условиях Северной цивилизации в условиях кадрового риска содержит широкий набор показателей, что позволяет обеспечить максимальную вариабельность представлений о будущих условиях и факторах развития организации, индивидуально по каждому фактору и во всем их комплексе.

Ситуации для анализа формируются с учетом вероятных изменений ключевых параметров такой схемы: условий определения какой квалификации, на каком участке работы и в какой период времени приток кадров или отток (сокращение), условий налогообложения (зарплаты, оказания услуг), рыночной конъюнктуры, институциональной структуры занимаемого сектора, условий привлечения инвестиционных ресурсов, социально-экономических условий и целей развития.

В период определения кадровых рисков необходимо учитывать, что организация *подвержена воздействию большого числа внешних факторов*, которые можно разбить на две группы:

- 1) *объективные* – условия и факторы, складывающиеся в основном независимо от воли и желания людей;
- 2) *субъективные* – условия и факторы, в отношении которых непосредственно действуют управленческие решения, направленные на изменение состояния организации.

Обе названные группы условий и факторов тесно взаимосвязаны, между ними не существует четких границ. В зависимости от изменения характера управления одни и те же факторы могут играть роль объективных или субъективных.

В рамках любого прогнозно-аналитического инструментария данной схемы воздействие внешних условий и факторов на организацию можно выявить через совокупность моделируемых взаимосвязей системы с внешним миром. С логической точки зрения, все внешние условия и факторы, существующие на данный момент времени (или на начало прогнозного периода), выступают как объективные, поскольку они не подлежат изменению. Поэтому воздействие субъективных (управляющих) факторов мы можем проследить лишь в динамике, т. е. имитируя их изменение в будущем в рамках динамического прогноза.

Наряду с внешними, существуют также и *внутренние условия и факторы*, складывающиеся непосредственно в организации и оказывающие влияние на ее развитие. Например, в одном из ключевых факторов, определяющих динамику ротации кадров по отношению к базовым показателям деятельности организации и показатели эффективности, является уровень производственных издержек. Но главный акцент необходимо делать на внешних условиях и факторах, так как их действие имеет первичный характер, а изменение внутренних условий вторично. По сути дела, в формализованном представлении организации внутренние условия и факторы зачастую играют роль таких переменных, как и многие другие показатели. Параметрический характер внутренних факторов развития системы проявляется

наиболее отчетливо, если их значения строго экстраполируются на основе предшествующей динамики. Если же мы пытаемся спрогнозировать закономерности изменения внутренних факторов, а не ограничиваемся заданием некоторых прогнозных трендов, тогда эти факторы в большей степени приобретают характер переменных. Сказанное означает, что выделение так называемых «внутренних условий и факторов» общего состава показателей организации в период формирования стратегии развития в условиях кадровых рисков имеет смысловое значение в основном при интерпретации начальных и прогнозируемых состояний.

Общую совокупность условий и факторов, оказывающих воздействие на развитие организации в условиях кадровых рисков и отраженных в информационно-аналитической схеме, можно разбить на пять взаимосвязанных групп, или видов:

- 1) *природные*, характеризующие состояние сырьевой базы организации;
- 2) *техничко-экономические*, отражающие технический уровень и экономику производства;
- 3) *экономико-конъюнктурные*, характеризующие динамику ценовых параметров рынка продукции организации, распределение продукции этой между различными рынками;
- 4) *макроэкономические*, в агрегированном виде характеризующие основные пропорции в социально-экономической политике;
- 5) *финансовые*, воздействующие на процесс формирования, распределения и конечного использования доходов организации;
- 6) *институциональные*, отражающие формальные и неформальные правила поведения в экономике, структуру, принципы распределения доходов;
- 7) *кадровые*, характеризующие состояние и динамику кадровых процессов, занятости и уровня заработной платы.

При разработке схемы систематизации методов оценки кадровых рисков (рис. 3), учитываемых в формировании стратегии развития организации, особенно в период ее реструктуризации, принималось во внимание то обоснование, что риски возникают в различной форме практически в каждой подсистеме общей системы управления персоналом организации, а следовательно, должны классифицироваться в соответствии с установленными методами, обозначенными как подход к системе показателей оценки уровня кадрового риск-менеджмента организации.

Метод (А): На первом плане при формировании стратегии остро встает вопрос о переосмыслении новой роли кадрового обеспечения процессов стратегического развития, т. к. принципы требуют гибкость управленческих структур.

Метод (Б): Увеличивается дифференциация функций руководителей разного уровня. Управление физической производительностью основано на исполнительности и дисциплинированности, добавляет к этому и выводит на первый план требования полного использования знаний и способностей, повышения интеллектуальной производительности.

Систематизация методов оценки кадровых рисков при формировании стратегии развития организации

Метод (П): планирование, прогнозирование, маркетинг персонала, выбор, найм, размещение рабочей силы, анализ кадрового потенциала, аттестация, занятость персонала	Метод (О): обучение, подготовка, перепрофилирование, повышение квалификации работающих, продвижение по службе, профессиональная и социально-психологическая адаптация	Метод (Н): условия найма, методы и стандарты оплаты труда, нормирование и тарификация производственного процесса, трудовая мотивация, различные формыощернения	Метод (У) условия работы, охрана труда и техника безопасности, оснащенность рабочего места, соблюдение психофизиологических и эргономических норм работы, экономические и социальные изменения	Метод (Д) диагностика и консультирование производственных отношений формальные и неформальные связи, предотвращение производственных конфликтов, регулирование отношений на межэтнической, национальной, религиозной и политической	Метод (С) социальные условия для работающих, организация отдыха, программы социального благополучия работников, программы социальной защиты профессионализма работающих, обеспечение услуг и льгот	Метод (И) Информ. обеспечение системы кадровой политики, учет кадров, профориентация	Метод (У) реструктуризация, распределение и перераспределение функций, должностных обязанностей, разработка штатного расписания
---	---	--	--	---	--	--	---

Рис. 3. Систематизация методов оценки кадровых рисков при формировании стратегии развития организации

При разработке схемы систематизации методов оценки кадровых рисков, учитываемых в формировании стратегии развития организации принималось во внимание то обоснование, что риски возникают в различной форме практически в каждой подсистеме общей системы управления персоналом организации, а следовательно, должны классифицироваться в соответствии с установленными методами, обозначенными как подход к системе показателей оценки уровня кадрового риск-менеджмента организации.

Эффективность различных рисков, как установлено в исследовании, зависит от их видов, конкретной ситуации и сферы проявления. На основе результатов исследования с использованием балльной экспертной оценки был разработан методический подход к определению степени выраженности кадровых рисков.

Как видно из матрицы, максимальный спектр вероятности потерь характерен для методов А и У, т. к. принципы обеспечения процессов стратегического развития требуют гибкости управленческих структур и учета кадровых рисков, а также условий работы, охраны труда и техники безопасности, оснащенности рабочего места, соблюдения норм, риск, который особенно возрастает в Северной цивилизации.

Литература

1. Воронов С. А. Формирование стратегии развития в условиях кадрового риск-менеджмента: экономический механизм кадрового регулирования реструктуризацией бизнеса // Казанские науки. 2011. № 11. С. 91–97.
2. Воронов С. А. Взаимосвязь инновационных технологий управления бизнесом с рисками. Технологии развития бизнес процессов // Предприниматель. 2007. № 3. С. 114–123.
3. Воронов С. А., Зубарева Л. В. Систематизация методов оценки кадровых рисков при формировании стратегии развития организации в условиях ее реструктуризации // Управление экономическими системами : электрон. науч. журн. 2012. № 2 (38). URL: <http://uecs.mcnip.ru>. (дата обращения: 20.04.2016).
4. Воронов С. А. Схема формирования стратегии развития организации в условиях кадрового риск-менеджмента // Управление экономическими системами : электрон. науч. журн. 2012. № 2 (38). URL: <http://uecs.mcnip.ru> (дата обращения: 20.04.2016).

УДК 658:615.1:005.336.4

Гирш В. А., Зубарева Л. В.
Girsh V. A., Zubareva L. V.

СТРУКТУРЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА ФАРМАЦЕВТИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ, ОСОБЕННОСТИ И МЕТОДЫ ЕГО ОЦЕНКИ

INTELLECTUAL CAPITAL MODELS OF PHARMACEUTICAL COMPANIES, FEATURES AND METHODS OF ITS EVALUATION

В статье рассмотрены вопросы развития инструментария оценки эффективности использования человеческого капитала на примере фармацевтических компаний Западной Сибири, обращено внимание на особенности интеллектуального капитала фармацевтических компаний при реализации лекарственных средств, рассмотрены существующие зарубежные и отечественные методы оценки интеллектуальных активов.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал, лекарственное средство, фармацевтические компании, методы оценки интеллектуального капитала.

В настоящее время в зарубежной и отечественной литературе все больше внимания уделяется вопросам управления, оценки эффективности важнейшей составляющей деятельности практически любой компании – человеческого капитала. Не умоляя роль производственного фактора и финансового капитала, вопросом для обсуждения ученых, топ-менеджеров и управленцев стала область интеллектуального капитала в деятельности той или иной компании. Компания наших дней, в первую очередь, – производитель знаний. И речь идет не только о наукоемких технологических компаниях, а о многих современных фирмах различной специфики деятельности.

Рассматривая вопросы интеллектуального капитала, его структуры, методов оценки, мы имеем дело со сложной, комплексной, многофакторной моделью, понимание функционирования и правильная оценка деятельности которой является гарантированным конкурентным преимуществом, будь то рынок недвижимости, банковская сфера, торговля или фармацевтический бизнес.

Вопросы систематизации подходов к определению интеллектуального капитала были рассмотрены в предыдущих наших работах, поэтому сейчас вектор изучения направим на интеллектуальный капитал фармацевтических компаний, реализующих лекарственные средства.

Различные модели и теории интеллектуального капитала фармацевтических компаний, реализующих лекарственные средства, представляют собой обобщение практики управления факторами стоимости в конкретных компаниях, и это в настоящее время признается и исследователями, и практиками. По этой причине каждая модель уникальна и отражает специфику своей компании. Ничто не мешает руководству той или иной компании взять за основу описанные в литературе модели интеллектуального капитала и на их основе создать свою собственную систему с учетом внутренних особенностей функционирования организации.

Как известно, рыночная стоимость компании основывается на двух фундаментах: финансовом и интеллектуальном капитале. В свою очередь интеллектуальный капитал состоит из человеческого и структурного капитала, включающего в себя клиентский и организационный (т. е. инновационный и процессный) капиталы. Человеческий капитал рассматривается как компетенции и способности персонала компании. Эта часть интеллектуального капитала покидает компанию вместе с работниками после окончания рабочего дня. Структурный капитал – это то, что остается в компании после окончания рабочего дня и ухода работников. Он делится на клиентский и организационный. Клиентский капитал представляет собой ценность, заключенную в отношениях с клиентами. Организационный капитал делится на инновационный и процессный капитал. Инновационный капитал состоит в основном из законных прав (патентов, лицензионных соглашений), а также из того, чему трудно дать точное определение, но что в большой степени определяет стоимость компании (идеи, торговые марки). Процессный капитал – это инфраструктура компании (информационные технологии, рабочие процессы) [1].

Реже встречается модель инвестиций в нематериальные активы, которая разделена на три группы: компетенция сотрудников, внутренняя и внешняя структура компании (табл. 1) [5].

Одной из базовых моделей измерения неосязаемых активов является трехлистная модель FiMIAM (Финансовый метод измерения неосязаемых активов) (рис. 1), которая состоит из трех кругов, на границах пересечения которых возникают новые элементы интеллектуального капитала. Изучение появившихся элементов важно с точки зрения более точного подсчета стоимости компании в разрезе интеллектуального капитала. При пересечении кругов возникают новые элементы интеллектуального капитала, содержание каждого из которых описывается с целью как можно точнее учесть влияние элементов на стоимость компании.

Основное же достоинство этой модели в том, что авторами И. Родовым и Ф. Лелиартом построена шкала структурированности элементов интеллектуального капитала, на которой наиболее структурированным (следовательно, полностью принадлежащим компании) является структурный капитал, наименее – клиентский капитал; структурированность человеческого капитала рассматривается ниже среднего уровня [10].

Интеллектуальный капитал фармацевтических компаний, реализующих лекарственные средства, – это экономическая ценность двух категорий неосязаемого имущества компании: организационный (структурный) капитал (собственные системы программного обеспечения, организация дистрибутивно-сетевой работы, каналы сбыта и снабжения лекарственного средства) и человеческий капитал (человеческие ресурсы внутри организации (то есть ресурсы персонала), а также внешние человеческие ресурсы организации (т. е. ресурсы покупателей и поставщиков)).

Таблица 1

Модель инвестиций в нематериальные активы компании

Область инвестирования	Компетенция сотрудников	Внутренняя структура	Внешняя структура
Рост и инновации	Длительность работы в данной профессии (лет). Уровень образования. Затраты на обучение и образование сотрудников. Внутрифирменный оборот персонала. Клиенты, повышающие компетенцию	Инвестиции в информационные технологии. Клиенты, улучшающие структуру	Прибыль на одного клиента. Рост числа клиентов. Клиенты, улучшающие имидж компании
Эффективность	Доля специалистов. Добавленная стоимость на одного занятого. Добавленная стоимость на одного специалиста. Прибыль на одного занятого. Прибыль на одного специалиста	Доля обслуживающего персонала. Индекс «ценности/отношение персонала»	Индекс удовлетворенности клиентов. Продажи на одного клиента. Индекс «выигрыш / потери»
Стабильность	Текущность специалистов. Средняя заработная плата. Средний трудовой стаж	Срок жизни организации. Текущность обслуживающего персонала. Доля новых сотрудников	Доля крупных клиентов. Структура клиентов по длительности партнерских связей. Частота повторяющихся заказов

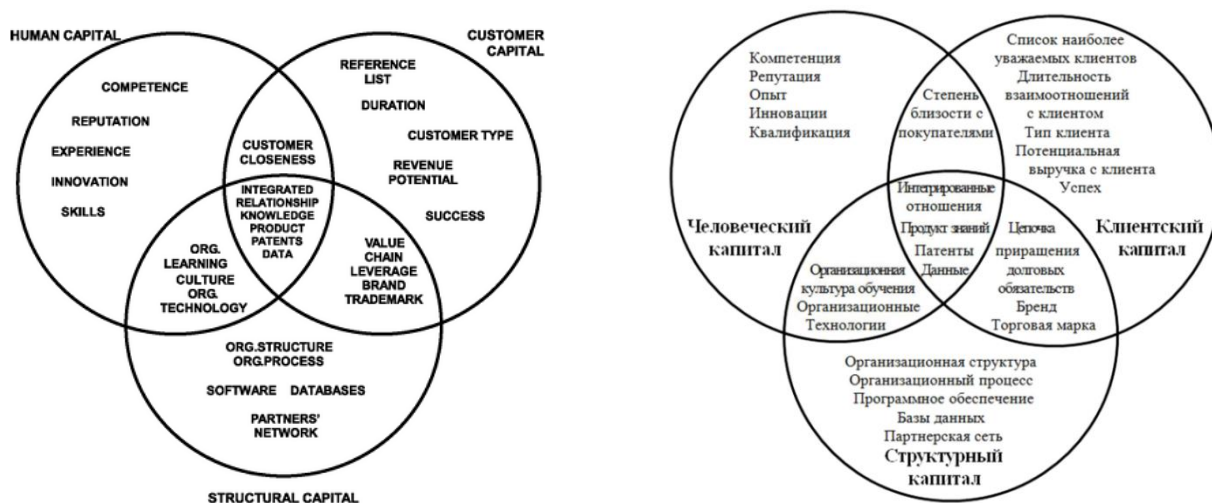

Рис. 1. FiMIAM – финансовый метод измерения неосязаемых активов

Рассмотрим некоторые особенности понятия интеллектуального капитала [4; 11]:

1. Накопление физического капитала длится, как правило, 1–5 лет, процесс накопления человеческого капитала – 12–20 лет;
2. Процесс повышения ценности интеллектуального капитала обратен процессу обесценения физического капитала;
3. Особенностью интеллектуального актива, кроме невозможности иметь прямую денежную оценку, является его существование только в рамках действующего предприятия;
4. Трудность в объяснении растущей разницы между рыночной капитализацией компаний и балансовой стоимостью их активов. Причиной имеющегося разрыва экономисты считают наличие у компании не отражаемых в балансе активов, или ее интеллектуального капитала;
5. Важно разграничение понятия «знания» и «человеческий капитал». Знания – постижение действительности человеком, то есть знание можно представить в виде «незадействованного» человеческого капитала. Для перевода их в действующий человеческий капитал необходимы определенные усилия на преобразование незадействованного человеческого капитала в трудовые и практически важные для предприятия навыки персонала, а это существенные затраты организации.

Маркетинговый подход к процессу воспроизводства интеллектуального капитала фармацевтических компаний, реализующих лекарственные средства, предлагает следующую последовательность этапов [6]:

1. Распределение капитала – формирование ресурсной базы воспроизводства интеллектуального капитала.
2. Творческая деятельность – формирование и развитие потребностей, происходит разработка, отбор идей, формирование концепции развития.
3. Этап потребления, когда апробация, совершенствование и внедрение интеллектуального продукта достигают единства.
4. Этап производства – происходит наращивание объемов и (или) качества производимой продукции, совершенствуется структура интеллектуальной собственности и активно развиваются маркетинг-элементы, позволяющие достичь оптимального результата в деятельности фирмы на рынке. На данном этапе интеллектуальный капитал выступает средством повышения уровня эффективности воспроизводственного процесса.

Понятие *синергетические эффекты* встречается в литературе при изучении вопроса состава и особенностей понятия интеллектуальный капитал. Это взрывные эффекты неадекватного преобразования входного сигнала в выходной. Эффект синергии может возникать при объединении активов в виде будущих экономических выгод [3].

Однако прежде чем появятся экономические выгоды, синергетические эффекты преобразуются в какие-либо неосознаваемые, дополнительные к имеющимся, активы: внутрифирменную структуру, лояльность клиентов, инновационную активность персонала и др. То есть это те компоненты, над которыми крайне активно работает управленческий персонал фармацевтических компаний как на западе, так и в нашей стране.

Для интегральной стоимостной оценки величины интеллектуального капитала фармацевтических компаний, реализующих лекарственные средства в теоретических работах, а также в практике деятельности многих фирм применяется коэффициент Тобина, то есть отношение рыночной цены компании к цене замещения ее реальных активов (зданий, сооружений, оборудования и запасов). Сегодня для большинства компаний значения коэффициента Тобина колеблются от 5 до 10. Для наукоемких фирм этот коэффициент еще больше. Если цена компании существенно превосходит цену ее материальных активов, то это означает, что по достоинству оценены ее нематериальные активы – талант персонала, эффективность управляющих систем, менеджмента [8]. Покупатель, таким образом, приобретает в основном не физические, а нематериальные активы.

Важным итогом изучения понятия интеллектуального капитала является [9]:

1. Использование понятия *интеллектуального капитала* фармацевтических компаний, реализующих лекарственные средства, в узком и широком смысле. В узком смысле под интеллектуальным капиталом фармацевтических компаний, реализующих лекарственные средства, понимаются активы компании, которые представляют собой совокупность знаний ее персонала и результат воплощения этих знаний в других неосязаемых активах: внутрифирменных структурах, клиентском капитале и др. В широком смысле интеллектуальный капитал фармацевтических компаний, реализующих лекарственные средства, – это совокупность всех неосязаемых активов компании, в том числе тех, которые не являются результатом мыслительной деятельности.

2. Понятие *неосязаемых активов* используется в узком и широком смысле. В узком смысле неосязаемые активы – это совокупность активов организации, удовлетворяющая критериям признания активов в бухгалтерском учете. В состав этих активов включается интеллектуальная собственность (патенты, зарегистрированные товарные знаки), деловая репутация приобретенных компаний, расходы на обучение, исследование и разработки при соблюдении критериев признания. Признание этих активов регулируется международными и национальными стандартами финансовой отчетности. Эти активы имеют определенную денежную оценку. В широком смысле неосязаемые активы – это совокупность всех неосязаемых активов, включая те, которые не удовлетворяют требованиям стандартов учета: рабочая сила, внутрифирменная структура, списки клиентов.

3. Понятие *деловая репутация* фармацевтического предприятия используется как в узком, так и широком смысле. В узком смысле понимают бухгалтерский актив, удовлетворяющий критериям стандартов финансовой отчетности. Величина деловой репутации определяется как разница между стоимостью приобретения компании и балансовой стоимостью ее материальных, нематериальных и денежных активов, а также обязательств. В широком смысле деловая репутация – это совокупность всех неосязаемых активов компании.

Длительное время не существовало приемлемого термина для определения той части неосязаемых активов фармацевтической фирмы, которая объясняет причины роста стоимости компании. Не существовало и по сей день не существует единого понимания ни неосязаемых активов, ни деловой репутации предприятия. Неосязаемые активы рассматривались как нечто неопределенное и не измеряемое. В лучшем случае, из них выделяли нематериальные активы и деловую репутацию компании, которая признается только в случае приобретения компании по рыночной стоимости, превышающей справедливую стоимость ее чистых активов. А проведя анализ данного вопроса, мы можем дифференцировать понятия неосязаемые активы, интеллектуальный капитал фармацевтических компаний, реализующих лекарственные средства, и деловая репутация фармацевтической фирмы.

Разобравшись в понятиях, сопровождающих изучение обозначенной тематики, целесообразно было бы перейти к оценке интеллектуальных активов, а именно сделать первые шаги в понимании вопроса оценки эффективности рационального использования человеческого капитала.

Анализ основных методов оценки интеллектуальных активов показывает, что нет единой методики, позволяющей надежно оценить совокупность интеллектуальных активов компании.

Рекомендации Т. Стюарта в области оценки человеческого капитала сводятся к следующим [9]: не переусложнять задачу; измерять нужно только то, что имеет важное стратегическое значение для деятельности компании; измерять нужно только те виды деятельности, которые создают интеллектуальное богатство.

Человеческий капитал можно оценивать на нескольких уровнях [11]: 1) микроуровень – для характеристики человеческого капитала отдельных индивидов и фирм; 2) мезоуровень – для характеристики человеческого капитала крупных корпораций и регионов; 3) макроуровень – для характеристики совокупного человеческого капитала в масштабах национальной экономики; 4) мегауровень – для характеристики объединенного человеческого капитала в глобальном, мировом масштабе.

Естественно, в своих исследованиях мы будем рассматривать вопросы и особенности первых двух уровней (учитывая другие методики, так как они похожи).

Выделяют два вида эффективности системы управления человеческим капиталом, обусловленные природой социально-экономических целей данной системы [2]:

1. Экономическая эффективность – показатели, отражающие реальные затраты на персонал, показатели, оценивающие отдачу от деятельности сотрудников организации.

2. Социальная эффективность – показатели, характеризующие качество персонала, показатели, характеризующие эффективность деятельности кадровой службы.

Каждый показатель четко расшифровывается, и благодаря такой подробной структуре, приближенной к практическим аспектам функционирования человеческого капитала, мы можем осуществлять какие-либо математические расчёты, на основании которых можем делать обоснованные выводы.

Эффективная работа сотрудников повышает конкурентоспособность и прибыльность компании, поэтому эффективное управление человеческим капиталом становится первоочередной задачей руководителя.

Эффективное управление человеческим капиталом невозможно без четкого механизма оценки эффективности управления, позволяющего установить действительную ситуацию на предприятии, выявить слабые места и дать рекомендации для ее улучшения.

Система работы с кадрами состоит из пяти взаимосвязанных подсистем [10]: 1) кадровая политика; подбор персонала; 2) оценка человеческого капитала; 3) расстановка персонала; 4) обучение персонала.

Цель оценки человеческого капитала – определение соответствия текущего профессионального уровня и личностно-мотивационных характеристик, а также потенциала сотрудников задачам стратегического развития компании.

В. П. Пугачев цели оценки человеческого капитала в организации подразделяет на [4]: 1) административные, которые заключаются в принятии кадровых решений на объективной и регулярной основе; 2) информативные – обеспечение руководителей необходимыми данными о количественном и качественном составе человеческого капитала; 3) мотивационные – ориентация работников на улучшение трудовой деятельности в нужном для организации направлении.

И. К. Макарова выделяет следующие принципы оценки человеческого капитала: предметность оценки, объективность, перспективность, комплексность, реализация обратной связи, периодичность, простота [1].

Методы оценки человеческого капитала, которые используются на сегодняшний день известны давно и включают в себя описательные методы, аттестационную комиссию, оценочное собеседование, рейтинговые шкалы.

Однако рассматривая известные на сегодняшний день методы оценки человеческого капитала на предприятии, представленные в табл. 2, мы можем сделать вывод, что нет универсальной модели расчёта эффективности и стоимости человеческого капитала [2; 7].

То есть, не смотря на разнообразные методики оценки, каждая из них имеет свои недостатки. Так как вопрос оценки человеческого капитала крайне многогранный, охватывающий несколько сфер, имеющий свои особенности, длительные временные рамки, зачастую мы просто не обладаем таким объемом информации и данными, чтобы произвести правильные расчеты.

С другой стороны, на базе известных и изученных методик мы можем выбрать наиболее подходящий вариант с точки зрения особенностей деятельности компании вне зависимости от географического расположения, в нашем случае мы имеем дело с фармацевтическими компаниями на территории Российской Федерации.

Таблица 2

Методы оценки человеческого капитала на предприятии

Название методики, автор	Суть методики
Исчисление ЧК отдельной личности и его оценки в структуре интеллектуального капитала компании У. Фарр, Л. Дублин	Оценка приведенной (дисконтированной) стоимости потока затрат, связанных с формированием ЧК и будущего потока доходов, которое обеспечит получение ЧК конкретной личности
Качественная оценка ЧК (экспертный подход)	Оценке подвергаются качественные показатели, характеризующие как индивидуальные особенности конкретного работника, так и свойства работников компании в совокупности. Недостатки: не позволяет получить стоимостное измерение ЧК
Оценка ЧК исходя из направленных инвестиций (затрат на образование) В. В. Лукашевича	Сумма затрат в образование, переподготовку, конкретного сотрудника или всех работников компании как долгосрочные инвестиции в капитал знаний данной компании. Недостатки: проблема объективного расчета всех инвестиций в ЧК, а также влияние внешних факторов (всех внешних факторов учесть невозможно)
Оценка ЧК по аналогии с физическим капиталом Ю. В. Козырь	1. Определить «первоначальную стоимость» конкретного сотрудника (методы тестирования и аттестации); 2. Определить коэффициент «устаревания» (забывания) знаний; 3. Определить порядок изменения «первоначальной стоимости» сотрудника Недостатки: сложность в оценке первоначальной стоимости, сложность ведения учета, громоздкость оценки, которая в большей степени удобная для крупных компаний
Метод подсчета ценности каждого человека В. Петти	Ценность основной массы людей равна двадцатикратному годовому доходу, который они приносят
Совершенствование методики В. Петти Уильям Фарр	Исчисление сегодняшней стоимости будущих чистых заработков индивидуума (будущие заработки минус личные затраты на жизнь), Фарр брал поправки, учитывающие возможность смерти в соответствии с коэффициентами смертности
Л. Туроу	Стоимость ЧК является просто ценой производительных способностей, умноженной на количество этих способностей
Т. Шульц	Стоимость года обучения умножалась на число человеко-лет образования, накопленных населением к тому моменту времени. Число человеко-лет образования определялось с поправкой на неодинаковую продолжительность учебного года. Оценки образовательного фонда рассчитаны на основе не первоначальной, а восстановительной стоимости
Дж. Кендрик	Величину ЧК он определял по первоначальной стоимости с помощью специально разработанных индексов цен с учетом амортизации знаний и навыков
«Анализ человеческих ресурсов» – АЧР (Human Resources Accounting) Э. Флэмхольцем	Стоимость ЧК определяется через уровень сохранности ЧК, так как проблема удержания персонала на предприятии связана с проблемой сохранения и увеличения его ЧК
Доходный подход Ученые из Мичиганского университета	Индивидуальная ценность работника определяется объемом услуг, который ожидается, что работник предоставит или реализует, работая в данной организации. Это определяет ожидаемую условную стоимость работника (УС). Недостатки: Стоимость ЧК является вероятностной величиной. Для предприятия это может означать, что не всегда работник с наибольшим потенциалом будет наиболее полезен для предприятия

Название методики, автор	Суть методики
Доходный подход Г. Беккер	Рассматривать человека как комбинацию одной единицы простого труда и известного количества воплощенного в нем ЧК. Заработную плату, получаемую любым работником, также можно рассматривать как сочетание рыночной цены его «плоти» и рентного дохода от вложенного в эту «плоть» человеческого капитала
И. Фишер	Использование капитала означает получение процента как универсальной формы любого дохода (заработной платы, прибыли, ренты). Дисконтируемая сумма будущих доходов и составляет величину применяемого капитала
М. Фридмен	ЧК – некий фонд, который обеспечивает труду постоянный, непрерывный доход, представляющий собой средневзвешенную величину ожидаемых будущих поступлений
Т. Витстейн	Величина заработка за время жизни индивидуума равна затратам на его содержание плюс затраты на образование
Метод капитализации заработка индивидуума Л. Дублин и А. Лотка	Рассчитывается за вычетом затрат на его потребление или содержание, таким образом рассчитывается экономическая ценность человека для его семьи. Недостатки: ясный, сжатый и один из наиболее совершенных изложений этого метода, но достаточно проблематичный ввиду отсутствия необходимых для расчетов данных
Я.Фитценц	Он связывает человеческий капитал с добавленной экономической стоимостью (добавленная экономическая стоимость EVA определяется как чистый доход от деятельности после уплаты налогов минус стоимость капитала) Выделил: <i>Индекс прибыли человеческого капитала, Индекс стоимости человеческого капитала, Индекс доходов человеческого капитала</i>
С. А. Курганский	Три способа группировки показателей человеческого капитала: по активам, по уровню агрегирования, деление показателей на натуральные и стоимостные. Недостатки: конкретные рекомендации по использованию указанных показателей для оценки стоимости ЧК и осуществлению перехода от качественных показателей к стоимостным здесь также отсутствуют
Методика расчета стоимости кадрового потенциала коммерческого предприятия В. Аллавердян	Особенностью данной методики является учет гудвила кадрового потенциала работника, что позволяет наиболее точно определить его стоимостную оценку
Стоимость работника коммерческого предприятия В. В. Царев, А. Ю. Евстратов	Методика практического получения стоимостных оценок и по отдельному специалисту, а на их основе и по коммерческому предприятию в целом

Поиск и разработка эффективных методов оценки человеческого капитала является одной из важнейших задач современного менеджмента.

Применяемые в большинстве компаний мероприятия по оценке человеческого капитала недостаточны и очень ограничены. Чаще всего они сводятся к оценке при принятии на работу и проведении аттестации сотрудников с последующими мероприятиями по определению потребности в повышении квалификации, обучению или переподготовке.

Разделяя деятельность фармацевтических компаний на производственную и торговую, рассмотрим вторую часть. Этот выбор определен тем, что именно в разрезе реализации фармацевтической продукции – лекарственных препаратов – базовой составляющей выступает деятельность человеческого капитала, через который происходит продажа и, как след-

стве, получение прибыли. Наиболее распространенной оценкой эффективности работы человеческого капитала и стоимости интеллектуальной собственности фармацевтической организации является проведение ежегодных аттестаций, подведение результатов и анализ которых позволяют сделать выводы о соответствии и/или несоответствии компетенции сотрудников, глубины знаний материала, соответствие общим требованиям, принятым в компании. Однако на деле такие аттестации предоставляют слишком усредненные данные. Выводы, полученные на таком основании, не могут претендовать на истинность и быть отправным толчком для дальнейшего совершенствования.

В результате проведения эффективной оценки человеческого капитала на предприятии должны быть получены следующие результаты [9]:

1. Достижение согласия между руководителями и подчиненными в оценке текущей деятельности.

2. Согласование последующих целей. Результат: каждый сотрудник понимает, что и с каким качеством, в какие сроки и главное – зачем он должен выполнять определенные задания на рабочем месте. План действий: контроль за выполнением достигнутой договоренности, при необходимости – поддержка со стороны руководителя.

3. Потребность в учебе и развитии.

Вышеприведенные условия не охватывают все направления работы по оценке человеческого капитала, однако в совокупности они создают ту базу, тот фундамент, без которого рассчитывать на успех очень трудно, если вообще возможно.

Интересен тот факт, что западные компании уделяют большое внимание мотивации своих сотрудников, проводя опросы «степень неудовлетворенности работника». Такие анкеты могут быть разработаны для каждой конкретной компании с учетом специфики ее деятельности либо с учетом региональной специфики, а также могут использоваться уже имеющиеся анкеты для опроса. На основании потребности сотрудника, которое является зародышем мотивации, руководство компании может понять направление деятельности для повышения эффективности в области управления человеческим капиталом.

Еще одним частным показателем, используемым компаниями для оценки человеческого капитала, являются «внутренние нормы отдачи». Один из наиболее объективных способов оценки – это оценка по результатам работы за длительное время (от года). Рассматриваются выполнение сотрудником плановых показателей и его главные достижения. Рассматриваются отчеты о проделанной работе, отзывы о его работе руководителя, коллег, клиентов (как внешних, так и внутренних), поставщиков. Это, пожалуй, самый эффективный и объективный способ оценки, требующий, однако, значительных усилий и объективности от членов аттестационных комиссий.

В ходе написания статьи нами были рассмотрены основные модели и методы интеллектуального капитала, которые могут быть полезны при рассмотрении и составлении таких моделей в каждой конкретно взятой организации. Упомянутые особенности интеллектуального капитала необходимо учитывать при проведении расчетов и анализа для оптимизации деятельности. Также нами были рассмотрены методы оценки человеческого капитала на предприятии с точки зрения анализа зарубежных и отечественных подходов.

Среди западных экономистов, которые рассматривали вопросы оценки стоимости и эффективности использования человеческого капитала, можно назвать таких хорошо известных в истории западной экономической мысли авторов, как Вильям Петти и Адам Смит, Теодор Шульца, Гэри Беккер, Крицкий, Жан-Батист Сэй, Нассау Сениор, Фридрих Лист, Иоганн фон Тюнен, Вальтер Багехот, Эрнст Энгел, Генри Сиджвик, Леона Вальрас и Ирвинг Фишер. В основном использовались два метода стоимостных оценок человеческого капитала: стоимость производства и процедура капитализации заработка [2; 7].

В отечественной экономической науке подходы к оценке эффективности использования человеческого капитала также далеко не однозначны. Их можно условно разделить на три направления [7]:

1. Инвестиционная оценка (работы С. А. Дятлова, И. В. Ильинского);
2. Амортизационная оценка (работы М. М. Критского, Л. Г. Симкиной);
3. Оценка по доходам (работы В. Т. Смирнова, Е. М. Самородова).

Целостное представление выдержек из работ отечественных и зарубежных ученых о моделях интеллектуального капитала позволяет нам оперировать различными методами оценки эффективности использования человеческого капитала как необходимой составляющей понимания результативности деятельности компании.

Литература

1. Букович У., Уильямс Р. Управление знаниями. М. : ИНФРА-М, 2002. 176 с.
2. Козырев А. Н., Макаров В. Л. Оценка стоимости нематериальных активов и интеллектуальной собственности. М. : РИЦ ГШ ВС РФ, 2003. 256 с.
3. Лукашевич В. В. Эффективность инвестиции в человеческий капитал // Полиграфист и издатель. 2002. № 6. С. 43–47.
4. Метелев С. Человеческий капитал как фактор экономического роста // Закон и право. 2013. № 5. С. 6–10.
5. Пузыня Н. Ю. Оценка интеллектуальной собственности и нематериальных активов. СПб. : Питер, 2013. 232 с.
6. Раздорская И. М., Салова Ю. С., Григорьева С. В. Интеллектуальный капитал в фармации: возможности оценки // Междунар. журн. прикладных и фундаментальных исследований. 2012. № 2. С. 82–83.
7. Тугускина Г. Н. Методика оценки человеческого капитала предприятий // Управление персоналом. 2009. № 5. С. 42–44.
8. Тугускина Г. Н. Оценка эффективности инвестиций в человеческий капитал предприятий // Управление персоналом. 2011. № 3. С. 73–77.
9. Уткин Э. А. Основы мотивационного менеджмента. М. : ТАНДЕМ ; ЭКМОС, 2012. 352 с.
10. Шекшня С. В. Управление персоналом современной организации // Управление персоналом. М., 2010. № 4–9. С. 46–50.
11. Щетинин В. Человеческий капитал и неоднозначность его трактовки // Мировая экономика и междунар. отношения. 2013. № 5. С. 42–49.

УДК 338.49(470.1-17):001.895

*Горячевская Е. С.
Goryachevskaya E. S.*

ЭФФЕКТИВНОСТЬ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СЕВЕРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ

NORTHERN TERRITORIES INNOVATION INFRASTRUCTURE EFFICIENCY

В статье проведена оценка развития инновационной инфраструктуры северных территорий России. Анализ показал значительную дифференциацию параметров по регионам. Определено, что эффективность развития инновационной инфраструктуры остается низкой и практически не оказывает влияния на социально-экономическое развитие северных территорий. Показано, что требуется разработка комплекса мер с целью повышения эффективности функционирования инновационной инфраструктуры северных территорий.

Ключевые слова: инфраструктура, северные территории, инновации, результативность, социально-экономическое развитие, неравномерность.

Региональная инновационная инфраструктура представляет из себя совокупность всех подсистем, обеспечивающих доступ к различным ресурсам и оказывающих услуги участникам инновационной деятельности. Региональная инновационная инфраструктура включает в себя комплекс материально-технических и сервисных объектов, в том числе бизнес-инкубаторы, технопарки, центры коллективного пользования, инжиниринговые центры, центры прототипирования, испытательные центры, центры метрологии, сертификационные центры, особые экономические зоны технико-внедренческого типа, инновационные территориальные кластеры, технологические платформы, нанотехнологические центры [5].

Инновационная инфраструктура призвана решать задачи снижения рисков инвесторов и предпринимателей, действующих в технологически сложных отраслях экономики северных регионов с целью повышения эффективности инвестиций, содействия в получении финансовой экспертной поддержки.

Организация эффективного функционирования и использования потенциала науки и реализации инновационных проектов становится одной из необходимых предпосылок развития инновационных систем в средне- и долгосрочной перспективе.

Поскольку развитие инновационной инфраструктуры выступает одной из главных предпосылок экономического роста, важной задачей является измерение ее существующего уровня. В научной литературе представлен ряд методик, на основе которых можно оценить параметры развития инфраструктуры [2; 9]. Однако они мало применимы для анализа развития инновационных систем регионов. Это связано с особенностями данного вида инфраструктуры, его недостаточным исследованием в научной литературе, отсутствием нормативов обеспеченности услугами инновационной инфраструктуры, на которых построены известные методики.

В этом плане представляет научный интерес методика оценки уровня развития инфраструктуры, предложенная Дитером Билем [1].

Необходимо отметить, что северные территории имеют ресурсно-сырьевую направленность. Первое место в структуре хозяйства занимает газовый комплекс (добывается более 80 % российского газа). Второе место занимает горнопромышленный комплекс. На Севере добывается значительная часть российских алмазов, 100 % сурьмы, апатита, флогопита, вермикулита, барита, редких металлов; свыше 95 % металлов платиновой группы, более 90 % никеля и кобальта, 60 % меди [10].

В связи с тем, что Росстатом не приводятся необходимые данные по отдельным муниципальным образованиям и городам, расчеты проводились только по субъектам, территории которых полностью включены в северные регионы.

В результате получены две группы показателей, характеризующих обеспеченность инновационной инфраструктуры и ее результативность (табл. 1).

Анализ показал значительную дифференциацию параметров по регионам. Самые высокие показатели обеспеченности инновационной инфраструктуры источниками развития в Республике Саха (Якутия), низкие – в Чукотском АО. Самые высокие показатели результативности инновационной инфраструктуры в Мурманской области, самые низкие – Ненецком АО. Имеет место высокая дифференциация между регионами.

Укрупненная группировка северных регионов позволяет выявить территориальные закономерности развития инновационной инфраструктуры (рис. 1).

В большинстве северных регионов показатели результативности значительно отстают от показателей обеспеченности ресурсами. Только в Архангельской, Мурманской областях и Чукотском АО ситуация обратная. Это можно объяснить неэффективным использованием вложенных ресурсов и специализацией регионов.

Таблица 1

Нормализованные показатели обеспеченности инновационной инфраструктуры источниками развития и ее результативности, на чел. населения

Виды показателей	Архангельская область	Ненецкий АО	Мурманская область	Ямало-Ненецкий АО	Республика Саха	Камчатский край	Магаданская область	Чукотский АО
Показатели обеспеченности инновационной инфраструктуры источниками развития	0,92	1,13	1,29	1,45	1,68	1,11	1,57	0,28
Количество докторов и кандидатов наук	0,10	0,03	0,46	0,02	0,57	0,59	1,00	0,03
Затраты на технологические инновации	0,79	0,10	0,78	0,75	1,00	0,48	0,44	0,18
Инвестиции в основной капитал	0,03	1,00	0,05	0,68	0,11	0,04	0,13	0,07
Показатели результативности инновационной инфраструктуры	1,07	0,00	1,75	0,37	1,49	0,90	1,03	0,32
Количество студентов высших учебных заведений	0,64	0,00	0,75	0,29	0,90	0,73	1,00	0,27
Объем отгруженной инновационной продукции	0,44	0,00	1,00	0,07	0,60	0,17	0,03	0,06

Следует особо отметить повышенную результативность инновационной инфраструктуры над обеспеченностью в Мурманской области, что можно объяснить значительным объемом отгруженной инновационной продукции, связанной с развитием горнопромышленного комплекса.

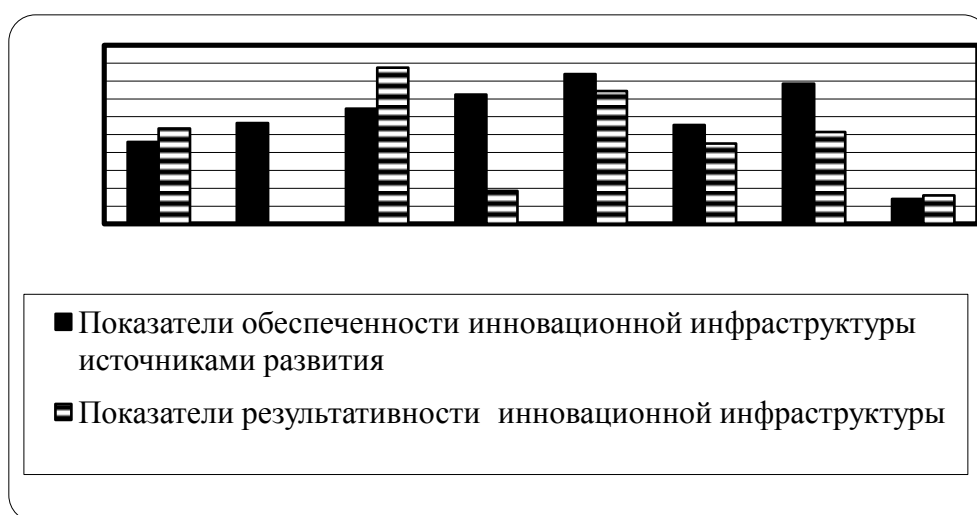

Рис. 1. Показатели обеспеченности инновационной инфраструктуры источниками развития и ее результативности

В настоящее время формирование инновационных инфраструктур северных территорий происходит неравномерно. В отдельных регионах созданы элементы, стимулирующие инновационную активность, в других этот процесс находится на начальном этапе [3]. На региональном уровне должна сложиться определенная система институтов, функционирующих в интересах инновационного развития экономики. В качестве примера можно предложить общую схему инновационной инфраструктуры региона (рис. 2).

Для сравнения уровней социально-экономического развития и инновационной инфраструктуры следует сопоставить данные с показателями, характеризующими вклад региона в ВРП страны. Для оценки применим метод Лоренца, суть которого состоит в расчете коэффициента преимущества как отношения доли региона в региональном доходе к доле его населения в населении страны.

$$K_j = \frac{d_{ВРП}}{d_n},$$

где K_j – коэффициент преимущества j -го региона;

$d_{ВРП}$ – валовой региональный продукт j -го региона, в % к итогу;

d_n – доля населения j -го региона, в %.

Рис. 2. Общая схема инновационной инфраструктуры региона [12]

Коэффициент преимущества, не превышающий 1, свидетельствует о развитии региона ниже среднероссийского уровня (рисунок 3).

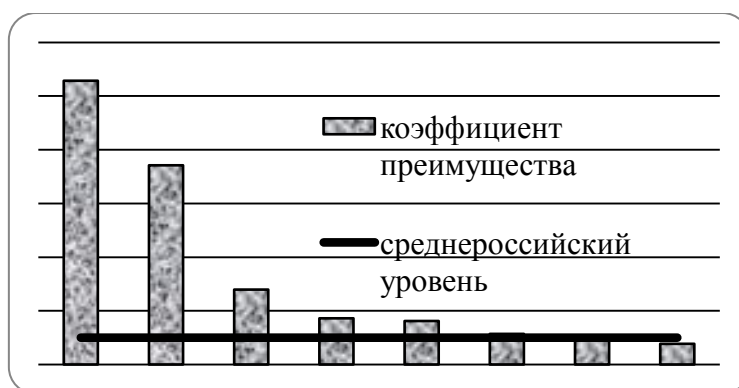

Рис. 3. Коэффициент преимущества северных регионов

Северные территории, кроме Архангельской области (без учета Ненецкого АО) развиты выше среднероссийского уровня. Однако расчеты показывают значительную неравномерность развития. Коэффициенты преимущества регионов имеют амплитуду от 0,77 (Архангельская область) до 10,57 (Ненецкий АО), то есть соотносятся 1:14.

Рассмотрим распределение элементов инновационной инфраструктуры северных территорий, представленное в табл. 2.

Таблица 2

Распределение элементов инновационной инфраструктуры на северных территориях [8]

Наименование территории	ИТЦ, ЦТТ	Органы координации инновационной деятельности	Технопарки	Бизнес-инкубаторы	Финансовые компании	Венчурные фонды	Центры научной информации	Всего
Архангельская область	1	2	1	–	–	–	4	8
Мурманская область	4	2	1	1	–	–	4	12
Ямало-Ненецкий АО	–	2	–	–	1	–	–	3
Республика Саха (Якутия)	1	1	2	1	–	–	4	9
Камчатский край	–	–	–	–	–	–	2	2
Магаданская область	–	–	–	–	–	–	2	2
РФ	332	362	133	91	123	114	320	1475

Данные позволяют утверждать о неравномерном развитии инновационной инфраструктуры Севера. По количеству элементов инновационной инфраструктуры лидирует Мурманская область, так как в Мурманской области действуют ГОБУ «Мурманский региональный инновационный бизнес-инкубатор» [6]. Кроме того, в г. Апатиты функционирует НП «Технопарк – Апатиты», основными целями которого являются содействие развитию малых инновационных предприятий Мурманской области, продвижение новых инновационных проектов на инвестиционный рынок, содействие разработчикам в организации малых предприятий на базе собственных научных и конструкторских разработок [7].

Важными элементами инновационной инфраструктуры являются финансовые и венчурные компании. Среди северных регионов только в Ямало-Ненецком АО имеется финансовый институт, в той или иной степени осуществляющий финансирование инновационной деятельности. Однако специализированных институтов венчурного финансирования нет. Но предприятия могут обратиться в венчурные фонды, осуществляющие деятельность на территории Российской Федерации [11].

В настоящее время при крупных вузах и академических институтах в Мурманской области созданы центры трансфера технологий (ЦТТ). Основные проблемы функционирования ЦТТ – отсутствие квалифицированных кадров для их комплектования. Зачастую менеджмент ЦТТ не владеет ни теоретическими знаниями, ни практическим опытом по управлению инновационными проектами. Между тем, ЦТТ являются одним из важных структурных элементов, стимулирующих развитие инновационной деятельности в регионах [4].

К объектам инновационной инфраструктуры также относят центры подготовки и переподготовки менеджеров и специалистов для инновационной деятельности. Ни в одном из северных регионов таких специализированных центров нет.

Дополнением к рассмотренным материалам служит сравнение интегральных показателей инновационной инфраструктуры и социально-экономического развития (рис. 3).

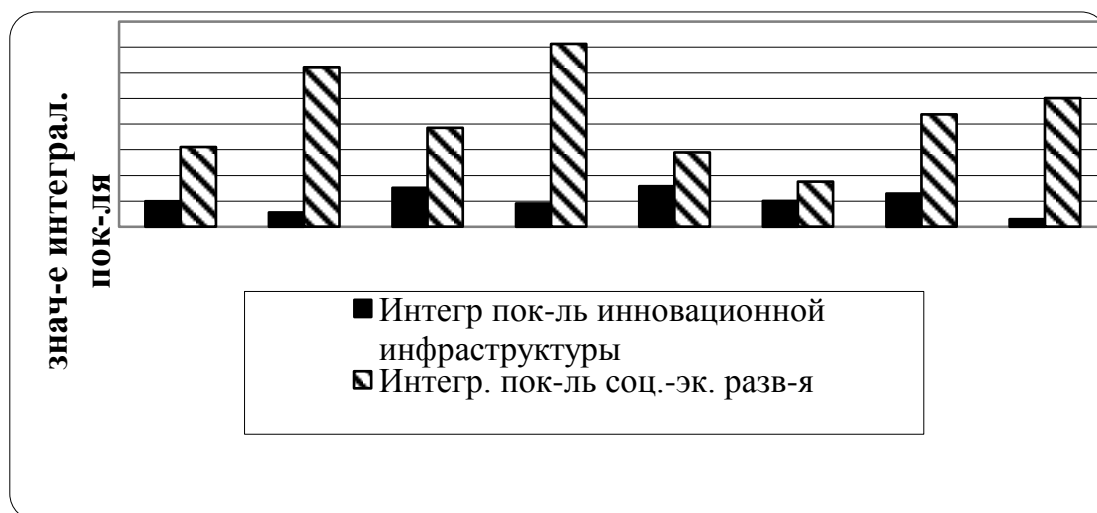

Рис. 4. Интегральные показатели инновационной инфраструктуры и социально-экономического развития северных территорий

Коэффициент корреляции между интегральными показателями инновационной инфраструктуры и социально-экономического развития северных регионов составил – 0,47, что свидетельствует об отрицательной взаимосвязи этих показателей. Это, в первую очередь, можно объяснить ресурсно-сырьевой специализацией территорий – добыча топливно-энергетических и других полезных ископаемых.

Проведенный анализ позволил сделать следующие выводы:

- промышленность северных территорий имеет преимущественно ресурсно-сырьевую направленность;
- наблюдается значительная дифференциация показателей инновационной инфраструктуры по северным территориям;
- эффективность развития инновационной инфраструктуры остается низкой и практически не оказывает влияния на социально-экономическое развитие северных территорий;
- требуется разработка комплекса мер с целью повышения эффективности функционирования инновационной инфраструктуры северных территорий.

Статья подготовлена на основе научных исследований, выполненных при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 15-02-00540 «Теоретические основы и механизм согласования государственной, региональной и корпоративной инновационной политики в Арктике»

Литература

1. Биль Д. Инфраструктура як инструмент политики національного та регіонального розвитку Європейського Союзу та України // Україна на шляху до Європи / ред. Л. Хоффманна, Ф. Мьюллерс. К. : Фенкс, 2001. С. 106–131.
2. Голиков Н. Ф., Двоекин Б. Я. Инфраструктурно-территориальный комплекс. Алма-Ата : Гылег, 1990. 224 с.
3. Горячевская Е. С., Цукерман В. А. Инновационное промышленное развитие экономики Севера и Арктики Российской Федерации // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. № 4. С. 92–96.
4. Горячевская Е. С., Цукерман В. А. Инфраструктура региональных инновационных систем как основа социально-экономического развития Севера // Региональные инновационные системы: анализ и прогнозирование динамики: материалы шестнадцатых Друкеровских чтений / под ред. Р. М. Нижегородцева. Новочеркасск : ЮРГПУ (НПИ), 2013. С. 108–116.

5. Инновационная экономика. Энциклопедический словарь-справочник / под общ. ред. В. В. Ивантера. М., 2011. 701 с.
6. Мурманский региональный бизнес-инкубатор. URL: <http://www.gou-mribi.ru/> (дата обращения: 17.06.2015).
7. Некоммерческое Партнерство «Технопарк – Апатиты». URL: <http://cnti.murmansk.ru/invest/Innov/apatit/apatit.htm> (дата обращения: 14.05.2015).
8. Портал информационной поддержки инноваций и бизнеса. URL: <http://www.innovbusiness.ru/organizations/> (дата обращения: 19.04.2016).
9. Саенко Ю. И. Моделирование показателей развития социальной инфраструктуры. Киев : Наукова думка, 1991. 168 с.
10. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года : утв. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным. СПС «КонсультантПлюс».
11. Цукерман В. А., Горячевская Е. С. Инновационное промышленное развитие как основа экономического роста северных регионов // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2014 : материалы IV всерос. науч. семинара (24–26 сентября 2014 г. Сыктывкар) : в 2 ч. Сыктывкар : Коми республиканская типография, 2014. Ч. II. С. 274–280.
12. Шалина Н. В. Формирование инновационной инфраструктуры в регионе // Креативная экономика. 2011. № 3 (51). С. 59–63.

УДК 316.3:321.7(571.122)

*Ищенко О. В.
Ishchenko O. V.*

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ХМАО – ЮГРЕ

CIVIL SOCIETY FORMATION IN KHMAO – UGRA

Статья посвящена характеристике процессов формирования гражданского общества в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. В статье даны определения и признаки гражданского общества, проведен анализ основных нормативных документов, определяющих направления дальнейшего развития гражданского общества в округе, выявлены проблемные точки, которые следует учесть при корректировке Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Ключевые слова: гражданское общество, нормативные документы, некоммерческие организации, стратегия развития.

Формирование гражданского общества на сегодняшний день является одним из ключевых направлений эволюции российского социума. Большое внимание вопросам развития гражданского общества уделяется и на уровне руководства Российской Федерации. «Сегодня качество нашего государства отстает от готовности гражданского общества в нем участвовать. Наше гражданское общество стало несравненно более зрелым, активным и ответственным. Нам надо обновить механизмы нашей демократии. Они должны «вместить» возросшую общественную активность. Нужно понимать, что одна из главных тенденций современного мира – это усложнение общества. Специализируются потребности различных профессиональных и социальных групп. Государство должно на этот вызов ответить, соответствовать сложносоставной социальной реальности. Одно из важных решений здесь – это развитие саморегулируемых организаций, компетенции и возможности которых должны расширяться», – отмечал В. В. Путин в программной статье «Демократия и качество государства» [6].

В то же время для определения основных направлений развития гражданского общества необходимо понять, какой смысл придается этому термину. Ныне существует множество дефиниций понятия «гражданское общество». Под гражданским обществом понимается, например, сфера самопроявления свободных граждан и добровольно сформировавшихся некоммерчески направленных ассоциаций и организаций, независимая от прямого вмешательства и произвольной регламентации со стороны государственной власти, бизнеса и других внешних факторов [3]. Э. Геллнер определяет гражданское общество как совокупность различных неправительственных институтов, достаточно сильных, чтобы служить противовесом государству и, не мешая ему, выполнять роль миротворца и арбитра между основными группами интересов, сдерживать его стремление к доминированию и атомизации остального общества [1, с. 62]. В Толковом словаре русского языка гражданское общество определяется как общество свободных и равноправных граждан, отношения между которыми в сфере экономики, культуры развиваются независимо от государственной власти [2].

Совокупность имеющихся определений дает возможность представить гражданское общество как множественность социальных субъектов, относительно независимых от государства и способных к самоорганизации. Нельзя сказать, что на сегодняшний день Россия находится в самом начале пути формирования гражданского общества. Большую роль в институционализации взаимодействия гражданского общества и государства сыграл принятый 21 июля 2014 г. федеральный закон № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации», который установил правовые основы организации осуществления общественного контроля за деятельностью органов государственной власти и местного самоуправления. Субъектами общественного контроля в законе названы общественные палаты и общественные советы, действующие при органах власти разного уровня [5].

Актуальным вопрос развития гражданского общества является и для Ханты-Мансийского автономного округа. Следует признать, что в силу объективных причин существуют значительные региональные различия в процессах формирования гражданского общества. Вполне понятно, что политически активное гражданское общество существует, преимущественно, в европейской части страны, прежде всего, в столичных регионах. Значительно удаленная от центра России и слабо заселенная громадная территория Югры в отношении развития гражданского общества имеет вполне определенную специфику, что обязательно следует учитывать при разработке планов стратегического развития округа.

Однако в разработанной в 2013 г. «Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2020 года и на период до 2030 года» вопросы развития гражданского общества не нашли достаточного отражения. В небольшом объеме они были включены в раздел «Обеспечение эффективности системы государственного и муниципального управления» в следующем контексте: «Необходимость повышения роли институтов гражданского общества диктуется всей логикой общественного развития. Важным показателем развития гражданского общества является уровень социальной интеграции и самоорганизации. Эффективной и регулируемой формой самоорганизации являются некоммерческие организации» [10]. При этом в Стратегии отмечено, что общее число негосударственных некоммерческих организаций (НКО) в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на 1 сентября 2011 г. составляло 977, из них реально действовало лишь около 50 % [10].

Очевидно, что «Стратегия социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2020 года и на период до 2030 года» уделяет внимание развитию социально ориентированных некоммерческих организаций в округе, иные институты гражданского общества в ней не рассматриваются, причем даже действующие НКО довольно немногочисленны.

В то же время Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» под некоммерческой организацией понимает организацию, не имеющую в качестве основной цели своей деятельности извлечение прибыли и не распределяющую полученную

прибыль между участниками. При этом социально ориентированными некоммерческими организациями признаются некоммерческие организации, осуществляющие деятельность, направленную на решение социальных проблем, и развитие гражданского общества в Российской Федерации [4]. Анализ основных положений ФЗ «О некоммерческих организациях» показывает, что определение НКО не покрывает всего разнообразия элементов гражданского общества, поэтому на практике необходимо учитывать и другие формы общественной активности.

Важным документом, направленным на развитие гражданского общества в ХМАО – Югре, стала государственная программа «Развитие гражданского общества Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на 2016–2020 годы». В числе основных задач указанной программы названы: обеспечение прозрачной и конкурентной системы государственной поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций, формирование положительного, инвестиционно-привлекательного имиджа автономного округа на международном и российском уровнях, обеспечение информационной открытости органов государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, организация деятельности Департамента общественных и внешних связей ХМАО – Югры и формирование государственного задания на оказание государственных услуг в сфере информирования населения для подведомственных учреждений [8].

Вполне понятно, что программа «Развитие гражданского общества Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на 2016–2020 годы» ориентирована, в первую очередь, на поддержку НКО и практически не рассматривает иные элементы структуры гражданского общества. В то же время затрагиваемые в ней вопросы формирования положительного имиджа округа, обеспечения информационной открытости органов государственной власти ХМАО – Югры и, тем более, организации деятельности Департамента общественных и внешних связей округа вряд ли могут быть напрямую отнесены к сфере развития гражданского общества.

Более комплексный подход к обеспечению стратегического развития по направлению «Гражданское общество» предложен в разработанной в Сургуте в 2015 г. «Стратегии социально-экономического развития муниципального образования городской округ город Сургут на период до 2030 года». Данный документ включает в себя отдельное направление «Гражданское общество», состоящее из трех частей: коммуникации, безопасность, самоуправление. В рамках реализации указанного направления предполагается, в том числе, поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций, проведение мероприятий, направленных на укрепление семейных ценностей, повышение компетенций граждан в вопросах гражданского участия в управлении городом, повышение правовой грамотности граждан, поддержка территориальных органов самоуправления и т. д. [9]. Очевидно, что указанная Стратегия включает в структуру гражданского общества большое количество элементов, не ограничиваясь только социально ориентированными НКО.

Для развития обозначенных в главном стратегическом документе города направлений разработана муниципальная программа «Развитие гражданского общества в городе Сургуте на 2014–2030 годы», которая предусматривает повышение эффективности взаимодействия органов местного самоуправления с гражданами, совершенствование системы изучения и формирования общественного мнения, совершенствование механизма поддержки территориальных общественных самоуправлений и вовлечение граждан по месту жительства в решение вопросов местного значения, формирование и использование информационных ресурсов для обеспечения жителей города общественно значимой информацией, поддержку социально ориентированных некоммерческих организаций и др. [7]. Таким образом, в соответствии с программными документами г. Сургута развитие гражданского общества предполагает формирование его саморазвивающейся сложной структуры, имеющей механизмы информационного обеспечения.

На сегодняшний день в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре проводится корректировка Стратегии социально-экономического развития, причем в измененном доку-

менте направление «Гражданское общество» должно занять свое достойное место. Формирование рабочих материалов предполагает разработку основных направлений и мероприятий по повышению уровня гражданского участия в выработке и реализации значимых для региона решений, в том числе с использованием современных краудсорсинговых технологий, интерактивных форм взаимодействия с населением, за счет внедрения лучших практик по применению элементов партиципаторного управления бюджетом и общественного контроля.

Следует учесть, что при разработке стратегии развития гражданского общества необходимо ориентироваться не только на количественные показатели, такие как число элементов структуры гражданского общества, но и на качественные характеристики, то есть их соответствие признакам гражданского общества. Поэтому при корректировке Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры представляется необходимым выделить в ней раздел «Развитие гражданского общества», в котором следует предусмотреть совершенствование системы самоуправления в округе, наличие развитой структуры различных объединений, отражающей многообразие интересов населения округа, повышение образовательного уровня и гражданской активности населения, повышение способности граждан к самодеятельности при включенности их в тот или иной институт гражданского общества. При этом необходимо расширить состав элементов гражданского общества в ХМАО – Югре, выделив в нем не только НКО. Ныне большую роль в округе играют общественные советы всех уровней, активно действует Общественная палата, социальной деятельностью занимаются многие коммерческие структуры и другие организации, которые тоже входят в структуру гражданского общества, и не учитывать это нельзя.

Бесспорно, проделать подобную работу, четко сформулировав основные цели, задачи и механизмы формирования гражданского общества в ХМАО – Югре, невозможно без обращения к европейским практикам развития гражданского общества, к опыту других субъектов РФ, к лучшим наработкам в этой области, имеющимся в регионе. Формирование гражданского общества – трудная и сложная задача, но именно ее решение позволяет преодолеть противоречие между властью и обществом, позволив им установить равноправные партнерские отношения.

Литература

1. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М. : Ad Marginem, 1995. 223 с.
2. Гражданское общество : статья // Современный толковый словарь. URL: <http://enc-dic.com/modern/Grazhdanskoe-obschestvo-12257.html> (дата обращения: 20.04.2016).
3. Гражданское общество: статья // Философская энциклопедия. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/278/гражданское (дата обращения: 20.04.2016).
4. О некоммерческих организациях : федер. закон Рос. Федерации от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ ; принят Гос. Думой 8 декабря 1995 г. // Рос. газ. 1996. 24 янв. (ред. от 30.03.2016).
5. Об основах общественного контроля в Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 4 июля 2014 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 9 июля 2014 г. // Рос. газ. 2014. 23 июля.
6. Путин В. В. Демократия и качество государства // Коммерсантъ. 2012. 6 февр.
7. Развитие гражданского общества в городе Сургуте на 2014–2030 годы: муниципальная программа : утв. распоряжением Администрации города от 27.08.2013. № 3012. URL: <http://admsurgut.ru/rubric/19005/Municipalnye-programmy-s-2014-goda-> (дата обращения: 18.04.2016).
8. Развитие гражданского общества Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на 2016–2020 годы : гос. программа Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: утв. постановлением Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 9 октяб-

ря 2013 г. № 412-п // Электрон. фонд правовой и нормативно-техн. док. URL: <http://docs.cntd.ru/document/460187241> (дата обращения: 25.04.2016).

9. Стратегия социально-экономического развития муниципального образования городской округ город Сургут на период до 2030 года : утв. решением Думы г. Сургута от 08.06.2015. № 718-V ДГ. URL: <http://admsurgut.ru/rubric/21332/Dokumenty-strategicheskogo-planirovaniya> (дата обращения: 18.04.2016).

10. Стратегия социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2020 года и на период до 2030 года : утв. распоряжением Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 22 марта 2013 г. № 101-рп. // Электрон. фонд правовой и нормативно-технич. док. URL: <http://docs.cntd.ru/document/411709517> (дата обращения: 25.04.2016).

УДК 332.145:352-1 (571.122Сургут)«2015/2030»

*Королёва Ю. Г., Мединцева С. Г.
Koroleva Yu. G., Medintseva S. G.*

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДСКОЙ ОКРУГ ГОРОД СУРГУТ НА ПЕРИОД ДО 2030 ГОДА – ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY OF MUNICIPALITY FORMATION URBAN OKRUG SURGUT CITY FOR PERIOD UP TO 2030 – FIRST RESULTS

В статье говорится об итогах реализации в 2015 г. стратегии социально-экономического развития муниципального образования городской округ город Сургут на период до 2030 года, а также о проблемах, выявленных при реализации схемы стратегического управления муниципального образования в рамках Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

Ключевые слова: документы стратегического планирования, стратегия социально-экономического развития муниципального образования, Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

Стратегия социально-экономического развития муниципального образования городской округ город Сургут на период до 2030 г. (далее – Стратегия-2030), утвержденная Думой города 08.06.2015, разрабатывалась и стала основным документом в работе администрации г. Сургута в организации стратегического управления развитием города.

В целях организации стратегического управления в рамках мероприятий по реализации Федерального закона № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее – Закон № 172-ФЗ) приняты следующие документы стратегического планирования:

1) стратегия социально-экономического развития муниципального образования (Решение Думы города Сургута от 08.06.2015 № 718-VДГ «О стратегии социально-экономического развития муниципального образования городской округ город Сургут на период до 2030 года»);

2) план мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития муниципального образования (Постановление администрации города от 02.11.2015 № 7674 «Об утверждении плана мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития муниципального образования городской округ город Сургут на период до 2030 года»);

3) прогноз социально-экономического развития муниципального образования на среднесрочный период (Постановление администрации города от 17.10.2014 № 7088 «О прогнозе социально-экономического развития муниципального образования городской округ город Сургут на 2015 год и плановый период 2016–2017 годов» (с изменениями и дополнениями));

4) муниципальные программы (актуальная информация о нормативных правовых актах по муниципальным программам Сургута размещается на официальном интернет-портале администрации Сургута <http://admsurgut.ru/rubric/19005/Municipalnye-programmy-s-2014-goda>).

С принятием до конца 2016 г. долгосрочного прогноза социально-экономического развития города и бюджетного прогноза муниципальные правовые акты сформируют целостную систему по организации стратегического управления в городе.

Важнейшим механизмом реализации Стратегии-2030 является программно-целевой подход. Мероприятия и проекты, направленные на достижение цели Стратегии-2030, предполагающие бюджетное финансирование, отражены в муниципальных и государственных программах. В 2015 г. на территории города осуществлялась реализация 31 муниципальной программы (99,4 % бюджета муниципального образования), общий объем направленных средств которых (за счет всех источников финансирования) составил 23,3 млрд руб. В целом по муниципальным программам в 2015 г. уровень достижения целевых показателей составил 91 % (оценка проводилась по 1 089 показателям, из которых 989 показателей исполнены более чем на 95 %). В сложных макроэкономических условиях хозяйствующими субъектами и Администрацией города выдержаны основные задачи по сохранению стабильности в экономике города, устойчивому функционированию ее инфраструктуры и жизнеобеспечивающих отраслей, выполнены все базовые социальные обязательства перед населением.

Следующим рубежным этапом в работе по перспективному планированию развития города станет формирование «дорожной карты» по реализации Генерального плана (разработанного на расчетный срок до конца 2035 г., утвержден решением Думы Сургута от 17.12.2014 № 635-V ДГ «О внесении изменений в генеральный план муниципального образования городской округ город Сургут»), которая позволит синхронизировать положения документов стратегического планирования и градостроительной деятельности. Результат этого станет ключевой новацией в управлении городом в практике муниципалитетов России.

Переходя к подведению итогов реализации Стратегии-2030 за 2015 г., хотелось бы отметить, что разработка стратегии осуществлялась в течение 2014 г. и начала 2015 г., не просто и продолжительно принималась сама стратегия Думой города (документ на утверждение выносился дважды – в феврале и мае 2015 г.), учитывая столь значительный период разработки-утверждения-принятия стратегии часть проектов к моменту утверждения в ноябре 2015 г. плана мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития находились на завершающих стадиях реализации или были уже реализованы, поэтому в первых итогах будут указаны проекты и мероприятия, реализованные в 2014 г. и первой половине 2015 г. (формально до утверждения Стратегии-2030).

Стратегия Сургута содержит 4 направления развития: предпринимательство, человеческий потенциал, гражданское общество, жизнеобеспечение. Вкратце остановимся на основных итогах по каждому из них.

В рамках направления «Предпринимательство» считаем ключевым в достижении стратегической цели реализацию таких проектов:

- модернизация ПАО «ОГК-2 «Сургутская ГРЭС-1» (направлена на реконструкцию основного оборудования электростанции; финансирование всех мероприятий по техническому перевооружению в 2015 г. составило 703,8 млн руб.);

- начало реализации проекта «Многофункциональный комплекс «Всемирный торговый комплекс» (в день презентации проекта (11 июня 2014 г.) состоялось подписание трехстороннего соглашения о сотрудничестве между правительством Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, администрацией города Сургута и компанией «Сургутгазстрой» по

реализации данного проекта; общая площадь проектирования 35 Га, общая площадь объектов около 200 тыс. кв. м, срок реализации 2020 год);

- в рамках проекта «Индустриальные парки» в городе реализуется строительство первого в регионе частного индустриального парка (на 10 га в западной промзоне города расположатся производственные, складские и офисные помещения сразу для нескольких компаний);

- нормативно стартовал проект «Инновационно-образовательный комплекс в городе Сургуте и создание инфраструктуры инновационно-образовательного комплекса (проект «Кампус»)» (распоряжением правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 10.07.2015 № 386-рп утверждена Концепция и план мероприятий создания Кампуса, участие города в реализации проекта отражено в распоряжении администрации города от 08.02.2016 № 165).

Значение интегрального индекса направления составило 133 % при плане 72 %. Следует отметить, что столь высокий индекс, в первую очередь, обусловлен погрешностями в исчислении показателей, ввиду отсутствия адекватной статистики в предыдущие периоды.

Реализация направления «Человеческий потенциал» в 2015 г. была отмечена целым рядом объектов капитальных вложений и проектов, которые стали знаковыми для развития отраслей:

- открыто 4 новых детских сада, 1 школа, построен учебный корпус к школе № 10;
- решена проблема с очередностью в детские сады для возрастной группы 3–7 лет, частично и за счет увеличивающегося числа частных детских садов, получивших лицензии (их посещают на сегодня около 700 детей);

- построено современное новое здание детской хореографической школы № 1;
- продолжается строительство Сургутского клинического перинатального центра, который благодаря запланированным перспективам реконструкции будет именоваться Сургутский окружной клинический Центр охраны материнства и детства;

- завершено строительство (в стадии ввода в эксплуатацию) Операционно-реанимационного корпуса центра диагностики и сердечно-сосудистой хирургии;

- завершено строительство и находится в стадии комплектования оборудованием поликлиника «Нефтяник» (на 700 посещений в смену) в 37 микрорайоне;

- в силу макроэкономических изменений вынужденное перенесение окончания строительства спортивного комплекса с плавательным бассейном на 50 м перенесено на конец 2016 г.;

- открыта мототрасса;

- установлено модульное здание лыжной базы в микрорайоне № 43.

Значение интегрального индекса направления «Человеческий потенциал» составило 83 % при плане 76 %.

Основными проектами направления «Гражданское общество», характеризующими системную работу, стали:

- реализация муниципальной программы «Гражданское общество» по трем направлениям: развитие территориального общественного самоуправления, поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций и информирование граждан о деятельности органов местного самоуправления;

- мероприятия, направленные на гармонизацию межнациональных и межконфессиональных отношений, проводились в 40 общеобразовательных организациях;

- проект «Безопасный город»;

- проект «Растем вместе» по формированию у учащихся культуры толерантности и этнокультурной компетентности;

- ежегодный фестиваль национальных культур «Соцветие»;

- традиционный городской праздник «Сабантуй»;

- ежегодный конкурс социальной рекламы «Простые правила», который объединил 140 участников, представивших 131 проект;

- предоставление бесплатной юридической помощи гражданам с целью содействия правовой грамотности населения.

При анализе реализации основных проектов значение интегрального индекса направления «Гражданское общество» зафиксировано на уровне 80 % при плане 57 %.

Основные проекты, которые реализовывались в 2015 г. по направлению «Жизнеобеспечение»:

- строительство Магистрального водовода в восточном жилом районе, что позволит в перспективе вести активную застройку территории;

- построено и введено в эксплуатацию 5 котельных, проведена реконструкция одной котельной;

- разработан проект межевания и проект планировки территории поселка Юность;

- выполнены проектно-изыскательские работы по объекту «Сквер в 31 микрорайоне» (в 2016 году планируется начало его строительства);

- по строительству межмуниципального полигона твердых бытовых отходов утверждён акт выбора земельного участка и предварительно согласовано место размещения объекта, ведутся переговоры с потенциальными инвесторами с целью определения условий сотрудничества, сроков проектирования и строительства объекта;

- строительство 6 пускового комплекса (съезд на улицу Дзержинского) продолжается
Объездная автомобильная дорога 1 «З» (срок окончания строительства 2016 г.).

Значение интегрального индекса направления «Жизнеобеспечение» составило 53 % при плане 45 %.

При рассмотрении результатов реализации Стратегии 2030 по векторам следует отметить, что достижение частных показателей и интегральных индексов неравномерное (где-то перевыполнение, где-то недостаточное достижение). Причины таких результатов подробно разбираются на совете при главе города по организации стратегического управления в городе Сургуте в рамках отчетов ответственных по векторам в течение всего года (есть утвержденный план работы совета). На текущий момент успешно приняты отчеты по векторам «Инновации», «Промышленность», «Бизнес», «Образование», «Здравоохранение».

На основе анализа значений интегральных индексов достижения целей направлений можно сделать вывод об успешности реализуемости Стратегии-2030 в 2015 г., так как все интегральные индексы направлений достижения целей Стратегии-2030 достигнуты и перевыполнены.

Между тем, существенными сдерживающими факторами в общем развитии стратегической деятельности муниципалитета остаются:

1) отсутствие комплексной федеральной стратегии социально-экономического развития (или основных ее направлений), которая сформирует общее видение России на долгосрочную перспективу; а также разрозненности существующих отраслевых стратегий федерального уровня;

2) отсутствие законодательного закрепления методологии формирования стратегий всех уровней (от стратегии федерации к стратегии муниципалитета или наоборот), а также механизм согласования приоритетов в случаях возникновения разногласий между уровнями стратегического управления;

3) система документов стратегического планирования, определяемая Законом № 172-ФЗ, никак не учитывает и не соотносится с документами градостроительной деятельности, определяемыми Градостроительным Кодексом России, что существенно затрудняет деятельность власти на местах в части определения приоритетности положений принимаемых документов и исключения дублирования положений указанных нормативно-правовых актов.

УДК 332.82/.83(571.122)

Назина Э. Б., Храмова А. И.
Nazina E.B., Khramova A.I.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ХМАО – ЮГРЕ

PROBLEMS OF HOUSING DEVELOPMENT IN KHMAO – UGRA

В статье представлено текущее положение жилищного строительства в округе, обозначены основные проблемы жилищного строительства и даны рекомендации по их преодолению.

Ключевые слова: жилищное строительство, доступность жилья.

Состояние жилищной сферы и рынка жилья является одним из главных факторов, оказывающих влияние на уровень и динамику основных демографических показателей. Социальная стабильность общества, уровень безработицы, мобильность рабочей силы и другие факторы во многом определяются наличием достаточного объема жилого фонда, отвечающего современным требованиям общества, возможностью приобретения жилья представителями самых широких слоев населения.

Долгое время одним из самых актуальных вопросов в социальной политике Российской Федерации остается проблема обеспечения граждан доступным жильем, отвечающим современным требованиям и существующим нормативам.

В связи с исторически сложившейся схемой экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры территория располагает жилым фондом (28 517,4 тыс. м²), не покрывающим потребности в жилье населения. Основной объем существующего сегодня жилищного фонда автономного округа был построен в период бурного промышленного освоения нефтегазовых месторождений Западной Сибири, но и тогда темпы строительства жилья не покрывали существовавшей потребности в жилье, обусловленной значительным (почти в 5 раз) приростом населения.

Сформированный жилищный фонд в большей степени представляет временное (некапитальное) жилье с истекшим на сегодняшний день расчетным сроком эксплуатации. Согласно данным органов государственной статистики, в общем объеме жилого фонда автономного округа 6,7 % относится к ветхому и аварийному жилью, требующему расселения. Дополнительно следует учитывать наличие значительного числа помещений, приспособленных для проживания, так называемых «балков».

Указанные причины, в том числе, породили и одну из главных социальных проблем автономного округа – недостаточный (ниже среднего по стране) уровень обеспеченности населения жильем, о чем свидетельствуют данные табл. 1.

Таблица 1

Уровень обеспеченности населения жильем, кв. м на человека [2]

Территория	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Россия	22,0	22,4	22,6	23,0	23,4	23,4	23,7
Югра	18,2	18,5	18,9	19,0	19,2	19,5	19,9

Общая площадь жилищного фонда в автономном округе на 1 января 2015 г. – 32,1 млн м². Общая площадь жилых помещений, приходящихся в среднем на 1 жителя Югры, на 1 января 2015 г. составила 19,9 кв. м. Доля ветхого и аварийного жилья в общем объеме жилищного

фонда на 1 января 2015 г. – 7,4 % от общей площади обслуживаемого жилищного фонда [2]. Главной причиной сложившейся ситуации является недостаточный объем строительства.

Значительной проблемой остается несоответствие структуры спроса на жилье семей со средними и умеренными доходами (то есть доходами ниже средних, но не позволяющих гражданам быть отнесенными к категории малоимущих) и предложения жилья в среднем и нижнем ценовых сегментах, что не позволяет для большей части граждан обеспечить доступность приобретения жилья.

Соотношение среднегодовых цен на жилье и среднегодовых доходов населения отражает показатель «коэффициент доступности жилья» (количество лет, необходимых семье, состоящей из 3 человек, для приобретения стандартной квартиры общей площадью 54 м² с учетом среднего годового совокупного дохода семьи) [4]. Так, по данным Росстата по итогам 2014–2015 гг. коэффициент доступности жилья в автономном округе составил 2,2 года [3].

При этом по сведениям органов государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним ежегодно осуществляются сделки с недвижимостью, в которые вовлечено порядка 5,3 % жилых домов и квартир, находящихся в частной собственности, что является существенным показателем развития рынка жилья.

Доля сделок, совершенных физическими лицами без привлечения ипотечных кредитов и займов в автономном округе, увеличилась с 64,8 % (2011 г.) до 79,6 % (9 месяцев 2015 г.) [2].

Всё же далеко не каждая семья может позволить себе покупку собственной квартиры или дома без помощи кредитных организаций, поскольку низкий уровень дохода не позволяет решить квартирный вопрос полностью за счет собственных средств. Ипотечное кредитование остается одним из основных способов решения жилищного вопроса и является на сегодняшний день преобладающим источником финансирования при приобретении жилья.

С 2006 г. с целью увеличения объемов строительства жилья, его доступности, а также доступности ипотечного кредитования в Югре оказывается государственная поддержка при ипотечном жилищном кредитовании граждан.

Своего максимума ипотечный рынок достиг в 2013 г., когда в автономном округе было выдано 16,5 тысяч ипотечных кредитов в объеме 40,7 млрд руб. [2].

В целом высокие темпы ипотечного кредитования наблюдались в автономном округе с 2011 г. с незначительным снижением в 2014 г.: в 2011 г. выдано 16 тыс. ипотечных кредитов, 2012 г. – 15,3 тыс. ипотечных кредитов, 2013 г. – 16,5 тыс. ипотечных кредитов, 2014 г. – 15,2 тыс. ипотечных кредитов [2]. В 2014 г. наблюдалась нестабильность экономики, при которой инвестиционная активность из-за девальвации рубля, высоких темпов ввода жилья, а также неясности в дальнейшем развитии ситуации на рынке жилья и ипотечного кредитования после резкого падения курса рубля и повышения ключевой ставки в декабре 2014 г. поддерживали высокий спрос на ипотечные кредиты, несмотря на то, что ряд участников приостановил в декабре 2014 г. выдачу ипотечных кредитов или установил высокие ставки по ним.

В начале 2015 г. произошло замедление темпов роста рынков ипотечных кредитов, основные причины которых – рост ставок по ипотеке и ужесточение требований банков к заемщикам: вырос размер минимального первоначального взноса, исчезла возможность получения кредита по минимальному пакету документов.

Принятие антикризисных мер с возмещением отдельным банкам недополученных доходов по выданным ипотечным кредитам позволило переломить ситуацию с апреля 2015 г. В рейтинге регионов России автономный округ занимает второе место по объему предоставленных ипотечных кредитов на душу населения и третье место по количеству кредитов на тысячу человек.

По данным Центрального Банка Российской Федерации за период с января по август 2015 г. количество заключенных ипотечных кредитов в Югре составило 7 483 ед. [5]. По сравнению с аналогичным периодом 2014 г. количество выданных ипотечных кредитов уменьшилось на 18,8 % (с 9 218 до 7 483), объем выданных кредитов снизился на 27,7 % (с

21,9 млрд руб. до 15,8 млрд руб.), что ниже среднероссийских показателей (36,2 % и 39,1 % соответственно) [2].

Основной проблемой является сравнительно низкий уровень доходов по отношению к стоимости жилья большинства населения Югры. Стоимость квадратного метра жилья почти в два раза превышает среднемесячную заработную плату по региону.

В 2015 г. стоимость 1 м² общей площади в целом по России составила 52,6 тыс. руб. на первичном рынке жилья и 58,7 тыс. руб. – на вторичном рынке, в автономном округе – 58,9 тыс. руб. и 59,3 тыс. руб. соответственно (табл. 2).

Таблица 2

Средняя цена (руб.) за 1 кв. м общей площади квартир на рынке жилья [1]

Территория	Вид рынка жилья	2013	2014	2015	2016
Россия	Вторичный рынок жилья	55 420,52	55 924,7	58 707,41	55 331
	Первичный рынок жилья	48 794,73	49 938,5	52 602,51	53 390,1
ХМАО – Югра	Вторичный рынок жилья	54 588,97	57 457,03	59 331,09	49 997
	Первичный рынок жилья	50 302,06	55 022,7	58 993,43	52 623,2

На рост стоимости строительства оказывает влияние и недостаточное развитие промышленности строительных материалов.

В настоящий момент в автономном округе функционируют предприятия, выпускающие железобетонные конструкции, стеновые материалы, быстровозводимые деревянные дома и т. д.

Загрузка предприятий строительной индустрии автономного округа в 2014 г. составила от 7,2 % до 110 % проектной мощности, средняя – около 66,3 %, при этом – железобетонными деталями и конструкциями до 67,9 %, кирпичом и мелкоштучными стеновыми материалами до 46,6 %, стекло, утеплитель, кровельные и отделочные материалы не производятся [3]. Обеспеченность местным строительным песком составляет около 36 %, песком для планировочных работ – 93 %, щебень и цемент в автономный округ завозятся.

Материально-техническая оснащенность предприятий, производящих строительные материалы, находится на достаточно высоком уровне, но при этом присутствует большой процент износа основного оборудования [3]. Для уменьшения трудозатрат и экономии энергоресурсов проходит замена оборудования, модернизируются производственные процессы. Тем не менее, автономный округ остается зависимым от «импорта» в обеспечении строительными материалами.

Обеспеченность строительными материалами и конструкциями местного производства составляет примерно 25 %. Недостающая потребность будет компенсироваться за счет ввоза продукции из других регионов Российской Федерации.

Отсутствие квалифицированных кадров строительных специальностей также оказывает негативное влияние на развитие строительства на территории округа. Дефицит кадров типичен для всех категорий работников, но особенно остро стоит проблема с рабочими специальностями. На сегодняшний день эта проблема частично решается путем привлечения иностранной рабочей силы, но их профессиональный уровень низок, что сказывается на качестве и сроках выполняемых работ.

Проанализировав сегодняшнее положение жилищной сферы ХМАО – Югре, можно сделать вывод о необходимости внедрения новых подходов в сфере жилищного строительства.

Предложения по решению проблем:

- Разработка и утверждение региональных программ и нормативно-правовых актов, направленных на создание условий, способствующих улучшению качества жилищных условий населения и повышение доступности жилья.

- Активизирование развития предприятий промышленности строительных материалов.

- Развитие строительства жилья, в том числе малоэтажного, которое отвечает современным стандартам энергоэффективности, экологичности и доступности гражданам со средним уровнем доходов.

- Государственная поддержка на приобретение жилых помещений отдельным категориям граждан.

- Создание условий и механизмов для увеличения объемов жилищного строительства.

- Повышение доступности ипотечных жилищных кредитов для населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

- Развитие таких форм поддержки спроса, которые бы способствовали стабилизации или снижению уровня цен на жилье, например, предпринимать меры по развитию и популяризации индивидуального жилищного строительства.

Таким образом, развитие жилищного строительства и повышение уровня доступности жилья в ХМАО – Югре невозможно без преодоления существующих проблем. Предложенные пути решения проблем позволяют в полной мере устранить существующие ограничения развития жилищного строительства.

Литература

1. Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя. URL: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do> (дата обращения: 20.04.2016).

2. О государственной программе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Обеспечение доступным и комфортным жильем жителей Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2016–2020 годах»: постановление от 9 октября 2013 г. № 408-п.

3. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/housing/ (дата обращения: 20.04.2016).

4. Хачатрян С. Р. Методы измерения и моделирования процессов расширения социальной доступности улучшения жилищных условий населения // Аудит и финансовый анализ. 2001. № 3.

5. Центральный Банк Российской Федерации. Статистика. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/> (дата обращения: 20.04.2016).

УДК 336.22:336.14:352

*Селюков М. В., Воронина Е. В.
Selukov M.V., Voronina E.V.*

НАЛОГОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ДОХОДНОЙ БАЗЫ БЮДЖЕТОВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

TAX MECHANISMS OF PROFITABLE BASE FORMATION OF MUNICIPALITIES BUDGETS

В статье рассмотрены проблемы финансового обеспечения и бюджетного прогнозирования деятельности муниципальных образований на современном этапе. На основе динамического анализа состава и структуры бюджетов муниципальных образований авторами сделан вывод о независимости формирования доходной части бюджета города и объема инвестиционных вложений на его территории. Предложены направления совершенствования формирования доходов бюджета на основе налогового механизма.

Ключевые слова: муниципальное образование, налоговые доходы местных бюджетов, бюджетный прогноз.

Собственная финансовая база муниципалитетов зачастую характеризуется недостаточностью для обеспечения всех расходов, запланированных к исполнению на данной территории, однако именно муниципальные образования должны проявлять финансово-хозяйственную самостоятельность в расходовании средств на социально-экономическое развитие своей территории.

В соответствии с федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» к муниципальным образованиям относятся: городское или сельское поселение, муниципальный район, городской округ, городской округ с внутригородским делением, внутригородской район либо внутригородская территория города федерального значения [11, ст. 2]. С социально-экономической точки зрения, особенностью деятельности муниципалитетов является то, что они непосредственно контактируют с потребителями государственных и муниципальных услуг – жителями территорий, финансируя необходимые мероприятия в этой области. В соответствии с указанным выше документом [11, ст. 2] вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, решение которых осуществляется населением и (или) органами местного самоуправления самостоятельно, относятся к вопросам местного значения. Следовательно, именно муниципалитеты должны быть непосредственно заинтересованы в удовлетворенности потребителей, т. е. населения, качеством получаемых услуг.

Статистические данные о составе и структуре формирования доходов и расходов местных бюджетов в Российской Федерации свидетельствуют о том, что на уровне местного самоуправления осуществляется около 15 % государственных расходов, при этом доходная часть бюджетов муниципальных образований на 60 % состоит из безвозмездных поступлений. Подобное несоответствие, с нашей точки зрения, демонстрирует противоречие между потребителями выгод от затрат местных бюджетов и источниками обеспечения их доходной части.

Следует констатировать, что в результате изменения механизма формирования доходов местных бюджетов, а именно замены налоговых поступлений межбюджетными трансфертами, деградировала взаимосвязь между источниками (финансовыми ресурсами) и результатами их инвестирования (вложения), оцениваемыми показателями развития регионов, роста качества услуг и, как следствие, удовлетворенности жителей. Основным механизмом удовлетворения «доходных» потребностей местного бюджета в настоящее время выступает способность аргументировано и компетентно доказать необходимость того или иного объема межбюджетных трансфертов.

Принимая во внимание тот факт, что муниципалитеты Югры сегодня не только лишены возможности принимать решения о направлениях инвестиционного развития (фактически отсутствуют реальные полномочия и источники для поощрения), но и прямо не заинтересованы в привлечении и удерживании производителей и инвесторов. Демонстрируется отсутствие заинтересованности властей на местах в развитии предпринимательства и удержании бизнеса на территории, при создании условий для существования и развития производства товаров, работ и услуг.

Однако роль субъектов среднего и малого предпринимательства для таких муниципалитетов Югры, как Сургут, Нижневартовск, Нефтеюганск мала, а необходимость формировать «поле» услуг для резидентов-налогоплательщиков, которые являются либо крупными, либо крупнейшими, столь значительна, что в структуре бюджета их роль нивелируется (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика доходов бюджета городского округа
город Сургут в 2013–2016 гг., млн руб.**

Показатель	2013	2014	2015	2016 (план)
всего доходов	18118	21842	23271	20252
налоговые доходы, в том числе:	9448	8508	7997	7907

Окончание табл. 1

Показатель	2013	2014	2015	2016 (план)
налог на доходы физических лиц	7036	6572	5899	58478
налоги на реализуемые товары, работы, услуги (акцизы)	0	24	28	27
налоги на совокупный доход	1264	1268	1367	1354
налоги на имущество	1097	583	635	603
государственная пошлина	50	61	69	75
прочие налоговые доходы	0,02	0,01	0,01	0
неналоговые доходы	1584	1872	1555	1415
безвозмездные поступления	7087	11461	13719	10931

Примечание: составлено на основании решений Думы г. Сургута Ханты-Мансийского автономного округа – Югры об исполнении бюджетов за соответствующие годы и решения о бюджете на 2016 г. [4; 6; 7; 8].

Отметим, что бюджетное распределение источников в ХМАО – Югре следует признать более лояльным в сравнении с другими субъектами РФ, так как муниципалитеты полностью получают налоговые отчисления субъектов в свои бюджеты, связанные с применением специальных налоговых режимов – единого сельскохозяйственного налога, единого налога на вмененный доход для определенных видов деятельности, налога, взимаемого в связи с применением упрощенной и патентной систем налогообложения.

Как показывают приведенные данные, в формировании доходной части бюджета Сургута доля этих налогов в течение последних лет колеблется и составляет около 6 % (2013 – 6,9 %, 2014 – 5,8 %, 2015 – 5,8 %, 2016 (план) – 6,6 %), а в суммовом выражении – около 1,3 млрд руб.

За аналогичный период масштабность объема работ, выполненных собственными силами по виду деятельности «Строительство», в среднем ежегодно сохраняется на уровне 40 млрд руб. (2013 – 47,9 млрд руб., 2014 – 42,1 млрд руб., 2015 – 36,2 млрд руб.), при этом необходимо учитывать и уровень ежегодных инвестиций в размере 40–50 млрд руб. (2013 – 48,9 млрд руб., 2014 – 42,5 млрд руб., 2015 – 41,6 млрд руб.) (рис. 1).

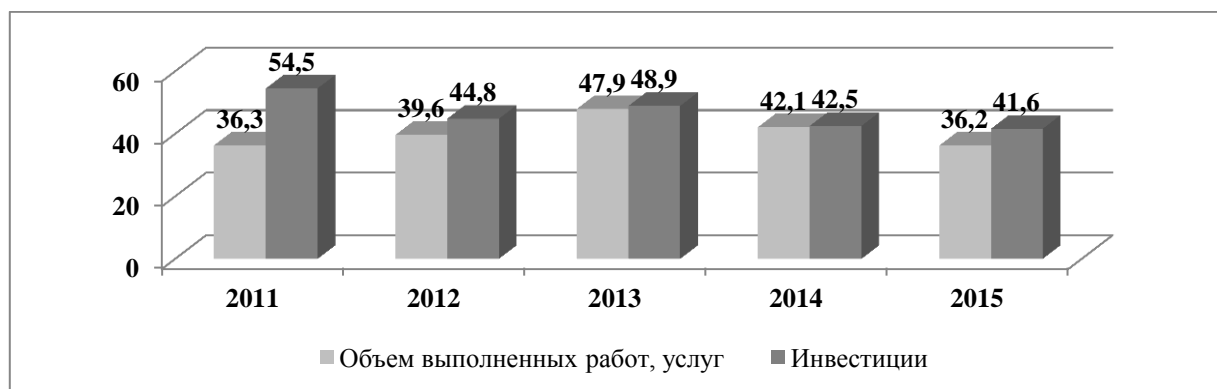

Рис. 1. Объемы работ, выполненных собственными силами по виду деятельности «Строительство» и объемы инвестиций в г. Сургут за 2011–15 гг., млрд руб.

Составлено на основании отчетов об итогах социально-экономического развития г. Сургута за соответствующие годы [2; 9; 10].

Приведенные данные демонстрируют полную независимость друг от друга формирования доходной части бюджета города и объема инвестиций на его территории.

В последнее время целенаправленная политика развития инвестиционной привлекательности регионов стала очень модной темой. При этом местные власти не имеют инструментов повышения уровня инвестиций в свои территории, не имеют возможности формировать финансово-привлекательные предложения для инвесторов. Конечно, сокращение числа

административных барьеров – это важное условие здорового развития и функционирования бизнеса, но определяющим в конкуренции за инвестиции все равно становится их итоговая стоимость и сопровождающее налоговое обременение при выходе на точку безубыточности. Персональную работу именно с такими субъектами может и должен обеспечивать муниципалитет, осознавая бюджетную отдачу от этих вложений и учитывая перспективы наращивания объема государственных и муниципальных услуг, которые будет необходимо предоставить.

Отказ от бюджетирования на очередной год и плановый двухлетний период следует считать оправданным на федеральном уровне (учитывая объемность и разнонаправленность тенденций развития субъектов РФ на обширной территории, а также их геополитическая корреляция), но следование этой практике на региональном и местном уровне, с нашей точки зрения, совершенно недопустимо. Муниципалитет обязан понимать перспективы исполнения своих полномочий, хотя бы в части расходных обязательств с учётом запланированной инфляции, каким источником и в каком объеме будут обеспечены (или необходимо обеспечить) затраты по содержанию социальной сферы, городской инфраструктуры, чем обеспечены защищенные статьи по осуществлению расчетов по оплате труда работников бюджетной сферы и т. д., за счет чего в будущем будут содержаться затребованные объекты социальной сферы, которые форсировано вводятся в последнее время за счёт вышестоящих бюджетов.

Ответы на эти и другие вопросы должны содержаться в бюджетном прогнозе на средне- и долгосрочный периоды, необходимость которого закреплена Федеральным законом от 28.06.2014 №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [5]. Подтверждением указанного тезиса являются и методические рекомендации органам государственной власти субъектов Российской Федерации по долгосрочному бюджетному планированию, где сказано: «В условиях высокой неопределенности внешних и внутренних факторов, определяющих и влияющих на темпы и качество социально-экономического развития, формирование бюджетных прогнозов на долгосрочный период (на вариантной основе) не может и не должно ограничиваться исключительно экстраполяцией действующих норм и механизмов налогово-бюджетной, долговой политик, подходов к межбюджетному регулированию, но, одновременно с этим, предлагать и системные действия, направленные на обеспечение сбалансированности бюджетов, повышения эффективности соответствующей работы» [3].

Составление бюджетного прогноза и прогноза социально-экономического развития на долгосрочный период является необходимым условием для выработки скоординированной политики в области долгосрочного бюджетного планирования, подходов к оценке и профилактике бюджетных рисков в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях, в том числе в связи с отсутствием должных навыков и завершенных примеров решения сопоставимой задачи на федеральном уровне. В то же время это является необходимым для обеспечения реализации статьи 170.1 Бюджетного кодекса Российской Федерации, в соответствии с которой бюджетные прогнозы на долгосрочный период разрабатываются: Российской Федерации, субъекта Российской Федерации – каждые шесть лет на двенадцать и более лет; муниципального образования – каждые три года на шесть и более лет на основе прогноза социально-экономического развития соответствующей территории [1]. Более того, прогнозирование налоговых и неналоговых доходов муниципалитетов до настоящего времени осуществляется по методикам, предусматривающим трехлетний горизонт планирования (например [13]), равно как и направления бюджетной и налоговой политики [12].

С нашей точки зрения, составление бюджетных прогнозов на практике может обнажить ряд серьезных финансовых проблем, в частности перспективный бюджетный дефицит, обусловленный, в частности, следующими причинами: текущие бюджетные вложения в развитие бизнеса не имеют понятной перспективной бюджетной эффективности, наращивание базы социальных учреждений (с учетом необходимости обеспечения должного уровня оплаты труда их сотрудникам) производится без четкого понимания перспектив их дальнейшего содержания.

Несмотря на то, что основные тенденции федерального бюджетного процесса демонстрируют перераспределение налоговых поступлений в направлении «вверх», усиление взаимосвязи между субъектами, заинтересованными в финансировании из бюджетов муниципалитетов и формирующими доходы бюджетов, должно стать одной из ключевых задач бюджетной политики, а взвешенное расширение налоговых полномочий органов местного самоуправления (с учетом целесообразности передачи налоговых поступлений на муниципальный уровень и обеспечения роста эффективности функционирования налоговой системы в целом) – это одно из основных направлений в решении указанной задачи.

С нашей точки зрения, в целях недопущения увеличения нагрузки по обязательным платежам, необходимо уменьшить «социальные» налоги. Основным механизмом совершенствования формирования доходной базы территорий может стать перевод части основных налоговых доходов от организаций бизнеса, применяющих общую систему налогообложения, на региональный и местный уровень, что повлечет за собой заинтересованность местной власти в создании рабочих мест с высокой заработной платой, что, в свою очередь, могло бы привести к перемещению зарплат как объекта налогообложения из «серых» в «белые» (напомним, что основным источником налоговых доходов муниципальных образований выступает налог на доходы физических лиц).

Литература

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ (в ред. от 23.05.2016, с изм. от 02.06.2016). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Итоги социально-экономического развития города Сургута за 2014 год. URL: <http://admsurgut.ru/article/19017/81509/Itoги-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-goroda-za-2014-god> (дата обращения: 12.06.2016).
3. Методические рекомендации органам государственной власти субъектов Российской Федерации по долгосрочному бюджетному планированию. URL: <http://www.minfin.ru> по состоянию на 04.12.2015. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. О бюджете городского округа город Сургут на 2016 год : решение Думы города Сургута от 22.12.2015. № 820-V ДГ. URL: <http://budget.admsurgut.ru/budget/237923461> (дата обращения: 12.06.2016).
5. О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон Рос. Федерации от 28.06.2014 № 172-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 июня 2014 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 25 июня 2014 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Об исполнении бюджета городского округа город Сургут за 2013 год : решение Думы города Сургута от 22.05.2014. № 516-V ДГ. URL: <http://budget.adm-surgut.ru /budget/237923463> (дата обращения: 12.06.2016).
7. Об исполнении бюджета городского округа город Сургут за 2014 год : решение Думы города Сургута от 28.05.2015 г. № 711-V ДГ. URL: <http://budget.admsurgut.ru/budget/237923463> (дата обращения: 12.06.2016).
8. Об исполнении бюджета городского округа город Сургут за 2015 год : проект решения Думы города Сургута. URL: <http://admsurgut.ru/rubric/21690/Godovoy-otchet-ob-ispolnenii-byudzheta-gorodskogo-okruga-gorod-Surgut-za-2015> (дата обращения: 12.06.2016).
9. Об итогах социально-экономического развития муниципального образования городской округ город Сургут за 2013 год : распоряжение Администрации города от 25.04.2014 г. № 1058. URL: <http://dumasurgut.ru/getattachment/45c6f8f0-813a-4fad-a300-ad18d8308c49/13973.pdf> (дата обращения: 12.06.2016).
10. Об итогах социально-экономического развития муниципального образования городской округ город Сургут за 2015 год : распоряжение Администрации города от 08.04.2016 г. № 533. URL: <http://admsurgut.ru/rubric/19017/Osnovnye-socialno-ekonomicheskie-pokazateli> (дата обращения: 12.06.2016).

11. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 06.10.2003. № 131-ФЗ (в ред. от 02.06.2016 г.) : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 16 сентября 2003 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 24 сентября 2003 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

12. Об основных направлениях бюджетной и налоговой политики городского округа город Сургут на 2016 год и плановый период 2017–2018 годов : постановление Администрации города Сургута от 06.10.2015. № 7047. URL: <http://admsurgut.ru /rubric/ 21472/ 2016–2018> (дата обращения: 12.06.2016).

13. Об утверждении Методики прогнозирования налоговых и неналоговых доходов бюджета городского округа город Сургут: постановление Администрации города Сургута от 17.09.2012. № 01-08-7179/2 (с изм. от 26.08.2015). URL: <http://admsurgut.ru/ rubric/18940 /32-Metodika-prognozirovaniya-nalogovyh-i-nenalogovyh-dohodov-byudzheta-gorodskogo-okruga-gorod-Surgut> (дата обращения: 12.06.2016).

УДК 332.146(985):330.322

Серова Н. А.

Serova N. A.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО РАЗВИТИЯ АРКТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ РФ

INVESTMENT DEVELOPMENT UPCOMING TRENDS OF THE RF ARCTIC ZONE

В статье рассмотрены перспективные направления инвестиционного развития на современном этапе и предложены меры по совершенствованию инвестиционной политики, учитывающей специфику развития арктических территорий. Результаты исследования могут быть использованы органами государственного управления для совершенствования региональной инвестиционной политики в целях активизации инвестиционных процессов и повышения инвестиционной привлекательности арктических регионов.

Ключевые слова: регионы, Арктическая зона, региональная инвестиционная политика, инвестиционный проект, ресурсы.

Задачи социально-экономического развития Российской Федерации в условиях макроэкономического кризиса, а также актуализация проблем освоения Арктики обостряют вопросы модернизации экономики и активизации роли инвестиционных процессов в северных регионах страны.

Согласно Указу «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» (Указ Президента РФ от 02.05.2014 № 296) в Арктическую зону РФ входят полностью четыре субъекта РФ: Мурманская область, Ненецкий, Чукотский и Ямало-Ненецкий АО. Кроме того, в состав сухопутных территорий Арктической зоны входят городской округ Воркута (Республика Коми); пять улусов Республики Саха (Якутия), городской округ Норильск и два муниципальных района Красноярского края, семь муниципальных образований Архангельской области, а также земли и острова, расположенные в Северном Ледовитом океане. На сегодняшний день в Совете Федерации также обсуждается вопрос о включении в состав Арктической зоны еще восьми якутских улусов, находящихся за Полярным кругом, а также нескольких муниципалитетов Республики Карелия.

На сухопутной территории Арктической зоны, площадью 3 685,936 тыс. км² (21,5 % общей площади территории России), проживает всего 2,39 млн человек, что составляет 1,63 % населения страны и более 50 % населения всей мировой Арктики. Большую часть арктических территорий составляют районы с плотностью населения менее 1 человека на 1 км². Исключением является Мурманская область, где плотность населения составляет 5,26 чел./км² (в среднем по России показатель плотности населения составляет 8,54 чел./км²). Территории Арктической зоны также характеризуются высоким уровнем урбанизации – 89,28 % (в среднем по России 74,03 %). Наиболее урбанизированными являются Мурманская область (92,6 %) и Ямало-Ненецкий АО (83,81 %).

Роль Арктической зоны для России определяется, прежде всего, наличием огромного углеводородного потенциала. Согласно расчетам ряда аналитиков, потенциальные геологические запасы углеводородов Арктики оцениваются в 200 млрд т нефти и 400 трлн кубометров газа [2, с. 7]. В пределах материковой части Арктической зоны находятся крупнейшие нефтегазовые провинции (НГП). Наиболее изученными являются береговые зоны западной части арктического шельфа, восточные НГП труднодоступны и большую часть года покрыты льдами. Основные ресурсы сконцентрированы в Баренцевом и Карцевом (газ и конденсат), Печорском (нефть) и Охотском (нефть и газ) морях, где открыто более 25 месторождений (газоконденсатные Ленинградское, Русановское и уникальное Штокмановское, нефтяное Приразломное, нефтегазоконденсатное Юрхаровское, газовое Каменномыское месторождения и др.).

В российском секторе Арктики сосредоточены огромные запасы водных биоресурсов (арктические моря, прежде всего Баренцево море, обеспечивают до 1/4 общероссийского вылова), лесных, земельных и других природных богатств. Здесь находятся крупнейшие месторождения минерального сырья: ртуты, вольфрама, железа, свинца, цинка, олова, алмазов, золота, серебра и др. Добывается 90 % никеля и кобальта, 60 % меди, свыше 95 % платиноидов, 40 % золота, 90 % хрома и марганца, 100 % апатитового концентрата и др. [2; 6]. Общая стоимость разведанных и прогнозных ресурсов энергетического и минерального сырья в недрах Арктической зоны по оценкам превышает 30 трлн долл.

Кроме того, Арктическая зона обладает огромным транспортно-транзитным потенциалом. Стержнем арктической транспортной системы является Северный морской путь – международный транспортный коридор, играющий роль не только в функционировании хозяйственных комплексов и освоении прибрежных и шельфовых углеводородных месторождений, но и в обеспечении жизнедеятельности населения труднодоступных арктических районов.

Исследования социально-экономического потенциала Арктической зоны показывают, что в течение последнего десятилетия государственные инвестиции и сырьевая рента формировали фундамент экономического благополучия регионов, где сконцентрированы предприятия по добыче нефти и газа. Например, сырьевые Ненецкий и Ямало-Ненецкий АО по объему инвестиций в основной капитал на протяжении многих лет занимают лидирующие позиции среди всех субъектов РФ. Однако наряду с высокоразвитыми сырьевыми регионами значительная часть территории Арктической зоны остается депрессивной, характеризуется неразвитостью транспортной инфраструктуры и энергетической системы, сокращением численности населения из-за миграционного оттока. Самые негативные тенденции сокращения численности вследствие миграции и низкого естественного прироста наблюдаются в старопромышленных регионах – Республике Коми, Мурманской и Архангельских областях. Наиболее привлекательные для инвесторов нефтегазовые Ненецкий и Ямало-Ненецкий АО, а также Республика Саха (Якутия) имеют высокий уровень естественного прироста населения и сравнительно небольшой миграционный отток, обусловленный распространением в этих регионах вахтового метода организации труда.

В целом, особенности инвестиционной политики регионов Арктической зоны связаны с экстремальными природно-климатическими условиями, обуславливающими удорожание капитальных затрат по сравнению с центральными регионами, а также с производственной

специализацией северных регионов, основанной на эксплуатации природных ресурсов. Полная зависимость хозяйственной деятельности и жизнеобеспечения населения от импорта топлива, продовольствия и товаров первой необходимости из других районов страны приводят к повышенным издержкам производства и жизнеобеспечения [4]. Крайне высокая уязвимость природной среды в Арктике также вызывает необходимость дополнительных природоохранных затрат при реализации здесь инвестиционных проектов [5].

Кроме того, к особенностям, оказывающим влияние на инвестиционную деятельность в северных регионах, можно отнести отдаленность от экономических центров страны и слабую транспортную доступность, высокий уровень оттока трудоспособного населения, неразвитость социальной инфраструктуры, неблагоприятные факторы воздействия на здоровье людей, высокую стоимость жизни и повышенные затраты на жизнеобеспечение.

В 2014 г. Правительством РФ была принята Государственная программа «Социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации до 2020 года», предусматривающая вложения в экономику Арктической зоны более 1,5 трлн руб. В задачи программы входит развитие транспортной, энергетической и информационно-коммуникационной инфраструктуры, формирование нормативной и научно-технической базы, а также реализация масштабных инвестиционных проектов в Арктической зоне, которые можно условно разделить на две группы: 1) проекты, целиком приуроченные к Арктической зоне (а именно развитие нефтегазового, горнопромышленного, рыбопромышленного секторов); 2) проекты, интегрирующие Арктическую зону с освоенными районами страны (модернизация и развитие арктической транспортной системы).

В первой группе проектов наибольшее значение имеют так называемые СПГ-проекты, которые включают строительство заводов по сжижению природного газа и создание сопутствующей газотранспортной инфраструктуры.

Например, в Ненецком АО реализуется крупнейший инвестиционный проект «Печора СПГ», предполагающий разработку Кумжинского и Коровинского газоконденсатных месторождений. Завод по сжижению природного газа и морской терминал будут располагаться в районе поселка Индига. Кроме того, для обслуживания проекта будут построены несколько танкеров-газовозов арктического класса. Всего затраты на реализацию проекта составят около 4 млрд долларов.

Другим крупнейшим арктическим СПГ-проектом является «Ямал СПГ», реализуемый в Ямало-Ненецком АО. Общий объем инвестиций в проект оценивается в триллион рублей. Строительство завода по сжижению природного газа ведется в районе поселка Саббета. В 2013 г. здесь уже начал функционировать морской порт Саббета, а в 2014–2015 гг. введен в эксплуатацию аэропорт.

Вторая группа проектов, касающиеся модернизации и развития арктической транспортной системы, включает в себя не только Северный морской путь, но и весь комплекс транспортных средств, морские и речные судоходные линии, авиационные маршруты, трубопроводный, железнодорожный и автомобильный транспорт, а также береговую инфраструктуру (порты, средства навигации, гидрографии, гидрометеорологии, связи и др.)

Согласно официальному реестру морских портов Федерального агентства морского и речного транспорта к Арктическому бассейну относятся 18 из 67 морских портов: Мурманск, Архангельск, Кандалакша, Витино, Онега, Мезень, Варандей, Нарьян-Мар, Саббета, Дудинка, Диксон, Хатанга, Тикси, Анадырь, Певек, Провидения, Эгвекинот, Беринговский. Еще два арктических порта не входят в реестр, но являются филиалами пароходств: Амдерма (морской терминал морского порта Нарьян-Мар) и Игарка (филиал Енисейского пароходства). В соответствии со «Стратегией развития морской портовой инфраструктуры России до 2030 года» в целях общей модернизации Северного морского пути предусматривается реконструкция действующих арктических портов в Мурманске, Архангельске, Кандалакше, Витино, Варандее (в остальных портах арктического бассейна реализация крупных инвестиционных проектов не предусмотрена), а также создание морских глубоководных многофункциональных портов в Ненецком автономном округе (Индига) и на Ямале (Харасавей).

Кроме того, предполагается строительство новых рейдовых отгрузочных (Варандей, Приразломное, Игарка) и контейнерных терминалов (Мурманск, Тикси, Эгвекинот, Провиденция), реконструкция аэропортовой сети, развитие комплекса арктического сервиса (кардинальное обновление ледокольного флота, развитие систем обеспечения безопасности мореплавания, средств навигации, гидрографии, гидрометеорологии, радиосвязи) [3, с. 69–72].

Перспективы роста перевозок в результате освоения нефтегазовых месторождений на Ямале и в Баренцевом море обуславливают и строительство новых транспортных коридоров:

- проект «Северный широтный ход» включает строительство железной дороги Обская – Салехард – Надым – Пангоды – Новый Уренгой – Коротчаево, общей протяженностью 707 км, которая объединит Северную и Свердловскую железные дороги и, в перспективе, через полуостров Ямал обеспечит вывод транспортной системы России к Северному морскому пути. Общая стоимость проекта составляет 190 млрд руб.

- проект «Белкомур» (Белое Море – Коми – Урал) включает строительство и модернизацию железнодорожной магистрали Архангельск – Сыктывкар – Пермь, общей протяженностью 1 252 км, которая свяжет промышленные районы Западной Сибири с морским портом в Архангельске, а также позволит на 800 км сократить путь для грузов, поставляемых по железным дорогам из Китая и Казахстана в Европу. Общая стоимость проекта составляет свыше 170 млрд руб.

Таким образом, перспективные направления инвестиционного развития российской Арктики преимущественно связаны с проектами добычи углеводородных ресурсов и развитием Северного морского пути в ее западной части. Например, на сегодняшний день наибольший объем государственной поддержки приходится на Мурманскую область, где расположено федеральное государственное предприятие «Атомфлот», являющееся заказчиком строительства новых атомных ледоколов, а также на Ненецкий и Ямало-Ненецкий АО, где ведется строительство заводов по сжижению природного газа. В восточных же регионах, например на Чукотке, объемы инвестиций крайне непостоянны и связаны с развитием единичных промышленных проектов.

Особенности инвестиционной политики Арктической зоны обуславливают необходимость разработки и принятия поправок к нормативно-правовым актам в сфере природопользования и налогово-бюджетных отношений, направленных на создание благоприятного инвестиционного климата и условий для развития различных видов хозяйственной деятельности в Арктике. Необходим комплекс мер экономического стимулирования реализации инвестиционных проектов, в частности:

- установление пониженных ставок налога на прибыль хозяйствующим субъектам, осуществляющим деятельность в Арктической зоне, при реализации ими инвестиционных проектов;

- снижение ставок акцизов для подакцизных товаров, произведенных в Арктической зоне;

- установление повышенных нормативов зачисления поступлений от федеральных налогов и сборов в бюджеты субъектов, территории которых полностью или частично входят в Арктическую зону;

- освобождение от налогообложения предприятий коренных малочисленных народов Севера, осуществляющих традиционные виды хозяйствования в Арктической зоне.

В целях создания привлекательных условий для ведения бизнеса в регионах Арктической зоны необходимо снижение административных барьеров, реализация комплекса мер по развитию единого информационного пространства, способствующего повышению инвестиционной привлекательности арктических регионов.

Представляется, что реализация указанных мер позволит активизировать инвестиционные процессы в арктических регионах и повысит их инвестиционную привлекательность.

Литература

1. Лукин Ю. Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире. Архангельск : САФУ, 2013. 281 с.
2. Селин В. С., Башмакова Е. П. Значение северных и арктических регионов для развития России // Регион: Экономика и Социология. 2010. № 3. С. 23–39.
3. Серова В. А. Новый этап развития транспортной системы Арктики // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2014. № 5. С. 69–72.
4. Серова Н. А. Институциональные ограничения формирования и реализации социально-экономической политики в городах Севера России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2010. № 32 (89). С. 20–24.
5. Тишков А. А. «Арктический вектор» в сохранении наземных экосистем и биоразнообразия // Арктика: экология и экономика. 2012. № 2 (6). С. 28–43.
6. Фаузер В. В. Демографический потенциал северных регионов России как фактор экономического освоения Арктики // Арктика и Север. 2013. № 10. С. 1–29.

УДК 338.48:911.9«377»(571.122)

Соколов С. Н.
Sokolov S. N.

РЕКРЕАЦИОННО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ КАК ПРЕДПОСЫЛКА РАЗВИТИЯ ТУРИСТСКОЙ ИНДУСТРИИ

RECREATION-GEOGRAPHICAL POSITION OF KHANTY-MANSI AUTONOMOUS OKRUG – UGRA AS BACKGROUND FOR TOURISM INDUSTRY DEVELOPMENT

Туристская индустрия и рекреационная деятельность на территории Югры являются одной из главных составных частей социально-экономического развития региона. Выявление рекреационно-географического положения важно для разработки концепции туристического развития малоосвоенных в этом отношении регионов, к которым относится ХМАО – Югра. В статье приводится методика оценки рекреационно-географического положения ХМАО – Югры и соседних регионов.

Ключевые слова: туристская индустрия, рекреационно-географическое положение, методика оценки, рекреационные ресурсы, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра.

При рассмотрении концепции оптимальной территориальной организации хозяйства и общества на период становления рыночной экономики встает вопрос об анализе связи циклов рыночной экономики со стратегией развития территориальных образований и пространственной структурой производства регионов в конце XX – начале XXI вв. При диагностике состоятельности территориального развития требуется проведение анализа актуальных задач нового этапа в освоении регионов и описания перспектив регионального развития, рассмотрение региональной политики и социально-экономического развития регионов. В этом случае туристская индустрия и рекреационная деятельность будут являться одной из главных составных частей социально-экономического развития этих регионов.

Современная ситуация требует от социально-экономической географии и региональной экономики оперативной разработки конкретных рекомендаций по оптимальному ис-

пользованию внутреннего потенциала каждого региона. Поэтому необходимы анализ и оценка региональных факторов общественного функционирования, использование которых позволит резко повысить динамичность социально-экономических процессов. Одним из таких факторов, по нашему мнению, является экономико-географическое положение (ЭГП). Категорию ЭГП ввел в научный оборот Н. И. Баранский [3], согласно которому ЭГП – это отношение данного пункта или ареала к каким-либо данностям, взятым вне этого пункта или ареала. В основе ЭГП лежат определенные экономико-географические моменты, которые и составляют базу и создают возможности для ЭГП.

В дальнейшем И. М. Маергойз отмечал [4], что ЭГП включает положение относительно баз материального производства и рынков сбыта продукции, демографическое положение, транспортно-географическое положение, пограничное положение, континентальное положение, геополитическое положение и др. Все это и определило специфику теоретических разработок в области ЭГП. Э. Б. Алаев писал, что «основными пространственными характеристиками территории являются площадь и расстояние, как мера удаленности географических объектов или структур друг от друга» [1]. Через преодоление расстояния происходит реализация географических связей и, следовательно, интеграционных процессов. ЭГП – один из факторов изменения функций, экономической и территориальной организации регионов, причем, как отмечает А. И. Трейвиш [9], эти объекты, развиваясь, сами начинают влиять на ЭГП.

Как известно, раньше основное внимание уделялось вопросам пространственного размещения материального производства, в то время как географическим проблемам непродуцированной сферы отводилось довольно скромное место. Появление индустрии туризма требует выделения внутри ЭГП рекреационно-географического положения (РГП). Выявление и оценка РГП очень важны для разработки концепции туристического развития малоосвоенных в этом отношении регионов, к которым относится и ХМАО – Югра.

Природно-ресурсный потенциал территории (ПРП) – это совокупность естественных ресурсов, выступающих в качестве средств производства или предметов потребления в границах ландшафтов или регионов. Современный этап развития экономики отличается возрастающими масштабами потребления природных ресурсов, резким усложнением процесса взаимодействия природы и общества, интенсификацией и расширением сферы проявления специфических природно-антропогенных процессов. В этой связи большое значение приобретает изучение ПРП отдельных регионов и страны в целом, анализ систем их хозяйственного использования [8]. Одним из важнейших составляющих ПРП региона являются рекреационные ресурсы. Туризм и рекреационная деятельность также является одной из главных составных частей социально-экономического развития регионов. Потенциал рекреационных ресурсов определяет их роль в экономике регионов.

Для успешного развития экономики необходимо провести оценку рекреационных ресурсов и рекреационно-географического положения (РГП). Выявление РГП важно для разработки концепции туристического развития малоосвоенных в этом отношении регионов, к которым относится ХМАО – Югра. Главное в оценке РГП – это соседство регионов. Н. Н. Баранский указывал на важность характеристики соседствующих объектов, их конкретной специализации [2].

Основной смысл соседства с точки зрения экономической и социальной географии заключается в возможности непосредственного взаимодействия районов смежных территориальных систем, а через них – территориальных структур хозяйства и инфраструктуры соседних регионов в целом [10]. Следствием этого является существенное значение соседства для интеграционных процессов, а интеграция стимулирует развитие приграничных районов. Мы будем оценивать потенциал РГП регионов – соседей ХМАО – Югры.

В науке сложились три основных типа оценки рекреационных ресурсов: медико-биологический, психолого-эстетический и технологический. Ведущую роль при медико-биологических оценках играет комфортность климата. При выборе территории для спортивно-

оздоровительного отдыха учитывается степень контрастности места отдыха и уникальность объектов. Технологическая оценка отражает взаимодействие человека и природы с точки зрения туристско-рекреационной отрасли. Для всесторонней оценки рекреационного потенциала региона предлагается его балльная оценка [7].

Рекреационные ресурсы мы можем оценить по формуле:

$$R = [(a + b + c)d + e + f - g] hij, \quad (1)$$

где a – оценка оздоровительно-спортивной функции (0-10 баллов); b – оценка лечебно-курортной функции (0-10 баллов); c – оценка познавательной функции территории (0–10 баллов); d – индекс экономического развития; e – культурность ландшафтов; f – показатель относительной высоты; g – степень конфликтности территории; h – транспортная доступность; i – комфортность условий; j – контрастность территории.

Оценка оздоровительно-спортивной, лечебно-курортной и познавательной функции территории (a , b , c) определяется экспертным путем в пределах от 1 до 10 баллов. Индекс экономического развития (d) вычисляется по формуле:

$$d = D/D_c, \quad (2)$$

где D – ВРП на душу населения в данном регионе (руб.), D_c – средний российский уровень ВРП, равный 408,5 тыс. руб. на человека в год (2014 г.). Сведем эти данные в табл. 1.

Таблица 1

Оценка функций территории и индекс развития (2014 г.)

Регион	a	b	c	D	d
Ханты-Мансийский АО – Югра	6	4	4	1761,2	4,31
Ямало-Ненецкий АО	5	2	4	2985,3	7,31
Тюменская область (без АО)	3	5	6	522,0	1,28
Томская область	3	7	10	399,2	0,98
Красноярский край	10	8	10	498,4	1,22
Свердловская область	8	7	9	384,2	0,94
Республика Коми	7	8	5	553,8	1,36

Для расчета культурности ландшафтов и определения удельной рекреационной емкости ландшафтов требуется информация по структуре земельных угодий (табл. 2).

Таблица 2

Структура земельных угодий (%)

Регион	пашня	др. с/х угодья	леса	воды и болота	прочие
Ханты-Мансийский АО – Югра	0,0	1,2	53,7	43,2	1,9
Ямало-Ненецкий АО	0,0	0,3	26,2	34,5	39,0
Тюменская область (без АО)	9,5	11,6	44,4	32,0	2,5
Томская область	1,8	2,6	63,4	31,1	1,1
Красноярский край	1,4	0,9	51,1	13,5	33,1
Свердловская область	8,1	5,2	70,1	11,9	4,7
Республика Коми	0,3	0,7	74,6	11,3	13,1
Баллы удельной рекреационной емкости земельных угодий	0,02	0,7	1,6	0,6	0,5

Культурность ландшафтов (e) определяется как

$$e = kIW, \quad (3)$$

где k – удельная рекреационная ёмкость земельных угодий; l – продолжительность благоприятного периода для летнего отдыха и туризма (дней), W – площадь стереотипа, вычисленная по формуле:

$$W = 10,35 \frac{P_1^{0,6}}{(H/S)^{0,83}}, \quad (4)$$

где P_1 – людность крупнейшего города в регионе (чел.), H – численность населения на данной территории (в тыс. чел.), S – площадь территории (в тыс. км²). Статистические данные брались из [6].

Расчет культурности ландшафтов приведен в табл. 3.

Таблица 3

Культурность ландшафтов

Регион	k	l	P_1	H	S	W	e
Ханты-Мансийский АО – Югра	1,14	45	341	1612	535	137	7,0
Ямало-Ненецкий АО	0,82	45	115	540	769	239	8,9
Тюменская область (без АО)	1,00	85	699	1429	160	86	7,3
Томская область	1,23	85	565	1074	314	167	17,4
Красноярский край	1,07	60	1067	2859	2337	574	36,9
Свердловская область	1,25	60	1428	4327	194	62	4,7
Республика Коми	1,33	55	243	865	417	152	11,1

Показатель относительной высоты (f) определяется как:

$$f = (2f_1 + 5f_2)/100\%, \quad (5)$$

где f_1 – доля равнин, f_2 – доля гор (%).

Степень конфликтности (g) определяется по формуле:

$$g = \sum g_0 + 0,5 \sum g_1, \quad (6)$$

где g_0 – число конфликтов (экологических, этнических, пограничных и др.) на территории региона, g_1 в соседних регионах (на расстоянии не более 250 км). Сведем эти данные в табл. 4.

Таблица 4

Показатели относительной высоты и степень конфликтности территории

Регион	f_1	f_2	f	g_0	g_1	g
Ханты-Мансийский АО – Югра	95	5	2,2	2	3	3,5
Ямало-Ненецкий АО	97	3	2,1	2	2	3,0
Тюменская область (без АО)	100	0	2,0	3	3	4,5
Томская область	100	0	2,0	2	2	3,0
Красноярский край	18	82	4,5	4	2	56,0
Свердловская область	65	35	3,1	3	7	6,5
Республика Коми	95	5	2,2	2	7	5,5

Для расчета показателя транспортной доступности требуется информация по длине транспортных путей (табл. 5), расчет модифицированного коэффициента Энгеля, показателя проницаемости границ и удельного числа условных переходов границы.

Таблица 5

Длина дорог с учетом коэффициентов Василевского

Регион	q_1	q_2	q_3	q_4	q_5	q_6	q
Ханты-Мансийский АО – Югра	1,1	5,0	0,5	1,2	5,6	13,2	9,4
Ямало-Ненецкий АО	0,5	1,9	0,2	0,2	6,1	9,8	7,8
Тюменская область (без АО)	0,9	9,7	3,6	6,0	2,2	0,4	8,1
Томская область	0,3	3,9	3,5	1,4	5,2	5,2	8,0
Красноярский край	2,1	11,9	15,2	11,0	7,1	10,9	19,9
Свердловская область	3,5	16,3	7,2	6,8	0,7	1,1	12,7
Республика Коми	1,7	4,4	2,0	1,2	4,1	3,7	8,2
коэффициенты Василевского	1	0,45	0,15	0,01	1	0,025	

Модифицированный коэффициент Энгеля (n) определяется как:

$$n = \sum(qG) / \sqrt{100HS}, \quad (7)$$

где q – длина дорог с учетом поправочных коэффициентов G Василевского (q_1 – железные дороги, q_2 – усовершенствованные автодороги, q_3 – автодороги с твердым покрытием, q_4 – прочие автодороги, q_5 – водные пути, q_6 – воздушные пути; км).

Показатель проницаемости границ (m) между регионами определяется по формуле:

$$m = 10(2Q_1 + Q_2 + 0,5Q_3) / L, \quad (8)$$

где L – длина границы региона, Q_1, Q_2, Q_3 – число пересечений границы между регионами соответственно железными, автомобильными дорогами, водными путями.

Транспортная доступность (h) определяется как

$$h = nm, \quad (9)$$

где n – модифицированный коэффициент Энгеля, определяется по формуле (7), m – проницаемость границ, определяется по формуле (8).

Расчет показателя проницаемости границ и транспортной доступности представлен в табл. 6.

Таблица 6

**Показатель проницаемости границ, коэффициент Энгеля
и транспортная доступность**

Регион	Q_1	Q_2	Q_3	L	m	n	h
Ханты-Мансийский АО – Югра	4	71	5	4733	0,17	31,9	5,49
Ямало-Ненецкий АО	2	40	5	4686	0,10	38,1	3,70
Тюменская область (без АО)	3	79	7	3700	0,24	53,3	12,74
Томская область	1	71	11	3082	0,25	43,4	11,06
Красноярский край	8	85	11	4770	0,22	24,3	5,43
Свердловская область	11	109	3	2880	0,46	43,9	20,20
Республика Коми	5	69	4	4415	0,18	43,1	7,91

Комфортность территории i определяется от 0,1 (абсолютно дискомфортные) до 3,4 (наиболее комфортные условия). Данные заимствовались с карты [5] как среднее взвешенное, деленное на 25 (табл. 7).

Таблица 7

Показатели комфортности (%)

Регион	1–3	3–6	6–10	10–20	20–40	40–70	Всего	<i>i</i>
Средний показатель в группе	2	4,5	8	15	30	55		
Ханты-Мансийский АО – Югра			10	90			14,30	0,57
Ямало-Ненецкий АО	5	15	70				6,38	0,26
Тюменская область (без АО)				2	98		29,70	1,19
Томская область				50	50		22,50	0,90
Красноярский край	25	20	25	20	5	5	10,65	0,43
Свердловская область			5	25	70		25,15	1,01
Республика Коми		5	30	35	30		16,88	0,68

Контрастность территории (*j*) рассчитывается по видоизмененной формуле Шеннона:

$$j = (x + y + z) / 3, \quad (10)$$

где $x = -\sum X \log_2 X$; $y = -\sum Y \log_2 Y$; $z = -\sum Z \log_2 Z$; x – доля типов ландшафтов на территории (согласно районированию по природным зонам); y – доля типов земельных угодий на территории; z – доля этносов на территории региона. Сведем эти данные в табл. 8.

Таблица 8

Показатели контрастности

Регион	<i>x</i>	<i>y</i>	<i>z</i>	<i>j</i>
Ханты-Мансийский АО – Югра	0,99	1,19	2,08	1,42
Ямало-Ненецкий АО	1,16	1,59	2,33	1,69
Тюменская область (без АО)	0,63	1,86	1,78	1,43
Томская область	0,66	1,25	0,62	0,84
Красноярский край	2,06	1,56	0,70	1,44
Свердловская область	2,49	1,45	0,658	1,54
Республика Коми	1,48	1,13	1,57	1,39

Таким образом, для регионов оценка потенциала РГП следующая. Максимальное количество баллов набирает Свердловская область (745), второе место занимает Тюменская (490), третье – Томская (302), четвертое – Ханты-Мансийский АО – Югра (295), пятое – Республика Коми (260), шестое – Красноярский край (235), седьмое – Ямало-Ненецкий АО (146).

Оценка РГП любого региона позволяет определить как негативные, так и позитивные моменты его социально-экономического развития, сделать прогноз по дальнейшему развитию его туристской индустрии. Для изучения современного состояния региональной экономики можно построить модель РГП, которая позволит выделить те стороны, которые существенны для целей социально-экономического развития региона (в том числе и рекреации), что повысит эффективность исследований ученых, занимающихся проблемами региональной экономики и рекреационными проектами.

Литература

1. Алаев Э. Б. Социально-экономическая география : понятийно-терминологический словарь. М. : Мысль, 1983. 350 с.
2. Баранский Н. Н. Научные принципы географии. М. : Мысль, 1980.
3. Баранский Н. Н. Становление советской экономической географии. М. : Мысль, 1980. 287 с.
4. Маергойз И. М. Территориальная структура хозяйства. Новосибирск : Наука, 1986. 303 с.

5. Национальная стратегия и план действий по сохранению биоразнообразия России. URL: http://www.sci.aha.ru/biodiv/npd/4_14.htm (дата обращения: 20.04.2016).
6. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2015 : стат. сб. М. : Росстат, 2015.
7. Соколов С. Н. Методика оценки рекреационных ресурсов регионов России // Экономика. Сервис. Туризм. Культура : сб. ст. Барнаул : Изд-во Алт. гос. тех. ун-та, 2014. С. 118–121.
8. Соколов С. Н. Экономико-географическое положение как социально-экономический ресурс регионов Российской Федерации // Мир научных открытий. 2015. № 94 (69). С. 1528–1538.
9. Трейвиш А. И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М. : Новый хронограф, 2009.
10. Яськова Т. И. Пристоличное положение как фактор социально-экономического развития Смоленской области: дис. ... канд. геогр. наук. Смоленск, 2014. 183 с.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ, КУЛЬТУРЫ

УДК 37.014.5:331

*Бахитов С. Б.
Bakhitov S. B.*

ОТЧУЖДЕНИЕ ТРУДА И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

LABOUR ESTRANGEMENT AND SOCIAL-HUMANITARIAN EDUCATION

В статье рассматривается проблема влияния отчуждения труда на сферу социально-гуманитарных наук и социально-гуманитарное образование в отражении философских и социологических сочинений конца XX – начала XXI в. Современное общество характеризуется усилением неустойчивости рынка труда, потерей населением долговременной перспективы развития. Серьезный кризис наблюдается в сфере социально-гуманитарного и философского образования. В основе кризиса социально-гуманитарного образования лежит отчуждение труда, растущее в условиях современного сервисно-рендного капитализма.

Ключевые слова: социально-гуманитарные науки, отчуждение, отчуждение труда, сервисно-рендное общество, диалектическое мышление, кризис образования.

Кризисное состояние современного социально-гуманитарного образования как в России, так и на Западе, думается, не вызывает сомнений. В западной постмодернистской социологической литературе кризис образования обычно связывают с формированием в результате неолиберальной политики властей «общества риска». Термин этот получил права гражданства в социологии благодаря известной работе немецкого социолога Ульриха Бека «Общество риска», вышедшей в ФРГ в 1986 г. Социальные причины кризиса образования У. Бек связывает, прежде всего, с ситуацией на рынке труда: «Образовательная система уступила свою реальную распределяющую функцию отделам кадров предприятий и их начальникам, а общественный контроль за распределением шансов в образовательной системе сведен к негативному отбору с целью незаконного лишения шансов» [2, с. 226]. Особенно сильный удар был нанесен по основной школе, чей аттестат стал явно недостаточным для получения работы: «При такой маргинализирующей функции основная школа, как ранее школа специальная (особая), превращается в «кладовую» для безработной молодежи, в образовательно ориентированную «молодежную базу» где-то между улицей и тюрьмой. Функциональное ее содержание сдвигается в направлении трудотерапии. Соответственно ухудшается педагогическая ситуация. Легитимность учителей и учебных планов находится под угрозой» [2, с. 227]. Но и роль вузов тоже изменилась, так как их диплом перестал быть гарантией престижной работы по специальности. «Диплом об образовании ничего более не сулит, но он по-прежнему и даже более, чем когда-либо, есть условие, могущее предотвратить грозящую безнадежность» [2, с. 229], – пишет немецкий социолог. Результатом становится формальное отношение студентов к обучению: «...осознавая обесценивание содержательных квалификаций, человек стремится лишь к формальному завершению образования как к страховке от грозящего падения в бездну безработицы» [2, с. 229].

Думается, весь приводимый У. Беком материал, вся его аргументация прямо указывают на главную причину кризиса образования. Это растущее отчуждение труда. Проблема отчуждения труда, впервые поставленная Г. В. Ф. Гегелем, приобретает особое значение у молодого К. Маркса. Важнейшим элементом отчуждения становится разделение труда в

условиях промышленной революции: «По мере развития этого разделения труда, с одной стороны, и накопления капиталов, с другой, рабочий все в большей и большей степени попадает в полную зависимость от работы, и притом от определенной, весьма односторонней, машинообразной работы. Наряду с духовным и физическим принижением его до роли машины, с превращением человека в абстрактную деятельность и в желудок, он попадает все в большую и большую зависимость от всех колебаний рыночной цены, от применения капиталов и прихоти богачей» [8, с. 50].

Данная цитата касается промышленных рабочих. Но, по мысли К. Маркса, при капитализме представители духовного труда в сущности низводятся до уровня обычных работников по найму. В знаменитом «Манифесте коммунистической партии» К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Буржуазия лишила священного ореола все роды деятельности, которые до тех пор считались почетными и на которые смотрели с благоговейным трепетом. Врача, юриста, священника, поэта, человека науки она превратила в своих платных наемных работников» [7, с. 427].

Согласно немецкому социологу К. Зейфарту, специфика западных интеллектуальных слоев заключалась в соединении воспитания, господства и профессии. В образовании это непосредственно выразилось в сочетании рационального обучения специальности с общим гуманистическим образованием, квалифицирующим человека «сословно», что превращало западных интеллектуалов в носителей и проводников частичных рационализаций и модернизаций, творчески осуществляемых в каждом конкретном случае путем подведения единичного под общий принцип разума [11, с. 189–205]. Однако в дальнейшем данный социокультурный тип западного интеллектуала начинает разрушаться за счет выделения, с одной стороны, истолкователей духовного труда, а с другой – носителей формальной рациональности, занимающихся утилизацией результатов деятельности в целях, далеких от собственно профессиональных. За счет резкого роста числа последних происходит кризис рационализации, выражающийся в замене литературно развитого культурного человека на узкого специалиста, теряющего «право на господство» на основе образования. Само воспитание «спецов» становится все более «фабричнообразным», а их деятельность все более замыкается на повседневной рациональности, все более бюрократизируется, лишается творческого начала и личного смысла [11, с. 205–211]. Думается, что в первую очередь в кризисе должно оказаться социально-гуманитарное образование.

В советской философии проблема отчуждения весьма подробно рассматривалась Э. В. Ильенковым. Согласно ему: «Мера власти «отчуждения» над людьми всегда обратно пропорциональна их естественно-научной и социальной грамотности, а еще точнее – умению их действовать в согласии с разумом, то бишь с объективной истиной, с объективной природой вещей, выраженной в разуме» [5, с. 292]. Противоположным отчужденному мышлению является мышление диалектическое, основанное на выделении потребностей социальных групп [5, с. 344].

Однако именно здесь мы наблюдаем явный кризис социально-гуманитарного образования. Классический пример приводит С. Г. Кара-Мурза: «Недавно на совещании преподавателей обществоведения зав. кафедрой политологии объясняла, какие полезные курсы читаются студентам – «их учат, как надо жить в гражданском обществе». Ее спросили: зачем же учат именно этому, если у нас как раз гражданского общества нет? Почему не учат тому, что реально существует? Она удивилась вопросу, хотя и признала, что да, далеко нам до гражданского общества» [6, с. 170]. Можно привести и другие примеры. Так, в написанном для СПО учебном пособии В. Д. Губина «Основы философии» в главе, посвященной философии Нового времени, рассказывается о А. Шопенгауэре, Ф. Ницше, С. Кьеркегоре, но не говорится ни о Г. В. Ф. Гегеле, ни о К. Марксе [4, с. 41–45].

С чем же связан современный кризис диалектического мышления в социально-гуманитарной сфере? На наш взгляд, с социальной структурой, порождающей отчуждение (проявляющееся и в организации труда, и в сфере образования, и в научной деятельности), вытекающей в конечном счете из отношений собственности, т. е. из способа производства.

Как писал Э. В. Ильенков: «...Каждая система разделения общественного труда всегда и создает, и формирует соответствующую своим нуждам систему воспитания, систему образования, которая производит в общем и целом именно таких людей, какие нужны данному обществу, и именно в таких пропорциях, какие устанавливаются в ходе совокупного производства» [5, с. 41].

По мнению британского социолога З. Баумана, современное общество разрушает связь индивидуального и социального [1, с. 7]. Некое ощущение единства пролетариата, возникшее в начале XX века, все более исчезает, когда в новых условиях безработные из резервной армии труда рискуют превратиться в вечных безработных [1, с. 93]. В кризисе оказывается и ориентированная на поддержание определенных культурных стандартов система образования, т. к. жизненный успех зависит теперь от той скорости, с которой люди расстаются со старыми привычками, а не от скорости приобретения новых. Университеты все меньше являются тем местом, где приобретаются и теряются репутации. Известность заменяет собой славу и научные дипломы. Формирование устойчивой идентичности уже больше не является целью образования [1, с. 158–185]. Благодаря росту отчуждения уже на уровне повседневности мощнейший удар наносится по одному из главных принципов научного социально-гуманитарного (да и вообще научного) познания – принципу историзма. Как пишет З. Бауман, всеобщая неуверенность разрушает веру в будущее, индивидуальность и единство временного восприятия своей судьбы: «Когда господствует неуверенность, планы на будущее становятся временными и неустойчивыми. Чем слабее контроль человека над настоящим, тем меньше планов он строит на будущее – сами отрезки времени, называемые «будущим», становятся все короче, а жизнь в целом разделяется на эпизоды, которые рассматриваются один за другим» [1, с. 143]. Видимо, именно здесь следует видеть причины кризиса общественно-исторического сознания. Б. Г. Могильницкий в самом конце XX в. писал: «Порвалась связь времен. В широком общественном сознании, да и среди самих историков, утвердилось представление о коренном разрыве настоящего с прошлым, а, следовательно, и о том, что знание прошлого не может служить руководством к пониманию настоящего и предсказанию будущего – уже в силу непохожести на настоящее» [9, с. 13].

З. Бауман связывает современный кризис общественного сознания с особенностями нелиберальной стадии капитализма, начавшейся с 1980-х гг. Однако хотелось бы отметить, что и ранее капиталистическая культура содержала в себе условия современного кризиса. Как пишет С. Г. Кара-Мурза: «Мозаичная культура и сконструированная для ее воспроизводства новая школа («фабрика субъектов») произвели нового человека – «человека массы». Это полубразованный человек, наполненный сведениями, нужными для выполнения контролируемых операций. Человек самодовольный, считающий себя образованным, но образованный именно чтобы быть винтиком – „специалист“» [6, с. 424].

Особенностью современной России, связанной с ее структурной организацией, является повышенная роль бюрократической составляющей отчуждения. Наиболее явно негативная роль бюрократического отчуждения проявляется при исследовании положения тех, кто транслирует научные знания в общество, учителей и преподавателей в целом. Здесь отчуждение труда стало просто колоссальным. Авторы коллективной монографии, посвященной повышению квалификации работников образования, на широком социологическом материале отмечают, что у половины учителей появляются заболевания, связанные с регулярными психологическими нагрузками. 91 % опрошенных отметили, что работа у них усложнилась, но только 51 % педагогов признались, что могут при возросшей нагрузке успешно справляться со всеми своими обязанностями. Многие учителя хотели бы сменить место работы или перестать работать, хотя в последнее время этот показатель снизился с 44,3 % до 36 % [10, с. 10]. На наш взгляд, все эти данные прямо говорят о социально-психологическом кризисе профессиональной среды. Не случайно, что по данным тех же исследователей половина населения считает профессию учителя не престижной [10, с. 10].

В чем заключаются глубинные причины усиления капиталистическо-бюрократического отчуждения труда работников нематериальной сферы? По мнению А. В. Готноги, они – в формировании нового сервисно-рентного общества, в котором несправедливость капиталистического отчуждения труда достигает максимальной очевидности: «...В сервисно-рентном обществе станет очевидным, что свободное от материального производства время есть подлинное богатство общества. Эту очевидность придаст крайняя степень несправедливости и социального неравенства, когда все общественно-свободное время будет присвоено господствующим классом рантье, а все остальное население, попав в личную зависимость, потеряет остатки свободного времени, которым оно располагало в капиталистическом обществе в нисходящей фазе его эволюции» [3, с. 233]. Очевидно, что единственный реальный выход из социально-гуманитарного кризиса (в т. ч. и из кризиса образования) заключается в деятельности, т. е. в диалектическом исследовании и практическом преодолении противоречий.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2002. 390 с.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
3. Готнога А. В. Теоретико-методологические основания исторического прогнозирования. Красноярск : Научно-инновационный центр, 2014. 264 с.
4. Губин В. Д. Основы философии : учеб. пособие. М. : ФОРУМ:ИНФА-М, 2005. 288 с.
5. Ильенков Э. В. Философия и культура. М. : Изд-во Моск. психолого-социальн. ин-та; Воронеж : МОДЭК, 2010. 808 с.
6. Кара-Мурза С. Г. Потерянный разум. Интеллигенция на пепелище России. М. : Алгоритм, 2012. 752 с.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. Собр. соч. : изд. 2-е. Т. 4. С. 419–459.
8. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. Собр. соч. : изд. 2-е. Т. 42. С. 41–174.
9. Могильницкий Б. Г., Николаева И. Ю., Ким С. Г., Мучник В. М., Карначук Н. В. Историческая наука и историческое сознание. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2000. 234 с.
10. Персонифицированная модель повышения квалификации работников образования в современных социально-экономических условиях: колл. моногр. / под ред. Н. К. Зотовой. 2-е изд., стер. М. : ФЛИНТА, 2013. 344 с.
11. Seyfart K. Gesellschaftliche Rationalisierung und die Entwicklung der Intellektualenschichten: Zur Weiterführung eines zentralen Themas Max Webers // Max Weber und die Rationalisierung sozialen Handelns / Hrsg. W. M. Sprondel, C. Seyfart. Stuttgart, 1981. S. 189–214.

УДК 327:316.32:005.44

Бутенко Н. А.

Butenko N. A.

ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

GLOBAL PROCESSES RESEARCH PROBLEMS IN MODERN WORLD

Автор статьи анализирует различные теоретические подходы к рассмотрению феномена «глобализации», а также определение понятия «глобализация». Рассматривается возможность совмещения геополитического и глобализационного подходов к рассмотрению современного процесса. Автор приходит к выводу, что на основе системного подхода возможно исследование глобализационных процессов современного мира.

Ключевые слова: глобализация, геополитика, системный подход, «мир-система», цивилизация.

Проблема глобализации в современном мире стала наиболее обсуждаемой и актуальной в социальных науках. Главными идеологами современной глобализации стали западные авторы Карл Поппер (в книге «Открытое общество и его враги»), Иммануил Валлерстайн (в книге «Мир-системный анализ»), Фрэнсис Фукуяма (в книге «Конец истории и последний человек») и Збигнев Бжезински (в книге «Великая шахматная доска»).

Отметим, что на сегодняшний день не существует однозначного толкования термина «глобализация». Усилиями нескольких дисциплин возникли следующие представления: в экономике и культурологи глобализация мыслится как система «потоков» разных порядков (A. Appadurai) или как совокупность самых различных процессов (Z. Naisbitt) и в разных формах материальных обменов (в сфере экономики), интернационализации (в политической сфере) и глобальной культуре (M. Waters) [1, с. 11].

Можно выделить обобщенные теоретические видения глобализации: во-первых, глобализация как отношения между частями мироцелостности, во-вторых, глобализация как целостная мировая система или как глобальное общество, в-третьих, изображение глобализации предстает как сверхсистемный процесс, создающий такую целостность, где отсутствуют членение на внешнее и внутреннее, на часть и целое (R. Robertson, J. Bartelson) [1, с. 12] Первый подход является более узким, который и может, собственно, применяться в глобалистике, а два другие подхода имеют очень широкий социальный смысл.

С сильнейшей критикой процесса глобализации выступают антиглобалисты, яркими представителями которых являются российские исследователи А. С. Панарин («Искушение глобализмом»), А. А. Зиновьев, С. Г. Кара-мурза, Б. Ключников, И. Я. Фроянов, О. А. Арин, М. Г. Делягин, Г. Джемаль, Т. В. Муранивский и многие другие.

До возникновения процесса глобализации и теорий глобализации существовал геополитический подход, который сформировался во второй половине XIX века. Объектом геополитики как науки является планетарное пространство, геополитические процессы и явления в мировом сообществе как системе. Само понятие геополитики многозначно, поэтому при его использовании часто смешиваются его значения. Тем не менее, можно выделить три основных аспекта использования данного понятия в современном мире [3, с. 6–7]. Во-первых, оно характеризует ту или иную идеологическую доктрину, обосновывающую наступательное или оборонительное направление международной политики национальными или блоковыми интересами в жизненном пространстве. Во-вторых, понятие геополитики характеризу-

ет конкретно-исторический тип международных отношений эпохи передела мира, уже в основном завоеванного и освоенного старыми державами, практическую стратегию международной политики народов и государств новейшей истории. В-третьих, понятие геополитики означает новую формирующуюся исследовательскую дисциплину.

Как теоретико-методологический подход к общественно-историческому развитию геополитика дополняет формационный и цивилизационный подходы. Последний она глобализирует и при этом еще более гипертрофирует пространственное измерение. Геополитика возникла на базе трех учений: цивилизационной теории культурно-исторической школы (Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби и др.), военно-стратегического (Н. Макиавелли, К. фон Клаузевиц, А. Мэхэн и др.) и географического детерминизма (Полибий, Аристотель, Жан Боден, Ш. Монтескье, К. Риттер, Ф. Ратцель, Р. Челлен и др.) В основе геополитики лежит противостояние двух типов цивилизаций, определяемых географическими категориями.

Казалось бы, существует много общего в геополитическом и глобализационном подходах рассмотрения мировой системы. Но геополитика связана с функционированием империй и требует наличия соизмеримых игроков на международной арене. В современном мире США претендуют на роль глобальной империи, которая бы руководила всеми, поэтому глобальная империя уже не руководствовалась бы геополитикой, а отрицала бы ее. Возникает система глобального неформального доминирования США в мире. Следовательно, геополитический подход в анализе современного мира не столь актуален, как глобалистика, так как сама мировая система изменилась.

В настоящее время кроме частнодисциплинарных трактовок глобализации возникают попытки объединить усилия нескольких дисциплин и выработать обобщающий подход. Необходимо отметить роль системного подхода с его категориальным аппаратом, который позволяет при помощи своей методологии вобрать в себя и основные сферы глобализации и ее интерпретации (глобалистов и антиглобалистов).

С конца 60-х годов в результате процессов глобализации развивается мир-системный взгляд на человеческое сообщество, который в полной мере вписывается в геополитическую эпоху «нового мирового порядка». Авторами этого подхода являются Ф. Бродель, И. Валлерстайн, А. Г. Франк и др. С точки зрения мир-системников, мир – это не совокупность стран или обществ, а некая историческая система, мир-экономика, основанная на разделении труда. Они выступают против термина «глобализация», так как, по их мнению, для описания мировых систем достаточно термина «интернациональный». Термин «глобальный» игнорирует роль национальных границ. Д. Абросимов считает, что эти два подхода вполне совместимы, т. е. мир-системный и глобальный. Если К. Поппер все общества разделил на «закрытые» и «открытые» системы, то И. Валлерстайн выделил три типа обществ: «мини-системы» – это маленькие общества с однородной культурой, «мировые империи» – это общества с объединенными разными культурами, «мировые экономики» – это капиталистическая система.

Одновременно с выработкой теории открытых и закрытых обществ Поппером и Бергсоном была создана теория открытых систем Л. фон Берталанфи, суть которой в том, что открытая система осуществляет взаимодействие со своей средой по каким-либо параметрам, а закрытая система таких обменов не осуществляет [4, с. 178]. Методическим принципом общей теории систем является иерархический анализ систем, когда выделяются подсистемы разных уровней. Этот принцип был предложен в работе М. Месаровича [5, с. 42]. Нужно отметить, что синергетический подход может быть использован в описании открытости систем. Как указывает И. Пригожин, синергетический подход вносит в системный новое понимание времени как кольцевой взаимосвязи многообразия различных времен [1, с. 76].

Таким образом, в анализе процессов глобализации нужно выделить особую роль системного подхода, так как он позволяет применить обобщенный взгляд на глобализацию как непрерывный процесс. Для анализа этого процесса используют следующие сферы общества: экономику, транснациональную политику, культурную коммуникацию. Экономическая глобализация – это рост ТНК, интернационализация товаров, финансов, а также мировое разде-

ление труда. Политическая глобализация – это рост международных организаций, усиление их влияния. Культурная глобализация означает распространение эстетических стандартов, поведенческих образцов, которые транслируются западной культурой.

В русле идей И. Валлерстайна можно отметить, что все исторические системы являются сложными и иерархическими. Эти системы могут быть проанализированы по следующим основаниям: экономическим, политическим, социальным, культурным. Все эти сферы условно разделены в анализе, а в жизни представляют собой тесно взаимосвязанную единую систему. Н. С. Розов дает интересную трактовку идей Валлерстайна. Все мир-экономики – это исторические системы, структурированные по оси: ядро – это высший статус, сосредоточение капитала, передовых технологий, военной мощи. Полупериферия имеет срединный статус, это опорные пункты эксплуатации ядром периферии, динамичность развития. Периферия – низший статус, почти то же, что и «колония», сырьевой придаток, склонность к стагнации [6]. Итак, ядро – это зона, приобретающая прибыль (Запад), а периферия – зона, теряющая прибыль. В качестве постоянно расширяющейся периферии выступали такие страны, как Турция, Китай, Индия, Япония, другие страны Юго-Восточной Азии. Думается, что миросистемный подход отражает одностороннее видение мирового процесса, так как во главу угла ставятся организация производства, обмен товарами и защита ресурсов. Редукции подвергается ценностная и познавательная проблематика таких человеческих общностей и структур, как этнос, нация и цивилизация, которые рассматриваются как функции миросистемных отношений, т. е. они являются формами разделения труда и организации отношений обмена [7, с. 553].

В нашем анализе мы подходим к выводу, что все миросистемы являются открытыми. М. Хардт и А. Негри провели обстоятельный анализ открытости общества и глобализации. В своей концепции Империи они приписывают ряд свойств той общественной системе, которая лежит в основе глобализации. Империя – это система пространственной всеобщности, по сути, установление власти над всем цивилизованным миром. Империя – это, по сути, порядок, установленный навсегда, т. е. конец истории. Владычество Империи распространяется на все уровни социального порядка, она не только управляет территориями и населением, она устанавливает тот мир, в котором живет. Империя – это идея биовласти над миром, но она стремится к вечному и всеобщему миру [10, с. 14]. Авторы в качестве такой Империи рассматривают США.

В целом нужно отметить, что категория «открытого общества» является важной в исследовании процессов глобализации, так как она описывает состояние политической системы стран, вовлеченных в этот процесс.

Необходимо также указать на то, что глобализация – это процесс, который постоянно производит и воспроизводит определенные риски. Э. Гидденс определяет современный мир как систему, структурными элементами которой являются риски, создаваемые человечеством. Современные риски обусловлены процессом глобализации [2]. Одним из таких рисков становятся межцивилизационные конфликты.

С. Хантингтон выдвигает концепцию «столкновения культур», интерпретируя глобализацию как «процесс столкновения цивилизаций» [9, с. 34–52], а Ф. Фукуяма заявляет, что результатом этого процесса может стать «конец истории», когда весь мир станет однородным [8]. Причем в цивилизационных конфликтах будут использованы не только средства, которые стали традиционными в период «холодной войны», т. е. экономические, психологические, информационные, но будут обязательно востребованы и военные средства. Хантингтон предвидит, что агрессия западной цивилизации побуждает все остальные цивилизации в перспективе занять консолидированную круговую оборонительную позицию по отношению к Западу. Ф. Фукуяма в статье «Конец истории?» (1990 г.) предсказал, что после падения коммунизма в СССР можно считать весь мир устроенным по модели Запада. На наш взгляд, предсказания Хантингтона и Фукуямы не являются столь уж абсурдными, исходя из современной геополитической обстановки. Следует отметить, что действиями какой-либо цивили-

зации всегда руководит определенная «цивилизационная идея», в которой выражается суть национального самосознания.

Итак, в современном мире ни одно государство или нация не могут существовать отдельно, изолированно. Современная геополитическая ситуация, по-видимому, складывается так, что на первый план на мировой арене выходят межцивилизационные противоречия. Запад инициирует создание ситуации, в которой эти отношения носили бы, как правило, конфронтационный характер. Становится уже вполне очевидным, что достижение Западом провозглашенной им основной цели – установление так называемого «нового мирового порядка», который является частью глобализации, – предполагает торжество «западной демократии» в смысле господства западной цивилизации во главе с США над всем остальным миром.

Процесс глобализации является всеобщим, все страны и народы втянуты в него. Изучение проблем глобализации, выработка единой методологии для всех наук, занимающихся изучением данного процесса, является крайне необходимой.

Литература

1. Абросимов Д. В. Методология исследования глобальных конфликтов : учеб. пособие для вузов. Ростов н/Д : Издательство ЮФУ, 2011. 128 с.
2. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М. : Весь мир, 2004. 120 с.
3. Дугин А. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М. : Арктогея, 1997. 567 с. С. 6–7.
4. Ильин М. В. Слова и смыслы: опыт описания ключевых политических понятий. М. : РОСПЭН, 1997.
5. Месарович М., Мако Д., Тахакара И. Теория иерархических многоуровневых систем. М. : Мир, 1973.
6. Розов Н. С. Общества, миросистемы и цивилизации: синтез парадигм и структура истории. М., 2000.
7. Рудометов В., Робертсон Р. Глобализация. Миросистемная теория и сравнительная теория цивилизаций // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. М. : Аспект-пресс, 1999. С. 533.
8. Фукуяма Ф. Конец истории // Философия истории. Антология. М. : Аспект-пресс, 1995. 350 с.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Свободная мысль. 1993. № 1. С. 34–52.
10. Хардт М, Негри А. Империя. М. : Праксис, 2004.

УДК 1(091)(37+38):172.12

*ГаберкORN А. И.
GaberKorn A. I.*

ПРОБЛЕМА ГРАЖДАНСКОГО ДОЛГА И ОТВЕТСТВЕННОСТИ В АНТИЧНОЙ ФИЛОСОФИИ

CIVIC DUTY AND RESPONSIBILITY PROBLEMS IN ANTIQUE PHILOSOPHY

В статье анализируется проблема формирования гражданского долга и гражданской ответственности на примере философии досократовского, сократовского и позднегреческого периодов.

Ключевые слова: гражданское образование, гражданский долг, гражданская ответственность, граждане.

Сегодня тема формирования гражданского долга и гражданской ответственности нередко привлекает внимание общественных деятелей, политиков, социологов, политологов и психологов. В то же время нельзя не отметить, что в современной философии, в том числе и социальной, данная тема освещается весьма редко. Возможно, это обусловлено наличием других более животрепещущих тем, стоящих на повестке дня, или же обширным полем деятельности для философского исследования.

Как бы то ни было нельзя отрицать тот факт, что внимание философов зачастую просто необходимо для рассмотрения данной проблемы с разных ракурсов и формирования наиболее адекватных путей ее решения.

В данной статье автор показывает, что в истории философии тема формирования гражданского долга и гражданской ответственности начиная с античности привлекала интерес философов. И не столь важно, было ли это обусловлено социально-экономическими или политическими изменениями внутри полисов, сколько то, что философы того периода осознавали всю серьезность решения данной проблемы, формируя новые концепции и обосновывая необходимость исполнения гражданского долга и сплочения населения.

Согласно утверждениям греческих ученых А. Какавулиса и Г. Гикопулоса, возникновение гражданского образования в собственном смысле слова можно обнаружить в критянском обществе во II-I тысячелетии до нашей эры, поскольку уже в тот период воспитание юношей осуществлялось государством. Как отмечали исследователи: «критяне обязывали свободных молодых сначала разучивать законы через пение, так что они воспитывались сами с помощью музыки и легче сохраняли в памяти законы. Когда же те совершали что-то запрещенное, они уже не имели оснований для отговорок, что они сделали это по незнанию» [7, с. 38].

Правда, на наш взгляд, это скорее пример не гражданского образования, а догражданской формы воспитания, направленной на подготовку молодых людей к жизни в государстве. Тем не менее, действительно, именно в условиях древних демократий начинают складываться предпосылки гражданского образования.

На протяжении длительного периода основанием для политического и гражданского воспитания греков являлся политический мир эпохи гомеровских героев. В это время все чаще воспевались такие добродетели, как преданность отечеству, мужество на войне и повиновение вождю.

В качестве примера приведем слова А. Бонара, описавшего двух главных героев «Иллиады»: «Насколько Ахиллес легко проходит мимо гражданских чувств, настолько в Гекторе крепка любовь к родному краю, к своим согражданам... Ахиллесу, вождю полудикого племени...порой одичавшему до уровня животного противопоставлен Гектор, сын города» [4, с. 70].

Установление полисной демократии и активное требование проявления гражданской позиции можно обнаружить в реформах Солона. В одном из изданных законов, правитель писал следующее: «Кто во время смуты в государстве не станет с оружием в руках ни за тех, ни за других, тот предастся бесчестью и лишается гражданских прав» [2, с. 36].

Позже преобразования в подобном ключе были продолжены реформами Клисфена, в ходе которых граждане афинской демократии были вынуждены самостоятельно принимать решения, неся ответственность за свои поступки и повинуюсь гражданским обязанностям.

Вся философия той эпохи формировала мировоззренческую основу воспитания граждан в духе выполнения гражданского долга. Правда, сами формы воспитания греков вызвали бурные дискуссии. Одни философы полагали, что поведение, характер и мировоззрение населения зависят от уровня государственного и общественного устройства: чем оно лучше, тем больше в нем справедливых, разумных, смелых и патриотичных граждан. Их оппоненты же придерживались противоположного мнения: государственное и общественное устройство полностью зависит от усилий самих граждан. Как бы то ни было, споры продолжаются и по сей день.

Впоследствии мифологическая эпоха мышления и политического образования сменилась онтологической, которую нередко связывают с педагогической практикой софистов.

Платные учителя философии прославились тем, что учили добиваться победы в споре любой ценой, даже, если потребуется, уходя от истины. Наиболее характерной чертой софистики являлось утверждение относительности всех человеческих понятий, этических норм и оценок. Хорошо известно высказывание представителя старших софистов – Протагора, ставшее обоснованием гносеологического релятивизма, о том, что человек есть мера всех вещей: существующих – в том, что они существуют, и не существующих – в том, что они не существуют. В дальнейшем в учении младших софистов происходит переход от гносеологического к моральному и политическому релятивизму.

Несмотря на то, что данное учение нередко подвергалось критике, немало исследователей оправдывало софистскую практику. Например, А.-И. Марру утверждал, что профессиональные учителя сумели решить самую насущную проблему того периода – проблему воспитания государственного деятеля, а отечественный ученый А. И. Щербинин отмечал, что софисты обозначили новый вектор профессионального политического образования в реальном политическом процессе.

Как бы то ни было стоит признать, что именно деятельность софистов послужила неким толчком для нового обоснования концепций гражданского долга и ответственности в учениях Сократа, Аристотеля и Платона.

Сократ, в отличие от софистов, не исключал этику из политического образования. Главная задача учения философа заключалась в том, чтобы доказать объективность истины в противовес софистской относительности. В учении Сократа особое место занимали ценности политического консенсуса, а соблюдение законов рассматривалось в качестве высшей гражданской добродетели.

В работах Аристотеля прослеживалось не только описание лучших форм гражданского воспитания и образования, но и раскрывалось определение понятия «гражданина». Например, в «Политике» Аристотель писал, что «лучше всего безусловное понятие гражданина может быть определено через участие в суде и власти» [3, с. 445]. Кроме того, философ в своем учении обозначил критерии «истинных граждан».

В отличие от других философов Платон ограничил гражданское воспитание созданием концепции идеальной модели взаимоотношений человека и полиса, разделив всех граждан на 3 категории сословий: высшее сословие философов, управляющих государством, сословие стражей, охраняющих государство и сословие прочих граждан (ремесленники, дельцы, крестьяне), обеспечивающих снабжение государства всем необходимым.

Постепенное решение вопросов, связанных с формированием гражданской ответственности, необходимостью исполнения гражданского долга и работой на благо государства, особенно отчетливо прослеживалось в работе философа под названием «Государство». Рассуждая над ролью мифов в воспитании стражей и указывая на возможное подражание богам и героям, герой платоновского произведения Сократ подчеркивал необходимость их корректирования в целях правильного воспитания будущих граждан. «Нельзя рассказывать юному слушателю, что, поступая крайне несправедливо, он не совершает ничего особенно-го... что он просто делает то же самое, что и первые величайшие боги» [5, с. 121]. Он также заострял внимание на том, что не стоит рассказывать о битвах богов и героев с их родственниками, их кознях и сражениях, поскольку это негативно скажется на сплочении стражей.

Сквозь все произведение прослеживается мысль о необходимости максимального освещения таких положительных качеств, как справедливость, мужество, сплоченность и приверженность своему государству. Говоря о последнем, платоновский герой задавался следующим вопросом: «Может ли быть... большее благо, чем то, что связывает государство и способствует его единству?» [5, с. 214]. И далее в ходе диалога с оппонентами подводил к выводу, что большего блага быть и не может.

Сама идея объединения граждан усматривалась и в цели «платоновского» государства: «То убеждениями, то силой обеспечивает оно сплоченность всех граждан, делая так, чтобы они были друг другу взаимно полезны в той мере, в какой они вообще могут быть по-

лезны для всего общества» [5, с. 272]. Таким образом, превыше всего считалось не достижение благоденствия какого-либо одного слоя населения, а всеобщего блага.

В дальнейшем концепция гражданского долга и гражданской ответственности вновь подверглась существенным изменениям под влиянием кризиса афинской демократии.

Социально-экономический кризис хорошо виден на примере воззрения киников (Антисфена, Диогена Синопского и др.), которые, всячески протестуя против угнетения, непосильных налогов, роскоши и несправедливости властей, объединили в своих рядах всех тех, кто оказался за чертой бедности. В данном случае произошло сплочение определенного слоя населения против некоего общего врага в лице богатого класса.

Другим известным философским учением того периода, акцентировавшим внимание на понятии долга, стал стоицизм. В данном случае «долг» заключался в стремлении к нравственному совершенству, которое могло быть достигнуто лишь при условии, что человек живет в соответствии с природой и подчиняется судьбе.

Стоики (Зенон Китионский, Хрисипп, Панэтий, Сенека, Марк Аврелий и др.) учили терпению, стойкости, мужественности и помощи ближнему, провозглашая то, что нужно оставаться человеком и в бедности, и в богатстве, сохраняя при этом свое достоинство и честь. В учении стоицизма прослеживалась тема благодеяния и приношения пользы ближнему. Например, еще Сенека в своем трактате «О благодеяниях» отмечал, что «смысл благодеяний прост: их только дарят... Благодеяние оказано для благодеяния... Подавай помощь: кому средствами, кому кредитом, кому расположением, кому советом, кому полезными наставлениями» [6].

Стоики поздней античности говорили о том, что счастье может быть достигнуто лишь в деятельности, направленной на непрерываемое следование долгу и при выполнении принятых на себя обязательств. Например, в учении Эпиктета прослеживалось признание нужды исполнения гражданских обязанностей, труда и помощи друзьям.

О приношении пользы согражданам в «Размышлениях» писал и Марк Аврелий, акцентирующий внимание на том, что нужно иметь две готовности, «одна из которых состоит в том, чтобы делать только то, что поручает тебе смысл власти и закона на пользу людей» [1]. Следуя знанию о миропорядке, философ требовал своевременно перегруппировать усилия ради достижения общего блага.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что в позднегреческий период былую славу утратили мифы, и на фоне гражданских войн и усиливающейся социально-экономической дифференциации общества возникла потребность в новых учениях, способных объяснить существующее положение дел и ответить на вопрос о смысле дальнейшей жизни. И несмотря на то, что возникшие философские концепции порой значительно отличались друг от друга, в каждой из них указывалось на необходимость взаимопомощи и сплочения граждан будь то перед общим врагом в лице имущественных слоев населения (кинизм) или же перед вызовами судьбы (стоицизм).

Литература

1. Аврелий М. Размышления. URL: <http://lib.ru/POEEAST/avrelij.txt> (дата обращения: 20.04.16).
2. Античная демократия в свидетельствах современников / подгот. Л. П. Маринович, Г. А. Кошеленко. М. : Ладомир, 1996. 385 с.
3. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1983. 830 с.
4. Боннар А. Греческая цивилизация. От Илиады до Парфенона. Ростов н/Д. : Феникс, 1992. Т. 1. 448 с.
5. Платон. Государство. Законы. Политик. М. : Мысль, 1998. 798 с.
6. Сенека. О Благодеяниях. URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1328203959> (дата обращения: 20.04.16).
7. Щербинин А. И. Политическое образование. М. : Весь Мир, 2009. 288 с.

УДК 141.32

Денисова Т. Ю.

Denisova T. Yu.

ЧЕЛОВЕК КАК ОБИТАТЕЛЬ ГРАНИЦЫ

MAN AS BORDER INHABITANT

Важнейшими экзистенциальными задачами человека являются самопознание и достижение самотождества. Эти задачи решаются индивидом в процессе установления своих наличных границ и своих пределов возможного. Обнаружение границ происходит только в момент попыток их пересечения. Соответственно, экзистенция всегда сопряжена с трансцендентными актами, процессом установления и разрушения границ.

Ключевые слова: граница, сущность, трансценденция, экзистенция, энтелехия.

Хотеть жить – это хотеть занимать еще точки пространства и времени, то есть восполнять или дополнять себя тем, чем мы сами не обладаем.

М. К. Мамардашвили. Эстетика мышления

Около двадцати пяти столетий отделяет нас от времени, когда были сформулированы две основополагающие задачи человеческого существования, не теряющие актуальности по сей день. Первая из них «Γνωθί σαυτόν» – «Узнай себя», известная по изречению на фронтоне храма Аполлона в Дельфах, стала свидетельством рождения личностного начала в человеке. Вторая, принадлежащая греческому поэту Пиндару, – «Γένοι οίος έσσί μαθών» – «Будь таким, каким ты себя познал» или «Будь, каков ты есть, а ты знаешь, каков ты есть» [6] стала восприниматься в контексте современной цивилизации как императив, направленный против тотального разлада с миром и собой.

Познай себя, чтобы познать мир как целое, в которое ты включен в качестве части. Стань тем, кто ты есть, чтобы обнаружить свое место и назначение в единстве целого. Но что значит стать, если ты уже есть, т. е. уже обладаешь свойством «быть»? Можно ли уже быть, но еще не стать?

По мысли А. В. Ахутина, «каждое сущее *есть* в той мере, какая ему отмерена соразмерностью целого и в какой оно эту меру наполняет. Чрезмерность, неполная мера или несоизмеримость существования – неуместность, несвоевременность, неподходящее усилие или негодное отношение – не позволяют сущему сбиться самим собой» [1, с. 149]. Человеческое существование определено многими мерами, обуславливающими и определяющими его подлинность: мерой времени его жизни, мерой места, мерой сил, умений, событий, возможностей. Но даже в тех случаях, когда они задаются извне (как срок жизни, эпоха, события, физические возможности), они имеют значение только постольку, поскольку переживаются и осмысливаются самим индивидом, значит, участвуют в реализации его существа, его целей и назначения не сами по себе, а в результате его собственного устремления и усилия. Усилия стать собой.

Проблема достижения самотождества в процессе существования возвращает нас к известному сартровскому вопросу о соотношении, первичности сущности и существования в бытии вещи и человека. Важная черта экзистенции состоит в том, что это существование не внутри своей заданной, готовой индивидуальной формы, своего монадического панциря, а всегда выход вовне, попытка существования вне себя. Специфика человеческих границ – в

отсутствии жесткой закреплённости. Они всегда есть – и всегда неокончательны, то есть обладают способностью трансформироваться, «растягиваться» новыми возможностями, потенциями, устремлениями, способами взаимодействия со средой. Специфика существования человека в границах не есть простое пребывание в границах своего, пусть даже динамическое пребывание (ведь жизнь всегда предполагает процесс) – это способ бытия, подразумевающий трансцендирование как его необходимое условие, то есть это способ бытия, диалектически соединяющий интенции и к установлению, и пересечению границ.

Подлинное отношение индивида с реальностью – не только отдельность, но и включённость; уникальность, выросшая из универсальности; частное, связанное с общим. Поэтому граница является необходимым условием и существования, и сущности. В любой момент своего существования индивид представляет собой некий смысловой топос, облечённый границами. Граница даёт место и отделяет от тотальности, но она включает и соединяет. Она замыкает индивида, позволяя быть целостностью, но, будучи подвижной и проницаемой, позволяет этой целостности расти и меняться. Экзистенция, таким образом, может быть сопоставима с «ничто» (понимаемом не как отрицание бытия, а как его условие). Она в этом смысле – пустота, в которой благодаря флуктуациям понимающего и творческого человеческого усилия, человеческой энергии и возникает субъект. Это усилие ничего не гарантирует, ничем не обеспечено, ни в чем не находит опоры и завершения.

В Книге Екклесиаста, где перечисляется все, чему «свое время» – время любить и ненавидеть, разбрасывать и собирать камни, содержится неожиданная мысль о том, что у человека нет времени собирать плоды своих трудов: «Нет ничего лучше, как наслаждаться человеку делами своими: потому что это – доля его; ибо кто приведет посмотреть на то, что будет после него?» (Еккл. III, 22) [4]. И человек, и труды его, и пребывание на земле не достигают энтелехии, не бывают завершёнными, законченными, совершенными. Человек никогда не может сказать, что он все исполнил, что был должен. Он, конечное существо, всегда имеет дело с чем-то таким, чему нет конца и завершения.

Сартр говорил, что в этом смысле человек никогда не есть то, что есть, он всегда или позади, или впереди самого себя. То есть он никогда не есть, но в то же время всегда есть. Эта позиция Сартра о никогда не достигаемой сущности человека ясна, и убедительно обоснована, и воспринимается часто как азбучная истина. При том, что человек исходя из сущности собственного Я осознаёт действительность, конструирует мир со всеми его границами и смыслами, строит отношения с ним, вынужденный – даже декларируя объективность как цель, – возвращаться к своему Я, это самое Я оказывается самой эфемерной вещью на свете. Но никакой другой опоры, кроме глубины собственного Я – этой «пустой химеры», «мертвой точки», «нежити», как выражается А. В. Ахутин [2], у человека нет. Я инородно всему в мире, не способно вмещаться ни в какое определённое место, неуместно, бездомно, – и эти его изгойство и неуместность, и их осознание, и вечные поиски «дома», причастности, соучастия, места (а значит – границ) составляют суть его экзистенции.

Отсюда закономерно возникает вопрос – обладает ли экзистирующий субъект сущностью, пусть иначе, чем вещь, но хоть каким-то образом?

Довольно часто случается услышать выражения «дело всей жизни», «любовь всей жизни», «смысл всей жизни». Все они как бы предполагают, что жизнь конкретного индивида имеет изначально цель, предназначение и способна достичь абсолютной завершенности и полноты. Однако это не так. Ни в один момент времени жизнь не дана целиком – не только в своих временных границах, но и смыслах. Она никогда не «вся». Быть «всей» – значит, быть замкнутой в границах, причем окончательных. Но жизнь, по сути, всегда разворачивание неясного, невидимого нечто, обретения им определенности, узнаваемости, возможности артикуляции. Но и ядро, сердцевина жизни личности, эта исходная точка разворачивания, и ее будущие края тонут в неясности, позволяя лишь строить догадки, что было началом, и насколько окончателен конец. «Границ души тебе не отыскать, так глубок ее Логос», – предупредил Гераклит. Однако невозможность выполнения этой задачи не снимает ее как за-

дачу. Во все времена в поисках согласия с собой, сбывания собой человек пытался обнаружить и маркировать границы «своего».

Как нам представляется, поиски себя происходят в двух противоположных процессах, направляемых центростремительной и центробежной силами. С одной стороны, человек пытается захватить, освоить, присвоить, вобрать в себя то, что попадает в поле зрения за пределами своего наличного, а с другой, будто следуя совету Марка Аврелия «Свернись в самого себя», вгрызается в собственную глубину, сердцевину, отыскивая то, без чего он – не он. То есть человеку в равной степени свойственно искать не только свои пределы в процессе разворачивания, но и свое средоточие, центр, сущность в попытках сворачивания. Трансценденция и желание овладеть всем есть выражение желания стать собой, и при этом бесконечное неостановимое движение от себя, во-первых, невозможно для конечного существа, а, во-вторых, здесь начинает действовать логика создания и существования империи: процесс завоевания все новых рубежей не позволяет освоить, структурировать, осмыслить уже завоеванное. Человек, желающий быть везде, остается подвешенным в своей пустоте. Х.-Л. Борхес приводит пример из китайского эпоса о том, как демон замечает раненному им чародею, который обернулся четырьмя тысячами чародеев: «Умножиться не диво, ты попробуй воссоединиться» [5, с. 686].

Опыт Александра Великого – пример разворачивания, опыт его современника Диогена – пример сворачивания. Экспансия и аскеза – два пути установления границ: в первом случае границы там, где тебе уже ничего не принадлежит и не будет принадлежать, во втором – там, дальше чего тебе ничего не нужно, чтобы продолжать быть собой. Та же проблема, но несколько иначе может быть представлена в ницшевском сравнении образов Диониса и Аполлона, двух символических начал, двух состояний человека. Дионисийский разгул – это попытка человека испытать свои пределы, достичь границ возможного и попытаться их перейти, превосходя в этом открытии границы самого себя. Аполлон как символ разумности, рациональности, меры, дает человеку пример достижения не «всего», а лучшего, правильного, совершенного. И в том, и в другом образе задаются границы человека, но в первом – это стихийная страсть первопроходца, испытателя, готового на все в неудержимом стремлении обнаружить границы возможного; во втором – просчитанная, рациональная попытка установления границ правильного, разумного бытия, завершенности, совершенства, максимального соответствия образцу. То есть в образе Диониса воплощена интенция достичь границ возможного, в образе Аполлона – границ образца, энтелехии.

В греческой мифологии и трагедии ярко представлена также и комбинация этих интенций. Она воплощена в понятии ἕβρις, являющемся по сути этическим принципом поведения героев. Буквально оно может быть понято как «гордость», «дерзость» и означает поведение, выходящее за рамки принятого, дозволенного традицией и богами. Под ἕβρις понималось нечестивое отношение к богам, нарушение социальных правил, осуждаемое не только традицией, но и подлежащее наказанию в юридической практике. Однако ἕβρις является вместе с тем неотъемлемым элементом проведения героя, способом реализации его «героических» потенций и интенций, тем, без чего он не стал бы самим собой.

Что такое Одиссей без Итаки и драматического возвращения на Итаку? Антигона без нарушения запрета хоронить брата? Прометей без похищения огня? Сократ, покаявшийся по всем пунктам обвинений?

Получается, что, нарушая и пересекая границы наличного, человек решает парадоксальную задачу: двигаясь к краю и заглядывая за край, он держит в уме цель не уйти от себя подальше, а встретиться с собой, обрести себя. Выходя из себя, трансцендируя за границы привычного своего, он собирает себя. При этом внутреннее единство, целостность, собранность в своем существе и отличие себя от иного, интеграция своего и дезинтеграция с чужим в процессе не замыкания в своем, а именно трансцендирования осознаются им как сложнейшая, но жизненно важная задача. Разумеется, трансцендирование не представляет собой бесцельное бегство от себя, и нарушение границ – не самоцель. Этот процесс и не хаотичен и не предзадан кем-то или чем-то изначально.

В процессе существования с субъектом могут происходить события, внешние по отношению к его личности, причины которых не связаны с ним смыслами. Однако, сталкиваясь с субъектом, эти события получают смысл внутри его личности, встраиваются в его наличное бытие и перспективы, исходя из целостности его натуры. Событие становится судьбоносным не в силу какой-то внешней телеологии, а потому, что осмысливается с позиций определенного субъекта. Более того, неосуществленные возможности, которые не осуществились именно в жизни этого субъекта, имеют к нему отношение, и потому они, хоть и остались вне его существования, все же не ничто. В. В. Биbihин приводит в связи с этим очень выразительный пример. В известном Шумеро-Аккадском эпосе о Гильгамеше о герое сказано: «В дальний путь ходил, но устал и вернулся». Какое отношение эта недостигнутая цель имеет к личности героя, выражает ли она его неполноту, ущербность? Нет, пишет Биbihин, в этой усталости нет никакого позора и слабости, – это тоже достижение: «Это не отчаяние, а особенная полнота, которая, однако, не может показать себя, потому что она не в завладении миром, а, наоборот, в трезвом отказе от завладения» [3, с. 63]. Устремленность за границы и попытки их пересечения – не просто осуществление разнореального будущего, где актуальное – условие потенциального. Это и сам процесс конструирования этого возможного будущего в мечтах и планах. Желание другого уже означает прорастание в это другое, присутствие в другом. Даже «прекрасное невозможное» не отделено от актуального непреодолимой стеной, поскольку связано с ядром личности: у каждого свое «прекрасное невозможное».

Фактически человек всегда находится на границе своего и иного, имманентного и трансцендентного, наличного и возможного. Нуждаясь в границах, прокладывая границы, пересекая их или упираясь в них, ностальгируя о за-границном, ином, замыкаясь в «своем», он является вечным обитателем границы.

Литература

1. Ахутин А. В. Античные начала философии. СПб. : Наука, 2007. 783 с.
2. Ахутин А. В. Записки из-под спуда // Архэ-1. URL: <http://bibler.ru/arche1.html#zapiski> (дата обращения 14.01.2016).
3. Биbihин В. В. Мир. СПб. : Наука, 2007. 431 с.
4. Библия. Кн. Екклесиаста. Любое издание.
5. Борхес Х.-Л. Собр. соч. Т.2. Произв. 1942–1969. СПб. : Амфора, 2011. 847с.
6. Пиндар. Пифийские песни. 2. «Иксион», Гиерону Сиракузскому. 3э, 71–72. URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/pindar/pindar04.htm> (дата обращения 11.12. 2015).

УДК 316.758

*Долгицкий О. Д.
Dolgitskiy O. D.*

АНОМИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НУЖД И ПОТРЕБНОСТЕЙ

ANOMIE IN TERMS OF NEEDS AND REQUIREMENTS

В данной статье предпринимается попытка провести связь между аномией как беспорядочным состоянием общества и неудовлетворённостью нужд индивидов данного общества. Предполагается, что в результате часто меняющихся социально-экономических условий происходит частое изменение доступности потребностей как форм удовлетворения нужд.

Ключевые слова: аномия, блага, потребности, ретритизм, нужды.

Проблема аномии, с позиции современных методологических подходов, связана, в первую очередь, с выделением определенных предметных областей ее исследования.

В начале XX в. понятие аномии Э. Дюркгейм использовал для описания состояния общественного беспорядка (безнормности) в применении к большим и малым общностям. Позже, в середине позапрошлого века, американский социолог и психолог Лео Сроул (Leo Srole), в свою очередь, распространил понятие аномии на сферу человеческой жизни в качестве отображающего психологическое состояние индивидуальной депривации. Понятие аномии, распространенное на область психического состояния индивидов, он предложил обозначать термином *anomia*, соответствующим его древнегреческому произношению, отличив тем самым индивидуальную аномии от социального, обозначенного Дюркгеймом термином *anomie*.

Сегодня мы можем выделить два направления разработки вопроса о смысле понятия аномии. Первое, в рамках *anomia*, уходит корнями в античную философию и характеризует состояние индивидуальной депривации индивида от общества. Второе, в рамках *anomie*, раскрывает состояние общества, охваченного беспорядком, связанным с пренебрежением его членов к закону, юридическим нормам.

При этом объективно наблюдаемым явлением, вызванным аномией, принято считать «девиантное поведение». Впервые данное понятие появилось в работе Эмиля Дюркгейма «Суицид» [3].

Одним из основных факторов, способствующих появлению девиантного поведения, как считает Дюркгейм, является рост уровня культурной неоднородности, который, по его мнению, и приводит к аномии. В то же время Роберт Мертон, развивавший во второй половине XX века социологическую теорию Дюркгейма, считает, что аномия является продуктом дисбаланса между двумя основными компонентами общества: культурной и социальной структурами [5]. Исследуя аномии как общественный феномен, Мертон, в конечном счете, описывает её как характеристику индивида, имея в виду, таким образом, первоначальное, древнегреческое происхождение этого термина и предполагаемого им содержания самого явления. Мертон, следовательно, синтезирует оба указанных смысла понятия и явления аномии.

Совсем иную точку зрения на проблему аномии в своих работах предлагает Эрих Фромм. В своей работе «Здоровое общество» он подмечает следующее: «Существует ещё одна причина, на которую не обратили внимания ни Дюркгейм, ни другие исследователи проблемы самоубийств. Она связана с «балансовым» подходом к жизни как к коммерческому предприятию, которое может закончиться крахом. Причиной многих случаев самоубийств было осознание того, что «жизнь не удалась», что «она не стоит того, чтобы жить». Человек убивает себя, подобно тому, как бизнесмен объявляет себя банкротом, когда его убытки превышают доходы, и уже нет надежды «встать на ноги» [10].

Стоит при этом отметить, что «Здоровое общество» писалось на английском языке, где слово «bankrupt» одновременно означает как «банкротство», так и «несостоятельность».

И. Г. Степанов, говоря о банкротстве, отмечает, что «корни данного понятия уходят в средние века, когда и возник термин «банкротство»: тогда товарное производство отсутствовало, а субъектами рынка выступали физические лица (торговцы, ростовщики, ремесленники и др.). Субъектами же современного рынка являются, как правило, организации, предприятия, которые в условиях конкурентной борьбы могут стать несостоятельными и подвергнуться ликвидации, то есть стать банкротами. Из сказанного можно сделать вывод о некорректности дефиниции банкротства применительно к современным условиям и необходимости ее переосмысления. Хотя к физическим лицам (гражданам), частным предпринимателям она вполне применима» [8]. В то же время, проводя анализ понятий банкротства и несостоятельности, Степанов отмечает, что «хотя эти понятия близки, но несостоятельность не есть факт банкротства, а лишь предпосылка к нему, и не всегда она может закончиться судебным признанием банкротства» [8].

Мы полностью согласны с данной позицией. В действительности банкротство как неспособность оплачивать долговые обязательства является лишь показателем отсутствия финансовых средств. В то же время, отсутствие финансовых средств является свидетельством отсутствия средств социального взаимодействия и навыков, необходимых для зарабатывания денег, или же их несостоятельности в постоянно меняющихся условиях среды.

Это говорит нам о том, что возникновение аномии в обществе – это результат несостоятельности социокультурных навыков и целей индивидов в нынешних условиях среды.

Нужно понимать, что если раньше аномия наблюдалась в период революций или бунтов, то сегодня аномия – это результат постоянно меняющихся условий среды. Если раньше этой средой были многомиллионные города, сегодня этой средой стал ещё и интернет. Именно посредством интернета идеи и цели различных культур постоянно синтезируются и плодят новые цели, в то же время критерии состоятельности этих целей постоянно усложняются и растут.

Это приводит к тому, что сегодня требуется постоянно повышать собственную квалификацию и осваивать дополнительные профессии и навыки, чтобы быть состоятельным в обществе. Разумеется, для достижения данного результата индивидам приходится прикладывать огромное количество труда, за которым далеко не всегда сразу следует положенная награда.

В более ранней статье мы указывали, что если для получения желаемого блага, индивиду требуется затратить непомерные для него трудовые усилия, то в условиях ограничений поведения законами, проявляется инновационное поведение (использование институционально запрещаемых, но часто бывающих эффективными средств достижения цели). Это происходит, если новые институционально неодобряемые или не регламентируемые средства приносят достаточное количество благ. При этом, если благ недостаточно, поведение приобретает характер «ретритизма» (от англ. «retreat» – отступление, бегство), проявляющегося в форме девиантного поведения.

Очень важно понимать, что именно длительный, безрезультатный труд приводит к ретритизму.

Как уже говорилось выше, сегодня человек вынужден затрачивать огромное количество труда в связи с необходимостью поддержания статуса состоятельности. В этом процессе индивид неминуемо начинает сталкиваться с различными экстремальными факторами. В число экстремальных факторов можно отнести холод, страх, голод, жажду, боль и длительные физические нагрузки. Длительное воздействие данных факторов приводит к возникновению адаптационного синдрома или дистресса, характеризующегося увеличением коры надпочечников, уменьшением вилочковой железы, селезенки и лимфатических узлов, нарушением обмена веществ а также изменением состава крови [6].

В то же время, если рассматривать данную проблему с точки зрения гуманистической психологии, можно вспомнить идею пирамиды потребностей Абрахама Маслоу, который ставит в её основание физиологические потребности, отмечая при этом то, что подлинная самоактуализация предполагает наличие благоприятных социально-исторических условий [4].

Учитывая данный подход, можно сделать вывод о том, что для достижения состоятельности индивидов в обществе требуются особые социально-исторические условия. Данные условия предполагают, что индивиды смогут получать в доступных им знаковых формах цели, средства совладания со средой, и блага для удовлетворения потребностей на время данного процесса.

При этом блага для удовлетворения потребностей в данном контексте имеют принципиальное значение. Блага в данном случае понимаются не только как средства удовлетворения нужды в воздухе, тепле, воде, еде, сне и т. д., но и как объекты, качественно характеризующие ту или иную формацию.

Например, на сегодняшний день в «слаборазвитой сельской местности среднесуточное потребление воды на одного человека составляет 20–30 литров в сутки. В то же время

среднесуточное потребление жителя воды большого города составляет 150 литров в сутки, которые распределяются на: приготовление пищи (5 л), умывание (5 л), гигиенический душ и мытьё (60 л), мытьё полов (10 л), стирка (20 л), промывка туалетов (18 л), другие хозяйственные и бытовые нужды (32 л)» [9].

Данные показатели считаются достаточными для удовлетворения нужд человека. Однако в том случае, если воды не будет хватать, например, для обеспечения работы канализации, возможно, повышается риск возникновения эпидемии, которая снизит уровень производства в городе в связи с заболеваемостью индивидов. В свою очередь, снижение уровня производства приводит к риску возникновения экономического кризиса, а кризис, в свою очередь, приводит к возникновению аномии.

Этот гипотетический пример иллюстрирует ту мысль, что «потребность в воде» и «нужда в воде» это совершенно разные понятия. Нужда в воде предполагает суточную потребность индивида в жидкости, позволяющую субъективно не испытывать жажду. В то же время, «потребность в воде» предполагает наличие достаточного количества воды для обеспечения возможности индивида осуществлять труд, не отвлекаясь на удовлетворение нужд.

По нашему мнению, формы приспособления к среде, которые выделял Р. Мертон, – это результат приспособления к среде, в которой индивид испытывает неудовлетворённость собственных нужд в процессе социально приемлемых форм труда.

Имея в виду предшествующий анализ, следует сделать вывод, что аномия – это дефицит форм удовлетворения нужд. Иными словами, аномия – это дефицит потребностей в культуре и обществе. При этом, данный дефицит может возникать как в период резкого экономического роста, так и в период спада.

Литература

1. Даймонд Дж. Почему происходит гибель цивилизаций. URL: http://www.ted.com/talks/jared_diamond_on_why_societies_collapse?language=ru#t-498906 (дата обращения: 20.02.2015).
2. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд / пер., с фр. с сокр.; под ред. В. А. Базарова. М. : Мысль, 1994. С. 399.
3. Кара-Мурза С. Г. Аномия в России: причины и проявления. М. : Научный эксперт, 2013. 259 с.
4. Маслоу А. Мотивация и личность = Motivation and Personality / пер. А. М. Татлыбаевой; терминолог. правка В. Данченко. К. : PSYLIB, 2004.
5. Мертон Р. К. Социальная структура и аномия // Социология преступности (Современные буржуазные теории). М. : Прогресс, 1966. С. 299–313.
6. Селье Г. Очерки об адапционном синдроме / пер., с англ. В. Кандрор, А. Рогов. М. : Гос. изд-во мед. лит., 1960. С. 254.
7. Соколова Г. Н. Труд // Энциклопедия социологии / сост. А. А. Грицанов и др. Минск: Книжный Дом, 2003. 1312 с.
8. Степанов И. Г. Содержание понятий несостоятельности и банкротства / И. Г. Степанов, Н. С. Попова, М. Н. Демидова // Сибирская финансовая школа. 2004 г. № 4. С. 67–69.
9. Тылес А. Е. Вода и здоровье человека: профилактика бактериальных и вирусных инфекций, распространяющихся с водой / под ред. Э. А. Пуриной, Л. В. Шапориной, В. В. Ромашева. Всесоюз. Науч.-исслед. центр профилактич. медицины Миндрав СССР. М., 1990.
10. Фромм Э. Здоровое общество / пер., с англ. Т. Банкетова. М. : АСТ ; Хранитель. Сер.: Философия. Психология, 2009. С. 544.

УДК 001.102-049.5(470+510(1-17))

Жогаль А. В.
Zhogal A. V.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В СЕВЕРНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

INFORMATION SECURITY IN NORTHERN REGIONS OF RUSSIA

В статье рассмотрена проблема реализации государственной политики в области обеспечения информационной безопасности и создания информационного общества в стране, особенности решения проблемы в её северных регионах, а также актуализированы аспекты деятельности региональных властей в рамках реализации программы обеспечения информационной безопасности.

Ключевые слова: информационная безопасность, интересы общества, охрана личности, безопасность общества.

Вопрос обеспечения информационной безопасности в регионах и в обществе в целом в настоящее время актуализирован по разным причинам. С одной стороны, современное общество максимально вовлечено в глобальную информационную среду, которая представляет собой, помимо содержания самой информации, еще и информационную структуру ее субъектов, осуществляющих сбор, формирование, распространение, распределение, управление и использование этой информации. С другой стороны, надо понимать, что существуют системы, которые регулируют возникающие в информационной среде общественные отношения.

Таким образом, информационная среда и информационная безопасность стали системообразующими факторами, которые в своей совокупности весьма ощутимо влияют на политическую, общественную, социально-экономическую, оборонную и другие составляющие безопасности государства. Очевидно, что национальная безопасность государства находится в прямой зависимости от безопасности информационной. Эта зависимость и взаимообусловленность в ходе становления и развития современного информационного общества будет только возрастать.

Подтверждением вышесказанного является постановка задач, представленных в «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 07.02.2008. № ПР-212). Одной из задач является формирование современной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры, предоставление на ее основе качественных услуг и обеспечение высокого уровня доступности для населения информации и технологий [4].

Какое содержание вложено в понимание терминов «информация» и «информационная безопасность»? В Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» 2006 года записано, что «информация» – это сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления» [5]. В свою очередь, в доктрине информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ 09.09.2000. № ПР-1895) говорится, что информационная безопасность – это «состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства» [1].

Интересы государства в информационной сфере заключаются:

- в создании условий для гармоничного развития информационной инфраструктуры;
- в реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина в области получения информации и пользования ею в целях обеспечения незыблемости конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности России;

- в обеспечении политической, экономической и социальной стабильности общества;
- в безусловном обеспечении законности и правопорядка;
- в развитии равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества.

Интересы личности в сфере информационной безопасности заключаются в соблюдении и реализации конституционного права граждан на получение и пользование информацией в личной, не запрещенной законом, деятельности, в интересах духовного, физического и интеллектуального развития. Кроме того, человек заинтересован в защите информации, обеспечивающей его личную безопасность.

Немаловажным аспектом обеспечения информационной безопасности является возможность оперативно и достоверно доносить информацию до населения. В этом аспекте весьма показательным является использование властями возможностей социальных сетей, в которых, как известно, высока скорость распространения информации.

Интересы общества исходят из интересов личности, но включают в себя больше требований к информационной безопасности. В рамках этих интересов информационная безопасность должна служить созданию правового социального государства, духовному развитию граждан, достижению и поддержанию общественного согласия.

Правительством Российской Федерации в сфере информационной безопасности был сформулирован ряд стратегических и текущих задач для обеспечения информационной безопасности государства. Суть их определяется следующими позициями:

- соблюдение конституционных и естественных прав и свобод человека в области получения и распоряжения информацией;
- обеспечение доступа к открытым государственным ресурсам и предоставление гражданам и международному сообществу информации о государственной политике Российской Федерации;
- развитие наукоемких технологий в сфере информационных технологий, информатизации, телекоммуникации и связи, с последующим выходом на мировой рынок;
- защита информации и информационных систем от несанкционированного доступа.

Отметим, что некоторые задачи обеспечения информационной безопасности государства и стратегии развития информационного общества в Российской Федерации совпадают.

Каким же образом обсуждаемые нами задачи обеспечения информационной безопасности общества реализуются в северных регионах нашей страны? В качестве примера эффективности деятельности правительства в рамках программы обеспечения информационной безопасности возьмем данные, опубликованные Российским статистическим ежегодником [3] в пяти северных регионах страны, и проанализируем динамику 2013–2014 годов по показателям количества домохозяйств, имеющих персональные компьютеры, а также домохозяйств, обеспеченных доступом выхода в сеть Интернет:

- Мурманская область: показатель 89,3 % (2014 г.); 84,1 % (2013 г.) по наличию персональных компьютеров и 87,5 % (2014 г.); 80,9 % (2013 г.) соответственно обеспеченных доступом выхода в сеть Интернет;

- Ханты-Мансийский автономный округ – Югра: показатель 93,4 % (2014 г.); 92,7 % (2013 г.) по наличию персональных компьютеров и 94,2 % (2014 г.); 87,6 % (2013 г.) соответственно обеспеченных доступом выхода в сеть Интернет;

- Ямало-Ненецкий автономный округ 94,5 % (90,8 % – 2013г.) по наличию ПК и 90,2 % (81,8 % – 2013 г.) соответственно обеспеченных доступом выхода в сеть Интернет;

- Республика Саха (Якутия): 87,1 % (2014 г.); 83,3 % (2013 г.) по наличию персональных компьютеров и 56,8 % (2014 г.); 49,0 % (2013 г.) соответственно обеспеченных доступом выхода в сеть Интернет;

- Чукотская область: 90,2 % (2014 г.); 75,2 % (2013 г.) по наличию персональных компьютеров и 85,1 % (2014 г.); 84,8 % (2013 г.) соответственно обеспеченных доступом выхода в сеть Интернет [3].

По представленным выше статистическим данным ХМАО – Югра занимает лидирующее место среди субъектов РФ по обеспечению населения доступом к сети Интернет и вто-

рое место по количеству имеющихся персональных компьютеров, а ЯНАО – на втором месте по обеспечению населения доступа к сети Интернет и лидер по количеству имеющихся персональных компьютеров. Но если анализировать все представленные выше северные регионы России, то видно, что есть субъекты, в которых возможность доступа к сетям Интернет ниже (Республика Саха (Якутия) – 56,8 %) средних показателей по стране (73,3 %).

На наш взгляд, приведенного примера достаточно для оперативной оценки деятельности региональных властей в северных регионах Российской Федерации в сфере решения задачи обеспечения гражданам доступа к открытым государственным ресурсам и реализации их конституционных прав на поиск, получение и распространение информации.

Нет сомнений, что обеспечение информационной безопасности – одно из важнейших направлений развития государства в современном мире. Проблема обеспечения информационной безопасности должна быть отражена и актуализирована не только в каждом субъекте страны, но и отражать ощущения этой информационной безопасности каждым гражданином на территории государства. В северных регионах Российской Федерации есть свои особенности, влияющие на процесс укрепления информационной безопасности, а именно:

- низкая плотность населения, обособленность граждан;
- удаленность от разветвленных транспортных сетей;
- суровые климатические условия, которые осложняют работы по организации современных информационных коммуникаций;
- особенности ментальности и традиционный образ жизни коренных народов севера, придерживающихся определенного уклада;
- высокая стоимость развития и использования современных инфокоммуникационных технологий в условиях севера в сравнении с центральной частью России.

Эти специфические особенности несколько замедляют укрепление и развитие информационной безопасности в северных регионах, но в целом процесс продвигается и прогресс заметен уже сегодня. Решение вопросов продвижения современных инфокоммуникационных технологий в северных регионах России происходит при общении властей с населением посредством прямых линий, общественных палат, онлайн приемных и социальных сетей.

Высокая степень значимости укрепления информационной безопасности в северных регионах России обуславливается как соблюдением государственной политики России в этой сфере (создание национальных информационных ресурсов и предоставление к ним широкого свободного доступа для всех слоев населения) [2], так и уровнем многонациональности самого населения, проживающего в этих регионах.

В целях обеспечения возможности регулирования взаимоотношений между гражданами, а также избегания конфликтов на межнациональной и религиозной почве региональные власти должны уделять вопросам информационной безопасности огромное внимание, оперативно и своевременно способствуя внедрению новейших технологий, активно и качественно взаимодействуя с населением, обеспечивая защиту общества и граждан от угроз, связанных с возможностью применения новых информационных технологий в качестве оружия.

Литература

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ 09.09.2000 г. № ПР-1895) // Рос. газ. 2000. № 187. 28 сент.
2. Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности на период до 2020 года (утв. Президентом РФ 24.07.2013 № ПР-1753). URL: <http://www.scrf.gov.ru/> (дата обращения: 24.04.2015).
3. Российский статистический ежегодник – 2015 год // Росстат. Р 76. М., 2015. 728 с.
4. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 07.02.2008 № ПР-212) // Рос. газ. 2008. № 34. 16.02.2008.
5. Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп. : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Рос. газ. 2006. № 165. 29 июл.

УДК 332.1(470+510(1-17)): 001.891

Кулагина И. В.
Kulagina I. V.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНОЙ И АРКТИЧЕСКОЙ РЕГИОНАЛИСТИКИ

NORTHERN AND ARCTIC REGIONALISTICS METHODOLOGICAL BASES

Статья посвящена исследованию вопроса о методологических основаниях развития северной и арктической регионалистики. В основу статьи положен тезис о возможности использования категорий оседлости и кочевничества в качестве основы для теоретического анализа процессов становления и развития территорий Севера России.

Ключевые слова: Север, Арктика, регионалистика, оседлость, кочевничество, методология исследований.

Специфика современных российских реалий такова, что географическое положение России с распадом СССР отчетливо приобретает северный характер. Если вхождение в состав СССР южных республик позволяло сочетать в социально-экономическом и политическом развитии страны различные территориально-климатические и географические особенности, то сегодняшняя карта России в большей мере отражает снижение географического полиморфизма и доминирование северных территорий, а значит, и особых северных экономических зон в ее составе.

Такой характер территориального комплекса необходимым образом влечет потребность исследования процессов развития культурно-хозяйственных комплексов тех субъектов государства, которые под воздействием различных факторов длительное время оставались без внимания, а также пересмотра стратегий развития циркумполярных территорий как плацдарма для доступа к арктическим ресурсам в будущем. Северная и арктическая регионалистика в современном ее прочтении требует определения теоретико-методологических основ и подходов к анализу современных стратегий развития циркумполярных территорий, обусловленных не только экономическими и социокультурными, но и глобальными геополитическими потребностями государств. А следовательно, и дальнейшего институционального оформления как самих отношений центр – северный/арктический регион, так и четкого понимания специфики развития северных территорий России в целом для определения сущности политики в отношении их.

Историю развития северных территорий можно условно разделить на два основных этапа: первый из них связан с процессами колонизации и формирования первых поселений на северных территориях российского государства, второй – с современными процессами формирования устойчивых территориальных единиц – городов.

Если причины колонизации так называемого «русского Севера» являются для ученых очевидными и определяются историческими потребностями в формировании «щита» у северо-западных границ государства и обеспечению экономической политики в районе Балтики, то процессы колонизации Сибири и Дальнего Востока имеют под собой гораздо более широкий круг оснований. Это и территориальное расширение границ России на востоке, развитие ресурсной части экономического комплекса страны, культурное освоение территорий и т. д.

В этом смысле, колонизация Сибири и Дальнего Востока становится не просто масштабным стратегическим действием, она в принципе определяет как все современное состояние российского государства в его настоящих границах, так и возможные перспективы его

развития. По сути дела, зависимость экономики страны от северных территорий сегодня определяет колонизацию как важнейшую часть истории государства, без которой немислимой становится вся новейшая история России.

Однако процессы освоения Сибири и Дальнего Востока исторически имели и имеют неоднородный характер. Развитие поселений в города в отдельных случаях могло затягиваться не на годы и десятилетия, а на столетия. Часть современных городов севера России приобрели статус городского поселения лишь в середине – второй половине XX века под воздействием развития ресурсно-добывающего комплекса. Бурное социальное освоение регионов базирования нефтегазодобывающей отрасли (например, ХМАО, ЯНАО) требует определения причин, которые служат такой динамике. Каковы источники возникновения и развития устойчивых поселений и процессов урбанизации, если, например, изучение особенностей становления северных районов Канады показывает, что трансформация вахтовых поселков в города не является необходимым условием развития ресурсно-добывающих территорий [3].

Можно констатировать, что северные ресурсные регионы России на сегодняшний момент стали чем-то большим, чем, к примеру, подобные регионы в Канаде. Точечный характер поселений, связанный с локальностью хозяйственно-экономической деятельности перерос в планомерное заселение северных территорий и становление серьезной сети городских, а не вахтовых поселений. Частью современной политики развития северных городов становится не просто добыча и транспортировка ресурсов для переработки на «Большой земле», а формирование городской инфраструктуры, отражающей потребности работающего населения в оседлом образе жизни на новой территории, создание социокультурной среды для реализации потребностей горожан.

В современной ситуации мы вынуждены отметить, что развитие государств и поселений носит иной характер, чем в древности, где основными источниками формирования поселений сначала выступала нужда, затем изобилие, потом воля к власти, духовному и материальному господству.

Специфику регионального развития современных северных территорий в России сегодня определяют как исторические и геополитические особенности, так и сложные миграционные процессы, имеющие высокую интенсивность и неоднородный характер.

Наряду с процессами урбанизации, такой феномен как этнокультурный полиморфизм современных северных городов требует определения методологической основы для детального исследования возможностей прогнозирования их развития.

Например, Сургут – северный, территориально окраинный, локальный город, географическое положение которого осложнено ограниченностью транспортной инфраструктуры. В то же время он является одним из базовых ресурсных нефтяных и газовых, энергетических центров Западной Сибири, наряду с такими городами, как Нижневартовск, Новый Уренгой, Нефтеюганск.

Одной из базовых особенностей Сургута сегодня выступает полиэтнический состав населения: население города представляют более ста национальностей, действуют 29 общественных этнических объединения. В качестве важнейших причин миграции в город по-прежнему остаются возможность заработать и востребованность рабочей силы, однако не только экономические причины должны быть рассмотрены в качестве основания для миграционных процессов.

Миграционная динамика последних лет (2009–2014 гг.) по данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по ХМАО – Югре претерпевает динамические изменения (табл. 1) [2].

Таблица 1

**Общие итоги миграции населения (по потокам передвижения)
по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре**

Миграционный прирост, убыль (–) (человек)	Год					
	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Все население	4921	3745	8779	4999	–4478	–2537
из него за счет:						
передвижений в пределах России	–2248	–1939	1837	–984	–9797	–8449
в том числе:						
внутри региона	–1623	–1870	–4032	–4479	–5092	–3806
между регионами	–625	–69	5869	3495	–4705	4643
миграционного обмена с зарубежными странами	7169	5684	6942	5983	5319	5912
в том числе:						
государства – участники СНГ	7172	5671	6792	5823	5173	5838
со странами дальнего зарубежья	–3	13	150	160	146	74

Из данных таблицы видно, что население округа формируется за счет миграции внутрироссийской (имеет тенденцию к снижению за последние три учетных года), а также за счет миграционного притока из стран-участников СНГ (имеет тенденцию к постоянному и положительному притоку). В то же время внутрирегиональная миграция снижается.

Таким образом, можно определить особенности миграционных процессов в ХМАО: непостоянство, тенденция к снижению внутрирегионального перемещения граждан, устойчивый интерес к округу мигрантов из стран СНГ.

Не задаваясь в данном исследовании целью поиска причин миграции населения, отметим, что сам факт незначительного отрицательного прироста населения за последние два учетных года не столь показателен, сколько сами объемы миграции – в пределах 80 тыс. человек в год по округу. И этот объем имеет тенденцию увеличиваться (табл. 2) [2].

Таблица 2

**Показатели миграции населения (прибыло/выбыло)
по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре**

Показатель	Год					
	2009	2010	2011	2012	2013	2014
Прибыло (человек)						
Все население	40798	45333	75506	87799	80824	79910
Выбыло (человек)						
Все население	35877	41588	66727	82800	85302	82447

Задаваясь вопросом о возможностях анализа и прогнозирования развития данного региона, важно определить теоретико-методологическую позицию, которая бы позволила дать максимальный объяснительный потенциал в изучаемом процессе.

Обратимся для этого к одному из первых источников, отразивших возможности изучения кочевых и оседлых социальных групп как основы становления средневекового общества народов Передней Азии и Востока [4].

Со времен «Ал-Мукаддими» различие обществ по способу добывания средств к жизни было основанием для развития социально-политических теорий общественного устройства. Общества открытого пространства в данной традиции противопоставлялись об-

ществам огороженной оседлой жизни. Климатические, географические и иные факторы служили лишь уточнению типа деятельности и слияния, лежащего в основе формирования социальных групп.

Можно предположить, что измерение оседлости и кочевничества претерпело серьезные изменения в практике социологов с древности до наших дней. Однако сам принцип организации социокультурного пространства с его доминантными чертами остается незабываемым и может оказаться тем основанием, которое способно раскрыть новые возможности в исследовании специфики развития северных городов.

Так, оседлость может быть реализована в создании планов городского поселения (с четкой системой расположения улиц, например, радиальной). Она может быть отражена в типе хозяйственных и гражданских построек, их сочетании, эстетическом единстве, полноте, связанности или разбросе. В социокультурном плане оседлость реализуется со всей очевидностью в становлении тех социальных институтов, которые отвечают за поддержание городской идентичности, патриотизма, культурного и конфессионального разнообразия, уникального колорита и т. д. С позиций формирования гражданско-правовых институтов – оседлость может быть определена типичным институциональным способом оформления существования поселения, его правового статуса, связи с другими субъектами Федерации. Экономически – с позиции формирования устойчивых взаимоотношений с другими экономическими регионами и областями, доминирующую роль в которых играет принцип взаимности, а не донорства или метрополии.

Соответственно, определения кочевничества как категории статуса в процессе развития поселений возникают за счет обращения внимания к вопросам миграции населения, экзистенциальным установкам жителей на переезд/возвращение к регионам исторического пребывания, особым формам социального обеспечения и поддержки, которые оказывают потенциальное воздействие на процессы укоренения населения в пределах поселения.

Б. Малиновский отдавал приоритет в развитии современного общества принципам добровольной ассоциации и профессиональной интеграции [1]. Подтверждений в современных городских поселениях данной концепции достаточно. Однако, когда происходит переход к анализу развития поселений, возникших в последнее время в тех климатических зонах, которые еще Хальдун считал неприемлемыми для жизни – на территориях крайнего Севера, изменение подходов к исследованию данного процесса становится насущной необходимостью. Здесь должны быть найдены новые источники регионального развития и определены факторы воздействия на процессы укоренения населения в северном регионе.

Таким образом, одной из актуальных проблем современного развития северных территорий сегодня становится удаленность и географический разброс мест извлечения и переработки нефтяных и газовых ресурсов, добыче которых подчинена львиная доля экономики северных территорий России. Однако интересы российской политики в арктическом пространстве обуславливают возможность использования данных регионов не только в качестве плацдарма по добыче полезных ископаемых. Будущее северных территорий видится через призму активного участия в транспортной системе доставки к арктическому пространству, в том числе и российско-азиатского значения, обеспечения условий для формирования нового перерабатывающего комплекса, формирование военно-стратегических площадок для защиты политических интересов России в Арктике. Статусная позиция северных приполярных территорий, таким образом, выходит за рамки банальной трактовки как регионов-доноров. Более того, географическое положение обуславливает успешность их развития в дальнейшем, а не гибель с падением интенсивности добычи ресурсов. Формирование сети крупных городов и транспортных артерий имеет под собой стратегическую задачу, а исследование культурных особенностей развития городских поселений приобретает актуальный характер для выстраивания новой российской ментальности «северного» типа.

Литература

1. Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры / пер.: И. Ж. Кожановская и др. М. : РОССПЭН, 2004. 960 с.
2. Официальная статистика населения ХМАО. URL: http://www.khmstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/khmstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 04.05.2016).
3. Подымова Д. В. Процессы урбанизации в Канаде. США – Канада: экономика, политика, культура. 2013. № 8. С. 109–117.
4. Ibn Khaldūn. 'Abd al-Rahman The Muqaddimah: An Introduction to History. NY : Pantheon Books, 1958.

УДК 502.1:17

Мархинин В. В.

Markhinin V. V.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА: ДВЕ ОРИЕНТАЦИИ

ENVIRONMENTAL ETHICS: TWO ORIENTATIONS

В статье рассматривается тема экологической этики как социального движения и теоретической мысли, возникшей в 70-х гг. прошлого века в ответ на глобальный экологический кризис. Анализируются две основные ориентации в экологической этике: натуроцентристская и антропоцентристская. Показано, что натуроцентристская ориентация является неадекватной задачам разрешения экологического кризиса и что положительное содержание в целом экологической этики может быть развито в рамках антропоцентристской ориентации. Показано основополагающее значение для гуманистически ориентированной экологической этики учения В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере.

Ключевые слова: экологическая этика, натуроцентризм, антропоцентризм, биосфера, ноосфера.

Существенную роль в широком осознании экологического кризиса как глобальной проблемы современности сыграл основанный в 1968 г. Римский клуб. Доклады Клуба дали сильный толчок формированию всё шире осознаваемой потребности в новом отношении к природной среде. В общественном сознании, особенно в сознании людей, связанных с природоохранной деятельностью, не в последнюю очередь – среди учёных, актуализировался запрос на формирование экологической этики, предпосылки которой ранее уже создавались некоторыми выдающимися мыслителями. В итоге в 1970-е годы возникает теоретическое и общественное движение за утверждение экологической этики.

Основоположниками экологической этики чаще всего называют двух ранее выступивших мыслителей: немецкого врача Альберта Швейцера (1875–1965) и американского эколога Олдо Леопольда (1887–1948). Но, на наш взгляд, к основоположникам экологической этики следовало бы также обязательно причислять ещё, как минимум, одного человека – Владимира Ивановича Вернадского (1863–1945), русского мыслителя, выдающегося учёного, создателя учения о биосфере и ноосфере.

В экологической этике выделяются две основные ориентации. Одна из них состоит в противопоставлении экологической этике «традиционной». «Традиционной» этике вменяется в вину пренебрежение к природе, проистекающее, как утверждают сторонники данной ориентации, из её антропоцентризма. Что, как предполагается, и привело, в конце концов, к современному глобальному экологическому кризису. На смену антропоцентрист-

ской «традиционной» этике должна будто бы прийти этика, признающая независимую от человека самоценность природы. Этика должна стать из антропоцентристской – биоцентристской или, шире, натуроцентристской.

Другая ориентация в экологической этике предполагает, что этика не может не быть человекоцентристской, поскольку субъектом этических отношений, как и всяких других отношений, выступает именно и только человек (люди), но не какие-либо иные живые существа или, тем более, не какие-либо неживые природные сущности (объекты). Экологическая этика является способом обновления нравственных отношений к природе на основе развития экологии как науки, призванной исследовать действительный характер изменений в области практических взаимодействий человека с природой и предлагать практические меры для преодоления глобального экологического кризиса.

На наш взгляд, натуроцентристская ориентация при её последовательном проведении влечёт экологическую этику в тупики абсурда. Это видно уже на примере творчества основоположников данной ориентации. Так, в работах «Культура и этика» (1923 г.) и «Учение о благоговении перед жизнью» (1963 г.) А. Швейцер развивает мысль, что исходным положением истинной – новой – этики должно стать благоговение перед жизнью. Благоговение перед жизнью требует сочувствия, сострадания, любви ко всем живым существам, независимо от их положения и иерархии в природе, от степени их близости к человеческой природе, ибо истинная этика может быть только абсолютной, но ни в коем случае не относительной. Но нельзя обойти очевидную проблему, состоящую в том, что воля к жизни – и человеческая также – пробивает себе дорогу, в том числе, путём утверждения жизни одних живых существ за счёт жизней других существ. Как же в таком случае возможно на деле сохранять верность требованию не нанести вред никакому живому существу? Швейцер видит выход в следующем: человек там, где он свободен выбирать, ищет положение, в котором он мог бы помочь жизни и отвести от нее угрозу страдания и уничтожения.

Эта оговорка, по сути, сводит возможность реального следования провозглашённому учению с его будто бы абсолютной нормативностью к весьма относительным нормам – к мерам по облегчению мучений животных, обрекаемых на уничтожение природой и человеком. Конечно, это важный аспект совершенствования человеческой нравственности. Именно этот аспект и получил реальное развитие в общественных инициативах и правовых установлениях новейшего времени. Но очевидно, что здесь имеет место не реальное ниспровержение прежней этики, а не более, чем призыв к этому.

В вышедшей в 1949 г. посмертно (автор погиб при тушении лесного пожара) книге Олдо Леопольда «Календарь песчаного графства» (имеются в виду истощённые песчаные почвы на ферме автора в штате Висконсин, США) выставляется главное требование, значимое, согласно автору, – не нарушать некий баланс между членами сообщества «земля». Но разве является чем-то большим, чем метафорой, следующее утверждение Леопольда: человек, создавая и следуя этике земли, должен осознавать, что он, дескать, «рядовой и равноправный член» этого сообщества? Разве человек объективно не играет особую, далеко не «рядовую» роль в экологических сообществах?

Этика «земли» призвана восполнить охрану природы в части, которая лежит за пределами мер, дающих непосредственную экономическую прибыль. Нельзя, например, согласно О. Леопольду, по упомянутой причине отказывать в «праве на существование» хищным животным или болотистым ландшафтам, хотя и те, и другие по видимости противоречат задаче обеспечения экономической прибыльности. Подобные высказывания О. Леопольда о «праве» природных объектов «на существование», взятые к тому же в контексте известного «уравнения» им человека и животных, и были, судя по всему, истолкованы некоторыми его поклонниками в юридическом ключе так, как если бы природные объекты на самом деле могут быть способны выступать в качестве субъектов права и сами по себе, независимо от людей, обладать неким «правом».

Натуроцентристская ориентация с 1970-х гг. воплощается в течение мысли и в социальное движение борьбы за «права животных» и шире – за «права природы». Своим широким распространением и общественным резонансом данное движение вообще обязано не только и даже не столько социально-философской, и тем более – научной, основательности, сколько, напротив, профанированным приёмам теоретизирования и эпатажным манерам пропаганды, обеспечившим внимание масс-медиа к этому движению на фоне обострения глобального экологического кризиса.

Особенно обстоятельное и эпатажное обоснование актуальности признания «прав природы», рассчитанное на внимание широкой публики, было дано профессором университета в Южной Каролине Кристофером Д. Стоуном в опубликованном в 1970 году эссе «Должны ли деревья обладать правами?». Стоун использует в популярном юридическом периодическом издании беспрецедентный аргумент о том, что общество должно «предоставить законные права лесам, океанам, рекам и другим так называемым «природным объектам» в окружающей среде». Но идеология борьбы за «права природы» и «права животных» в редакции Стоуна и его сторонников всё ещё не была пределом абсурдности. До предела абсурдности её доводит, пожалуй, австралийский философствующий эколог Питер Сингер. В большой серии публикаций, изданных в Австралии, США и других странах в 1970–80-е гг., он выступает против выращивания животных для пищи и использования их в лабораторных целях.

Экстремизм теоретиков и пропагандистов идеологии борьбы за «права природы» и особенно – за «права животных» вызвал критику, которая вела к осознанию ценности и усилению позиции антропоцентрической экологической этики. Так, в ответ на упомянутую публикацию К. Д. Стоуна профессор философии Марк Сагофф в «Йельском правовом журнале» («*Jale Law Journal*») высмеял идею, что, как он иронично выразился, «все существа, независимо от расы, веры, цвета, пола, структуры листа, или атомной структуры должны получить права». Природным объектам можно примысливать те или иные намерения и права лишь произвольно. Выходом из этой произвольно создаваемой этической и правовой коллизии, по мнению М. Сагоффа, может быть лишь принятие антропоцентристского подхода. Люди обладают правом на те же, к примеру, горные долины в силу того, что эти долины имеют культурную, духовную, эстетическую ценность именно для людей и только для людей.

Но особенно глубокое философское и научное обоснование антропоцентрической ориентации содержится в учении о биосфере и ноосфере выдающегося русского и советского мыслителя и ученого В. И. Вернадского (1864–1945), этический смысл которого, как справедливо подчеркивают его последователи [3], предвосхищает потребность в разработке экологической этики. Признанию такого значения творчества В. И. Вернадского не только на родине, но и за рубежом способствуют переводы его трудов, начало которым было положено публикацией на английском языке по инициативе Д. Лавлока, автора знаменитой «гипотезы Геи», в которой как бы «переоткрывается» учение русского мыслителя, книги «Биосфера» (1926) [4].

Стремясь придать термину «биосфера» значение строго научного понятия, совокупность живых организмов Вернадский фиксирует в понятии «живое вещество», а биосферой называет всю ту сферу, в которой и благодаря которой существует живое вещество.

Ключевое звено эволюционного процесса – взаимосвязь живого и абиогенного или, как предпочитает говорить Вернадский, косного вещества. Живое вещество, составляя по весу, по оценке В. И. Вернадского, лишь одну-две сотых доли всего вещества биосферы, тем не менее, определяет все идущие в ней процессы, создаёт основную геологическую силу в биосфере. Живое вещество миграциями своих атомов связывает все миграции атомов в биосфере в единое целое, определяя как существование биосферы в качестве целого, так и эволюционно-прогрессивный характер изменений этого целого в историческом и геологическом времени.

«Эволюция видов, – подчёркивает Вернадский – переходит в эволюцию биосферы» [1, 18]. Существенно значимым аспектом эволюции видов как движущей силы эволюции биосферы является энцефалоз – совершенствование центрального нервного аппарата, мозга. Энцефалоз направил течение эволюции видов в сторону появления человека – вида Ното

sapiens. С появлением человека эволюционный процесс приобрёл новое качество: человек посредством труда и мышления изменил биосферу, приспособив её к себе и создав условия для всё более сильного проявления свойственной ему биогеохимической энергии – прежде всего, энергии размножения. В новейшее историческое время, с XX века, начинается, как считает В. И. Вернадский, новая фаза антропогенной эпохи в эволюции биосферы: фаза перехода биосферы в состояние ноосферы. Предпосылка этой фазы – заселение и преобразование человеком всего пространства планеты, всей биосферы. Собственно же переход биосферы в ноосферу определяется научной мыслью, трактуемой Вернадским в качестве центрально-образующего звена всей духовной жизни (философии, искусства, религии и др.) современного человечества. Другие факторы становления ноосферы, дополняющие действие науки, – это развитие экономики, способной удовлетворить все основные материальные нужды человечества; развитие, по выражению Вернадского, демократизма-социализма, т. е. демократии широких народных масс и социалистического устройства общества (на основе «научного социализма» К. Маркса), устройство в будущем всемирного государства, отвечающего принципам демократизма – социализма. Согласно учению о переходе биосферы в ноосферу незаменимую роль в становлении ноосферы играет также, по словам Вернадского, «новая этика» [2, 218].

«Новая этика», о которой ведёт речь Вернадский, предполагает определённо и последовательно проводимую антропологическую ориентацию в экологической этике. На самом деле, ноосфера, в первую очередь, есть экологически гармоничное состояние биосферы. Сила, на которую, разделяя учение Вернадского, следует возлагать надежду в попытке продвижения к экологически гармоничному состоянию биосферы, это, конечно, человек – субъект научной мысли, производства, социально-справедливого строя.

Это не значит, что начавшийся во второй половине XX века глобальный экологический кризис, выразившийся не в последнюю очередь в опасном сокращении видового разнообразия биосферы, не является последствием антропогенного воздействия на природу. Однако это значит, что глобальный экологический кризис невозможно преодолеть путём устранения антропогенного воздействия, но возможно и необходимо преодолевать на путях изменения характера антропогенного воздействия, т. е. путём изменения деятельности самого же социального человечества.

В отечественной философской и научной мысли идея В. И. Вернадского о необходимости «новой этики» как способа нравственного регулирования перехода биосферы в состояние ноосферы были развиты в концепцию ноосфрогенеза на путях осуществления социально-организационного и нравственного принципа коэволюции человека (общества) и биосферы (природы).

На наш взгляд, перспективы развития экологической этики связаны с дальнейшей интеграцией её направлений в рамках гуманистической, антропоцентристской ориентации, фундаментальные основания которой заложены учением В. И. Вернадского о грядущем переходе биосферы в состояние ноосферы.

Литература

1. Вернадский В. И. Размышления натуралиста. М. : Наука, 1977. 191 с.
2. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М. : Наука, 1991. 271 с.
3. Мантатов В. В. Стратегия разума: экологическая этика и устойчивое развитие: В 2 т. Улан-Удэ : Бурят. книжн. изд-во, 1998. Т. 1. 208 с. ; 2000. Т. 2. 219 с.
4. Vernadsky V. I. The Biosphere / Forward by Linn Margulis and colleagues; introduction by Jacques Grinevald; translated by David B. Langmuir ; revised and annotated by M. A. S. McMenamin. New York : Copernicus, 1998. 192 p.

УДК 16(072)

Нестерова О. Ю.

Nesterova O. Yu.

ПРОБЛЕМЫ ЛОГИКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

LOGIC PROBLEMS IN MODERN EDUCATION

В статье рассматриваются проблемы, с которыми сталкивается классическая логика, являясь частью единого образовательного процесса. А также исследуются противоречия между принципами классической логики и современными требованиями познавательного процесса.

Ключевые слова: познание, логика, интуиция, классическая наука, неклассическая наука.

Начиная с эпохи Нового времени наука становится определяющим фактором социальных изменений. Возникновение и развитие науки является непосредственным результатом формирования рационального познания. Специфика данного уровня познания была предметом изучения еще в античной философии. Следствием такого интереса стало возникновение логики как самостоятельной науки о формах и законах правильного мышления. Таким образом, Аристотель, являясь основателем логики, разработал систему инструментов и методов, при помощи которых человек способен познавать действительность. Логика Аристотеля получила статус классической или традиционной и долгое время считалась единственно верным способом объяснения механизмов человеческого познания.

Ситуация принципиально меняется в XIX в., что определяется развитием естествознания и выходом научного знания на принципиально новый уровень, на котором решение задач требует новых оснований и новой методологии, порой не соответствующих стандартам классической логики.

Ограниченный характер классической логики не дает возможности получить ответы на вопросы о соотношении объективного и субъективного как на уровне результатов нашего познания, так и в понимании природы самого мышления. Это касается и проблемы истины, которая для остальных наук является конечной целью познания, а для самой логики выступает как непосредственный объект исследования. Не менее важные вопросы связаны с изучением природы творческих способностей человека, особенно в области интеллектуальной деятельности, для объяснения которых явно недостаточно алгоритмов, описанных в классической логике. Речь идет об интуиции, как обязательном условии творческого процесса, и которая не подлежит формализации, столь характерной и обязательной в системе традиционной логики.

Для того чтобы иметь возможность описывать природу и функции сознания естественнонаучными методами, необходимо располагать целостной и аргументированной системой методологических оснований. В классической науке, образцом которой является классическая физика, такие основания сложились на рубеже XVII–XVIII вв. На этом этапе идеалом научного познания рассматривается обнаружение объективной истины, которая независима от человека, а значит, лишена всякой субъективности. Но переход к науке неклассического типа в конце XIX – начале XX вв. определил необходимость учитывать специфику самого сознания, т. е. определенный субъективизм в отношении человека к окружающей действительности. Следовательно, методология познания в современных условиях требует, с одной стороны, сохранить принцип объективности научного знания, а с другой, разработать категориальный аппарат, способный учитывать проблемы субъективности природы самого

сознания. Такая необходимость определила формирование идеи логического плюрализма, допускающего существование множества истинных логик. Так, уже в начале XX века выдающийся русский логик Н. Васильев утверждал, что «мы можем мыслить другие миры, чем наш, в которых некоторые логические законы будут иными, чем в нашем мире... Воображаемая логика неаристотелева потому, что она имеет дело с другим логическим миром, с другими логическими операциями, чем те, с какими имела дело логика, впервые систематизированная Аристотелем» [1, с. 57].

Другой важной проблемой современной логики является проблема истинности. Сущность этой проблемы обоснована необходимостью соотношения фактической и формальной истинности в пределах логического подхода. Формальная истинность обусловлена онтологическими допущениями, которые принимаются по допущению, становятся аксиомами, а значит, не подлежат сомнению. Этот тип истинности определяет, какими должны быть наши суждения о действительности, но сами никак от нее не зависят. Соответственно, такое понимание не может быть подвергнуто сомнению.

Но целью познания являются суждения, содержащие информацию о самих процессах и явлениях действительности, и содержание этой информации должно быть никак не связано с особенностями мышления. При этом человек, будучи именно человеком, вносит в понимание мира только ему присущие особенности созерцания и осмысления созерцаемого и, как результат, «моделирует» собственную картину действительности. Именно эти «модели» воспринимаются нами как подлинные и объективные. И. Кант утверждал, что, если бы мы опирались только на свой эмпирический опыт, то познание сводилось бы лишь к ощущению мира. А Б. Рассел писал: «Все то, что мы знаем о мире, целиком зависит от допущения, что причинные законы существуют... В действительности мы не видим физических объектов...» [2, с. 127].

Именно априорность логических правил делает предметы действительности объективным для нас. Но, с другой стороны, понимание практики как основного критерия истинности сохраняется в науке как одно из ее безусловных требований.

Кроме того, ограниченность классической логики, обусловленная ее двужначностью, неспособна в полной мере отразить соотношение абсолютной и относительной истин, которым уделяется значительное внимание в методологии научного познания. Классическое понимание истины требует определения значения суждения здесь и сейчас и не принимает во внимание процесс постоянного развития знаний. Значения суждений в классической логике определяются только соответствием действительности, а не особенностями нашего мышления, а значит, перспективами познания, которые в нем содержатся.

Проблемы современного познания связаны также со стремлением определить природу и механизмы творческой деятельности человека. Решение данной проблемы требует выявить особенности соотношения логики и интуиции как двух необходимых алгоритмов творчества. Исследование процесса научного познания позволило установить сложность структуры научно-исследовательского мышления: с одной стороны, оно должно удовлетворять требованию логической строгости, а с другой – не все его этапы укладываются в границы формально-логических законов. Эти законы отражают строго определенные связи между высказываниями и их элементами. Но научное мышление использует не только подобные законы, но и принципы вероятностных рассуждений, которые хотя и не гарантируют обязательного решения любых задач, но обеспечивают реализацию поисковых действий до момента обнаружения истинного результата. Интуиция как элемент познавательной деятельности не вступает в прямое противоречие с логикой, так как, в конечном счете, она тоже опирается на ее принципы и законы. С одной стороны, научное исследование требует четкой доказательной базы и обоснованности своих построений. А с другой, оно невозможно без использования интуитивных решений, которые собственно и позволяют выдвигать абсолютно новые идеи и предположения. Процесс познания и его результаты определяются не только характером исходной информации и общепринятыми в логике алгоритмами обработки этой

информации, но и особенностями того, кто эту информацию преобразует. Интуиция, ее механизмы во многом зависят от личностных характеристик субъекта познания и не подлежат формализации, что и приводит к сложности ее изучения. Интуицию традиционно связывают с эвристическими способностями человека, а это предполагает невозможность установить строгую причинно-следственную связь между ее компонентами. Но любое научное предположение, любая догадка нуждаются в последующем логическом обосновании. В этой ситуации процесс рассуждения осуществляется как бы в обратном порядке: от конечного результата – к аргументам, его обосновывающим. Не вызывает сомнения лишь тот факт, что логика и интуиция – это две стороны единого процесса познания. Они, безусловно, дополняют друг друга, что, тем не менее, не облегчает исследовательскую задачу.

Интерес к изучению логики и определению ее места в современном образовании связан с изменением ситуации не только в познавательных возможностях человека, но и динамикой социальных процессов. Логика – достаточно традиционная учебная дисциплина, но, к сожалению, перемены в образовательных стандартах привели к тому, что логика для многих гуманитарных специальностей стала дисциплиной по выбору. Изменения произошли и в учебных программах: большая часть учебного времени отдана самостоятельной работе. Но логика – достаточно сложная дисциплина, и рассчитывать, что студенты способны полностью сами справиться с предлагаемым для изучения материалом, не приходится. Заслуживает внимания и тот факт, что, оценивая статус философии в современном научном сообществе, ее продолжают понимать как необходимое условие для обоснования многих естественнонаучных понятий и проблем. При этом научность самой философии постоянно подвергается сомнению. А единственному разделу философии – логике, который вполне состоялся как самостоятельная наука, должного внимания, как собственно философской дисциплине, не уделяется. Ни одно учебное пособие по философии не содержит логического раздела. К тому же, следует отметить, что в большинстве случаев логика как учебная дисциплина заявлена для гуманитарных профилей, что приводит к выводу о ненужности понимания и знания ее основ студентами технических специальностей. Но законы мышления одинаковы для любого вида интеллектуальной деятельности. А учитывая развитие нового типа общества, которое мы все чаще понимаем как информационное, отсутствие должного интереса к науке, которая способствовала формированию наших представлений как об алгоритмах мышления, так и о самом понятии информации, не находит убедительных объяснений.

Обучение специалистов любого профиля требует логико-методологической подготовки, без которой невозможен процесс формирования и развития культуры аналитического мышления. Лишь в этом случае формируется способность эффективно применять логические знания в любом виде профессиональной деятельности. К тому же изучение логики не только формирует навыки выполнения логических операций, в границах которых разворачивается процесс мышления, но и позволяет осмысливать содержание самого познания, формируя представления о его формах и правилах. Таким образом, отсутствие логической грамотности, на наш взгляд, вряд ли совместимо с теми социальными запросами, которые требует современное общество.

Литература

1. Васильев Н. Логика и металогика. М. : Логос, 1912–1913. 162 с.
2. Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы. М. : Мысль, 1996. 333 с.

УДК 168.522:165

Полищук В. И.
Polishchuk V. I.

ПОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР КУЛЬТУРЫ

KNOWLEDGE AS CULTURE FACTOR

То, как представлен миф о познании в Библии, свидетельствует, что в основе культуры лежит простое, в сущности, действие – создание видимости. И это был первый акт, который человек совершил сам, никем не побуждаемый. Поскольку культура есть творчество видимости, постольку принципы организации культуры общества должны быть прямо противоположны тем, которыми пользуется личность, желающая достичь высот культуры. В итоге утверждается, что опровержением видимости выступает человеческая непосредственность.

Ключевые слова: познание, культура, видимость, образ, мера.

О том, что культура является следствием познания, свидетельствует соответствующий миф. Ницше отмечал связь мифа о познании, характерного для семитического мира, с мифом о даре огня Прометеем, который характерен для арийских народов. Философ писал, что эти мифы «находятся между собою в той же степени родства, как и брат с сестрой» [3, с. 91].

Миф о познании, как он представлен в Библии, повествует, что в основе культуры лежит простое, в сущности, действие – «опоясание». Первое, что смогли увидеть Адам и Ева, съев запретный плод, не отличается от того, что увидел человек, получив дар Прометея, – свою наготу. Узнав, что они наги, Ева и Адам «сшили смоковые листья и сделали себе опоясания» (Быт. 3; 7). Они изменили своё исходное состояние, прикрыли его, сделали иным. Вся схема познания заключается в видимой последовательности действий: глаза открылись – узнали, что наги – опоясались. Средний член ряда – знание наготы – исчез, но остался навсегда как побуждение, первопричина, как «внутреннее» вещей, явлений и самого человека. Таким образом, первым актом, который человек совершил сам, никем не побуждаемый, было создание видимости. Этот акт является прирождённым свойством человека, он заключён в самом понятии «вид». Стремление создавать видимость проявляется, прежде всего, в том, что человек самому познанию предписывал божественное происхождение. Во всяком случае, начиная, по крайней мере, с Пифагора, в европейской традиции рациональное познание понималось как проникновение в замыслы Бога. Подобное понимание было возрождено в Новое время, оно даже усилилось представлением о том, что познание – это исполнение божественной воли. Х. Юкава, например, писал о Ньюtone: «Почему Ньютон так самозабвенно занимался механикой? Скорее всего, он был уверен, что этого от него потребовал Бог» [7, с. 14]. Иными словами, познание было переосмыслено: то, благодаря которому продолжается человеческий род, стало интимным и сокровенным, как бы невидимым, а видимым стало познание, не имеющее к рождению человека никакого отношения. Но конечным результатом такого познания может стать лишь знание того, что человек – наг. Поэтому больше того, что всё познанное есть лишь видимость, человеку узнать не дано. Но, поскольку познание является общекультурной деятельностью, данный принцип применим и к культуре, создаваемой по образцу исходного познавательного акта.

Миф о познании свидетельствует и о мифологичности самого познания. Это означает, что в той мере, в какой миф является источником познания, в той самой мере и познание может служить источником мифа. Иными словами, миф и познание пересекаются в какой-то точке. Её и можно назвать «видом», общим познанию и культуре. Природа его двойственна:

знание человеком себя в своей непосредственности, телесности, чувственности, а также опосредование такого знания, существующее как познание, направленное вовне. Первое выступает в качестве данного фактического основания по отношению ко второму. В исходном состоянии они представляют собой простейший мыслительный акт, который является всеобщей мерой или модусом познания и культуротворческой деятельности. Для него характерно единство качественной или *аксиатической* (ценностной) и количественной или *метрической* сторон. Простейший элемент мышления, следовательно, имеет синтагматический характер, его природа – дуальна [8].

Конечно, термин «элемент мышления» имеет условный характер. Речь идёт о том минимуме, разрушение которого приводит к появлению того, что не может быть названо мышлением. Важны в данном случае и сами по себе компоненты мышления, и возможность их отрыва друг от друга, их обособленное существование. Это приводит к появлению «двух культур» (Ч. Сноу), к относительно независимому существованию материальной и духовной сторон культуры, естественных и гуманитарных наук, науки и морали и т. п. [2, с. 7].

Указанные модусы служат началом деятельности в культуре, а также и её направляющими. Действительными героями в культуре были те, кому удавалось сохранить единство компонентов «элемента мышления», благодаря чему они становились творцами нового «вида», который позже являлся видением миллионов людей. Подслеповатый Кеплер заложил основы астрономии Нового времени, творчество потерявшего слух Бетховена стало началом целого направления в музыкальной культуре. В самой культуре нет оснований для появления нового видения, всякий раз оно возникало вне существующего «вида». Поэтому героизм в культуре представляет собой преодоление «вида», выход за его пределы – в невидимое. «Вид» сам для себя не виден, по этой причине он становится «видом» того, на что направлена человеческая деятельность. Отказ от «вида» осуществляется в культуре как преодоление образа, переход к внеобразности.

Приводимое иногда в литературе определение образа не способствует пониманию его сущности. А. В. Славин, например, писал: «В общегносеологическом смысле под образом понимается любой дискретный (отдельный) элемент знания, несущий содержательную информацию о некотором классе объектов» [4, с. 15]. В данном определении не схвачено существенное свойство образа – быть производным и внешним по отношению к своему носителю, а также и замещать собой последний. «Об» – приставка, означающая «вокруг», а исходным смыслом корня «раз» является действие по отделению [6, с. 304, 388]. Образ есть то, чем является всё вокруг человека, он может существовать объективно и автономно, то есть в определённом смысле и независимо от субъекта, что позволяет его передавать и наследовать. Образ – виден, то есть является производным от «вида», который выражает себя в образе, и потому сам по себе не виден. В истории культуры существовали запреты на то, чтобы видеть истину в каком-то образе. В Новое время исполнением запретов была операция «мысленного удаления» из человеческого бытия всего, что создано человеком. Подобное удаление было фактически расщеплением образа, углублением в него. Если вспомнить об «элементе мышления», то познание есть переход от второго (видимого) компонента к первому, независимо от него данному фактическому основанию. Затем наступает стадия озарения или выражения в образе, представляющая собой «опоясание», то есть создание «вида», который, в конечном счёте, оказывается видимостью. Такова логика познания и культуры: от «вида» к его отрицанию и созданию нового «вида». Но чем полнее тот образ, в каком мир предстает перед человеком, тем более сам человек оказывается только его субъектом, то есть не входит в образ. Созданная, казалось бы, в соответствии с замыслами Бога картина мира должна бы предполагать существование Бога, но парадокс в том и заключается, что не только человеку, но и Богу места в этой картине нет.

Похоже, что упомянутая логика исключает творчество. В познании – в период «нормальной» науки, в культуре – в её традиционном состоянии. Эдвард де Боно, известный специалист в области творческого мышления, писал, что при нешаблонном мышлении логика не

управляет им, а обслуживает его [1, с. 17]. Иными словами, допускается и внелогичное мышление. Логика необходима для оформления и последующего выражения, а не для мышления. Формальная логика является одним из видов мышления, но она же выступает и логикой культуры как «вида» человека. Но логика «вида» является лишь аналогией творчества, потому и культура создается по аналогии с ним. Если оно представляется прорывом сквозь завесу видимого к невидимому, чтобы вновь увидеть, но уже на основе знания о невидимом, то культура есть осуществление увиденного, торжествующего, в конечном счёте, как видимость. Понятным и осмысленным в культуре является лишь видимое. Пусть даже видимое только по аналогии, лишь в качестве видимости. Только она успокаивает человека, рождает в нём уверенность в безопасном существовании. Но чем прозрачнее становится всё в мире видимого, чем прозрачнее кажется себе сам человек, тем меньше уверенности в том, что он вообще нужен в культуре, в истории, становящейся культурой. В конечном счёте, культура есть видимость неприсутствия человека в созданном им мире.

В этом одна из причин неудовлетворённости культурой. Здесь вновь можно обратиться к мифу. История Пигмалиона и Галатеи много раз становилась предметом художественного осмысления. И не случайно: речь в ней идёт не только о влюбленности художника в своё творение, но и о конечном недовольстве им. Неудовлетворённость культурой как видом и видимостью бытия человек испытывал всегда. Являясь исполнением его желаний, культура сама оказывается в итоге нежеланной, поскольку начинает выдвигать «собственные» требования. Они представляют собой те же человеческие желания, но обращённые к самому человеку. Иными словами, культура требует от человека, чтобы он соответствовал ей, а также тому, с чего она когда-то началась, что он сам когда-то востребовал у бытия. Он не востребовал жизнь, она была у человека, он востребовал определённости, ясности, востребовал способность видеть. Неудивительно, что и культура требует от человека того же, то есть определённости и понятности, умения делать «вид». Это требование прозрачности человеческого существования, оно является запретом на все вопросы, которые автоматически культурой не решаются. Имеются в виду вопросы о смысле и ценности жизни, о которых З. Фрейд писал, что они являются свидетельством болезни человека [5]. К вопросам «больного сознания» можно отнести все те вопросы, которые традиционно считаются философскими. Но из-за болезненности восприятия подобных вопросов культура отвечает стократ усиленным заблуждением человека в культуре. Сам З. Фрейд писал об этом: «Роковым для рода человеческого мне кажется вопрос: удастся ли, – и в какой мере, – обуздать на пути культурного развития влечение к агрессии и самоуничтожению, ведущее к разрушению человеческого существования» [5, с. 101]. Подобную обеспокоенность разделяли многие мыслители XX в. Можно упомянуть в связи с этим концепции Э. Гуссерля, Н. А. Бердяева, М. Хайдеггера, К. Юнга, которые были близки в определении причины неудовлетворённости культурой. Она очевидна, что, в общем-то, звучит как каламбур: человек не видит себя в культуре.

Поиск человеком себя – это поиск путей опровержения им своей видимости. Уже в античности определились три способа опровержения: религиозный, научный и философский. Первый из них ориентировал человека вообще за пределы видимого, в предположении, что именно там находится истина «вида». Второй способ ориентировал человека познавать само видимое, третий же стал призывом к тому, чтобы человек видел истину «вида» в самом себе. Последнее выступало в качестве конечной цели духовного развития для многих мыслителей в истории культуры. Но действительное достижение этой цели принадлежало лишь тем из них, кто ограничивал своё существование непосредственностью вида человек. Явлениями человеческой непосредственности в культуре можно считать деятельность основоположников мировых религий, в особенности Будду и Христа. К ним можно отнести деятельность Сократа и порождённый им сократический способ жизни. В определённом смысле к ним можно отнести и отшельничество, а также странничество. Все эти явления есть примеры осознания того, что телесность человека остаётся его исходным «видом», что непосредственно в человеке больше нечего видеть.

Поэтому живое человеческое тело и продолжительность его существования должны быть взяты в качестве реальной меры культуры в вопросах её организации и управления. Культурную политику необходимо строить не по образцам деятельности героев в культуре, которые часто пренебрегали своей телесностью, желая достичь истинных высот духа. Результаты такой политики будут противоположны тому, чего достигали подобные личности. Поскольку культура есть творчество видимости, постольку принципы организации культуры общества должны быть прямо противоположны тем, которыми пользуется личность, желающая достичь высот культуры.

В завершение подведём некоторые итоги. Было отмечено, что логика познания есть логика «вида», которая, в конечном счёте, оказывается логикой культуры. Человек создаёт свой собственный «вид», что является особенностью вида человек, а также составляет содержание культуры. Она стала способом существования человека, в основе которого лежит акт создания видимости. В этом смысле культура есть видимость, а её опровержением выступает человеческая непосредственность. Можно предполагать, что она первой взбунтуется против культуры, и хорошо, конечно, если будет вовремя осознана опасность бунта, который может быть своеобразной мезью культуре. Остаётся надеяться, что признание за человеческой телесностью права быть преимущественным бытием человека, позволит мирно и по-человечески разрешить его конфликт с культурой.

Литература

1. Боно Эдвард де. Рождение новой идеи. М. : Прогресс, 1976. 144 с.
2. Мархинин В. В. О специфике социально-гуманитарных наук. Опыт философской науки. М. : Логос, 2013. 295 с.
3. Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. Литературные памятники. М. : Мысль, 1990. 829 с.
4. Славин А. В. Наглядный образ в структуре познания. М.: Политиздат, 1971. 272 с.
5. Фрейд З. Недовольство в культуре // Философ. науки. 1989. №. 1. С. 89–101.
6. Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. Киев : Радянська школа, 1970. 600 с.
7. Юкава Х. Лекции по физике. М. : Энергоиздат, 1981. 128 с.
8. Wallon H. De l'acte a la pensée. Paris, 1942. P. 41.

УДК: 316.7

*Попков Ю. В.
Popkov Yu. V.*

ПРОБЛЕМА ЭТНОКУЛЬТУРНОГО НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ETHNOCULTURAL NEOTRADITIONALISM PROBLEM IN MODERN WORLD

В работе анализируется феномен обновления этнических традиций в виде этнокультурного неотрадиционализма как реакция на усиливающиеся глобализационные процессы и одновременное использование возникающих при этом ресурсов и возможностей. Раскрывается содержание и особенности этнокультурного неотрадиционализма, характеризующего преобразование этнокультурной традиции путем рефлексии внутренних и внешних условий ее развития. Делается вывод о том, что в отличие от этнокультурного традиционализма этнокультурный неотрадиционализм ориентирован на будущее, на воспроизводство собственных этнических традиций не в аутентичных, а в обновленных формах и что достигаемое неотра-

дицией расширение ресурсного поля укрепляет этничность, чувства достоинства и самоуважения представителей этнической общности.

Ключевые слова: традиция, этнокультурный неотрадиционализм, глобализация, фрагментация, идентичность.

Для современного этапа развития мирового сообщества характерны две отчетливо наблюдаемые и внешне противоположные тенденции: с одной стороны, развертывание процессов глобализации, углубление интеграции, взаимозависимости стран и народов, с другой – усиление этнической идентификации, этнокультурной и этнополитической фрагментации. Одни исследователи сосуществование этих тенденций воспринимают как парадокс, как неразрешимую теоретическую проблему, другие рассматривают указанные тенденции как самостоятельные и независимые друг от друга или, по крайней мере, не придают значения их взаимосвязи.

На самом деле действительность реализуется через взаимосвязь и взаимообусловленность двух отмеченных тенденций. Будучи противоречивым процессом, глобализация имеет разнообразные последствия, порой существенно отличающиеся по характеру своих проявлений. Реальное противоречие состоит в том, что в ответ на унифицирующие тенденции глобализации растет стремление представителей разных этнокультурных сообществ возрождать традиции и поддерживать своеобразие. Соответственно в условиях усиления процессов глобализации имеют место эффекты как сближения и унификации культур, так и их относительного обособления. Современный мир переживает своеобразный этнический ренессанс, конкретными проявлениями которого являются рост значимости этнической идентичности, повышение интереса людей к своим этническим корням, традициям, культуре, истории.

Особенностью современного этносоциального развития многих этнокультурных сообществ является опора на историческую память, использование потенциала прошлого, воспроизведение традиций. И это не случайно, поскольку традиция выступает значимой формой устойчивости, будучи важным компонентом историко-культурного наследия и способом трансляции этнокультурного опыта, передачи его от поколения к поколению. В сохранении и развитии этнических традиционных культур заинтересованы и сами их носители, и представители других народов, и мировое сообщество в целом, поскольку этнокультурное разнообразие все чаще осознается в качестве одного из необходимых условий жизнеспособности глобального социума. Именно об этом свидетельствует принятие в последнее десятилетие многих международных документов, направленных на сохранение культурного разнообразия.

В эпоху усиливающегося процесса глобализации, которая повсеместно демонстрирует эффекты стандартизации и унификации, все больший интерес вызывает то, что не похоже на все другое, что является уникальным. Причем, речь идет не только и не столько о музейных экспонатах, которые являются наглядными, но застывшими свидетелями прежних эпох, сколько о тех элементах традиционной культуры, которые удачно вписываются в современность, живут в ней. Не случайно, тема традиций в их соотношении с новациями (инновациями) стала в последнее время весьма популярной в социогуманитарных науках. В то же время для отражения связи традиции с современностью применительно к этнической сфере исследователи все чаще используют термин «неотрадиционализм». Однако в большинстве случаев он употребляется некатегориально, интуитивно, без четкого понимания и фиксации того глубинного смысла, который данный термин подразумевает.

Новизна жизни традиций состоит в том, что обращение к ней, обращение к прошлому происходит тогда, когда с ними уже произошел определенный разрыв. Известно, например, что в советский период старались забыть досоветские традиции, а реформаторы 1990-х гг. исходили из абсолютного отрицания советского опыта. Но даже если бы сохранялась высокая степень преемственности, очевидно, что традиция в традиционном обществе и возрожденная в современных условиях традиция – не одно и то же.

В настоящее время аутентичная традиция, традиция в «чистом виде» практически не сохранилась. Видоизменившись под влиянием разного рода новаций, она существует в виде обновленной традиции, неотрадиции. Это реальность, отражающая одновременно преемственность, наследование предшествующего этнокультурного опыта и внедрение новации, изменения, произошедшего под влиянием актуальных межэтнических взаимодействий. Этнокультурный неотрадиционализм как раз и характеризует единство, меру традиции и новации. Если эта мера нарушается и начинает доминировать одна из сторон, то имеет место консервация традиции, превращение ее в музейный экспонат, либо навязывание внешнего, идущего от другой этнокультурной общности, чуждого, неприемлемого для данного этнокультурного сообщества опыта. В обоих случаях наблюдается разрушение «живой» традиции и потеря преемственности социального опыта.

Этнокультурный неотрадиционализм представляет собой разновидность социокультурного неотрадиционализма как комплекса явлений этнического возрождения, наблюдающегося в условиях модернизации. Большинство исследователей под ним понимают совокупность представлений, мировоззренческих или идеологических ориентаций. На наш взгляд, неотрадиционализм представляет собой не только определенное мировоззрение, концептуальное видение действительности, но и организацию самой жизни, устройство мира этнокультурного сообщества [1]. Он выступает способом современного развития этнических культур в целом, условием благополучного развития отдельных народов в процессе усиливающихся глобализационных процессов и межэтнических взаимодействий, важным ресурсом усиления этнической идентичности как своеобразного защитного механизма в ситуации роста неопределенности социального бытия. В то же время возникающие в результате широких межэтнических взаимодействий возможности для укрепления мультипликативного потенциала этнокультуры создает стимул для повышения чувства достоинства у ее представителей. Неотрадиционализм отличается от сходных процессов, но ведущих в конечном итоге к разрушению базовой культуры, тем, что характеризует становление такой неотрадиции, которая формируется на основе логики развития собственной этнической культуры, а новация не является деструктивной.

Неотрадиционализм (как и традиционализм) характеризует общественное движение, направленное на практическое преобразование действительности на основе избранной ценностной ориентации на традицию, но одновременно обращенное не в прошлое, а в будущее. Важно также, что неотрадиционализм имеет не только политическое измерение, но проявляется во всех сферах общественной жизни (материальном производстве, семье, праве, нравственности), иначе говоря, возрождение традиций может осуществляться и необходимо осуществляется в разных сферах социума.

В феномене этнокультурного неотрадиционализма важно выделить два существенных момента: во-первых, культуру как среду существования традиции и неотрадиции и, во-вторых, этнос как субъект-носитель культуры и традиции. В составе этнокультуры этнос занимает в известном смысле подчиненное место, поскольку культура изначально представляет собой взаимообусловленное развитие этноса и ландшафта. Именно конкретный ландшафт со своими особыми природно-климатическими условиями определяет формирование этнической общности, которая «произрастает» и «нарождается» на данной территории. Не случайно, эта общность обозначается как «народ». В свою очередь этническая общность преобразует ландшафт, – и это устойчивое взаимодействие составляет культуру.

В системе культурного ландшафта сосуществуют различающиеся по хозяйственно-культурному типу этнические общности. Устойчивые модели поведения по освоению и культивированию ландшафта составляют содержание этнокультурной традиции. Последняя этноспецифична, адаптирована и оптимизирована к конкретному ландшафту. Поэтому сохранение и возобновление этнокультурной традиции привязано к месторождению (исторической родине и прародине) и последующему месторазвитию этноса.

Феномен этнокультурного неотрадиционализма возникает в условиях кризиса практики жесткого следования этнокультурным традициям. Действующая традиция подвергается критике и рефлексии со стороны разных социальных субъектов, признается ее историческая ограниченность и утверждается необходимость обновления. Поскольку традиция имманентна этнокультуре, то реальная возможность иной модели поведения дана только в иной этнокультуре. Поэтому обновление традиции совершается не столько на внутренней, сколько на внешней этнокультурной основе. Этнокультурный неотрадиционализм опосредствуется иноэтнической традицией и по существу есть интерэтнокультурный неотрадиционализм. Рефлексия этнокультур является неотъемлемой составляющей, закономерностью формирования и развития этнокультурного неотрадиционализма. С учетом этого, его можно определить как общественное движение, направленное на обновление этнокультурной традиции путем рефлексии внутренних и внешних условий ее развития [2].

Успехи этнокультурного неотрадиционализма определяются, с одной стороны, масштабом интегрируемых ресурсов, а с другой стороны – адаптивностью неотрадиции. В целом достигаемое неотрадицией расширение ресурсного поля укрепляет этничность, чувства достоинства и самоуважения представителей этнической общности. Как следствие, могут возникать этнокультурный мессианизм и прозелитизм, универсализирующие ценность конкретной этнокультурной традиции для других этнокультур.

Итак, можно сказать, что в отличие от этнокультурного традиционализма этнокультурный неотрадиционализм ориентирован на будущее, на воспроизводство собственных этнических традиций не в аутентичных, а в обновленных формах. Для этнокультурного неотрадиционализма характерны отсутствие апологии прошлого, наличие критичности и открытости в отношении других этнокультур, восприимчивости к традициям других народов и готовности к межкультурной коммуникации.

Анализ этнокультурного неотрадиционализма в сравнительно-историческом ключе позволяет прогнозировать мультиренессанс этнокультур, умножающий в глобальном масштабе культурную ситуацию эпохи Возрождения в Западной Европе и создающий основания для укрепления этнической идентичности, консолидации этнических общностей, повышения самооценки людей с точки зрения этнокультурного измерения. В этих условиях важной научной и практической задачей является поиск механизмов гармоничного сочетания разных видов идентичностей – локальной, региональной, этнической, национально-гражданской – как важной предпосылки устойчивого развития отдельных государств в ситуации растущей этнокультурной сложности современного мира на всех уровнях его организации.

Работа выполнена по проекту «Влияние этнокультурного неотрадиционализма на формирование общенациональной и этнической идентичности» в рамках Комплексной программы Сибирского отделения Российской академии наук № II.2.

Литература

1. Мадюкова С. А., Попков Ю. В. Феномен социокультурного неотрадиционализма / под ред. Е. А. Тюгашева. СПб. : Алетейя, 2011. 132 с.
2. Попков Ю. В., Тюгашев Е. А. Феномен этнокультурного неотрадиционализма // Традиции и инновации в истории и культуре. М., 2015. С. 235–243.

УДК: 316.3(470+57):327

Попков Ю. В., Тюгашев Е. А.
Popkov Yu. V., Tyugashev E. A.

РОССИЯ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ: СЕВЕРНОЕ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ

RUSSIA BETWEEN WEST AND EAST: NORTHERN POSITIONING

В статье актуализируется глобальная оппозиция Север – Юг как методологическое средство анализа идентичности российской цивилизации. Указывая на ошибочность отождествления глобального Севера и глобального Запада, авторы обосновывают положение о северном позиционировании России. Признание данного факта имеет важное значение для определения перспектив развития многих направлений внутренней и внешней политики России.

Ключевые слова: социология мирового развития, цивилизация, Север, Россия.

Принятие важных государственных решений, направленных на расширение масштабов и оптимизацию способов освоения обширных территорий Арктической зоны имеет далеко идущие последствия, касающиеся не только собственно северных регионов, но и общего благополучия России. Обусловленная данным обстоятельством задача формирования новой парадигмы социально-экономического развития российского Севера вряд ли может ограничиваться рассмотрением проблем исключительно самого этого региона (важности комплексного подхода к углубленному освоению арктического пространства, его ресурсно-сырьевой и транспортно-инфраструктурной базы, трудового потенциала и т. д.), но должна учитывать необходимость корректировки многих направлений внутренней и внешней политики России с учетом заметного усиления всестороннего влияния Севера, «северности» на развитие страны. В данном контексте актуализируется вопрос о том, что есть Россия с точки зрения ее пространственно-географического статуса и геокультурной рефлексии, т. е. вопрос об ее идентичности.

Вопрос о глобальном позиционировании России, ее самоопределении в семействе мировых цивилизаций – между Западом и Востоком – впервые поставил П. Я. Чаадаев, который писал о «заблудшести» России и о том, что «мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого» [7, с. 25]. Это наблюдение Чаадаева так и осталось объективной мыслеформой для самоидентификации России. Принято считать, что как Чаадаевым, так и в последующей интеллектуальной традиции «при всей оригинальности и значимости идей, высказанных русскими мыслителями о соотношении Запада и России, не найдено окончательного решения этой проблемы» [4, с. 196].

Здесь следует обратить внимание на высказывания П. Я. Чаадаева о северном позиционировании России. Проблематизируя идентичность России, он писал: «Говорят про Россию, что она не принадлежит ни к Европе, ни к Азии, что это особый мир. Пусть будет так. Но надо еще доказать, что человечество, помимо двух своих сторон, определяемых словами – Запад и Восток, обладает еще третьей стороной» [2, с. 174–175].

Следует сказать, что диспозиция всех сторон света представлялась значимой для Ф. Бэкона. Так, он чисто эмпирически констатировал: «В древности войны имели преимущественно направление с востока на запад, ибо персы, ассирийцы, арабы, татары (т. е. все завоеватели) были народами восточными» [8, с. 484]. Западный градиент переселения народов на территории Евразии Бэкон не объясняет, но признает в виде демографической константы мирового развития. Вместе с тем мыслитель указывает на относительность оппозиции «За-

пад – Восток». Так, он пишет: «Восток и запад не являются, однако, постоянными точками на небе; так же и о войнах нельзя с точностью заключить, свойственно ли им восточное направление или западное. Тогда как север и юг являются направлениями постоянными; и редко или даже никогда не случалось южному народу завоевать северный, а бывало как раз наоборот» [1, с. 484–485]. Таким образом, Бэкон фиксирует глобальную асимметрию «Север – Юг», стороны которой представляются субстанционально различными, а следовательно, находящимися в некотором постоянном соотношении.

Что же касается П. Я. Чаадаева, то в «Апологии сумасшедшего» он констатировал: «Мы просто северный народ и по идеям, как и по климату, очень далеки от благоуханной долины Кашмира и священных берегов Ганга» [7, с. 150]. В «Отрывках и афоризмах» Чаадаев также не забывает о Севере: «К тому же из тех излучений научной мысли, которые случайно заносят на наши отдаленные прибрежья дуновения Запада, сколько сбившихся с пути, сколько застывших под ледяющим дыханием севера» [7, с. 198].

На эти высказывания П. Я. Чаадаева не обратили внимание в силу того, что в его время они являлись ходячими, стереотипными представлениями о России. В Новое время северная идентичность России составляла общепризнанный культурный штамп, базирующийся на восприятии в Европе России как северной державы. «Северный текст» российской культуры систематически конструировался в символике государственного строительства XVIII века – от Северной войны до возведения Санкт-Петербурга (как «северной» столицы) и Зимнего дворца. В это время эпитет «северный» устойчиво вошел в название литературных периодических и непериодических изданий: «Северная пчела», «Северный Меркурий», «Северные цветы», «Северная лира», «Северный архив» и т. д.

О северном позиционировании России как само собой разумеющемся факте писал Н. М. Карамзин. В «Записке о древней и новой России» (1811 г.) мы находим следующее замечание о России: «Во глубине Севера, возвысив главу свою между азиатскими и европейскими царствами, она представляла в своем гражданском образе черты сих обеих частей мира: смесь древних восточных нравов, принесенных славянами в Европу и подновленных, так сказать, нашею долговременною связью с монголами, — византийских, заимствованных россиянами вместе с христианскою верою, и некоторых германских, сообщенных им варягами» [5, с. 24]. Как видим, проблему позиционирования России между Востоком и Западом он однозначно разрешает ее северной идентификацией.

«Северность» России наиболее очевидной стала сегодня, после отделения южных и западных республик бывшего СССР. Многие интеллектуалы сейчас чисто эмпирически фиксируют северную геопозицию России. Известный культуролог Г. Д. Гачев писал: «Космос России – Север суровый присоединен к линии умеренных широт. Космос США – к линии умеренных широт присоединен Юг» [2, с. 213]. Так, В. Смык констатирует: «Хотим мы того или нет, но наша национальная самоидентификация, наше чувство родины в последнее десятилетие стали смещаться на север. Русские люди сегодня себя больше чувствуют северянами, чем раньше» [6, с. 77].

Говоря о северной перспективе применительно к истории России А. В. Головнев выделяет следующие значимые, на его взгляд, исторические факты:

- во-первых, лидирующую роль Севера в развитии Европы начиная с позднеримской эпохи;
- во-вторых, северные истоки Древней Руси;
- в-третьих, движущий развитие российской цивилизации конфликт между «нордизмом» – североευропейской этнополитической традицией, символизируемой Великим Новгородом и Петербургом – и «ордизмом» – центральноазиатской этнополитической традицией, символизируемой Москвой [3].

А. В. Головнев иронично замечает, что в своей истории Россия основные доходы получала с Севера, потери несла на Юге, но окно упорно рубила в Европу [3]. А территориально – добавим мы, – прирастала в основном на Востоке. В этом отношении традиционная са-

моидентификация России выглядит парадоксальной. В отличие от стран Скандинавии, как указывает А. В. Головнев, самосознание которых начинается с понятия «север» (Norden, Nordisk, Norðurlandaráð), геопозиция России размыта. Будучи северной страной, Россия никогда в истории – ни в самоопределении, ни в международной позиции – не основывала свою государственную (национальную) идеологию на северном статусе [3].

Ввиду перспективы очередного северного поворота в геоэкономической стратегии России все более актуальным становится учет ее северной геопозиции. В северных регионах Российской Федерации все чаще стал ставиться вопрос о природе и характере северных сообществ, специфике России как северной цивилизации. Это ведет к тому, что все важнейшие элементы российской культуры начинают переосмысляться в «северном измерении».

Хозяйственные традиции нашего общества, его традиционная деловая культура, этос и духовная культура, способы социальной самоорганизации должны быть прочитаны, поняты и истолкованы в «северном формате». Разумеется, этот формат не является единственным. Но он является базисным форматом, над которым надстраиваются опосредствующие его другие форматы социальной самоорганизации. Соответственно, большое значение приобретает разработка и реализация «северных стандартов» во всех сферах жизнедеятельности общества.

Таким образом, с позиций социологии мирового развития и фиксации в качестве исходной точки зрения факта северной геопозиции России открываются новые возможности для теоретико-модельной интерпретации и эмпирического анализа проблем развития российского общества, а также для осмысления практических задач по корректировке отдельных направлений внутренней и внешней политики. Поэтому обоснование современной парадигмы развития Арктики с учетом северного статуса России приобретает особо значимый смысл.

Литература

1. Бэкон Ф. Опыты, или наставления нравственные и политические. Соч. в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1972. С. 349–518.
2. Гачев Г. Космософия России и русский логос // Ментальности народов мира. М. : Эксмо, 2003. С. 205–212.
3. Головнев А. В. Северная перспектива в истории России // Социальные трансформации в российской истории. Екатеринбург–Москва, 2004. URL: <http://www.uralweb.ru/rating/go/ihisturan> (дата обращения 10.04.2016).
4. Горбач К. Запад и Россия // Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М. : Наука, 1995. С. 192–196.
5. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М. : Наука, 1991. 128 с.
6. Смык В. И...как это будет // Тобольск и вся Сибирь. Вып. № 5. Лукоморье. Тобольск : Обществ.-благотворит. фонд «Возрождение Тобольска», 2005. С. 77–82.
7. Чаадаев П. Я. Избранные сочинения и письма. М. : Правда, 1991. 560 с.

УДК 316-027.555:1

*Товмасын Н. Т.
Tovmasyan N. T.*

ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА: ТЕРМИН, ПОНЯТИЕ, КОНЦЕПЦИИ

PUBLIC SPHERE: TERM, NOTION, CONCEPTS

В существующих традициях философской и политической мысли понятие «публичная сфера» используется достаточно часто и крайне неоднозначно, что порождает необходимость пристального рассмотрения его содержания с целью систематизации представлений и концепций, имеющих к нему отношение, и прогнозирования дальнейших путей его развития.

Ключевые слова: публичная сфера, публичное пространство, Ю. Хабермас, публичность, приватная сфера.

Происхождение и трактовки термина «публичная сфера»

Термин «публичная сфера» уже второе десятилетие продолжает оставаться одним из самых обсуждаемых в научной литературе. Он нашел широкое применение далеко за пределами исключительно философского дискурса и продолжает активно использоваться в рассмотрении вопросов политологии, социологии, истории и многих других гуманитарных дисциплин. Для ясности понимания образа рассматриваемого явления мы попробуем раскрыть наиболее популярные в научной литературе подходы к определению его сущности.

При попытках объяснения содержания концепции «публичной сферы» можно столкнуться с рядом затруднений, связанных с многомерностью смысловых значений и, в некоторой степени, различным пониманием термина в российской и зарубежной практике научной мысли. Вопрос в том, что русский термин «публичная сфера» не в полной мере корректен, так как представляет собой дословный перевод английского термина «public sphere», который, в свою очередь, является не совсем верным переводом немецкого «Öffentlichkeit», принимающего в русском языке смысл «публичности» или «общественности». Дело в том, что немецкие исследователи считают, что английский перевод термина не соответствует смысловой нагрузке, которой Хабермас первоначально наполнил его.

Многие ученые, занимающиеся феноменом публичной сферы, склонны полагать, что этот термин ввел в оборот сам Ю. Хабермас, хотя существуют и другие версии, сторонники которых считают, что выражение «public sphere» появляется в несколько искаженных переводах ранних статей Ю. Хабермаса и не отражает полного содержания аутентичного немецкого термина. В книге «Театральная публичная сфера» Кристофера Балма, выпущенной Cambridge University Press, утверждается, что «термин "публичная сфера" вошел в английский язык в 1974 году с переводом энциклопедической статьи Ю. Хабермаса 1964 года» [10]. Автор говорит, что использование термина «публичная сфера», как аналога немецкому «Öffentlichkeit», в некотором роде проблематично, так как он не в полной мере охватывает семантическую стабильность и гибкость оригинального термина.

Слово «Öffentlichkeit» происходит от средневекового немецкого «offen» («открытый»), в конце XVIII в. употребляющегося с целью обозначения открытых общественных мест и процедур. А сущностью исследования Ю. Хабермаса являлось изображение изменений структуры общественности, повлекших за собой призывы к распространению этого самого «Öffentlichkeit», в частности, на политическое пространство. Изначально, оглядываясь на борьбу нарождающегося буржуазного общества за перенос некоторых общественных сфер жизнедеятельности общества в плоскость публичного, Ю. Хабермас имел ввиду публичность как нечто открытое для обсуждения всем обществом и противоположное частному, т. е. закрытому.

Так, если мы переведем на русский язык вышеуказанную энциклопедическую статью, то будет ясно, что Ю. Хабермас называл всеобщий равный доступ к информации, добровольность участия в дискуссиях и рациональность доводов, формирующих общественные взгляды, наиболее значимыми признаками «Öffentlichkeit» [8], но вследствие его адаптации в английском и французском языках к понятию прибавляется также пространственное измерение в виде слова «сфера» или «пространство» (во французском языке).

В самой Германии Ю. Хабермас чаще всего упоминается учеными не как автор термина, а больше как ученый, исследующий историю, подходы и текущее состояние этого феномена. Он же говорит о том, что немецкое слово XVIII в. «Öffentlichkeit» – аналог термина «publicité» в старофранцузском и «publicity» в английском [9].

В процессе перевода и закрепления нового термина в англоязычной, франкофонной, а затем и русскоязычной социально-политической литературе, произошло то, что переводчики тем самым ввели пространственную метафору для термина «Öffentlichkeit», в которой изначально это не планировалось. Все эти огрехи в переводах в сумме привели к тому, что из-

начально подразумеваемая под термином «публичная сфера» некая нематериальная субстанция, обозначающая гласное обсуждение, действие, процесс и т. д., являющийся противоположностью частному, личному и закрытому от общества, принимает также и пространственный оттенок, вбирая в себя публичные площадки, где может встречаться общественность. Вследствие чего «публичная сфера» начала означать не совокупность публичных коммуникативных действий (как в принципе и гласит теория коммуникативного действия Хабермаса), а некое пространство, в рамках которого эти действия могут совершаться. Стоит подчеркнуть разницу между формой и содержанием – совокупностью действий и статусов, приводящих к формированию общественного мнения, и пространством, где эти действия могут происходить: это пространство обладает собственной структурой и задает условия, в которых и формируется общественное мнение и общественная жизнь в целом. Именно такой контекст был закреплен за термином «публичная сфера» в большей части западной литературы, посвященной ей. Российские исследователи также не сумели избежать подобного пространственного понимания термина в своих трудах. В некоторых из этих работ можно встретить приравнивание двух терминов: «публичная сфера» и «публичное пространство», но стоит заметить, что в большей части современной российской научной литературы термин «публичное пространство» применяется для обозначения мест общественного пользования, чаще всего – в архитектуре города, без дополнительной смысловой нагрузки на него, предполагающей встраивание в философскую концепцию или теорию.

Сущность публичной сферы. Как уже отмечалось, в трудах Ю. Хабермаса уделяется особое место вопросам, отсылающим к феномену публичной сферы. Он считал, что задача публичной политики должна сводиться к достижению общественного согласия путем равноправного диалога при полном «исключении обмана и иллюзии» [5]. Именно в процессе такого обмена информацией вырабатывается то, что принято называть общественным мнением.

Стоит заметить, что значение общественного диалога в публичной сфере для демократически устроенного государства известно уже давно. Аристотель говорил об этом, упоминая о двух видах связи, существующих в политическом общении: власти «господ и рабов», или власти, где «одни полны зависти – другие презрения». По мнению мыслителя, эти виды политического общения возникают, когда в основе политического диалога лежит нежелание достижения консенсуса между его участниками. И только в истинно демократическом государстве (которое в современном понимании максимально близко к понятию «полития» у Аристотеля) может иметь место диалог между его членами, выражающийся в подлинном умении повелевать и повиноваться [2].

Но что же на самом деле стоит за этим термином? «Публичная сфера» – это, по своей сути, «сфера публичной жизни, в рамках которой могут подниматься дискуссии по общественно значимым вопросам, приводящие к образованию информированного общественного мнения» [1]. С развитием публичной сферы связан ряд институтов: государство, газеты и журналы, инфраструктура публичного пространства (парки, кафе, клубы и прочее), а также культура, благоприятствующая публичной жизни. Ю. Хабермас, утверждал, что публичная сфера была наиболее развита в Европе XVIII в., и что с тех пор наблюдался отход от участия в общественной жизни и растущее разделение между сферами публичной и частной жизни под влиянием развития капитализма, вытесняющего духовные и человеческие ценности повседневной жизни денежными. Это означало разрыв между семьей и жизнью домохозяйства, с одной стороны, и миром работы и политики – с другой. Это деление было обусловлено также и гендерными различиями, поскольку организацией частной сферы занимаются женщины, а в публичной доминируют мужчины.

Некоторые современные ученые указывают в своих работах несколько плоскостей, в контексте которых гармонично используется понятие «публичная сфера». Например, Джефф Вайнтрауб выделяет следующие подходы: во-первых, использование этого понятия при анализе «публичной политики», где публичное рассматривается как область государственной политики и управления; во-вторых, использование термина при описании процессов гражд-

данского общества; в-третьих, его использование при описании сферы общения с внешним окружением, где люди контактируют в публичном пространстве и постигают культурные нормы, упорядочивающие общественную жизнь; в-четвертых, оно используется в случае, когда «приватное» и «публичное» отождествляется с семьей и рыночной экономикой соответственно, где первое приравнивается к роли женщины, а второе – мужчины [11].

Интерпретация «публичной сферы» по Хабермасу представляет собой пространство рациональной дискуссии, основанное на принципах открытости и равенства сторон и совместно разработанных и общепринятых критериев и стандартов. Именно в публичной сфере в процессе свободной от внешнего контроля дискуссии и обмена информацией вырабатывается то, что можно назвать общественным мнением. Оно представляет собой не среднее арифметическое мнений всех участников, а результат дискуссии, которая очищает его от искажений, вносимых частными интересами и ограниченностью отдельных точек зрения: исход дискуссии определяется исключительно силой аргументации, а не статусом участников. Именно такое общественное мнение (и, соответственно, публичная сфера) выступает в качестве главного ограничителя государственной власти и источника демократической легитимности.

Моделируя публичную сферу, Ю. Хабермас исходил из неомарксистской интерпретации социальной философии Г. Гегеля. Если для Г. Гегеля исходным пунктом при анализе общества было государство, а для К. Маркса – рыночная экономика (которую ранний К. Маркс отождествлял с гражданским обществом), то Ю. Хабермас искал зону, автономную и от государства, и от рынка. Этой зоной для него и явилась публичная сфера, само существование которой стало прямым следствием конституирования государства и становления рыночной экономики, что привело к появлению «гражданина», с одной стороны, и «частного индивида» – с другой [4].

Наиболее важным, в этом контексте, становится вопрос отграничения публичной сферы от частной жизни. Обычно под «публичным» понимаются действия, тем или иным образом имеющие отношение к обществу и государству, которые принимаются как открытые для публики, как то, что коллективно и что влияет на интересы коллектива. В то же время под «частным» подразумеваются действия частных индивидов, скрытых от большинства, то, что является приватным. Как было определено создателем этой кратко изложенной неомарксистской концепции, Юргеном Хабермасом, общественная сфера представляет собой «область нашей социальной жизни, в которой может быть сформировано что-то приближенное к общественному мнению [8]».

Особенно заострила свое внимание на этой проблеме Ханна Арендт в работе «Ситуация человека». Она отделила в политической жизни человека общественную часть (public realm), где происходила вся политическая деятельность гражданина и личную (private realm) – сферу частных интересов. Х. Арендт вслед за Аристотелем рассматривает публичное пространство как область, в которой возможно проявление политической активности граждан и функционирование подлинной демократии, трактуя его при этом в качестве противоядия частной сфере, куда помещает женщин, детей и рабов, поскольку у них отсутствуют какие-либо гражданские права. Наблюдая за изменениями общественности, Х. Арендт приходит к выводу о прогрессирующем упадке публичной сферы.

Юрген Хабермас в своей работе «Структурная трансформация общественной сферы», напротив, говорит о становлении «публичной сферы», происходящем с эпохи Возрождения. По мнению автора, «публичная сфера» – это некое пространство диалога между гражданами и государством для решения общественных вопросов. Хабермас называет истоками публичной сферы буржуазное общество с присущим ему свободным рынком. Изменение публичной сферы начинается во второй половине XIX в. и длится вплоть до XX в., связаны эти изменения с увеличивающимся размыванием границ личного и общественного под влиянием массового потребительского общества. Ввиду этих трансформаций остро встает вопрос о сохранении публичной сферы, которую Ю. Хабермас описывает в роли источника общественного мнения, требуемого для легитимации власти в любой действующей демократии

[7]. По всей видимости, публичная сфера имеет довольно утилитарную ценность, формируя с помощью общественных усилий идеи, дающие возможность решения вопросов, связанных с государственной властью конструктивными путями, с помощью диалога.

Тема трансформации публичной сферы находит свое продолжение в работе Сэйлы Бенхабиб «Притязания культуры», в которой утверждается идея о нахождении постиндустриальной «новой публики» сразу в нескольких локациях одновременно в силу возможностей, предоставляемых ей современными информационно-коммуникационными технологиями. Соответственно в силу сложившегося устройства формальных связей эта публика так же не может притязать на возможность обладания силой, необходимой для жизнедеятельности публичной сферы. Это становится более очевидным при наблюдении за публичными обсуждениями, которые, несмотря на предоставленные широкие технические средства для участия, продолжают оставаться на довольно низком уровне в силу нарцисстической самопрезентации публики [6].

Так же, как Ю. Хабермас, о разделении публичной и частной сфер говорит и Р. Сеннет в своем труде «Падение публичного человека», указывая на то, что из-за политической апатии людей и их нежелания участвовать в общественной жизни, не извлекая из этого личной выгоды, в XX в. происходит разрушение публичной сферы. Публичная сфера прекращает свое существование в качестве активного катализатора политических процессов внутри страны, а частная сфера в противовес ей становится главенствующей для отдельного индивида [3].

Стоит сказать, что, однако, многие исследователи не склонны акцентировать свое внимание на кризисных явлениях публичной сферы, определяя ее преимущественно нейтрально как диалоговое пространство для заинтересованных в решении вопроса индивидов или же как область социальной жизни, где формируется общественное мнение.

Таким образом, суммируя все описанные выше концепции и подходы теоретиков к феномену публичной сферы, можно однозначно сказать лишь о сложности этого социального явления и благоприятных перспективах для его изучения на данном этапе развития социума. Одни авторы склонны говорить о том, что будущее всего цивилизованного общества основано на развитии механизмов публичной сферы, а другие склонны полагать, что из-за противоречий, присущих ей, публичная сфера будет деградировать и либо примет иной облик, либо потерпит поражение в своих попытках институционализации. Так или иначе, оглядываясь на появляющиеся новые механизмы взаимодействия между гражданами и нарождающуюся культуру виртуального взаимодействия можно с уверенностью сказать, что другие пути развития для публичной сферы еще возможны, а то, что кризисные явления присущи ей на данном этапе, должно давать импульсы к поискам новых, адекватных современности, форм публичной жизни, а не служить предлогом для разговоров о ее нежизнеспособности.

Литература

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь. М. : Экономика, 2004. 62 с.
2. Аристотель. Политика. М. : Мысль, 1983. 318 с.
3. Сеннет Р. Падение публичного человека. М. : Логос, 2002. 424с.
4. Трахтенберг А. Д. Рунет как «публичная сфера» // Политекс. 2008. № 4. URL: <http://www.politex.info/content/view/232/30> (дата обращения: 03.05.2016).
5. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи. М. : Весь мир, 2011. 331 с.
6. Benhabib S. The Claims of Culture: Equality and Diversity in the Global Era. NJ : Princeton, 2002. 280 p.
7. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge, 1989. 433 p.
8. Habermas J., Lennox S., Lennox F. The Public Sphere // New German Critique. 1974. №3. P. 49–55.

9. Kleinsteuber H. J. Habermas and the Public Sphere: From a German to a European Perspective. URL:<http://www.razonypalabra.org.mx/antiores/n55/hkleinstuber.html> (дата обращения: 03.05.2016).

10. The Theatrical Public Sphere Christopher B. Balme. URL: https://books.google.ru/books?id=kIOYAwwAAQBAJ&pg=PA5&lpg=PA5&dq=public+sphere+definition+translation&source=bl&ots=10la35Gbkq&sig=kYOWgOXOus8B0Da9YEzxdHgs_1Y&hl=ru&sa=X&ved=0ahUK EwiwuqD_ntfLAhXEv3IKHfI7DAgQ6AEIODAF#v=onepage&q=public%20sphere%20definition%20translation&f=false (дата обращения: 03.05.2016).

11. Weintraub J. Varieties and Vicissitudes of Public Space, In: Metropolis: Center and Symbol of Our Times ; ed. by Ph. Kasinitz. NY : University Press ; Forthcoming. P. 280–319.

УДК 177

*Торгашова Е. С.
Torgashova E. S.*

ТЕОРИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ ДЖОНА РОЛЗА

THEORY OF JUSTICE BY JOHN RAWLS

Непременным условием стабильного общества является гарантированная государством социальная справедливость. Оригинальную разработку содержательных принципов, которые предлагается положить в основу справедливого социального устройства, представил Джон Ролз – американский философ, один из ведущих специалистов в области концепций прав человека. Целью статьи является рассмотрение содержательных принципов и структуры его работы «Теория справедливости» с точки зрения возможности обоснования и реализации основных ее принципов в современной политической и общественной жизни. Охарактеризована проблема эффективности предлагаемой Ролзом системы социальной организации, призванной способствовать оптимальному общественному строю. Сделан вывод о возможности признания «Теории справедливости» Ролза в качестве одного из значимых теоретических оснований этики гражданского общества и политической практики.

Ключевые слова: справедливость, честность, договор, рациональные индивиды, социальное устройство, базисная структура, общественные институты.

В условиях кризиса не только современного российского общества, но и состояния науки о нем, философское осмысление проблем социальной справедливости приобретает все большую актуальность. Вопрос о качестве законодательной легитимации социального строя России фактически до сих пор не поставлен в отечественной исследовательской мысли. Такой вопрос предполагает, что при его решении во главу угла должно ставиться рассмотрение социального строя на предмет его соответствия принципу социальной справедливости. Уяснение смысла и содержания концепции Ролза призвано способствовать достижению указанной цели.

В практическом отношении значение постановки и решения задачи гарантированного государством продвижения общества ко все более точному и полному осуществлению принципа социальной справедливости определяется тем, что решение этой задачи является непременным условием социальной стабильности. Когда мы видим, что всевозможные программы и меры, предпринимаемые правительством страны, далеко не всегда дают ожидаемые результаты, мы не можем не замечать, что, с одной стороны, причины этого кроются во многом, если не прежде всего, именно в нерешенности проблемы социальной справедливости, а с другой стороны, что далеко недостаточная эффективность государственных программ является почвой социальной нестабильности.

Оригинальную разработку содержательных принципов, которые должны быть положены в основу справедливого социального устройства, предложил Джон Ролз (John Bordley Rawls, 1921–2002) – американский философ, один из ведущих специалистов в области концепций прав человека.

Книга Ролза представляет собой междисциплинарное исследование, направленное на рассмотрение путей воплощения в реальную политическую жизнь принципов справедливости. Структура его работы построена так, чтобы служить выяснению того, будет ли социально-политическое устройство, соответствующее этим принципам, достаточно стабильным. Первая часть посвящена мотивировке и выведению следующих принципов справедливости: максимально возможной свободе, равенству возможностей и приоритету заботы об обездоленных слоях населения; во второй части проводится анализ возможностей институционального воплощения этих принципов; третья, заключительная часть, – это попытка ответить на вопрос, могут ли обозначенные принципы служить необходимым и достаточным основанием общественной теории справедливости в стабильном регулируемом обществе [1, с. 126].

Одной из главных особенностей «Теории справедливости», как справедливо отмечают многие авторы, является тщательно продуманная система доказательств краеугольного значения для общества характеризуемых в работе принципов справедливости. Представляемая Ролзом теоретическая система предполагает действие двух взаимосвязанных методов: метода рефлексивного равновесия и метода гипотетического контрактуализма, который у Ролза опирается на определенную традицию в рамках договорной теории. Оба метода были заимствованы Ролзом у Канта, но существенно модернизированы [4, с. 75].

По мнению современных исследователей, теория справедливости представляет собой вариант концепции общественного договора, но в отличие от классической версии, где договор носит реальный характер, Ролз вводит понятие гипотетического договора [4, с. 79]. «Одна концепция справедливости более разумна по сравнению с другой, – отмечает Ролз, – или более обоснована, если рациональные личности в исходном положении могли бы выбрать свои принципы вместо тех или иных принципов справедливости. Концепции справедливости должны быть ранжированы согласно их приемлемости для личностей, поставленных в некоторые обстоятельства. Понимаемая в этом смысле проблема обоснования разрешается путем дискуссии относительно того, какие принципы было бы рационально принять при данной договорной ситуации. Это связывает теорию справедливости с теорией рационального выбора» [7, с. 31].

Ролз представляет справедливость как результат гипотетического соглашения между свободными людьми, опирающимися на принцип равноправия [2, с. 61]. Он предлагает нам провести мысленный эксперимент и представить, что несколько рациональных индивидов заключают договор относительно принципов организации общества, устроенного на справедливых началах [1, с. 149]. Ролз особо подчеркивает тот факт, что выдвижение и принятие принципов происходит до того, как индивиды начинают решать конкретные проблемы своей жизнедеятельности, это условие гарантирует, что принятые таким образом принципы будут честными [5, с. 28].

«...Принципы справедливости для базисной структуры общества являются объектами исходного соглашения. Это такие принципы, которые свободные и рациональные индивиды, преследующие свои интересы в исходном положении равенства, примут в качестве определяющих фундаментальные соглашения по поводу своего объединения. Эти принципы должны регулировать все остальные соглашения; они специфицируют виды социальной кооперации, которые могут возникнуть, и формы правления, которые могут быть установлены» [7, с. 26].

Ролз отмечает: если уменьшается социальное неравенство, но свобода граждан нарушается – такая государственная деятельность не является справедливой, ведь свобода личности не может нарушаться даже ради процветания общества, потеря свободы одними гражданами не может оправдываться большими правами для других. Именно такую справедливость Ролз называет честностью [6].

Ролз предполагал вполне определенный предмет этой справедливости, а именно «основные общественные институты». Основные общественные институты имеют прямое отношение к общей справедливости, потому что касаются всех и их влияния невозможно избежать [4, с. 74]. «Справедливость есть первая добродетель общественных институтов, как истина – систем мышления. Самая элегантная и экономичная теория должна быть отвергнута, если она не верна; таким же точно образом должны быть отвергнуты даже самые эффективные законы и институты, если они несправедливы» [7, с. 3].

«Справедливость как честность» отличается от других традиционных «договорных» теорий тем, что результатом исходного соглашения, разработанного Д. Ролзом, является не совокупность обязанностей, применимых к индивидам, а принципы справедливости, относящиеся к основополагающей структуре общества [8, с. 232]. Данная теория дает представление о политическом обществе именно как о форме ассоциации, целью которой является защита интересов его членов на основе внутренней автономии каждого [8, с. 233]. Ролз подчеркивает: «В справедливости как честности общество интерпретируется в качестве кооперативного предприятия во имя взаимной выгоды [8, с. 85].

В настоящее время основным возражением против теории Ролза считается обвинение в том, что, показывая, как должны работать социальные институты, он не дает конкретного способа оценки эффективности их действия.

Однако, несмотря на обоснованные критические замечания, мы согласны с тем, что Ролзу удалось создать не только теоретически обоснованную, но и вполне работоспособную теорию справедливости, которую можно принять в качестве основы этики гражданского общества и политической практики [4, с. 93].

Таким образом, по нашему мнению, практические модели, формирующиеся в рамках современных концепций справедливости, как в нашей стране, так и за рубежом позволяют критически пересматривать наше отношение к действительности со всеми ее несовершенствами: неравенством, бедностью, произволом властей – и пытаться их исправить.

Литература

1. Алексеева Т. А. Современные политические теории. Опыт Запада. М. : РОССПЭН, 2000. 479 с.
2. Ахметов Р. Э. Трактровка справедливости как честности в социально-политической философии Джона Ролза // Вестник ОГУ. 2009. № 7 (101). С. 61–66.
3. Канарш Г. Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2011. 236 с.
4. Кашников Б. Н. Либеральные теории справедливости и политическая практика России. Великий Новгород : НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2004. 260 с.
5. Литвиненко Н. С. Концепция справедливости Джона Ролза // Логос. 2006. № 1. С. 26–34.
6. Майданюк И. З. Еще раз о справедливости идей Джона Ролза // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия. 2013. № 31. С. 46–52.
7. Ролз Дж. Теория справедливости / пер. с англ. В. В. Целищева. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та. 1995. 511 с.
8. Углов Д. В. Тенденции делиберативной политики в теории справедливости Д. Ролза // Вестник ВГУ. 2009. Вып. 2. URL: http://www.vestnik.vsu.ru/program/view/view.asp?sec=phylosophy&year=2009&num=02&f_name=2009-02-21 (дата обращения 01.05.2016).

УДК 17.035.12:1(091)(37+38)

Третьякова А. В.
Tretyakova A. V.

ПРОБЛЕМА АЛЬТРУИЗМА В КЛАССИЧЕСКОЙ АНТИЧНОСТИ

ALTRUISM PROBLEM IN CLASSICAL ANTIQUITY

В статье рассматривается представление об альтруизме в философии Платона и Аристотеля; тесная связь альтруизма с общественными формациями; зависимость альтруизма от коллективизма и индивидуализма. Альтруизм представлен как вид добродетели. Автором ставится вопрос о возможности свободы выбора в ситуации зависимости альтруизма от общественной формации.

Ключевые слова: альтруизм, коллективизм, индивидуализм, добродетель.

Антитеза «индивидуализм – коллективизм» стала предметом анализа философов и социологов, а позднее, в XIX веке, психологов. Однако понимание этих принципов сложилось еще в Древней Греции в онтологических теориях известных философов Платона и Аристотеля. Для нас они представляют интерес, поскольку, исследуя принцип альтруизма в исторической ретроспективе, выявляется то, что бинарную оппозицию «альтруизм» – «эгоизм» преимущественно рассматривают как составные части дуалистического процесса мировой истории, которые воплощаются в оппозиции «коллективизм» и «индивидуализм». Соответственно, образуется всего две переменные: коллективизм на макроуровне, в общественной формации, и свойственное ему неотъемлемое следствие – альтруизм как личностное качество на микроуровне. Им противопоставляются индивидуализм на макроуровне и эгоизм на микроуровне. Обращаем внимание на то, что альтруизм в этой связи рассматривается как атрибут и следствие общественной формации, отвечающей принципу коллективизма, и никак не независимая переменная. Проблема заключается в том, что в ситуации прямой зависимости альтруизма от общественной формации человек лишается свободы выбора.

Вопрос о соотношении коллективизма и альтруизма и индивидуализма и эгоизма мы обнаруживаем у Платона при описании метафизики и социологии идеального государства («Государство», «Горгий», «Законы», «Политика»). Среди этих четырех понятий, выставив только две возможные комбинации, когда индивидуализму противоположен коллективизм, а эгоизму – альтруизм, и соотнося альтруизм с коллективизмом, а эгоизм с индивидуализмом, Платон защищает коллективизм от индивидуализма в принципе. Эти понятия завязаны на понятии справедливости. Будучи сторонником тоталитаристской морали, Платон говорил о необходимости распределения ресурса не в арифметическом аспекте, а пропорциональном добродетели. Критиковал демократию как худшую из форм правления. А справедливость рассматривал как регулятор ресурсов внутри класса, между равными. «Справедливостью будет – и сделает справедливым государство – преданность своему делу у всех сословий – дельцов, помощников и стражей, причем каждое из них будет выполнять то, что ему свойственно» [4, кн. 4, с. 434], – вот основа его этики личности. Благо и справедливость только то, что таково для государства, поскольку оно является целым, реальным и идеальным, а индивид представляет собой множество изменчивого мира. Индивид должен подчиняться целому (коллективу, Вселенной, городу), объекту более высокого порядка, нежели сумме индивидов с эгоистическими потребностями, потому что его природа в мелком, и есть нечто большее, в чем заложен порядок жизни. «Все, что возникло, возникает ради всего в целом... бытие это возникает не ради тебя, а, наоборот, ты – ради него. Ведь любой... делает все ради целого, а не целое ради части...» [4, кн. 4, с. 400].

Таким образом, Платон в попытке защитить государство исключает из него индивидуальный альтруизм, последствия которого приведут к его разобщенности. Любое его проявление неминуемо приведет к смешению и девальвации класса, а значит утрате порядка, и все дальнейшему копированию идеального устройства общества, все более теряющего свою суть. Коллективный альтруист словно мыслит свое тело за пределами фактических его границ и распространяет на все государство в отличие от индивидуального альтруиста, который за пределами своего физического тела не видит тела Афин.

При этом мы встречаем классовый эгоизм, который никак не противоречит себялюбию.

Обратимся к философии Аристотеля. Говоря о государстве, Аристотель подчеркивает, что для его образования коллективизм необходим, но его недостаточно. Человек по своей природе не прагматичное существо, он нуждается в удовольствии от совместной деятельности, радости от общения и дружбе, и именно эти чувства являются основанием для формирования государства. Аристотель подчеркивает, что одних трудовых отношений недостаточно, дружба же есть условие совместной жизни. Человеку необходимо положительное, предвзятое, личное отношение к окружающим людям. «... государство не есть общность местожительства, оно не создается в целях предотвращения взаимных обид или ради удобств обмена. Конечно, все эти условия должны быть налицо для существования государства, но даже и при наличии их всех, вместе взятых, еще не будет государства; оно появляется лишь тогда, когда образуется общение между семьями и родами ради благой жизни (*eu dzen*), в целях совершенного и самодовлеющего существования. Такого рода общение, однако, может осуществиться лишь в том случае, если люди обитают в одной и той же местности и если они состоят между собой в эпигамии. По этой причине в государствах и возникли родственные союзы, и фратрии, и жертвоприношения, и развлечения – ради совместной жизни. Все это основано на взаимной дружбе, потому что именно дружба есть необходимое условие совместной жизни. Таким образом, целью государства является благая жизнь, и все упомянутое создается ради этой цели; само же государство представляет собой общение родов и селений ради достижения совершенного самодовлеющего существования, которое, как мы утверждаем, состоит в счастливой и прекрасной жизни. Так что и государственное общение – так нужно думать – существует ради прекрасной деятельности, а не просто ради совместного жительства» [2, т. 4, кн. 3, с. 461–462].

Здесь очевидна индивидуалистическая тенденция, которая выражается в приоритетном значении личных предпочтений перед общественной необходимостью. Коллективизму, наоборот, присуще игнорирование личной заинтересованности, более того, она возводится в ранг разрушительного влияния.

Согласно Аристотелю, цель человеческой жизни заключается в счастливой жизни. Поскольку «наилучшая жизнь для каждого человека в отдельности и для всего государства в целом должна быть одной и той же» [2, т. 4, кн. 3, с. 595], то источником счастья государства является счастливый человек. Из того, что «...наилучшим государственным строем должно признать такой, организация которого дает возможность всякому человеку благоденствовать и жить счастливо» [2, т. 4, кн. 3, с. 591] мы понимаем то, как выглядит счастье. Оно складывается из приобретения и осуществления добродетелей («добродетель, как кажется, есть возможность приобретать блага и сохранять их, и, вместе с тем, возможность делать благодеяния [другим] во многих важных случаях и всем вообще во всевозможных случаях») [1, с. 127] и из самого переживания счастья от жизни, по сути бытия счастливым. Аристотель еще раз подчеркивает, что счастье человек приобретает в «благой деятельности» [2, т. 4, кн. 3, с. 595], т. к. «деятельность, направленная на благо, тождественна со счастьем» [2, т. 4, кн. 3, с. 594]. Получается следующая арифметическая пропорция: «человек счастлив» тождественно «в деятельности по приобретению блага». «Государство счастливо» тождественно «в деятельности [людей] по приобретению блага». Если формы государственной власти зависят от степени овладения людьми добродетелями («одни люди причастны к добродетели, другие же – в малой степени или вовсе не причастны, то ясно, что именно это и повело к образованию раз-

личных видов государства и нескольких государственных устройств» [2, т. 4, кн. 3, с. 603]), а добродетели тождественны счастью, то все формы государственной власти зависят от желания людей, составляющих тело государства, быть счастливыми. Это интереснейшее положение является практически постулатом гуманистического индивидуализма, суть которого можно кратко выразить в приоритете бытия личного перед общественным, мотивы которого отвечают высшим человеческим ценностям – творчеству и свободе.

Из него следует несколько выводов. Во-первых, если граждане в малой степени овладевают добродетелями, и, вместо того чтобы настраивать в себе приемник бытия счастья, будут нацелены на совместный труд, то такое государство превращается в государство совместного труда. Что представляет собой общественную форму коллективизма. И речь здесь может идти о нравственных способах организации совместной деятельности, которые благоприятно отражаются на личной заинтересованности в предмете деятельности, однако к счастью это не имеет отношения.

Во-вторых, предметом заботы государства должно быть счастье человека. В-третьих, поощряя счастье человека, есть вероятность поощрять и пороки (поскольку у людей разная степень овладения добродетелями), поэтому государство должно заботиться о развитии добродетелей каждого.

Теперь остановимся на представлении Аристотеля об альтруизме. Он его описывает как один из видов прекрасных поступков и как одну из добродетелей, называя его бескорыстием, и ставит по значению третьей после справедливости и мужества. «И из поступков [подлежащих выбору] прекрасны те, которые человек совершает, имея в виду нечто желательное, но не для себя самого, прекрасны также и безотносительно хорошие поступки, которые кто-либо совершил для пользы отечества, презрев свою собственную выгоду, точно так же, как прекрасно все то, что хорошо по своей природе, и что хорошо, но не именно для данного человека, потому что такие вещи делаются ради самого себя. Прекрасно и все то, что скорее может относиться к человеку умершему, чем к живому, потому что то, что делается для человека, находящегося в живых, сопряжено с эгоистическим интересом делающего. Прекрасны также те поступки, которые совершаются ради других, потому что такие поступки носят на себе меньший отпечаток эгоизма» [1, с. 216].

Во-первых, альтруистические поступки это те, которые совершаются не для самого себя. Во-вторых, к ним относятся безотносительные поступки, «презрев свою выгоду» [1, с. 216]. В-третьих, все те, что «хороши по своей природе, и что хорошо, но не именно для данного человека, потому что такие вещи делаются ради самого себя» [1, с. 216]. В-четвертых, к ним относятся такие поступки, которые можно отнести «к человеку умершему, чем к живому» [1, с. 216].

Для лучшего понимания добродетели (которая определяется Аристотелем как возможность приобретения блага) хочется сделать заметку в отношении понимания блага. На это обращает наше внимание А. Ф. Лосев [3]. Понимание блага в древней Греции и у современного человека западного типа мышления принципиально различается, поскольку различна сама мораль. Благо в представлении греков – это выражение жизненного принципа, активной, включенной в проблему жизни субъекта, полного участия и заинтересованности. По сути добродетель и приобретается тогда, когда общественное становится личным, через принятие собственной ответственности за последствия совершенного помогающего действия. Категория блага в этом случае сугубо оценочная. Это не просто мораль как мораль, это мораль высшего порядка, сфера должного и обязательного, мораль нравственная, в которой ценятся именно хорошие поступки. Однако в современном понимании благо рассматривается безотносительно и вполне теоретически. Современную мораль А. Ф. Лосев характеризует как «учение о незаинтересованности моральной сферы» [3, с. 254], когда мы наблюдаем за поступками как таковыми, отмечая их эстетическое значение, в ущерб оценочному, суть которых может быть морально низкой. Сфера морали окрашена созерцательно-незаинтересованным отношением к проблемам, отсутствием принадлежности к представлению о должном.

Таким образом, в логике рассуждения Платона порядок в государстве определяет ценностное развитие личности. В государстве человек должен выполнять классовые предписания, что исключает благой порыв человека, лишает его свободы выбора и свободы действия. Добро и добродетель должны служить не на благо другого человека, а на благо государства. Поэтому альтруизм вообще не возможен, поскольку он ведет к разрушению порядка.

Аристотель в своей онтологии и социологии исходит из нравственных интересов и бытия счастья личности, от достижения которых зависит процветание государства. Задача государства – создать условия, в которых человек мог бы воспитывать в себе добродетели, в том числе альтруизм, что приведет к нравственному развитию человека, а следовательно, и процветанию государства.

Платон и Аристотель положили начало бинарному рассмотрению альтруизма, связывая его с общественным строем государства, сделав предметом анализа не только хорошую политику, но и связав ее с развитием личности посредством развития добродетелей.

Можно предположить, что альтруизм не напрямую зависит от общественной формации, но он зависит от того, насколько общественная формация способствует развитию у человека относительной, оценочной морали, которая в античности понималась как индивидуальная и автономная, когда положительный поступок выступал результатом свободы воли и личной заинтересованности, а не результатом выполнения предписания.

Литература

1. Аристотель. Поэтика. Риторика / пер. с греч. СПб. : Азбука, 2000. 348 с.
2. Аристотель. Сочинения: в 4 т. М. : Мысль, 1983 Т. 4. 644 с.
3. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М. : Искусство, 1975. 345 с.
4. Платон. Государство. Собр. соч. в 4 т. / пер. А. И. Егунова М., 1994. Т. 3. 317 с.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СЕВЕРНОМ РЕГИОНЕ

УДК 323.1-019.52(0571.122):316.48

Мартынов М. Ю., Пуртова В. С.
Martynov M. Yu, Purtova V. S.

МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТНОСТЬ VS ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

INTERETHNIC CONFLICTS VS CIVIC IDENTITY

В статье рассматривается методология исследований межэтнической конфликтности. Предложены критерии ее определения. Обращается внимание на социальные предпосылки межэтнической конфликтности. Приводятся результаты социологических опросов в Югре.

Ключевые слова: этносоциология, межэтнические конфликты, региональная идентичность, межэтнические отношения, межэтническая напряженность.

Изучение проблем межэтнической конфликтности в отечественной науке актуализировалось в 1990-е гг. в связи с обострением этой конфликтности в период кризиса и распада СССР. Анализ этих процессов осуществлялся в рамках социологии конфликтов, рассматривавшей генезис и механизмы разрешения конфликтов главным образом в социально-психологическом ключе [1, с. 222].

В современной России национальные движения и национальные конфликты как основа сепаратизма потеряла свою актуальность, и на первый план вышла проблема межэтнических противоречий, порождающих риски дестабилизации политической ситуации внутри страны.

Однако здесь возникает методологическая проблема: какие признаки позволяют отнести то или иное общественное противоречие к межэтническому конфликту? Не имеет ли место, нередко, некая аберрация, помещающая в нишу межэтнического конфликта совсем иные процессы?

Обычно проблему критериев межэтнического конфликта решают достаточно просто, относя к ним те конфликты, в которых принимают люди различных национальностей. В качестве примера можно привести методологию, используемую Центром изучения национальных конфликтов для создания рейтинга межэтнической напряженности в регионах России. К межэтническим конфликтам в этом исследовании были отнесены имеющие этнически мотивированные насильственные и ненасильственные (символические) действия [6].

Но проблема заключается в том, что сложно определить, действительно ли те или иные действия являются этнически мотивированными. Ведь причины конфликта могут заключаться в глубоких социальных противоречиях и лишь формально и даже случайно манифестироваться в качестве межэтнических.

Сложность определения подлинной природы межэтнических конфликтов приводит к тому, что в итоге эксперты относят к ним любые случаи правонарушений с участием представителей разных национальностей. Очевидно, что при подобной методологии наибольшая межэтническая напряженность по чисто статистической вероятности будет фиксироваться в регионах с полиэтничным населением. Приведем пример подобных конфликтов, перечисленных в упомянутом исследовании, в частности, в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре: «В кафе произошла массовая драка между выходцами из Таджикистана и Дагестана. Один участник убит, ещё один госпитализирован с ножевыми ранениями... Депутат окружной думы от КПРФ В. Валеев в ходе конфликта на рынке избил чеченку-продавщицу ово-

щей. При этом он произнес несколько ксенофобных фраз, потребовал, чтобы чеченцы приехали к нему в офис. Депутат признан виновным по ст. 116 УК РФ, оштрафован на 40 тыс. руб. В конфликт вмешалось руководство Чечни» [7].

Вероятно, в ходе исследований необходимо более строго учитывать критерии межэтнической конфликтности. Основным таковым критерием, действительно, выступает мотивация социального поведения. Межэтническим конфликтом следует называть действия, мотивируемые расовыми или религиозными предрассудками, националистической ксенофобией, шовинистическими установками.

Используемая сегодня излишне широкая трактовка межнациональной конфликтности имеет то негативное последствие, что, возможно, скрывает под ее оболочкой гораздо более серьезные противоречия социального характера. Причем нередко подобная инверсия используется нынешними политиками, чтобы эти проблемы не замечать.

Так, на встрече депутатов Госдумы с руководителем Федерального агентства по делам национальностей Игорем Бариновым депутат от Тюменской области, член ЛДПР Владимир Сысоев выступил с репликой-вопросом к Баринову: «Югра сегодня занимает второе место по напряженности национального вопроса в России и находится на грани социального взрыва из-за напряженности в национальном вопросе... Что намерено предпринять ваше Агентство для стабилизации ситуации в регионе?» [2]. Между тем, ситуация может выглядеть прямо противоположным образом: не национальная напряженность грозит социальным взрывом, а, наоборот, – социальные противоречия облекаются в риторику межэтнической конфликтности. Облегченные представления о причинах социальной конфликтности, в свою очередь, оборачиваются предложением и облегченных мер по их устранению, вроде введения уроков толерантности, неких поручений Федеральному агентству по делам национальностей и пр. Это удобно с политической точки зрения, но вряд ли устраняет источники конфликтности.

Если обратиться к ситуации в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре, то по итогам проведенного нами опроса в 2015 г.¹ уже приходилось отмечать отсутствие ксенофобии и националистических установок, в частности, в массовом сознании молодежи Югры и существовании именно социальных предпосылок межэтнической конфликтности [4, с. 58–59].

Какие именно предпосылки выступают источником социальной конфликтности, в том числе в форме межэтнических столкновений, позволили уточнить массовые опросы населения, проведенные в 22 муниципальных образованиях автономного округа в 2014 и 2015 гг. (N = 6600).

В первую очередь, это конфликт между группами населения, давно проживающими в автономном округе, и группами, приехавшими относительно недавно, за доступ к системе социального обеспечения: здравоохранению, образованию, пенсионному обеспечению, решению жилищных проблем. Большая доля приезжих воспринимается как дополнительная нагрузка к этой системе и угроза сокращения ее доступности. Таким образом, социальную основу конфликта составляет противоречие между высоким уровнем социальных ожиданий населения и невозможностью эти ожидания удовлетворить. Эти ожидания были сформированы широким развитием социальной сферы автономного округа в предыдущие годы. Замедление темпов этого развития или даже их снижение болезненно воспринимается населением. Общественное мнение ищет «виновных» в невозможности эти ожидания удовлетворить. В этом смысле, как уже отмечалось, то, что мы принимаем за межэтническую и межконфессиональную конфликтность, на самом деле является проявлением обычного патерналистского сознания людей и борьбу за социальные преференции [3, с. 78].

¹ Генеральной совокупностью опроса являлись жители автономного округа старше 18 лет (N = 600 человек). Опрос осуществлялся методом формализованного интервью по месту жительства по стратифицированной, многоступенчатой, районированной, квотной выборке, репрезентированной по полу, возрасту и уровню образования. Репрезентативность выборки обеспечивалась соблюдением половозрастной и образовательной структуры, а также пропорций между населением, проживающим в населенных пунктах различного типа). Статистическая ошибка выборки не превышает 3 %.

Во-вторых, как показали исследования, исключительно серьезным фактором, провоцирующим рост социальной напряженности, является недостаточная защищенность людей перед работодателем, в том числе при приеме на работу, увольнении, начислении зарплаты. Причем речь идет, в первую очередь, не только о мелком частном бизнесе, но и о крупных нефтегазодобывающих компаниях. Именно это является причиной того, что высока напряженность в населенных пунктах, где существует монополизация этими компаниями рынка труда. Это «малые» города и некоторые муниципальные районы. В силу монополии производства наемный работник полностью зависит от воли (или произвола) работодателя. В интервью одному из авторов этих строк чиновник муниципалитета небольшого северного города не без гордости рассказывал о следующей «системе управления трудовыми ресурсами». В городе только два места работы: местная нефтегазодобывающая компания и муниципальные учреждения. Если работник не понравился руководству предприятия, его не просто увольняют, но достаточно одного звонка в муниципалитет, чтобы человека не приняли на работу и в муниципальные учреждения. Аналогичным образом поступает чиновник, ставя в известность руководство предприятия о негодном человеке. Наемный работник попадает в полную зависимость.

В ходе опросов респонденты идентифицировали это давление в соответствии с вопросом анкеты, как «нарушение прав по национальному признаку», но, скорее всего, имеет место абберрация сознания, эффект психологического переноса одной конфликтной ситуации на другую. На самом деле, судя по результатам исследования, подобные случаи практически не связаны с той или иной национальностью респондента.

В то же время, анализ результатов опроса показал прямую взаимосвязь между социально-экономическим самочувствием респондентов, степени удовлетворенности ситуацией в своем населенном пункте и в автономном округе в целом, с одной стороны, и частотой отмеченных ими случаев дискриминации по национальному признаку, оценкой вероятности межэтнических конфликтов, с другой.

Выделив 11 критериев социальной и межэтнической напряженности, мы осуществили кластерный анализ муниципальных образований по уровню социальной и межнациональной напряженности. Для включения муниципальных образований в кластеры необходимо не только наличие тех или иных отдельных признаков, но и их корреляционная совокупность. Так, ситуация в регионе, который попадает в кластер высокого риска должна в первую очередь обладать доминирующими признаками, характеризующими высокую социальную и межнациональную напряженность (вероятность конфликтов по нескольким критериям).

В результате были определены три группы территорий в зависимости от рисков социальных и межнациональных конфликтов. К первому уровню с высоким риском социальных и межнациональных конфликтов можно отнести (число критериев высокого риска от 9 до 11): г. Когалым, г. Мегион, г. Нефтеюганск, г. Радужный, Нижневартовский район, Советский район. К среднему уровню рисков относятся (число критериев высокого риска от 4 до 6): г. Лангепас, г. Покачи, г. Сургут, г. Урай, Кондинский район. К третьему уровню рисков (количество критериев высокого риска не превышает 3), наиболее благополучному в сфере межнациональных отношений, можно отнести: г. Нягань, г. Нижневартовск, г. Пыть-Ях, г. Ханты-Мансийск, г. Югорск, Белоярский район, Березовский район, Нефтеюганский район, Октябрьский район, Сургутский район, Ханты-Мансийский район.

Помимо факторов риска, положенных в основу критериев социальной и межнациональной напряженности, следует указать и на факторы, наоборот, блокирующие эти риски, формирующие условия для снижения как уровня социального недовольства, так и степени межнациональной конфликтности.

В первую очередь, к таким факторам следует отнести формирование региональной (локальной, муниципальной) идентичности. Исследование показало обратную зависимость между переменными «социальная и межэтническая конфликтность» и «региональная идентичность». Как показывали наши предыдущие исследования, там, где население чувствует

себя частью местного сообщества, где развиты институты гражданского общества, риск развития любых общественных конфликтов на порядок снижается [5, с. 155].

Иллюстрацией может служить Березовский район. Здесь оказался очень высок уровень региональной (локальной) идентичности. Это чувство развито, судя по ответам, у 30 % населения (для сравнения: по округу эта цифра составляет всего 9,5 %). Такое положение не случайно. В районе уделяется большое внимание краеведению, формированию у граждан, особенно у молодежи, чувства сопричастности к делам местного сообщества.

Как результат – оценка межнациональных отношений в районе в ответах респондентов выглядит очень стабильной. Подавляющее большинство – 80 % – оценили ситуацию в этой сфере как «мирную, спокойную» (по округу – 59,2 %). Только 17 % – ощущают «некоторую напряженность». Как конфликтную ее оценили всего 1,3 % респондентов (по округу 5,2 %).

Только доли процентов опрошенных отметили, что чувствуют к себе неприязнь людей другой национальности. При этом, на вопрос: «С кем Вы отождествляете людей, которых относите к категории «чужие»?», лишь 5 % (!) указали на «людей другой национальности».

Что касается оценки межэтнической ситуации в целом по округу, то и здесь более половины опрошенных – 64 % – считают эти отношения «мирными, спокойными». Еще 40 % ощущают некоторую напряженность, но лишь 3,3 % считают ситуацию конфликтной.

Подводя итоги, отметим, что исследования межэтнической конфликтности нуждаются в совершенствовании методологии, в частности, необходимо уточнение критериев определения этой конфликтности. Это важно не только с точки зрения обеспечения принципов научности получаемых результатов, но и в целях более адекватной оценки политической и экономической ситуации в стране и регионах.

В первую очередь, следует обратить внимание на социальные предпосылки межэтнической конфликтности. К ним относится, во-первых, проявление патерналистского сознания людей и борьба за социальные преференции между группами населения, давно проживающими на данной территории и недавно прибывшими. Во-вторых, следует отметить недостаточную защищенность людей перед работодателем, порождающую у работников озлобленность и ощущение нарушения трудовых прав, в том числе – по национальному признаку. Фактором, блокирующим рост социальной и межэтнической напряженности, в свою очередь, выступает формирование региональной идентичности.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-13-86001 «Модели социального поведения молодежи Югры и формирование региональной идентичности»

Литература

1. Здравомыслов А. Г. Социология конфликта: Россия на пути преодоления кризиса : учеб. пособие для студ. вузов. М. : Аспект Пресс, 1995. 318 с.
2. Интернет газета ZNAK. URL: <https://www.znak.com/yamal/> (дата обращения: 30.04.2016).
3. Мартынов М. Ю., Пуртова В. С. Жизненные стратегии и политическое поведение молодежи Югры // СОЦИС. 2013. № 12. С.75–79.
4. Мартынов М. Ю., Пуртова В. С. Социальные предпосылки проявлений национализма в молодежной среде // Северный регион. 2015. № 2. С. 57–61.
5. Мартынов М. Ю., Пуртова В. С. Этническая и гражданская идентичность // Вестник Пермского университета. Политология. 2013. № 3. С.149–157.
6. ЦИНК. Гроздья гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России. Методология исследования. URL: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/metodol-ogiya.html> (дата обращения: 30.04.2016).
7. ЦИНК. Гроздья гнева – межэтнические отношения в стране. URL: <http://club-rf.ru/thegra-pesofwrath/01/xmao.html> (дата обращения: 30.04.2016).

УДК 329:324(571.122)

Мархинин В. В., Утенкова В. Ю.
Markhinin V. V., Utenkova V. Yu.

**ИЗМЕРЕНИЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ПАРТИЙ
В ПРЕДВЫБОРНОЙ ГОНКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ
РЕГИОНАЛЬНОГО ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ЦИКЛА 2011 г. В ЮГРЕ)**

**MEASURING POLITICAL EFFORT DURING ELECTIONS:
(ADAPTED FROM ELECTORAL PERIOD RESEARCH 2011 IN UGRA)**

Статья посвящена анализу активности политических партий в местном политическом процессе в ходе выборов 2011 г. На основе количественного анализа предпринимается попытка выявить особенности тактики партий и ее результативность.

Ключевые слова: политические партии, местные выборы, политическая конкуренция, методы количественного анализа.

Политическая активность партий на муниципальном уровне – сравнительно малоизученный предмет. Наиболее масштабные исследования, посвященные данной проблематике, представляют собой анализ сравнительно ограниченного круга параметров, характеризующих процесс партийной конкуренции. Авторы таких исследований делают сознательный выбор в пользу широты охвата местных кампаний, что обеспечивает возможность высокого уровня репрезентативности выводов и выявления тенденций развития политической ситуации в масштабах страны [см., напр. 2]. Такого рода подход налагает достаточно серьезные ограничения на глубину проводимого анализа: воссоздание сколько-нибудь детализированной картины на уровне отдельного муниципалитета представляет собой практически неподъемную, с точки зрения трудозатрат исследователя, задачу. С другой стороны, имеется и значительное число работ, обобщающих опыт отдельно взятых избирательных кампаний [1; 3; 4; 5 и др.] Как правило, полученные в ходе таких исследований результаты имеют фрагментарный характер, который затрудняет выход на уровень сколько-нибудь широкого обобщения. Перспективным направлением научного поиска в такой ситуации является разработка методов и инструментов, которые бы позволили достаточно эффективно анализировать процесс политической конкуренции как на локальном, так и на региональном и общенациональном уровне.

В настоящей работе представлены результаты апробирования одного из таких инструментов анализа – рейтинга активности политических партий в муниципальных избирательных кампаниях, разработанного нами в ходе исследования локального уровня политической конкуренции в ХМАО – Югре в избирательном цикле 2011–2015 гг.

Главной задачей нашего анализа является сопоставление интенсивности участия партий в конкурентном процессе; предполагается, что, опираясь на результаты такого сопоставления, будет возможно выявлять проблемные точки в практике политических партий, сравнивать прочность их позиций в различных частях региона и давать общие прогнозы относительно их успехов в следующих избирательных циклах.

Как и во многих регионах России, партийно-избирательные системы муниципального уровня в ХМАО отличаются высокой степенью разнообразия: имеются значительные различия в условиях конкуренции на территории городов и сельской местности, в ситуации применения неодинаковых типов избирательных систем (в округе используется несколько разновидностей мажоритарной системы), а также в условиях различного уровня активности самих кандидатов, выдвигаемых партиями. При таком положении вещей объектом сопоставле-

ния, о котором говорилось выше, становятся в большой степени уникальные и трудно сравнимые феномены. Для того чтобы сопоставление все-таки стало возможным, в процессе анализа избирательных кампаний мы учитываем несколько абсолютных и относительных показателей, демонстрируемых партиями.

Во-первых, учитываются абсолютные количества выдвинутых партией кандидатов, голов, полученных ими суммарно, и депутатов, избранных от данной партии. Кроме этого, учитывается среднее арифметическое голосов, приходящихся на одного кандидата от данной партии.

Во-вторых, высчитывается доля распределяемых мандатов, на которую партия претендовала в ходе избирательной кампании, доля зарегистрированных на территории муниципалитета избирателей, поддержавших кандидатов, выдвинутых партией. (Все эти показатели брались в процентном выражении).

Абсолютное число кандидатов в депутаты, выдвинутое партией, непосредственно характеризует объем усилий партии на данных выборах: чем больше это число, тем больше *потенциальные* масштабы агитационной кампании. (Для того чтобы сделать более корректным сравнение выборов в собрания депутатов, различающиеся по численности, мы учитываем также и процент мест, на которые претендовали различные партии). С другой стороны, этот потенциал может быть использован партией в большей или меньшей степени: не секрет, что зачастую партии выдвигают кандидатов, которые не планируют вести борьбу до победного конца. Их задача не в том, чтобы получить мандат, а в том, чтобы хоть как-то рекламировать свою партию в целом, на по-настоящему активную конкуренцию у таких кандидатов попросту нет средств, и сами по себе они не получают сколько-нибудь значительного числа голосов. Для того чтобы адекватно отобразить соотношение «технических» кандидатов и кандидатов «действительных», мы и учитываем такой показатель, как среднее арифметическое число голосов, поданных за кандидата от каждой партии.

По каждому из шести параметров партии начислялись баллы, количество которых зависело от того, скольких конкурентов она опережала.

Например, партия, которая выдвинула наименьшее число кандидатов в ходе анализируемой кампании, получает 0 баллов, партия, которая показала более высокий результат, но уступила остальным, получает, соответственно, 1 балл, следующий результат, который выше двух предыдущих, оценивается в 2 балла и так далее.

Сумма баллов, полученных каждой партией в ходе конкретной кампании по всем шести параметрам, определяет ее место в рейтинге активности. Сумма баллов, полученных партиями во всех муниципальных кампаниях, позволяет сравнивать их активность в масштабах региона.

Нетрудно заметить, что состав показателей неоднороден: значения некоторых из них обусловлены значениями других. Так, например, партия, получившая хотя бы один мандат, как правило, обеспечивает себе тем самым и рост таких показателей, как уровень поддержки среди зарегистрированных избирателей, среднее арифметическое число голосов, приходящихся на одного кандидата и, само собой, абсолютное число полученных ею голосов. Значения других показателей не зависят от прочих и сами прямо не обуславливают их значение. Это такие показатели, как абсолютное число выдвинутых кандидатов и доля мандатов, на которые партия претендует в ходе выборов. Объединение этих разнородных показателей в одном рейтинге позволяет использовать полученные данные для оценки влияния активности партии на местных выборах на кампании регионального и федерального уровня: все 6 показателей выражают независимые переменные, способные оказывать влияние на рост или снижение поддержки партий на выборах более высокого уровня. При использовании рейтинга для сравнения партийной активности в муниципалитетах, что называется, «в чистом виде» целесообразно будет не учитывать такой показатель, как количество полученных мандатов, поскольку он не характеризует активность партии на местном уровне (можно провести весьма напряженную кампанию и не провести ни одного из своих кандидатов). Но для анализа активности партии в муниципалитете в связи с региональными и федеральными выборами этот показатель важен, поскольку победа даже одного единственного местного кандидата

способна вывести партийную активность в ходе парламентских выборов на качественно новый уровень.

Естественно, применение предложенного нами метода сталкивается с некоторыми ограничениями. Во-первых, он не позволяет сравнивать активность партий и беспартийных кандидатов: каждый самовыдвиженец имеет возможность бороться только за 1 мандат, тогда как партия способна претендовать на все распределяемые мандаты. Во вторых, эта методика позволяет лишь в самых общих чертах анализировать усилия, приложенные доминирующей партией. «Единая Россия» в отличие от своих конкурентов не испытывает кадрового голода и, выдвигая кандидатов, сталкивается не с проблемой их рекрутирования, а с необходимостью отбора наиболее подходящих на эту роль. Известно, что эта партия обладает и наиболее мощным организационным потенциалом и материальной базой, что дает ей заведомо большие возможности в борьбе за симпатии избирателей и т. д. В большинстве случаев данная партия по всем показателям лидировала, получая максимальные 3 балла. Таким образом, если мы можем сравнивать интенсивность избирательных кампаний оппозиционных и правящей партии, то сравнение усилий правящей партии в различных муниципалитетах при помощи данного инструмента невозможно. Стоит упомянуть еще одно затруднение: принципиально возможна ситуация, когда лучший результат демонстрируют одновременно две или более партии. Например, так получилось в ходе выборов в Лангепасе, где «Единая Россия» и «Справедливая Россия» выставили 20 кандидатов из 20 возможных. В таких случаях каждая из двух партий получала максимальный балл (в нашем случае – 3 балла) (табл. 1).

Таблица 1

Выборы депутатов Думы г. Лангепаса пятого созыва (13.03.2011 г.)

Показатели	Политические партии			
	Единая Россия	КПРФ	ЛДПР	Справедливая Россия
Количество выдвинутых кандидатов	20 (3 балла)	–	10 (1 балл)	20 (3 балла)
% выдвинутых кандидатов от общего числа мандатов	100 (3 балла)	–	50 (1 балл)	100 (3 балла)
Количество избранных кандидатов	8 (2 балла)	–	–	12 (3 балла)
Количество голосов	5804 (2 балла)	–	1222 (1 балл)	7158 (3 балла)
% голосов от общего числа избирателей	21,1 (2 балла)	–	4,4 (1 балл)	26,1 (3 балла)
Количество голосов на одного кандидата	290,2 (2 балла)	–	122,2 (1 балл)	357,9 (3 балла)

В ситуации, когда в конкуренции участвуют только 4 партии, максимальный балл, который может заработать победитель, равняется 18 (победа над тремя конкурентами по всем показателям), а минимальный (ненулевой) – 1 (победа над одним из конкурентов по одному из показателей).

В ходе обследования избирательных кампаний 2011–2015 гг. нами был собран материал по каждой из основных избирательных кампаний, который позволяет сравнивать усилия конкурирующих партий, а также сопоставлять эффективность участия местных отделений каждой из партий в избирательных кампаниях соответствующих муниципалитетов. В рамках настоящей статьи мы не имеем возможности дать детальное описание этих данных и ограничимся анализом сводных данных, которые характеризуют деятельность партий в трех географических зонах Югры – западной, центральной и восточной, а также в Югре в целом. (табл. 2).

Таблица 2

**Средние значения баллов рейтинга активности в регионе
и его западной, центральной и восточной частях, баллы**

Территории	Политические партии			
	Единая Россия	Справедливая Россия	ЛДПР	КПРФ
Югра в целом	16,0	6,9	6,0	3,2
Запад	17,7	8,4	7,7	2,7
Центр	18,0	6,7	5,5	4,0
Восток	17,5	9,1	5,3	4,0

В табл. 2 показаны средние баллы, заработанные политическими партиями в ходе избирательных кампаний в регионе в целом и в его западной, центральной и восточной частях (Их значения определялись путем деления суммы набранных партией баллов на число проводимых кампаний).

Наиболее ровные результаты по всем трем зонам показывает «Единая Россия», что объясняется, в первую очередь, ее доминированием на территории всего округа. Абсолютного результата партии удалось добиться в центральной зоне с ее крупными муниципалитетами, особенно удобными для организации массовой пропагандистской кампании, тогда как на восточной и западной окраине региона оппозиционным партиям удалось отыграть у нее часть баллов.

Среди оппозиционных партий наибольшую интенсивность в организации муниципальных избирательных кампаний продемонстрировала «Справедливая Россия», оказавшаяся на втором после «Единой России» месте по числу выставленных кандидатов и принявшая участие во всех без исключения избирательных кампаниях. Наиболее интенсивной была ее деятельность в крупнейших муниципалитетах каждой из трех зон. В центральной части региона это дало сравнительно скромный результат (5 мандатов в 8 кампаниях): сказалось мощное противодействие «Единой России». На окраинах, напротив, были получены более солидные достижения: в 7 избирательных кампаниях западной зоны партия заработала 18 мандатов, и в 6 кампаниях восточной зоны – 16 мандатов. Схожая ситуация имела место и в избирательных кампаниях ЛДПР: на окраинах успех достигался чаще, чем в центре.

Особняком на этом фоне стоит КПРФ, которая приняла участие лишь в половине состоявшихся в рассматриваемый период выборов. В западной зоне партия пропустила 5 кампаний из 7, в восточной – 3 из 6 и в центральной – 3 из 8. В определенной степени это способствовало успеху остальных оппозиционных партий: часть протестных голосов, которые могли бы достаться КПРФ, ушли в копилку «Справедливой России» и ЛДПР.

Интенсивность кампаний, естественно, напрямую зависит от объема средств, которыми партии располагали в ходе выборов. Так, «Единая Россия» в первом квартале 2011 г. имела возможность распоряжаться суммой около 80 млн рублей, «Справедливая Россия» – 13 млн, ЛДПР – 8 млн, КПРФ – 1,5 млн. Тем не менее, материальные предпосылки не объясняют исчерпывающим образом успехи и неудачи партий.

Распределения рейтинга указывают и на результаты использования различных подходов партий к вопросам политического менеджмента. Так, равномерно высокие результаты «Единой России» отражают факт ее срастания с административно-управленческим аппаратом региона. Неспособность КПРФ к проведению кампаний с интенсивностью, типичной для остальных оппозиционных партий, объясняется, в частности, и особенностью принципов ее организации. Номинально эта партия имеет местные организации в большинстве муниципалитетов, на которые и возлагались обязанности по организации избирательных кампаний. Фактически, предполагалось, что функционеры местных отделений, в массе своей работающие на общественных началах, самостоятельно проведут соответствующие юридические процедуры, найдут спонсоров кампании, подберут ее кандидатский корпус и технический

персонал при минимальной помощи или вовсе без помощи регионального отделения. Эта тактика продемонстрировала полное банкротство.

Иную стратегию выбрали ЛДПР и «Справедливая Россия», руководство которых, действуя по образцу вертикально организованной структуры, сумело решить и финансовые, и, что самое главное, организационно-кадровые проблемы.

Литература

1. Коростелева М. В. Особенности формирования представительного органа муниципального образования // Известия Оренбург. гос. аграр. ун-та. 2015. № 1. С. 241–243.
2. Кынев А., Любарев А., Максимов А. Региональные и местные выборы 8 сентября 2013 года: тенденции, проблемы и технологии. М. : Либеральная Миссия, 2014. 312 с.
3. Серова Н. А. Анализ трансформации выборов глав муниципальных образований Мурманской области // Вопросы гос. и муниципал. управления. 2015. № 1. С. 186–196.
4. Трегубов Н. А. Муниципальные выборы в России: факторы эффективности политической коммуникации // Полития. Анализ. Хроника. Прогноз. 2014. № 1 (72). С. 61–79.
5. Трофимов М. С. Некоторые аспекты исторического развития законодательства Ставропольского края о проведении муниципальных выборов в контексте становления муниципальных избирательных систем // Ленинград. юрид. журн. 2015. № 1 (39). С. 9–19.

УДК 329-019.52

Сердюков Д. В.
Serdyukov D. V.

К ВОПРОСУ О ДОВЕРИИ К ПОЛИТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ: ОБЩЕРОССИЙСКИЕ И МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ (НА ПРИМЕРЕ г. СУРГУТА)

TOWARDS TRUST TO POLITICAL PARTIES: NATIONAL AND MUNICIPAL TRENDS (ON SURGUT EXAMPLE)

На основе данных социологических исследований в статье показано, что, несмотря на неоднократные попытки реформирования партийной и избирательной систем, отечественные политические партии пользуются у населения низким уровнем доверия. Важными моментами, характеризующими отношение общества к многопартийной системе, являются: отсутствие интереса к деятельности политических партий, слабость связей групп населения с партийно-политическими институтами, постоянное расшатывание и деформация еще только формирующихся привязанностей. Анализ соотношения планов партийной реформы с массовыми настроениями приводит к выводу, что курс на создание широкой многопартийности не находит поддержки у подавляющего большинства россиян.

Ключевые слова: доверие, политические партии, социологические исследования, г. Сургут.

Появление множества политических партий стало характерной чертой изменений в жизни современного российского общества. Только за последние несколько лет возникли десятки партий, считающих своей задачей выражение интересов отдельных социальных слоев, стремящихся стать посредниками между гражданским обществом и государством. Вместе с тем, политические партии, являясь отражением настроений населения, сами находятся под пристальным взором общественности и научного сообщества. Исследования большинства социологов партий и партийных систем носят критический характер. Отмечается их бюро-

кратизация, отрыв партийных вождей от масс, подавление индивидуальности политиков партийной машиной, уничтожение свободной конкуренции внутри политических партий разной идеологической направленности. Пожалуй, наиболее отчетливо эта критика выражена в словосочетании Р. Михельса «железный закон олигархии» [9].

В Российской Федерации с 1993 г. на конституционном уровне зафиксирован принцип многопартийности [7], это обеспечило появление большого количества общественно-политических организаций, активно участвующих в политическом процессе, что само по себе можно считать признаком успешно развивающейся демократии. По данным члена Центральной избирательной комиссии Российской Федерации О. К. Застрожной в 1996 г. насчитывалось более 40 тыс. общедофедеральных, межрегиональных и региональных объединений [2]. С другой стороны, уже в 1990-е годы комплекс побочных эффектов в виде излишнего разнообразия политических организаций, широкого спектра программ и быстро сменяющихся спикеров вызвал неоднозначную реакцию со стороны различных групп населения и общества в целом.

Еще до проведения партийной реформы в ноябре 2000 г. Фонд «Общественное мнение» (далее – ФОМ) опубликовал отчет под названием «Политические партии в современной России». В рамках исследования было опрошено 1 500 респондентов в 56 населенных пунктах России. Деятельность российских партий уже тогда оценивалась большинством сограждан негативно: 55 % респондентов считали, что партии «не приносят пользы» стране, и только 25 % придерживались противоположного мнения. 36 % респондентов твердо заявили о том, что ни одна из российских партий не действует в интересах таких людей, как они. Подавляющее большинство опрошенных (77 %) было убеждено, что в стране слишком много политических партий, и только 8 % утверждали, что их мало [14].

Однако при всем недовольстве действующими партиями респонденты в большинстве отметили необходимость их существования в России. Частично это объясняется тем, что российские граждане склонны воспринимать партии как звенья механизма власти и возлагать на них ответственность за положение дел в стране в целом – безотносительно к тому, каким политическим весом обладают те или иные партии. Правда, стоит отметить, что кризис партийных систем во второй половине XX в. охватил большинство стран Запада. Кризис этот, первые симптомы которого появились уже с конца 1950-х – начала 1960-х гг., т. е. с момента произошедшего тогда взлета гражданской демократической активности, имел четкую восходящую динамику, и одной из самых существенных причин этого кризиса явился постоянно усиливавшийся переток членов и сторонников партий в ряды активистов и участников групп интересов. Согласно данным одного из наиболее представительных исследований, охватывающего период с 1960 по 2000 гг., доля членов политических партий в их электорате в европейских странах сократилась с 15 до 5 %, причем в некоторых из них она снизилась до 2–2,5 %. Данные опросов в последующие годы убедительно подтверждали этот общий нисходящий тренд [12].

В качестве ответной реакции российский законодатель в июле 2001 г. принял федеральный закон «О политических партиях» [11]. Данный нормативно-правовой акт явился первым в современной истории России документом, регламентирующим правовой статус политических партий. Был сделан существенный шаг на пути решения важнейшей общественно-политической задачи, связанной с более четким определением роли политических партий и их места среди институтов гражданского общества. Но, пожалуй, основными задачами закона, по мнению экспертов, являлось: *создание предпосылок для формирования сильных партий*, усиление объединительных тенденций, укрепление позиций федеральных партий на региональном уровне; преодоление гипертрофированного состояния российской партийной системы, решение вопроса о статусе партий, фактически прекративших осуществление уставной деятельности; ориентирование партий на участие в выборах и работе органов государственной власти и местного самоуправления [8].

Казалось бы, действия законодателя были направлены на создание фундаментальных условий для укрепления партийной системы и повышения роли партий в политической системе России. Однако спустя семь лет результаты очередного аналогичного исследования ФОМ показали весьма неутешительные результаты. 43 % участников опроса по-прежнему полагали, что партии приносят России больше вреда, чем пользы. Противоположную точку зрения разделяли лишь 23 % опрошенных (прочие затруднились с ответом). Партии обвинялись в бездействии, неэффективности, паразитизме, безразличии к людям, корыстолюбию. 44 % участников опроса считали роль партий в жизни страны незначительной [13].

Результаты двух исследований ФОМ приведены с целью соблюдения чистоты сравнения данных, полученных в рамках одной методики, но близкие результаты и аналогичные выводы демонстрируют и другие социологические центры. Так, по данным исследовательского холдинга Ромир уровень доверия политическим партиям в России с 2004 по 2011 гг. вырос с 2 до 3 %, т. е. по-прежнему оставался на крайне низком уровне [4].

Очевидно, что существенным моментом, определяющим отношение масс к партийной системе, является слабость связей больших групп населения с традиционными партийно-политическими институтами, постоянное расшатывание и деформация еще только формирующихся партийных привязанностей. 45 % опрошенных российских граждан не ощущают приверженность к какой-либо политической партии, движению или объединению. При этом 15,8 % считают, что эта партия или движение отражает их взгляды и интересы полностью, а 14,2 % – частично [6]. Отсутствие или слабость ощущения привязанности к какой-либо политической партии, движению или объединению зачастую является следствием утраты человеком доверия не только к партийно-политическим структурам, к их деятельности, но и к другим людям. Анализ, в частности, показал, что потеря доверия к окружающим почти вдвое сокращает долю лиц, ощущающих привязанность к какой-либо партии, движению или объединению (с 41,3 до 23,1 %) [5, с. 82].

Другим фактором, заметно снижающим ощущение партийно-политической привязанности, определенным образом связанным с фактором доверия, является повышение уровня образования (с 38,8 % среди респондентов с начальным образованием до 27,1 % среди лиц с высшим образованием) [10]. Но оказывается, что образование, хотя и повышает уровень межличностного доверия, в конечном счете, снижает доверие к государственным и общественным институтам в целом и к политическим партиям. Чем выше уровень образования респондентов, тем более они склонны к обоснованному сомнению и вдумчивому осмыслению действительности [5, с. 83].

Несмотря на настороженное отношение населения России к политическим партиям с 2012 г. мы наблюдаем новую волну активного партстроительства. Последовавшие за массовыми выступлениями в крупных городах 2011–2012 гг. решения властей о либерализации партийной и избирательной систем, включали в себя снижение нормативной численности партий до 500 членов и предоставление всем партиям права участия в выборах без сбора подписей. Почти сразу на политическое пространство хлынула волна мелких партий корпоративных и групповых интересов, партий-брокеров, клубов, спойлеров и просто партий «про запас» [1, с. 76]. К началу 2016 г. Министерство юстиции РФ зарегистрировало 77 политических партий, 75 из которых получили право участвовать в избирательном процессе. Причем решение о проведении очередной реформы партийного законодательства было принято вопреки общественному мнению. Почти две трети опрошенных россиян (65,2 %) выступили против каких-либо кардинальных перемен и предложили оставить все как есть или немного подсократить список зарегистрированных партий. Причины выбора такой позиции различны. Так, одни граждане воспринимают большое партийно-политическое разнообразие как хаос, аморфность или неустойчивость. Других граждан, прежде всего из числа сторонников правящей партии, вполне устраивает устоявшийся порядок. Чаще всего в основе подобной позиции лежит разочарование в существующей партийной системе и убежденность в бессмысленности увеличения малочисленных политических партий, не обладающих каким-либо

реальным влиянием. Большинство респондентов анализируемой группы придерживаются мнения, что в России должны быть две или три крупные, хорошо узнаваемые и конкурирующие между собой партии [5, с. 92].

Не выбиваются из общего контекста результаты опросов общественного мнения проведенных в Сургуте. Так, в период с мая по сентябрь 2015 г. специалистами МКУ «Наш город» было проведено социологическое исследование, посвященное изучению уровня электоральной активности населения в городе Сургуте. Опрос осуществлялся методом личного интервью по месту жительства, с использованием квотной выборки по полу и возрасту. Объем выборки составил 420 человек, 18 лет и старше постоянно проживающих на территории Сургута. По данным исследования более 80 % респондентов не поддержали бы на выборах ни одну из существующих партий и только 2,6 % сургутян ответили, что принимают участие в работе политических партий [15]. С целью уточнения электорального потенциала жителей г. Сургута в марте 2016 г. было опрошено 500 совершеннолетних горожан в местах массового скопления людей (МКУ «МФЦ г. Сургута», СурГУ, управление пенсионного фонда РФ, ТРЦ «Сургут Сити Молл», «Аура», «Росич», «Союз», «Стелла», «FM»). В рамках исследования был задан закрытый вопрос о том, за какую партию респонденты готовы проголосовать на ближайших выборах. Даже при данной постановке вопроса 22,5 % сургутян выбрали вариант «затрудняюсь ответить», почти 6 % из перечня партий выбрали ответ «другая партия» без уточнения названия. Одной из причин нежелания участвовать в выборах 13,4 % горожане указали, что не доверяют кандидатам и партиям.

Таким образом, следует отметить, что, несмотря на очередные преобразования партийного и избирательного законодательства, партии не стали в полной мере проводником между обществом и государством. Новые партии в основном играют роль спойлеров, позиционируя себя на актуальных для общества социальных проблемах или схожести названий с известными партийными структурами, а большинство населения не заинтересовано в расширении формата партийной системы [1, с. 86]. В то же время нельзя не подчеркнуть, что возможности самих политических партий адекватно реагировать на возросшие запросы и требования людей зачастую оказываются ограниченными. Как отмечает Б. И. Зеленко, главными субъектами политики остаются не партии, а корпоративно-отраслевые и региональные элиты, лоббирующие свои интересы во власти [3]. Как уже отмечалось, утрата частью российских граждан чувства близости к партиям обусловлена разными причинами. Важную роль играет и тот факт, что многие из партий, возникнув на начальном этапе преобразований, сохранили приверженность устаревшим подходам к решению общественных проблем, не соответствующим современной реальности. Во многом проблема заключается в том, что весомая часть граждан, не ощущая созвучности функционирования политических партий своим интересам, теряет интерес к их деятельности.

Литература

1. Асеев С. Ю., Шашкова Я. Ю. Три года партийной трансформации: новые партии в российском политическом процессе // ПОЛИТЭКС. 2015. № 1. Том 11. С. 76–88.
2. Вестник Центральной избирательной комиссии. 1997. № 5 (47). С. 71.
3. Зеленко Б. И. Демократический транзит в России. Социально-политические аспекты. М. : Ин-т социологии РАН, 2007. С. 203.
4. Институт недоверия. Ромир Gallup International. Исследования. 11.10.2011. URL: http://romir.ru/studies/259_1318276800/ (дата обращения: 03.05.2016).
5. Козырева П. М., Смирнов А. И. Кризис многопартийности в России // ПОЛИС. 2014. № 4. С. 76–95.
6. Козырева П. М., Смирнов А. И. О границах политического доверия // Власть. 2014. № 5. С. 8.
7. Конституция Российской Федерации : принята всенарод. голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп. от 05.02.2014) // Собр. законодательства РФ. 2014. № 9.

8. Кралечкин Д. Ю., Ашкерев А. Ю., Бударрагин М. А. и др. Основы теории политических партий. М. : Европа, 2007. С. 156.
9. Маврин О. В. Процесс трансформации партий и партийных систем современного общества: автореф. дис. ... канд. социолог. наук. Казань : Казанск. гос. ун-т, 2004. С. 15.
10. Натхов Т. В. Образование и доверие в России. Эмпирический анализ // Экономический журнал ВШЭ. 2011. № 3. Т. 15. С. 353–373.
11. О политических партиях : федер. закон Рос. Федерации от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 июня 2001 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 29 июня 2001 г. // Рос. газ. 2001. 14 июля.
12. Перегудов С. П. Партии и группы интересов: к новой модели взаимодействия // ПОЛИС. 2014. № 1. С. 45–46.
13. Политические партии в жизни России. ФОМ : отчет по итогам опроса общественного мнения. 05.04.2007. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d071424> (дата обращения: 03.05.2016).
14. Политические партии в современной России. ФОМ : отчет по итогам опроса общественного мнения. 08.11.2000. URL: http://bd.fom.ru/report/cat/pol_par/dd002932 (дата обращения: 02.05.2016).
15. Электоральная активность жителей муниципального образования городской округ г. Сургут : отчет о результатах социологического исследования. 11.02.2016. URL: http://admsurgut.ru/files/materials/files2/Электоральная_активность_.rar (дата обращения: 04.05.2016).

УДК 323.1-053.8-019.52(571.122):316.647.5

Ушакова Н. В.
Ushakova N. V.

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РИСКАМ НАЦИОНАЛИЗМА В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ Г. СУРГУТА¹

FORMATION CIRCUMSTANCES OF TOLERANCE IN ETHNIC INTERACTIONS AND RISKS OF NATIONALISM AMONG YOUNGSTERS OF SURGUT

В статье представлены результаты социологического исследования о межэтнической толерантности и противодействии рискам национализма в молодежной среде города Сургута. Процессы межэтнического взаимодействия в молодежной среде напрямую связаны с различными аспектами: сформированной региональной идентичностью, правовой грамотностью молодежи, а также с информационной повесткой в средствах массовой информации.

Ключевые слова: молодежь, межэтническая толерантность, экстремизм, национализм, русская культура, чувство справедливости, самоидентификация, правовое сознание молодежи.

Настоящая статья базируется на материалах, полученных в ходе опроса общественного мнения, проведенного в 2015 г. рабочей группой лаборатории социологических исследований Сургутского государственного университета под руководством д. полит. н. М. Ю. Мартынова по заказу муниципального бюджетного учреждения по работе с подростками и молодежью по месту жительства «Вариант» в г. Сургуте.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-13-86001

Методика проведения и выборка опроса подчинены задачам мониторинга общественного мнения. В представленном ниже исследовании повторяются основные параметры опросов, проведенных в 2013–2014 гг. (по заказу муниципального бюджетного учреждения по работе с подростками и молодежью по месту жительства «Вариант»). Такой подход позволяет рассмотреть состояние общественного мнения в его динамике за три прошедших года.

Задачей исследования являлся анализ социально-экономических и демографических факторов формирования уровня толерантности и рисков экстремизма в сознании молодежи города; характер отношений и степень толерантности к людям других национальностей, к мигрантам; структурирование типов толерантного и экстремистского сознания и поведения молодежи в зависимости от таких факторов, как пол, возраст, занятость, уровень образования, профессиональное положение, сфера производства, материальное положение.

Если говорить об индикаторе успешности такой работы по формированию социально-политической толерантности молодежи, то таковой выступает *самоидентификация*. Под самоидентификацией понимается осознание человеком своего членства в той или иной общности. Отсутствие такой самоидентификации приводит к враждебному восприятию других людей через призму дихотомии «я» – «они». Неспособность ощутить общность с другими людьми называется кризисом идентичности и становится главной причиной формирования нетолерантного отношения к другим группам людей.

Конечно, самоидентификация может не только объединять людей, но и противопоставлять их. Например, самоидентификация себя как представителя определенной национальности или социальной группы создает предпосылки к обособлению от других национальностей или социальных групп. Значит, помимо этого, необходимо обеспечение самоидентификации более широкого уровня – общегосударственной, национально-территориальной, – позволяющей молодым людям осознавать себя, например, не только русскими, татарами, но и россиянами, не только богатыми или бедными, но и гражданами Российской Федерации.

Исходя из понимания важности самоидентификации для формирования толерантного отношения к другим группам в ходе исследования респондентам задавался вопрос о том, общность с какой группой и в какой мере они ощущают.

Молодежь округа является главным ресурсом для формирования региональной идентичности и преодоления ее негативных элементов, обусловленных особенностями истории региона. Миграционные волны сформировали не только облик города, но и определили особенности жизнедеятельности горожан. Это принято называть – позиция «временщика», когда работа и жизненное пространство воспринимается только лишь на определенные временные рамки – чаще до пенсии, иногда до выезда на учебу детей в другие регионы России.

Именно на молодое поколение нужно сделать ставку муниципальным органам власти для формирования самоидентификации с местом проживания. Как видим, молодые жители города связывают себя с территорией проживания: с городом, округом, страной. При этом сильны и национальные традиции, что свидетельствует о самоидентификации не только по территориальному признаку, но и по национальному (табл. 1).

Как видим из таблицы, за прошедшие годы молодое поколение в большей степени самоидентифицирует себя со страной, нацией, регионом. Это связано, прежде всего, с политическими событиями международного характера, а также информационной политикой федеральных властей, направленной на патриотическое воспитание молодежи.

Таким образом, в общественном сознании молодежи функционирует достаточно устойчивая система мировоззренческих координат, обеспечивающая ее стабильную идентификацию в различных формах идентичностей, включая национальные и региональные. Особо следует отметить достаточно успешную идентификацию основной части молодежи с предельно широкой национально-государственной общностью – россиянами. В то же время следует отметить и трудности самоидентификации, с которыми сталкивается определенная доля молодежи.

Таблица 1

В какой мере Вы ощущаете себя, %

Позиция	В полной мере			В незначительной			Ни в какой			Затрудняюсь ответить		
	2013	2014	2015	2013	2014	2015	2013	2014	2015	2013	2014	2015
Житель своего поселка, населенного пункта, города	70,7	67,3	66,4	18,8	19,2	26,1	3,9	6,9	4,5	6,6	6,6	3,0
Житель округа	47,4	53,1	53,4	30,6	32,4	34,8	9,9	8,7	8,3	12,2	5,9	3,5
Житель Севера	57,7	61,5	64,2	21,6	23,0	28,8	12,8	9,7	3,8	7,8	5,9	3,3
Представитель своей нации	59,2	66,6	69,5	16,6	19,2	20,9	18,1	7,0	6,5	6,1	7,3	3,0
Россиянин	69,7	75,0	77,4	19,7	14,5	16,7	5,9	4,8	3,7	4,0	5,6	2,2
Гражданин мира, для которого не важно, где жить	22,5	31,2	31,0	35,5	26,5	24,7	23,3	18,2	23,2	18,8	24,2	21,2

Помимо самоидентификации, важным условием профилактики националистического и экстремистского поведения и сознания выступает формирование у молодежи **доверия политическим институтам**.

Под институтами вообще понимается набор правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные виды человеческой деятельности, в том числе – что важно для нашей темы, – к различным социальным и этническим группам. И нормативно-юридически, и символически данные правила и нормы закрепляются в системе политических институтов, то есть институтов, осуществляющих в обществе властные функции. Поэтому уровень поддержки молодежью этих институтов свидетельствует о готовности принимать и разделять нормы политического поведения, в том числе норму толерантного отношения к другим социальным и этническим группам. Это является частью необходимого процесса политической социализации молодежи и формирования ее политической культуры. И наоборот, низкий уровень политической поддержки свидетельствует о проблемах политической социализации молодежи.

Уровень доверия политическим институтам в ходе данного исследования измерялся степенью доверия к уровням, ветвям и представителям власти. Ответы респондентов представлены в табл. 2.

Как видим, рейтинг доверия Президенту с каждым годом растет, что напрямую связано с политическими событиями как международного уровня, так и внутрироссийского. При этом видна явная тенденция к снижению доверия к институтам исполнительной власти.

Таблица 2

В какой мере Вы доверяете, %

Адресат доверия	Доверяю			Не доверяю			Затрудняюсь		
	2013	2014	2015	2013	2014	2015	2013	2014	2015
Президенту	20,6	65,3	69,3	42,2	15,8	14,4	37,1	18,8	16,3
Правительству	14,8	40,7	37,3	43,0	30,9	35,1	42,2	28,4	27,7
Органам власти округа	12,3	27,8	25,4	53,0	38,8	41,6	34,7	33,4	32,9
Органам власти вашего города, населенного пункта	17,3	29,2	27,4	50,5	38,2	41,3	32,2	32,6	31,3
Полиции	14,3	24,2	27,2	58,4	45,7	45,0	27,2	30,1	27,7
Политическим партиям	25,2	16,7	16,6	44,4	44,6	48,1	30,5	38,7	35,2
Молодежным организациям	34,5	35,0	37,6	23,9	29,4	29,9	41,6	35,5	32,6
Русской православной церкви	47,9	41,2	34,7	21,5	25,8	34,5	30,6	33,0	30,8

Важнейшими политическими институтами, формирующими систему власти в демократическом обществе, выступают выборы и их основные акторы – политические партии. В табл. 3 представлены результаты опроса, касающегося партийно-политических ориентаций молодежи Югры.

Таблица 3

За какую партию Вы бы проголосовали на выборах в Государственную думу РФ, если бы эти выборы состоялись, например, в ближайшее воскресенье?

Варианты ответов	2014 г.	2015 г.
1. Единая Россия	42,5 %	43,3 %
2. КПРФ	5,1 %	3,6 %
3. Справедливая Россия	5,3 %	5,3 %
4. ЛДПР	12,7 %	9,4 %
5. Другую	1,0 %	1,7 %
6. Не приму участие в голосовании	16,2 %	21,6 %
7. Затрудняюсь ответить	17,2 %	15,1 %

Исходя из данных таблицы, видно, что по-прежнему высоким кредитом доверия пользуется партия «Единая Россия». Партия «Справедливая Россия» имеет стабильную узнаваемость среди респондентов, а вот партии ЛДПР и КПРФ заметно теряют симпатии молодежной аудитории. Отметим, что резко увеличилось количество респондентов, которые заявляют об отказе участия в голосовании на выборах. Эта тенденция, возможно, связана с законодательными изменениями регионального и муниципального уровней.

Следующим условием успешного противодействия экстремистскому и националистическому сознанию выступает **формирование правового сознания молодежи**. В качестве его критериев в ходе исследования рассматривались:

- уверенность в неотвратимости наказания;
- уверенность в справедливости приговоров, выносимых судами;
- взаимосвязь правового сознания и нравственных ценностей.

Отметим, что резко сократилось количество респондентов, которые считают, что преступник всегда понесет наказание: с шести процентов до почти двух (табл. 4).

Таблица 4

Как часто в наше время правонарушитель или преступник может избежать наказания?

Варианты ответов	2014 г.	2015 г.
1. Почти всегда	23,5 %	26,5 %
2. Иногда	56,8 %	65,5 %
3. Никогда	6,2 %	1,8 %
4. Затрудняюсь ответить	13,6 %	6,2 %

Из данных табл. 5 видно, что заметно снизилось количество респондентов с восьми процентов до пяти, которые считают, что приговоры, выносимые судами, являются справедливыми.

Таблица 5

Как Вы считаете, всегда ли справедливы приговоры, выносимые судьями в адрес правонарушителей, преступников?

Варианты ответов	2014 г.	2015 г.
1. Всегда справедливы	7,7 %	4,6 %
2. Не всегда справедливы	69,6 %	80,3 %
3. Всегда несправедливы	4,7 %	3,3 %
4. Затрудняюсь ответить	18,0 %	11,8 %

Отметим также, что значительная доля молодых людей, судя по результатам опроса, склонна одобрять нарушения закона ради личной выгоды. Так более трети респондентов заявила, что одобряет *«стремление некоторых людей, в том числе молодых, «делать деньги» любой ценой, иногда даже в обход закона»*:

Таблица 6

Как Вы оцениваете стремление некоторых людей, в том числе молодых, «делать деньги» любой ценой, иногда даже в обход закона?

Варианты ответов	2014 г.	2015 г.
1. Одобряю	10,1 %	8,5 %
2. Скорее одобряю	16,3 %	19,1 %
3. Скорее не одобряю	24,5 %	33,8 %
4. Не одобряю	34,9 %	28,6 %
5. Затрудняюсь ответить	14,1 %	10,1 %

Наконец, еще одним из условий спешной работы по профилактике экстремизма и ксенофобии в молодежной среде выступает *эффективное использование средств массовой информации*.

Молодежь – главный потребитель информации в современном мире. С одной стороны, количество средств массовой информации, ориентированных на подростковую и молодежную аудитории, действительно, растет. Но этот рост зачастую сопровождается тиражированием негативных образцов поведения, культа насилия, вседозволенности. Поэтому особенно важно определить характер влияния тех или иных источников на мировоззрение различных групп молодежи, в первую очередь, на формирование и националистически настроенных групп молодежи.

В связи с этим необходимо проанализировать характер информации, получаемой посредством Интернета.

Как видим из ответов на вопрос респондентов (табл. 7) о предпочитаемых ими информационных ресурсах в Интернете, подавляющее большинство заявили, что Интернет – это, прежде всего, способ общения в социальных сетях.

Таблица 7

Предпочитаемые молодежью информационные ресурсы в сети Интернет, %

Варианты ответов	Как часто, находясь в Интернете, Вы...											
	часто (ежедневно)			время от времени			редко			никогда		
	2013	2014	2015	2013	2014	2015	2013	2014	2015	2013	2014	2015
1. Читаете материалы на общественно-политические темы	13,2	20,6	19,9	40,2	32,0	45,9	26,9	28,9	27,8	19,6	18,5	6,5
2. Развлекаетесь, играете в игры	10,7	35,9	18,9	31,1	27,9	23,7	41,9	22,2	38,3	16,2	14,0	19,1
3. Общаетесь в социальных сетях	65,2	70,3	66,8	19,6	20,7	23,5	12,7	6,9	7,5	2,6	2,0	2,2
4. Сталкиваетесь с информацией экстремистского, националистического толка	7,0	11,1	6,4	16,7	22,9	23,9	43,6	37,6	43,0	32,7	28,4	26,7

При этом, как видим, процент опрошенных, которые, находясь в Сети, сталкиваются с информацией экстремистского, националистического толка, на протяжении трех лет меняет-

ся. Пик информации подобного толка приходится на 2014 г., что напрямую связано с международной повесткой.

Как отмечают исследователи, современный молодой человек «сам ищет и отбирает необходимую информацию – Интернет представляет собой, фактически, неиссякаемый её источник. Пользователи сети имеют возможность вступать в диалог между собой, обмениваться мнениями и информацией. В сети возрождается пространство «публичных дискуссий». Виртуальное пространство компьютерной сети становится пространством зарождения новых сообществ, объединенных общими убеждениями и интересами, при этом новые сообщества потенциально не имеют границ и могут включать людей, как живущих на соседних улицах, так и на разных континентах. Информация, которую индивид находит в сети – самого разного характера и зачастую недостоверна или просто вредна».

Литература

1. Власова Н. В. Проблемы модернизации современных СМИ и их влияние на молодое поколение: региональный аспект // Социокультурные и природно-ресурсные факторы сбалансированности модернизации регионов России : материалы X Всерос. науч.-практ. конф. по программе «Социокультурная эволюция России и ее регионов», г. Пермь, 14–17 окт. 2014 г. С. 384.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗВИТИЯ РАЙОНОВ СЕВЕРА И АРКТИКИ

УДК 343.61:343.132:343..98

Гребнева Н. Н.
Grebneva N. N.

АНАЛИЗ ТИПИЧНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ СИТУАЦИЙ ПО ДЕЛАМ ОБ УБИЙСТВАХ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДСТВЕННЫХ ОТДЕЛОВ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИИ ПО ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМУ АВТОНОМНОМУ ОКРУГУ – ЮГРЕ)

TYPICAL INVESTIGATORY CASES ON MURDERS ANALYSIS (IN TERMS OF INVESTIGATORY DEPARTMENTS OF INQUIRY COMMITTEE OF RUSSIA IN KHANTY-MANSI AUTONOMOUS OKRUG – UGRA)

В статье проводится анализ некоторых наиболее типичных следственных ситуаций по делам об убийствах, даются рекомендации следователям о построении возможных версий в каждой из них. Следственные ситуации иллюстрируются автором примерами конкретных уголовных дел, расследованных следственными отделами следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре.

Ключевые слова: преступление, убийство, следственная ситуация, первоначальные следственные действия, уголовное дело.

Организация первоначального этапа расследования любого преступления, в том числе и убийства, во многом зависит от характера следственной ситуации. Знание основных типичных следственных ситуаций помогает следователю, анализируя и конкретизируя их, выдвигать следственные версии о механизме совершения убийства, лицах, которые могли его совершить, мотивах преступления и т. д., и на основе этих данных избирать наиболее правильное направление расследования.

Рассмотрим наиболее типичные следственные ситуации, встречающиеся в практике расследования при совершении убийства, когда труп обнаружен и имеет явные признаки насилия.

Первая следственная ситуация возникает, когда убийство совершено в условиях очевидности. Следователь установил личность потерпевшего; следователю известен способ совершения убийства; им установлен подозреваемый, который задержан в порядке ст. 91 УПК РФ [6]. Чаще всего такие убийства совершаются на бытовой почве (ссора, личные неприязненные отношения, ревность, месть и т. п.), реже из хулиганских побуждений.

Так, собранные Урайским межрайонным следственным отделом следственного управления Следственного комитета России по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре доказательства признаны судом достаточными для вынесения обвинительного приговора ранее судимому жителю поселка Половинка Кондинского района Павлу Мельникову. Он признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.105 УК РФ (убийство).

Следствием и судом установлено, что в январе 2014 г. Мельников вместе со своей малолетней дочерью зашел в гости к другу. В квартире в состоянии алкогольного опьянения находился знакомый Мельникова, который случайно толкнул его дочь. Это явилось причиной ссоры между осужденным и его знакомым. Ссора переросла в драку, в ходе которой Мельников нанес потерпевшему смертельные ножевые ранения [5].

При совершении убийства в такой ситуации в самом начале расследования чаще всего непонятны мотивы и цель совершения деяния, а также форма вины. Чаще всего подозреваемый заявляет, что в его действиях была вынужденная самооборона от противоправных действий убитого потерпевшего. В этой ситуации следователю надо доказать наличие или отсутствие признаков необходимой обороны путем построения версий о мотивах преступления, времени нападения и обороны, возможных формах вины.

Вторая ситуация – убийство тайное, совершенное в отсутствии свидетелей, либо же они на первоначальном этапе расследования еще не установлены. Следователь имеет информацию о личности убитого потерпевшего, о способе и примерном (или явном, если оно оставлено в месте совершения преступления) оружии убийства, но лицо, совершившее преступление, на первоначальном этапе расследования не установлено.

Так, Лангепасским межрайонным следственным отделом следственного управления Следственного комитета России по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре завершено расследование уголовного дела в отношении 59-летней жительницы поселка Высокий города Мегион, обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст. 105 УК РФ (убийство).

Утром 16 октября 2014 г., находясь в одной из квартир жилого дома по ул. Железнодорожная в пос. Высокий города Мегиона, между супругами произошел конфликт, в ходе которого муж ударил жену. Не стерпев такого отношения к себе, женщина взяла деревянную палку и нанесла ею множество ударов по голове мужчине. От полученных травм потерпевший скончался на месте происшествия.

Следствием собрана достаточная доказательственная база, что преступление совершено именно женой убитого, хотя в начале расследования она отрицала свою вину, надеясь на невозможность установления ее виновности в отсутствии свидетелей. Уголовное дело направлено в суд для рассмотрения по существу [4].

В такой ситуации на первоначальном этапе расследования следователем строятся версии о том, кто мог совершить данное убийство, кто мог последним видеть убитого и быть с ним в момент совершения общественно опасного деяния. При совершении таких убийств преступник, чаще всего, связан с потерпевшим, с его личной жизнью либо профессиональной деятельностью. Поэтому при неочевидных убийствах необходимо тщательно изучать отношения убитого с членами семьи, родственниками, коллегами по работе, то есть с окружающими. Усилия следователя должны быть направлены на установление обстоятельств, которые бы свидетельствовали о конфликтах, ссорах, неприязненных отношениях потерпевшего с кем-либо, выявление тех, кто мог быть заинтересован в смерти убитого. Необходимо построение версий о связи убийцы с местом происшествия, временем убийства и потерпевшим.

Большое число убийств в нашей стране совершаются по сексуальным, корыстным, хулиганским и иным мотивам неустановленными лицами, которые не были связаны с потерпевшими при его жизни. В таких ситуациях следственные версии о личности убийцы должны быть построены на основе анализа действий преступника (способа совершения преступления, орудий убийства, средств совершения преступления и др.), обобщенного социально-психологического портрета убийцы, а также оперативных данных служб органов внутренних дел о лицах, склонных к совершению таких преступлений.

Третья следственная ситуация как раз возникает, когда убийство тайное, совершенное без свидетелей; следователь установил информацию о личности убитого; способ совершения убийства ему известен, однако личность преступника не установлена.

Так, следственными органами Следственного комитета России по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре возбуждено уголовное дело по факту убийства заместителя генерального директора ОАО «ЮТЭК-Нефтеюганск» по ч. 1 ст. 105 УК РФ (убийство).

28 января 2015 г. около 7 часов в подъезде одного из домов восьмого микрорайона города Нефтеюганска неизвестное лицо нанесло ножевое ранение заместителю генерального директора энергетического предприятия. От полученного ножевого ранения мужчина скончался [1].

В целом эта ситуация похожа на предыдущую, описанную нами выше. Следователем должна быть проведена тщательная работа по установлению личности убийцы, о чем строятся многочисленные версии.

В четвертой следственной ситуации убийство совершено тайно, свидетели не установлены, труп не опознан либо повреждения делают затруднительным опознание трупа по признакам внешности.

На первоначальном этапе расследования свидетели убийства не выявлены, но они есть, так как преступление совершено в общественном месте (улица, парк, сквер и т. п.). Раскрытие и расследование таких убийств требует кропотливой, длительной работы.

Вечером 2 апреля 2014 г. около дома 25 по ул. Привокзальной города Сургута обнаружено тело молодого мужчины с множественными повреждениями в области головы.

По данному факту следственным отделом по городу Сургуту следственного управления Следственного комитета России по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ (умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего) [3].

На сайте Следственного комитета были сразу же указаны координаты связи с оперативными подразделениями для лиц, обладающих какой-либо информацией, что, безусловно, свидетельствует о достаточно сложной исходной ситуации. До настоящего времени проводится комплекс следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление обстоятельств произошедшего, а также лиц, причастных к совершению преступления.

В такой неочевидной ситуации первоначальные следственные действия направлены в первую очередь на установление личности убитого. Также выясняются обстоятельства совершенного убийства, выявляются возможные свидетели и способ убийства, ведется работа по установлению и розыску подозреваемых в убийстве лиц. Строятся следующие версии, относительно того, как потерпевший мог оказаться в месте убийства: 1) убитый является местным жителем, проживающим на территории города – необходимо дать как можно больше информации о признаках убитого жителям города; 2) потерпевший не был жителем города, приехал недавно, следовательно, его контакты с местными жителями минимальны – информацию об убитом необходимо постараться получить на вокзалах, портах; провести работу по различным видам учетов органов внутренних дел с целью установления личности жертвы.

Создавая версии по конкретному уголовному делу, необходимо учитывать данные о некоторых наиболее характерных типовых версиях, разработанных криминалистикой:

- чаще всего инсценируют несчастный случай либо самоубийство лица проживающие вместе с убитым, либо лица, которым приходилось общаться с потерпевшим незадолго до убийства, и об этой встрече знали определенные лица;

- очень часто труп перемещают в укромное место (огород, сарай, погреб дома), засыпают его мусором, землей и т. д., пытаются утопить, обезобразить до неузнаваемости лица, являющиеся родственниками, друзьями, сожителями, знакомыми потерпевшего, общавшимися при свидетелях с жертвой незадолго до убийства;

- убийства подростков в возрасте от 10 до 17 лет чаще всего совершают подростки, являющиеся друзьями, приятелями потерпевших;

- убийства лиц мужского пола в возрасте от 14 до 23–25 лет путем нанесения, как правило, одного ножевого ранения в клубах, кинотеатрах, парках, часто совершают друзья, приятели, знакомые потерпевших в возрасте 17–22 лет. Так, например, 5 января 2015 г. поступило сообщение об обнаружении в лесополосе возле поселка Северная Роща города Нижневартовска тела 18-летнего жителя города с признаками насильственной смерти. По данному факту следственным отделом по городу Нижневартовску следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ханты-Мансийскому автономному округу возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК

РФ (убийство). Благодаря грамотно спланированным следственным действиям и оперативно-розыскным мероприятиям в течение суток сотрудникам полиции удалось установить и задержать подозреваемого в совершении преступления. Им оказался 18-летний неработающий житель города Нижневартовска.

По данным следствия, между потерпевшим и подозреваемым на почве личных неприязненных отношений произошла ссора, в ходе которой последний задушил своего обидчика. После чего подозреваемый вывез тело в лесной массив, где оно и было обнаружено проезжавшим мимо таксистом [2].

Убийства в целях завладения имуществом, деньгами часто совершают лица, ранее судимые за имущественные преступления (кражи, грабежи, разбои, вымогательства) и т. д.:

- сожжение трупа чаще всего совершают убийцы-женщины;
- переноска и расчленение трупа более характерно для убийц-мужчин;
- отравления чаще всего совершают близкие родственники потерпевшего, которые имеют возможность постоянно незаметно в течение некоторого времени давать яд потерпевшему лицу;

- если у убитой ноги согнуты в коленях или разведены в стороны, а нижняя часть тела обнажена, то можно сразу предположить убийство на сексуальной почве;

- неоправданная жестокость, цинизм, глумление над трупом чаще всего говорят о том, что преступление совершено психически больным лицом.

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что знание оперативными сотрудниками правоохранительных органов, следователями основных типовых ситуаций и выдвигаемых по ним версий позволяет значительно уменьшить объем проводимой оперативно-розыскной и следственной работы, придавая ей правильное направление уже на первоначальном этапе расследования, способствует быстрому раскрытию преступления, установлению лица его совершившего, привлечению его к уголовной ответственности.

Литература

1. В Нефтеюганске возбуждено уголовное дело по факту убийства заместителя генерального директора ОАО «ЮТЭК-Нефтеюганск». [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 22.09.2015).

2. В Нижневартовске «по горячим следам» раскрыто убийство, совершенное в условиях неочевидности. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 22.09.2015).

3. В Сургуте по факту обнаружения трупа мужчины возбуждено уголовное дело. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 22.09.2015).

4. Перед судом предстанет жительница Мегиона, обвиняемая в убийстве своего мужа. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 22.09.2015).

5. Ранее судимый житель Кондинского района признан виновным в совершении убийства. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант» (дата обращения: 22.09.2015).

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 177-ФЗ (ред. от 30.03.2016) // СЗ РФ. 2001. № 52. Ч. 1. Ст. 4921.

УДК 35(=1-81) (470.1-17)(091):342.92

*Громова Г. А.
Gromova G. A.*

**ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В ОТНОШЕНИИ КОРЕННЫХ
МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА
(ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ)**

**LEGAL RUSSIAN POLICY IN RESPECT OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH
(HISTORICAL EXPERIENCE AND CURRENT ISSUES)**

Статья посвящена исследованию вопроса государственного управления в отношении коренных малочисленных народов Севера. Автором предпринята попытка исследовать вопросы инкорпорации сибирских малочисленных народов Севера в административную систему Российской империи; систему административного развития и формирования отношений сибирских «инородцев» с органами государственной власти с историко-правовой точки зрения, что поможет раскрыть особенности взаимоотношений, обусловленных исключительным статусом и образом жизни малочисленных коренных народов Севера, постепенным признанием и поддержкой государством их самобытности, культуры и интересов.

Ключевые слова: иноверцы, коренные народы, коренные малочисленные народы Севера, правовая политика, государственный патернализм.

Взаимоотношения малочисленных народов Севера с органами государственной власти имеют свои особенности развития, объяснимые территориальной отдаленностью от центра, самобытной культурой, религиозной «отчужденностью» и многими другими факторами. В настоящее время государственное управление направлено на эффективное развитие коренных народов Севера, сохранение и развитие культур малочисленных народов Севера, сталкиваясь при этом с тем, что это общество становится частью современного государства с социальными нуждами и потребностями. Но желание помочь может повлечь проявление государственного патернализма в отношении коренных народов севера, что нельзя допустить, тем более, учитывая, что малочисленные коренные народы России, в том числе – Севера, являются частью мирового сообщества коренных народов. Именно поэтому данную тему как одну из важных и актуальных в государственной политике современной России важно рассмотреть в свете изучения вопросов правовых проблем обеспечения развития Севера с историко-правовой точки зрения. Автором предпринята попытка осветить вопросы государственного управления по отношению к коренным народам Севера, обозначить принципиальные изменения в указанных вопросах, причины таких изменений, объяснить причину становления местного самоуправления на Севере. Указанное поможет наиболее детально изучить проблемы государственного управления и местного самоуправления в настоящее время и найти более оптимальные модели.

Исторически сложилось, что на протяжении всего периода существования России малочисленные народы Севера вызывали особенный интерес со стороны государственной власти. Еще в «Повести временных лет» отмечены походы новгородцев в Югру для сбора дани пушнины с северных народов. С XVI в. с открытием морского пути на Обскую губу, когда Сибирь еще не являлась частью или подданством России, получили развитие торговые отношения с коренным населением, называемым «ясачные иноземцы». В последующем, когда новые территории вошли в состав государства (1598 г.), коренное население именуется не иноземцами, а «ясачными иноверцами», то есть – другой веры, а север осваивается путем

«внедрения» населения России на новые земли, что было сопряжено с колонизацией, ограблением местных жителей, вынужденному принятию российского подданства этническими группами, что неизбежно вносило изменения в национальную культуру обских угров [1]. Взаимоотношения в этот период до начала XVIII в. можно охарактеризовать как «жесткое управление», поскольку народы севера оказывали активное сопротивление продвижению русских на новые территории. Взятый правительством курс предопределил и вмешательство во внутреннюю общественную структуру «иноверцев». В указанный промежуток времени государство в отношении народов севера применяло колониальное управление, отношения характеризовались как даннические. Государство осуществляло сбор с покоряемого народа «ясака», который вплоть до XIX в. продолжал оставаться наиболее характерной формой податной зависимости сибирских аборигенов (мужского населения от 15 до 55 лет либо до «глубокой старости») от собственника земли. По мере инкорпорации сибирских малочисленных народов Севера в административную систему Российской империи, усиления интеграции в состав России, их адаптации к традициям, религии и законодательству подданных России на коренные народы севера стали распространяться и иные податные обязанности. Сбор ясака не регламентировался указами, что приводило к разграблению богатств края, «недостачам» казны, злоупотреблению власти «на местах», поскольку ясак собирался при помощи местной знати, а сбором ясака первоначально ведал Сибирский приказ.

В целом указанный период можно охарактеризовать как жесткое государственное управление, при котором государственная власть вмешивается во внутренние дела народов Севера настолько, насколько требуется вмешательство для сбора ясака.

Следующий этап характеризуется государственным управлением, осуществляемым при помощи издания указов, актов, направленных не только на сбор ясака, но и на укрепление торговых отношений.

Отсутствие упорядоченности при сборе ясака вызвало волнения среди ясачных иноверцев, что, в свою очередь, повлияло на издание указа, который допускал при отсутствии пушнины ясак оплачивать денежными средствами. В 1739 г. кабинетом министров решено собирать ясак соболями, а в их отсутствии – другой мягкой рухлядью. После упразднения Сибирского приказа, который осуществлял сбор мягкой рухляди, пушнина стала поступать в императорский кабинет в Сибири. Для упорядочения «ясачной подати», укрепления статьи отпускной торговли и предотвращения нежелательных последствий от неорганизованного сбора ясака в 1763 г. проведена первая перепись ясачных иноверцев, а также упорядочена система сбора ясака, разрешено осуществлять оплату подати мехами (мягкой рухлядью) или деньгами в соответствии с установленной стоимостью каждой пушнины. В 1782 г. вышел указ Екатерины II, в соответствии с которым подтверждалось ведомство императорского кабинета ясачным сбором.

Территории, населенные коренными народами Севера, назывались ясачными волостями. Эта административно-территориальная единица возглавлялась сотниками, пятидесятниками и десятниками. А в уездных центрах для принуждения сбора подати учреждались аманатские избы, в которых содержались «ясачные заложники».

В целом указанный период можно охарактеризовать как жесткое государственное управление, при котором государственная власть вмешивается во внутренние дела народов Севера настолько, насколько требуется вмешательство для сбора ясака.

Примерно с середины XVIII в. государственная власть стала более лояльной к малочисленным народам: отменен институт аманатства, упразднено прямое колониальное управление и даннические отношения, постепенно создается государственное управление в форме родового управления. Меняется характер государственного управления и отношение к коренным народам Севера. Приоритетными в государственном регулировании в отношении народов Севера являются меры, направленные на освоение новых территорий, ресурсов, наблюдается стремление если не приблизить образ жизни указанной группы населения к общероссийскому, то, как минимум, добиться упорядочения государственного управления в

отношении народов севера. При этом учитывается особый статус народов Севера, специфичность указанной социальной группы населения.

В 1822 г. в «Полном собрании законов Российской империи» опубликован «Устав об управлении инородцев». Термин «инородцы» введен и, как мы видим, законодательно закреплен государственным деятелем и законотворцем М. М. Сперанским. Законодательный акт Российской империи закреплял особый статус коренных народов, в том числе коренных народов Сибири, а также определял систему управления народами Севера. Государственное управление основывалось на таких ключевых факторах, как образ жизни, обычаи, традиции, территория проживания, низкая плотность населения. В зависимости от «оседлости» Устав определял административно-правовой статус инородцев. В зависимости от оседлости также определялись особенности государственного управления. Если в отношении к оседлым инородцам государственное управление осуществлялось как в отношении к государственным крестьянам, то в отношении кочевых и бродячих инородцев, к коим относились северные народы, было предоставлено самоуправление. В процессе интеграции и неизбежного «приспособления» народов севера к образу жизни, Устав был неоднократно переработан, переиздан. Последний законодательный акт об «инородцах» – «Положение об инородцах» – издан в 1892 г. Большинство положений указанного акта было актуально вплоть до 1917 г. Однако неизменным в законодательных актах об инородцах оставалось «закрепление» за коренными народами Севера используемых ими земель. Государственное управление осуществлялось «распространением» законодательства Российской империи на инородцев, в частности – ответственности за совершаемые преступления и правонарушения; систематизированием порядка сбора ясака и его размера. С целью устранения неграмотности разрешено посещать школы, а также учреждать «свои» школы.

Последнее было обусловлено исключительно интересами центральной власти, направленными на бесперебойное обеспечение ясаками от народов Севера, для достижения которого власть использовала политику терпимости к народам севера, «приспособления» их к законам Российской империи, но с учетом территориальных и иных особенностей инородцев.

Следуя требованию времени, когда после Земской реформы 1864 г. возникла необходимость улучшения экономической ситуации на местах, было решено передать решение вопросов местного значения выборным учреждениям от населения. Именно поэтому вслед за организацией местного самоуправления на местах общественные деятели стали выдвигать проекты по организации органов местного самоуправления и на северных территориях страны, на которых были не развиты элементы земства. Однако указанные проекты не получили должного развития вследствие слабо развитого частного землевладения на северных территориях. Внедренный впоследствии институт земства на северных территориях просуществовал всего три года, так и не «укоренившись» и не получив должного развития, в особенности у коренных народов Севера.

Для инородцев была введена упрощенная система управления – родовые управления и инородческие управы, – просуществовавшая до начала XX в. Институт земства у инородцев и вовсе не укрепился, что объяснялось их образом жизни, укладом, неадаптированностью земских проектов к особенностям отдаленных регионов.

В 1924 г. создан Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера). Государственное управление на этой стадии направлено на активное внедрение в дела северных народностей; стремление управлять хозяйством и получать прибыль от пушного промысла; оказывать материальную, экономическую и продовольственную поддержку, в том числе и путем поддержки оленеводства и рыболовства; бороться с неграмотностью; принимать участие в жизни северных окраин с целью законодательной, административно-правовой и экономической защиты северных народов. Безусловно, такое «вмешательство» государства повлияло на повышение уровня жизни коренных народов Севера, на улучшение образовательного уровня [3]. В то же время такое государственное внедрение хоть и не было значительным, но уже оказывало влияние на образ жизни аборигенов.

Впоследствии в середине XX в. обязанности ликвидированного Комитета Севера возложены на областные и краевые исполнительные комитеты, в политике управления которых во главе угла стояла коллективизация промыслово-оленоводческих хозяйств народностей северных окраин.

С индустриальным освоением новых территорий, строительством новых городов, развитием инфраструктуры, стремительным заселением территорий самобытность народов Севера начала утрачиваться. Коренные народы Севера стали «растворяться» в «чужой» культуре, утрачивая свои традиции, язык и обычаи. Улучшению экономической ситуации и уровню жизни народов Севера способствовало принятие постановлений, касающихся мер по развитию экономики и культуры северных народов для преодоления существенного отставания в их экономическом и культурном развитии, а также активное образование специальных структур, контролировавших работу министерств и ведомств. При этом государство, самостоятельно осуществляя управление в отношении коренных народов Севера, не допускало «мнений» самих аборигенов, что усиливало государственный патернализм. Именно такое активное вмешательство и управление государства повлияло в дальнейшем на создание общественных движений коренных малочисленных народов Севера, заявлявших о проблемах народа, их потребностях. Именно такая активность самого народа, вызванная патернализмом государства, позволила, обратив на себя внимание, в дальнейшем отойти от чрезмерной опеки государства, тотального управления и внедрения в устройство данного сообщества.

В дальнейшем государственное управление в решении вопросов и проблем народностей Севера, в том числе экологических проблем, возрождения культуры и языка, было обусловлено интересами и благами самого народа в рамках правового государства. Активность народов Севера при решении внутренних вопросов и влияния государственного управления позволила учреждать государственные комитеты и министерства по делам народов Севера.

В нынешнее время в связи со стремительно снижающейся численностью народностей Севера политика государственного управления направлена на гарантирование прав малочисленных народов (в том числе Севера), защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни малочисленных народов Севера. Указанная тенденция закреплена в ст. 69 и 72 Конституции Российской Федерации [2]. Следуя закрепленным в конституции принципам, в последующем принят закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [5]. Именно благодаря лоббированию интересов коренных малочисленных народов Севера государственное управление базируется на активной законотворческой деятельности в их отношении в настоящее время.

Литература

1. Воробьева В. В., Колесник Е. А. Судьбоносный кризис в развитии национальной культуры обских угров во времена царской России // Молодой ученый. 2015. № 11. С. 1801–1803.
2. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Рос. газ. 1993. 25 дек.
3. Петров Ю. Д. Народы Севера: власть и политика. Якутск, 1997. С. 12.
4. Тарасюк В. М. Проблемы местного самоуправления в районах Крайнего Севера // Недвижимость и инвестиции. Правовое регулирование. 2011. № 3–4. С. 11–13.
5. О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации : федер. закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ ; принят ГД ФС РФ 16.04.1999 ; с изм. и доп., вступающими в силу с 13.07.2015) // Рос. газ. 2015. № 154.
6. Чихладзе Л. Т. Историко-теоретические аспекты развития местного самоуправления и местного управления в государствах Европы // Право и политика. 2005. № 12. С. 38–47.

УДК 342.25:342.4:502

Ельмендеева Л. В.

Elmendeeva L. V.

**КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ПРАВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ
ОБРАЗОВАНИЙ АРКТИЧЕСКИХ И ПРИАРКТИЧЕСКИХ
РЕГИОНОВ РОССИИ В СФЕРЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ**

**CONSTITUTIONAL GUARANTEES LEGAL ASPECTS
OF NORTHERN TERRITORIES LOCAL GOVERNMENTS
IN SPHERE OF NATURAL RESOURCES USE**

Конституционные гарантии прав муниципальных образований северных территорий в сфере природопользования обусловлены функционированием значительного нормативно-правового массива и пониманием социальной роли природопользования, обеспечивающего жизненно важные потребности развития российского общества и государства, защиты социально-экономических и экологических интересов граждан, проживающих на Севере.

Ключевые слова: муниципальное образование, природопользование, недра, вопросы местного значения, муниципальная собственность, лицензирование.

Государственная политика в области социально-экономического развития арктических и приарктических регионов России определяется их значимостью в обеспечении экономического развития страны, ее геополитических и стратегических интересов, необходимостью радикального решения острых проблем.

Важную роль в государственной политике призвано играть местное самоуправление. Дополняя комплекс отношений между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, участие органов местного самоуправления создает целостность системы власти в государстве на принципах, закрепленных Конституцией Российской Федерации.

Органы местного самоуправления в соответствии с Европейской хартией местного самоуправления являются одной из главных основ любого демократического строя, при этом под местным самоуправлением понимается право и реальная способность органов местного самоуправления регламентировать значительную часть публичных дел и управлять ими, действуя в рамках закона, под свою ответственность и в интересах местного населения.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации через органы местного самоуправления, равно как и через органы государственной власти, осуществляется народовластие. Права и свободы человека и гражданина определяют деятельность законодательной и исполнительной власти, а также органов местного самоуправления.

Северные территории играют ключевую роль в национальной экономике, в обеспечении безопасности и геополитических интересов России. Здесь сосредоточены основные запасы углеводородного, фосфорного и алюминийсодержащего сырья, редких, цветных и благородных металлов, добывается 93 % природного газа, 75 % нефти, включая газовый конденсат, 100 % алмазов, кобальта, платиноидов, апатитового концентрата, 90 % меди, никеля, 2/3 золота, производится половина лесной и рыбной продукции. Здесь проживает всего 8 процентов населения России, а производится около 20 % ее валового внутреннего продукта [5].

Существующая система конституционных норм, определяющих основы пользования природными богатствами, направлена на обеспечение интересов личности, общества и государства. Исходя из этого, интересы муниципальных образований в сфере природопользова-

ния могут рассматриваться как гармоническое единство интересов личности, общества и государства. Следовательно, состояние и эффективность правовых аспектов конституционных гарантий муниципальных образований северных территорий в сфере природопользования подлежат научному исследованию и оценке с точки зрения общегосударственной значимости природных ресурсов как основы жизни и деятельности многонационального народа Российской Федерации.

Конституционные гарантии прав муниципальных образований в сфере природопользования связаны с функционированием значительного нормативно-правового массива. Центральным элементом в этом массиве выступает понимание социальной роли природопользования, обеспечивающего жизненно важные потребности развития российского общества и государства, защиты социально-экономических и экологических интересов граждан, и в первую очередь, проживающих на разрабатываемых северных территориях.

В современных условиях, когда использование природных ресурсов стало главным источником роста национального богатства, залогом выживания и процветания российского общества, появилась необходимость упорядочения в этой сфере именно конституционно-правовых отношений, включая конституционные гарантии прав личности, полномочия и ответственность органов государственной власти и органов местного самоуправления.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации распоряжение природными ресурсами находится в ведении Российской Федерации и ее субъектов. Ст. 9 Конституции закреплено, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории.

В юридическом аспекте власть органов местного самоуправления понимается как право и возможность субъектов управления (администраций) управлять, издавать нормативные акты, обязательные для определенного круга лиц, осуществлять организаторскую деятельность.

Механизм реализации конституционно-правового регулирования принципов деятельности муниципальных образований при использовании природных ресурсов включает средства и методы воздействия права на общественную жизнь, способные обеспечить реализацию интересов граждан. В качестве подобных средств и методов выступают: структурирование отраслей и институтов российского права, значимых для обеспечения интересов северных территорий; форма выражения и способы взаимодействия диспозитивных, императивных и других норм права; разработка структуры органов государственной власти с распределением их компетенции и включение в эту схему участие муниципалитетов; обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления в сфере природопользования в интересах всех граждан; повышение роли органов местного самоуправления в решении вопросов, связанных с компенсацией ущерба, нанесенного населению и окружающей среде, очень ранимой природе Севера.

Один из главных критериев политической культуры и развития общества – это увеличение объема полномочий местных властей [8].

Обеспечение реального участия органов местного самоуправления в решении вопросов в сфере природопользования во многом зависит от наличия комплекса необходимых законов, обеспечивающих организационную самостоятельность и укрепление финансово-экономической базы. Повышение уровня финансового обеспечения полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления за счет собственных доходов – это предпосылка для повышения эффективности расходования региональных и местных налогов, повышения ответственности органов государственной власти и органов местного самоуправления за результаты проводимой ими политики.

В период развития высоких технологий, возрастающих потребностей экономики в сырье и индивидуумов в продукции, большое значение имеет рациональное использование природных ресурсов северных территорий.

Действующее российское законодательство рассматривает муниципальные образования как самостоятельный и равноправный субъект гражданско-правовых отношений [2]. Одним из ключевых понятий, раскрывающих сущность местного самоуправления, является самостоятельность. В соответствии с Конституцией Российской Федерации местное самоуправление обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения, владение, пользование и распоряжение муниципальной собственностью, к которой могут быть отнесены и природные ресурсы.

Конституция наделила органы местного самоуправления собственной компетенцией в пределах полномочий, которые предоставляются законами. Объемы самостоятельности местного самоуправления определяются наличием и количественными показателями его финансово-экономической базы, определяемой и регулируемой правовыми актами органов государственной власти. Перечень вопросов местного значения, регламентированный ст. 132 Конституции Российской Федерации является открытым, т. е. кроме указанных в нем вопросов управления муниципальной собственностью, формирования, утверждения и исполнения местного бюджета, установления местных налогов и сборов, осуществления охраны общественного порядка предполагается решение органами местного самоуправления «иных вопросов местного значения». Более детально они определяются федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации. В области природопользования полномочия органов местного самоуправления установлены федеральным законом № 131-ФЗ. Этим законом к вопросам местного значения отнесена организация мероприятий межпоселенческого характера по охране окружающей среды [3]. К таким можно отнести различные мероприятия, проводимые органами местного самоуправления, по соблюдению правил, норм и нормативов в области природопользования.

Как отмечает С. А. Авакьян, если ст.12 Конституции РФ провозглашает местное самоуправление и говорит о его самостоятельности, её обеспечение также предполагает наличие этого уровня властных полномочий [1].

Вопросы природопользования являются для арктических и приарктических регионов России наиболее актуальными, решение которых относится в том числе и к компетенции местного самоуправления.

В соответствии с земельным законодательством органы местного самоуправления вправе резервировать земли, производить изъятие земельных участков для муниципальных нужд, разрабатывать и реализовывать местные программы использования и охраны земель.

Лесное законодательство предоставило муниципальным образованиям право владеть, пользоваться и распоряжаться лесными участками, находящимися в муниципальной собственности, осуществлять муниципальный лесной контроль, организовывать осуществление мер пожарной безопасности в лесах.

Статьей 5 Закона Российской Федерации «О недрах» установлены полномочия органов местного самоуправления в сфере регулирования отношений недропользования: контроль за разработкой месторождений общераспространенных полезных ископаемых, защита социально-экономических и экологических интересов населения при предоставлении недр в пользование [6].

К полномочиям органов местного самоуправления в отношении водных объектов, находящихся в собственности муниципальных образований, относятся: владение, пользование, распоряжение такими водными объектами, осуществление мер по предотвращению негативного воздействия вод и ликвидации его последствий, осуществление мер по охране таких водных объектов, установление ставок платы за пользование такими водными объектами, порядка расчета и взимания этой платы.

Решение указанных вопросов местного значения обеспечивает жизнедеятельность муниципального образования и удовлетворение потребностей его жителей. Названные вопросы напрямую связаны с материально-финансовым обеспечением местного самоуправления, поскольку исполнение этих полномочий требует больших финансовых затрат.

Статья 9 Конституции Российской Федерации гарантирует право муниципальной собственности на природные ресурсы. Согласно действующему законодательству органы местного самоуправления могут правообладать землями, лесами, водными объектами, добытыми полезными ископаемыми, и это особо актуально для муниципальных образований, расположенных на огромных пространствах северных территорий.

По мнению С. А. Авакьяна, собственность является основой форм хозяйствования; все формы собственности должны служить благу человека и государства; у всех видов собственности есть социальная функция, они дают заработок и налоги; наконец ключевым является и понятие «собственность обязывает», обуславливая служение собственности публичным задачам.

Согласно ч. 2 ст. 9 Конституции Российской Федерации природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности.

Недра являются недвижимым имуществом и являются государственной собственностью. Добытые из недр полезные ископаемые являются движимым имуществом, и по условиям лицензии могут находиться в государственной собственности, муниципальной, частной и в иных формах собственности.

Система лицензирования недр исключает муниципальные образования в процессе формирования условий недропользования, что приводит к невозможности приобретения собственности на добытые полезные ископаемые органами местного самоуправления.

Продекларировано поступление в местные бюджеты платежей за пользование недрами, так, например, ст. 43 Закона РФ «О недрах» предусматривает, что регулярные платежи за пользование недрами зачисляются в федеральные, региональные и местные бюджеты в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации. Однако бюджетным законодательством это право не закреплено.

Северные территории имеют огромное количество водных объектов и лесных ресурсов. Но распоряжаться такими природными ресурсами муниципальные образования могут только при условии оформленного права собственности на них. Существующая практика имеет не много таких примеров закрепленного права собственности на леса и водные объекты. Одним из обосновывающих факторов неформирования права собственности на такие природные ресурсы муниципальными образованиями является дороговизна самой процедуры оформления права, зачастую непосильной для местных бюджетов.

Несовершенство правового механизма привело к тому, что органы местного самоуправления не могут выступать гарантом соблюдения социально-экономических и экологических интересов населения, проживающего на соответствующей территории.

Еще в 1997 г. Правительством Российской Федерации было определено, что в целях повышения эффективности государственной поддержки районов Севера и создания условий для их социально-экономического развития одним из важных направлений необходимо считать совершенствование межбюджетных отношений и отношений в области природопользования между федеральным центром и северными территориями [7]. Совершенствование этих направлений остается актуальным и в настоящее время.

Важными направлениями в развитии северных территорий, где природа наиболее уязвима, является экологически безопасное развитие промышленности; рациональное использование природных ресурсов; обеспечение естественного развития экосистем, сохранение и восстановление уникальных природных комплексов; совершенствование управления в сфере природопользования – и неразрывно связаны с возможностями муниципальных образований активного участия в их решении.

Одной из основных целей региональной политики в Российской Федерации является становление и обеспечение гарантий местного самоуправления [4]. Сохранение и укрепление единства и правового пространства Российского государства во многом зависит от успешного формирования федеративных отношений, организации взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

При планировании и реализации мероприятий по государственной поддержке северных территорий необходимо исходить из необходимости максимальной концентрации финансовых ресурсов, прежде всего на решении социально-экономических проблем арктических и приарктических регионов России.

Подводя итог рассматриваемой темы, необходимо отметить, что конституционные гарантии прав органов местного самоуправления северных территорий состоят в том, что органы местного самоуправления выступают как органы, образуемые непосредственно населением, представляющие его интересы, выражающие его волю, ответственные перед ним за всю свою деятельность. Решение отдельных вопросов совершенствования механизма реального участия муниципальных образований Севера в сфере природопользования, в рамках конституционно-правовых норм, во многом зависит от наличия комплекса необходимых законов, учитывающих территориальные особенности. Установленные конституционно-правовые принципы деятельности муниципальных образований в сфере природопользования должны быть гарантом соблюдения социально-экономических и экологических интересов населения, проживающего на соответствующей территории.

Основным направлением совершенствования реализации конституционных гарантий органов местного самоуправления северных территорий в сфере природопользования может стать развитие федерального законодательства и приведение в соответствие с ним законодательства субъектов Российской Федерации в сфере недропользования, лесных и водных отношений. В этой связи уместно говорить, прежде всего, о совершенствовании уже действующих, упомянутых выше законодательных актах. Кроме того, необходимо и дополнительное принятие федеральных законов и нормативно-правовых актов субъектов Российской Федерации по вопросам муниципальной собственности на природные ресурсы, обеспечение налоговых и бюджетных прав органов местного самоуправления в части платежей за пользование природными ресурсами.

Роль органов местного самоуправления северных территорий, где сконцентрированы природные ресурсы страны, в решении государственных и общественных задач, организация деятельности органов местного самоуправления, их конституционные гарантии – важнейший фактор реализации государственного регулирования социально-экономического развития северных районов.

Литература

1. Авакьян С. А. Публичная власть: конституционно-правовые аспекты // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. 2009. № 2.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон Рос. Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. Закон Рос. Федерации от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.
4. Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации : Указ Президента Рос. Федерации от 3 июня 1996 г. № 803 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 23. ст. 2756.
5. О Концепции государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера : постановление Правительства РФ от 7 марта 2000 г. № 198 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 12. Ст. 1286.
6. О недрах : закон Рос. Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 10. Ст. 823.
7. О реформировании системы государственной поддержки районов Севера : постановление Правительства Рос. Федерации от 31 декабря 1997 г. № 1664 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 2. Ст. 256.
8. Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ : послание Президента РФ Федер. Собр. от 26 апреля 2007 г. // Рос. газ. 2007. 27 апр.

УДК 336.14:353(571.122):34

Жадобина Н. Н.
Zhadobina N. N.

**РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕЖБЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ – ЮГРЕ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**REGULATION OF INTER-BUDGET RELATIONS
IN KHANTY-MANSI AUTONOMOUS OKRUG – UGRA:
CONTEMPORARY STATE AND PROSPECTS**

В статье анализируется действующее законодательство о межбюджетных отношениях и практика его применения в Ханты-мансийском автономном округе – Югре, исследуется финансовое состояние местных бюджетов, выявляются проблемы, возникающие в связи с несовершенством бюджетного законодательства, и предлагаются некоторые пути их решения.

Ключевые слова: местные бюджеты, межбюджетные отношения, межбюджетные трансферты, дотации.

На сегодняшний день формирование системы межбюджетных отношений между субъектом РФ и муниципальными образованиями – компетенция властей субъекта РФ. Они сами решают, каким образом будут распределены средства, поступающие из федерального бюджета в качестве мер межбюджетного регулирования, какой будет степень выравнивания местных бюджетов, в какой мере будет оказываться помощь экономически более развитым муниципальным образованиям на поддержание имеющейся инфраструктуры, будут ли использоваться такие правила финансовой помощи, которые будут стимулировать заинтересованность органов местного самоуправления в повышении доходов своей территории [2, с. 77].

В целом по Российской Федерации за 2014 г. (последний отчетный период, данные по которому опубликованы) местные бюджеты исполнены с дефицитом [3]. Дефицит местных бюджетов в Ханты-мансийском округе – Югре (далее – ХМАО – Югра) составил 5,1 млрд руб. По итогам 2016 г. дефицит местных бюджетов в ХМАО – Югре снизился до 1,32 млрд руб. Тем не менее, большинство бюджетов муниципальных образований округа (63 из 105) исполнены с дефицитом, при этом 39 – это бюджеты сельских поселений [4].

Собственные доходы бюджетов, которые являются средствами муниципальных образований для решения вопросов местного значения, в Российской Федерации уменьшились в 2014 г. по сравнению с предыдущим годом на 137,8 млрд руб. или на 5,6 % в связи с сокращением налоговых доходов и объемов межбюджетных трансфертов из бюджетов других уровней бюджетной системы [3].

Снижение собственных доходов местных бюджетов в стране в целом произошло за счет снижения собственных доходов городских округов: 49,3 % (1136,8 млрд руб.), 34,1 % (787,1 млрд руб.), 15,8 % (363,2 млрд руб.), 0,8 % (18,1 млрд руб.). Уменьшение связано с перераспределением нормативов отчислений от налога на доходы физических лиц между бюджетами субъектов Российской Федерации и муниципальных образований (70 % и 30 % вместо ранее установленного распределения нормативов 60 % и 40 %) в связи с передачей с местного на региональный уровень полномочий по финансовому обеспечению образовательного процесса в сфере дошкольного образования, а также с сокращением объемов дотаций и субсидий.

Такая ситуация предопределена, прежде всего, особенностями бюджетного законодательства и его нестабильностью, а также продолжающейся бессистемной передачей на уровень

местного самоуправления полномочий, не обеспеченных соответствующими финансовыми ресурсами. Так, например, с 2004 г. количество вопросов местного значения городских округов увеличилось на 16 по сравнению с первоначальной редакцией федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [6].

Эти решения федерального законодателя приводят к значительным трудностям, возникающим у региональных властей государства, которые при серьезной нехватке финансовых ресурсов должны приложить все усилия для сбалансированности местных бюджетов, выравнивания уровня бюджетной обеспеченности соответствующих видов муниципальных образований. Между тем, по данным департамента финансов ХМАО – Югры, величина разрыва в уровне бюджетной обеспеченности до выравнивания составляет 5,4 раза, а величина разрыва среднедушевого дохода по сельским поселениям округа – 11,4 раза, что придает особую актуальность регулированию межбюджетных отношений в округе [4].

Целям регулирования межбюджетных отношений в ХМАО – Югре служит закон ХМАО – Югры от 10.11.2008 № 132-оз (ред. от 31.03.2016) «О межбюджетных отношениях в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» [5].

Согласно ст. 3 указанного закона межбюджетное регулирование в ХМАО – Югре основывается на общих принципах бюджетной системы Российской Федерации и служит достижению следующих целей:

- 1) реализация бюджетной политики органов государственной власти автономного округа;
- 2) обеспечение и выравнивание финансовых возможностей органов местного самоуправления муниципальных образований автономного округа при осуществлении ими своих полномочий по решению вопросов местного значения;
- 3) повышение эффективности бюджетных расходов;
- 4) обеспечение сбалансированности бюджета автономного округа и местных бюджетов автономного округа.

Влиять на уровень и состав бюджетных доходов органов местного самоуправления власти субъекта РФ могут двумя способами:

- устанавливая нормативы отчислений от доходов, распределяемых на долевой основе;
- определяя объем межбюджетных трансфертов, передаваемых в бюджеты муниципальных образований.

Основным доходом, регулирующим местные бюджеты, по-прежнему остается налог на доходы физических лиц. 19 % этого налога, подлежащего зачислению в консолидированный бюджет округа, зачисляется в бюджеты городских округов и муниципальных районов, 8 % – в бюджеты сельских поселений. Законом автономного округа о бюджете автономного округа на очередной финансовый год и на плановый период могут быть установлены дополнительные нормативы отчислений в местные бюджеты от налога на доходы физических лиц, подлежащего зачислению в бюджет автономного округа. По итогам 2015 г. бюджеты муниципальных образований ХМАО – Югры получили в качестве дополнительных отчислений от налога на доходы физических лиц 10,5 % для городских округов, 12,9 % – для муниципальных районов.

Кроме того, в доходы указанных местных бюджетов поступило 100 % единого налога, взимаемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения и 100 % акцизов на отдельные виды алкогольной продукции [4].

Второй этап бюджетного регулирования – передача межбюджетных трансфертов местным бюджетам.

Основной формой финансовой поддержки местных бюджетов является дотация на выравнивание уровня бюджетной обеспеченности. Ее особенностью является то, что она передается без указания направления и цели её использования. При всей своей значимости эта форма межбюджетного трансферта имеет один существенный недостаток: она не стимулирует органы местного самоуправления к наращиванию собственных доходов. Только одно муниципальное образование в ХМАО – Югре не получает дотаций из окружного бюджета. У

пяти муниципальных образований округа доля дотаций или налоговых доходов по дополнительным нормативам отчислений составляет до 5 %, у четырнадцати – от 5 до 20 %, у тридцати трех – от 20 до 50 %, у тридцати семи – от 50 до 90 % собственных доходов бюджета. Шестнадцать сельских поселений округа более чем на 90 % формируют доходы своего бюджета за счет дотаций [5].

При этом нужно иметь в виду, что статья 136 Бюджетного кодекса РФ (далее – БК РФ) устанавливает ограничения уже для тех муниципальных образований, в бюджетах которых доля дотаций из других бюджетов бюджетной системы Российской Федерации и (или) налоговых доходов по дополнительным нормативам отчислений в размере, не превышающем расчетного объема дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности (части расчетного объема дотации), замененной дополнительными нормативами отчислений, в течение двух из трех последних отчетных финансовых лет превышала 5 % собственных доходов местного бюджета [1]. Такие муниципальные образования, начиная с очередного финансового года, не имеют права превышать установленные высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации нормативы формирования расходов на оплату труда депутатов, выборных должностных лиц местного самоуправления, осуществляющих свои полномочия на постоянной основе, муниципальных служащих и (или) содержание органов местного самоуправления. При повышении этого уровня до 20 %, начиная с очередного финансового года, органы местного самоуправления не имеют права устанавливать и исполнять расходные обязательства, не связанные с решением вопросов, отнесенных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации к полномочиям соответствующих органов местного самоуправления. В случае, если этот показатель превысит 50 %, к муниципальным образованиям применяются дополнительные меры, такие как подписание и выполнение соглашений с финансовым органом субъекта РФ о мерах по повышению эффективности использования бюджетных средств и увеличению поступлений налоговых и неналоговых доходов местного бюджета.

Таким образом, только 4,7 % (5 из 105) муниципальных образований округа являются финансово стабильными и имеют реальную финансовую самостоятельность с точки зрения российского законодательства.

В этой ситуации ограничения, установленные ст. 136 БК РФ, выглядят не вполне обоснованными логически: «виноватыми» в удручающем состоянии местных бюджетов остаются органы местного самоуправления, в то время как законодательство фактически не предоставляет им никакой возможности эту ситуацию исправить, не закрепляя за ними полномочий, позволивших бы увеличить, в частности, налоговые доходы бюджета. Федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов РФ, жестко централизуя финансовые ресурсы, при этом не несут никакой ответственности за их распределение в рамках межбюджетных отношений внутри субъекта РФ.

Финансовые власти ХМАО – Югры предпринимают и другие усилия для обеспечения сбалансированности местных бюджетов и выравнивания уровня их бюджетной обеспеченности. В бюджеты муниципальных районов зачисляются субсидии на формирование районных фондов финансовой поддержки поселений. В 2015 г. тринадцати муниципальным образованиям округа были предоставлены бюджетные кредиты, двадцать одно муниципальное образование получило дополнительные дотации на поддержку мер по обеспечению сбалансированности местных бюджетов. Несмотря на значительные усилия, на 1 января 2016 г., после применения всех мер выравнивания, разрыв в уровне бюджетной обеспеченности муниципалитетов округа составляет 1,8 раз, а большинство местных бюджетов несбалансированны и характеризуются высоким уровнем дотационности.

Представляется, что без серьезной корректировки федерального законодательства, регулирующего распределение доходов между бюджетами бюджетной системы, любые попытки региональных властей по сбалансированности местных бюджетов будут малоуспешны. В случае невозможности такого изменения федерального законодательства, в условиях суще-

ствующей финансовой централизации остается предложить возложить ответственность, в том числе закрепленную нормативно, за финансовое состояние местных бюджетов на органы государственной власти субъектов РФ.

Литература

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 №145-ФЗ (ред. от 15.02.2016, с изм. от 30.03.2016) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.
2. Жадобина Н. Н. Бюджетно-правовой статус муниципального образования и проблемы реализации бюджетных полномочий органов местного самоуправления : моногр. Сургут : СурГУ, 2003. 140 с.
3. Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов и межбюджетных отношений в субъектах Российской Федерации на региональном и муниципальном уровнях за 2014 год : информация офиц. сайта Министерства финансов Российской Федерации. URL: http://minfin.ru/ru/performance/regions/onitoring_results/Monitoring_local/results/#ixzz48X1FMygl (дата обращения: 11.05.2016).
4. Информация о результатах проведения мониторинга исполнения местных бюджетов за 2015 год в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре : информация офиц. сайта департамента финансов ХМАО – Югры. URL: <http://www.depfin.Admhmao.ru/dokumenty/hmao/> (дата обращения 11.05.2016).
5. О межбюджетных отношениях в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре: закон ХМАО – Югры от 10.11.2008 № 132-оз (ред. от 31.03.2016) // Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (спецвып.). 2008. № 10. Ст. 1656.
6. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 15.02.2016) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

УДК 332.1(470.1-17+985):349.6

*Зарипова Э. К.
Zaripova E. K.*

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РАЙОНОВ СЕВЕРА И АРКТИКИ

LEGAL PROBLEMS OF SUSTAINABLE ENVIRONMENTAL DEVELOPMENT IN THE NORTH AREAS AND ARCTIC REGION

Статья посвящена рассмотрению отдельных правовых проблем устойчивого экологического развития в районах Севера и в Арктическом регионе Российской Федерации. Одним из условий обеспечения устойчивого развития автор видит внедрение в российское законодательство института стратегической экологической оценки.

Ключевые слова: устойчивое развитие, окружающая среда, арктический регион, стратегическая экологическая оценка.

Проблема устойчивого экологического развития районов Крайнего Севера и Арктики России приобрела особую актуальность в начале XXI в. Несмотря на то, что Россия присутствует в этом регионе уже не одно столетие, именно сейчас началась эра наиболее активного освоения ее природных богатств. Как отмечают исследователи, этому способствуют «огром-

ные природные богатства, потенциальные ресурсы нефти и газа, а также транзитные возможности» [2, с. 93] и, конечно, некоторое улучшение климатических условий, освободившее ото льда отдельные территории Северного Ледовитого океана.

Вместе с тем высокая уязвимость и неспособность к быстрому восстановлению природы районов Крайнего Севера и Арктики является настолько очевидной, что не может не приниматься в расчет при дальнейшем освоении природных ресурсов. А это означает, что при принятии решений о реализации любой хозяйственной деятельности, в том числе связанной с природопользованием, должны стоять принципы охраны окружающей среды.

В ст. 3 Федерального закона «Об охране окружающей среды» закреплены принципы экологического законодательства, которые определяют направленность правового регулирования в указанной сфере. Одним из наиболее значимых принципов можно назвать принцип научно обоснованного сочетания экологических, экономических и социальных интересов человека, общества и государства в целях обеспечения устойчивого развития и благоприятной окружающей среды [3]. Фактически здесь впервые на законодательном уровне закреплён принцип устойчивого развития.

В законодательстве России устойчивое развитие рассматривается как сбалансированное развитие материального производства, социальной сферы, народонаселения и окружающей среды, решение социально-экономических задач без ущерба окружающей среде во имя интересов нынешнего и будущих поколений. А для районов Крайнего Севера и Арктики устойчивое развитие предполагает также и защиту исконной среды обитания коренных малочисленных народов, сохранение культуры и укладов местного населения, закрепление за ним природных ландшафтов и комплексов, с которыми связаны проживание коренных малочисленных народов и традиционные формы их жизнедеятельности. Устойчивое экологическое развитие означает такое развитие общества, при котором достигается стабильность экологических систем и биосферы в целом, способность их к самовосстановлению.

Комиссия Государственной Думы по проблемам устойчивого развития в 2002 г. подготовила «Основные положения стратегии устойчивого развития России», в котором предусмотрела следующие уровни разработки и реализации стратегии устойчивого развития: общероссийский, межрегиональный, региональный, внутрирегиональный (муниципальный) [4]. Решение экологических проблем районов Крайнего Севера и Арктики носит межрегиональный характер, что ведет к необходимости поиска путей взаимодействия целого ряда субъектов Федерации. Социально-экономическое развитие данного региона требует создание условий, необходимых для достижения целей государства в области устойчивого экологического развития: экологизацию законодательства, снижение ресурсоемкости производства, внедрение международных экологических стандартов и требований, развитие наукоемких технологий и др.

При осуществлении планирования и проектирования социально-экономического развития Российской Федерации и ее субъектов, отраслей экономики внедрение такого эколого-правового механизма как стратегическая экологическая оценка (СЭО) позволит проводить долгосрочную экологическую оценку намечаемой хозяйственной деятельности.

Значимость СЭО обусловлена тем, что учет экологических составляющих при принятии решения о реализации планируемой хозяйственной деятельности еще на стадии планирования и проектирования оказывается гораздо дешевле проводимых мероприятий по нейтрализации, компенсации, возмещению нанесенного экологического ущерба.

Под стратегической экологической оценкой понимается «оценка возможных экологических последствий, включая воздействие на здоровье населения», которая предполагает определение сферы охвата оценки и подготовку экологического доклада, вовлечение общественности и проведение консультаций, принятие во внимание экологического доклада, результатов участия общественности и консультаций при разработке плана или программы» [5].

СЭО направлена на принятие экологически ориентированного решения, что способствует не только сохранению окружающей среды, но и увеличению доверия общественности

к процессу принятия управленческих решений, поскольку СЭО предусматривает широкое участие общественности в процессе принятия правительством решений (различные формы общественных обсуждений, в том числе общественные слушания). Это очень важно в районах проживания коренного населения и позволило бы им участвовать в принятии и реализации экологически ориентированных решений, в том числе путем проведения опросов, общественных слушаний, общественных экспертиз и референдумов.

В настоящее время в законодательстве Российской Федерации закреплена такая институт, как оценка воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду (ОВОС). Но ОВОС проводится на значительно более поздней стадии процесса принятия решения, чем СЭО. Кроме того, СЭО имеет более масштабное значение, так как используется на более высоком уровне принятия решений, а к стратегическим документам, подлежащим СЭО, относятся планы развития территорий или отраслей хозяйства, программы, политики, стратегии и др. Тогда как ОВОС проводится в отношении конкретных проектов хозяйственной деятельности, и решение принимается не на уровне правительства, а на уровне отдельного министерства или ведомства. Таким образом, стратегическая экологическая оценка представляется наилучшим средством правовой охраны окружающей среды в условиях, когда «особые геостратегические интересы государства и долговременные экономические интересы общества обусловили выделение Арктики в самостоятельный объект государственной политики» [7]. Ведь именно СЭО могла бы способствовать принятию научно обоснованного и комплексного решения по использованию районов севера и Арктики с учетом климатических, экологических, демографических и иных особенностей этих территорий.

Российская Федерация пока не присоединилась к Киевскому протоколу по СЭО 2003 г., а в российском законодательстве отсутствуют требования по проведению СЭО. В то же время, как отмечают исследователи, «нормативно-правовая база в нашей стране в сфере СЭО находится в стадии становления» [1].

26 ноября 2013 г. в Москве состоялся международный семинар «Внедрение в России механизма стратегической экологической оценки с учетом имеющегося международного и российского опыта», организованный WWF России, по результатам которого необходимыми действиями для включения СЭО в российское законодательство и практику были признаны: включение в российское законодательство понятия СЭО, ее объектов; ратификация Протокола по СЭО 2003 г., разработка порядка проведения СЭО, учета ее результатов и мониторинга реализации; порядок участия общественности в СЭО и др. [6].

В настоящее время можно констатировать, что нормативно-правовая база внедрения и применения стратегической экологической оценки при принятии планов и программ, реализация которых может оказать воздействие на окружающую среду, еще не сформирована. Необходимо скорейшее внедрение в российское законодательство института стратегической экологической оценки, что позволит решать стратегические задачи государства в области устойчивого развития Севера и Арктики России.

Литература

1. Копылов М. Н., Копылов С. М. Киевскому протоколу по стратегической экологической оценке – 10 лет // Экологическое право. 2013. № 2. С. 26–31.
2. Мазур И. И. Арктика – точка бифуркации в развитии глобального мира // Век глобализации. 2010. Вып. № 2 (6). С. 93–104.
3. Об охране окружающей среды: федер. закон Рос. Федерации от 10 января 2002 года № 7-ФЗ : принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 20 декабря 2001 г. : одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 декабря 2001 г. // Парламентская газ. 2002. 12 янв.
4. Основные положения стратегии устойчивого развития России / под ред. А. М. Шелехова. М., 2002. 161 с.

5. Протокол по стратегической экологической оценке к Конвенции об оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (Киев, 2003 г.). URL: http://www.unep.org/ru/env/eia/about/sea_text_r.html#article2 (дата обращения: 05.05.2016).

6. Хмелева Е. Проблемы включения СЭО в законодательство об охране окружающей среды и стратегическом планировании. URL: http://www.wwf.ru/about/what_we_do/law/development (дата обращения: 05.05.2016).

7. Шестопапов М. Вектор устремлений – Арктика: проблемы устойчивого развития Арктической зоны России // Воздушно-космическая оборона. 2009. № 1. С. 32–41.

УДК 342.9.01/.04 (571.122)

*Нехайчик В. К.
Nekhaychik V. K.*

О ПРЕДПОСЫЛКАХ РАЗРАБОТКИ И РАЗВИТИЯ ОТРАСЛИ АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО ХМАО – ЮГРЫ

ON THE BACKGROUND AND DEVELOPMENT OF BRANCH DEVELOPMENT ADMINISTRATIVE LAW KHANTY-MANSIYSK – YUGRA

Статья посвящена вопросам проведения реформ в отрасли национального административного права, проблемам пересмотра догм и сущностных характеристик данной отрасли. В статье в целях изменения структуры национальной отрасли административного права предлагается использовать концепцию механизма административно-правового воздействия, в рамках которой вместо институционально-отраслевого построения отрасли используется функциональный подход, предлагается концептуальная модель отрасли административного права ХМАО – Югры.

Ключевые слова: административное право, структурирование и реформирование отрасли, Конституция РФ и совместное ведение административного и административно-процессуального законодательства, помощь регионального правоповедения.

Административное право как самостоятельная отрасль российской правовой системы переживает в настоящее время очередной этап в своем развитии, связанный, с одной стороны, с переоценкой ценностей и сохранением своих традиций, с другой стороны, – с объективной необходимостью изменений данной отрасли, ее структуры и системы, сопряженных с преемственностью и развитием как общенациональных, так и региональных административно-правовых традиций.

К сущностным характеристикам отрасли «Административное право», позволяющим отграничивать ее от конституционного, гражданского и уголовного права, всегда относили предмет и метод, систему, функции и источники. Однако все они претерпели существенные изменения после принятия новой Конституции РФ 1993 г., развития нового российского законодательства и реформирования органов государственной власти, следовательно, каждая из них потребовала своего пересмотра и пристального изучения для использования в практических целях в современных условиях.

Как отмечает В. И. Ивакин, в период бурного процесса реформирования административного законодательства, обусловленного коренными социально-экономическими изменениями [6, с. 20], появления в этой связи новых научных разработок в области административного права и его предмета, многое изменилось и объективно потребовало в связи с этим новых изысканий.

Принятие Конституции Российской Федерации 1993 г. явилось стимулирующим фактором для пересмотра подходов в изучении объекта административного права, который позволил под иным углом зрения взглянуть на проблему изъятого из законодательного обихода понятия «государственное управление». Прежний научный взгляд на сущность административного права через призму сущности государственного управления и особенность государственных управленческих отношений длительное время являлся приоритетным в теории административного права.

О том, что сегодня вызывает сомнение правильность прежних подходов в определении предмета административного права констатируется многими учеными-административистами [8, с. 48; 9, с. 168].

Размышляя о необходимости реформирования административного права, Ю. А. Тихомиров в своё время отмечал, что «рассматривать сферы государственной и общественной жизни только через призму государственного управления нельзя» [15, с. 333].

В этих условиях учеными-административистами осуществляются новые исследования предмета административного права с предложениями о наполнении его новым составом административно-правовых отношений, а в некоторых случаях и с уходом от предметного критерия и выбором новых для целей отграничения данной отрасли от иных отраслей права.

Так, в одной из своих статей К. С. Бельский пишет, что «на смену институционально-отраслевому представлению о предмете административного права должно прийти его функциональное структурирование» и «в основе правильного представления о предмете находятся виды государственной деятельности» [4, с. 19–21].

Отмечая полезность идеи К. С. Бельского, основоположник уральской школы административного права профессор Д. Н. Бахрах приходит к мысли в предмет административного права включить триаду: а) регулятивную деятельность; б) охранительную деятельность; в) административное судопроизводство. Такой функциональный подход в определении предмета административного права вполне логично вытекает из рассуждений учёного, когда он ссылается на выработанные теорией права положения о регулятивных и охранительных группах норм, которые регламентируют соответствующие административно-правовые отношения – «административно-регулятивные» и «административно-охранительные». Эти две составляющие группы отношений (функции) «как более чёткие и более выверенные теорией права определения» и предлагается автором взять за основу состава предмета административного права [3, с. 11, 12].

Однако попытки многих юристов-исследователей по-новому представить названные характеристики пока мало в чем изменили саму отрасль современного российского административного права, его преподавания в вузах России, государственный стандарт данной юридической дисциплины. К сожалению, в условиях выстроенной системы современного федерального административно-государственного управления научное юридическое сообщество не может активно влиять на проводимые в стране административные реформы, на государственную политику в высшем, в том числе юридическом образовании.

Говоря о такой сущностной характеристике отрасли административного права как ее система, учитывая обусловленность ее наукой административного права, следует обратиться к другой работе К. С. Бельского, где он пишет, что «пришло время поставить вопрос о замене институционно-отраслевой системы науки административного права функциональной, которая может более полно охватить научный материал, более правильно распределить и, что особенно существенно, разумнее и доступнее объяснить его» [5].

В последнее время со стороны ученых-юристов поступает множество различных предложений по вопросу реформирования всей отрасли «Административное право», в том числе относительно ее системы. Так, в одной из своих научных статей главный советник Государственно-правового управления Президента РФ А. В. Кирин, опирающийся на авторитетные мнения многих ученых-административистов о необходимости изменений в отрасли «Административное право» [13; 15, с. 85], отмечает, что «давно уже не соответствующая ре-

алиям устаревшая система российского административного права (т. е. форма отрасли) является главным тормозом, препятствующим поступательному развитию отраслевой теории (т. е. содержания отрасли). Прежде всего в связи с этим речь идет о традиционном делении содержания административно-правовой отрасли на общую и особенную части». И далее: «...с сожалением следует признать, что реформирование этой важной комплексной отрасли российского правоведения до сих пор находится на начальном этапе» [7].

Возвращаясь к функциональной характеристике сущности административного права, необходимо вспомнить, что весь советский период отрасль «Административное право» развивалась в основной парадигме административно-правового регулирования.

Однако уже после принятия новой Конституции РФ 1993 года корифей, ведущий специалист в области административного права Ю. М. Козлов предположил, что у данной отрасли «основное проявление служебной роли» заключено в регулятивной функции и она может быть детализирована. В рамках регулятивной функции, по мнению ученого, можно выделить три ее формы: правоисполнительную, правотворческую и правоохранительную [2, с. 31]. В последствии «в многообразном содержании основной регулятивной функции административного права» Ю. М. Козлов уже выделял пять ее подфункций: правоисполнительную, правотворческую, организационную, координационную и правоохранительную [1, с. 39].

Констатируя определенные изменения, произошедшие в обществе, по мнению Ю. А. Тихомирова, в современных условиях административное право призвано выполнять не одну, а четыре функции: организация и осуществление государственного управления, государственное регулирование, защита публичных интересов и самореализация прав граждан в сфере государственного управления [14, с. 78].

В рамках назревших системных и структурных изменений в национальной отрасли «Административное право» в современных условиях мы предлагаем использовать разработанную нами концепцию механизма административно-правового воздействия, предусматривающую три основных направления, соответствующие трем функциям (назначениям), которые мы выделили в результате научных исследований: административно-правовое регулирование; административное правоисполнение и административная правозащита [11].

Подчеркивая важность постановки и научного разрешения проблемы системных и структурных изменений в национальной отрасли современного административного права, следует отметить, что в китайском административном праве к основным его звеньям относятся: административное законодательство, административное правоисполнение, а также судебный надзор. В связи с этим китайский ученый Ло Хаоцай пишет: «Между взглядами на административное право и системой административного права имеется весьма сильная взаимозависимость. Несмотря на то, что взгляды на административное право в обществе имеют относительно стабильный характер, но они отнюдь не являются неизменными, при их изменении система конкретного административного права рано или поздно будет заменена новой из-за нерациональности предыдущей. Система – это носитель механизмов административного права» [9, с. 17, 36, 56].

Говоря о предпосылках разработки и развития отрасли административного права в ХМАО – Югре очень важно вспомнить, что в соответствии с п. «к» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ административное и административно-процессуальное законодательство находятся в совместном ведении РФ и ее субъектов.

Конечно же, нельзя отрицать, что административное законодательство и подзаконные нормативные акты субъектов РФ развивались по правилам, типичным для административного права федерального уровня, которое, безусловно, впитало в себя его основные качества. При этом необходимо учитывать, что срок формирования системы этого законодательства и конституционного оформления разделения предметов ведения публично-правовых отношений в историческом плане нельзя признать достаточным, чтобы требовать исчерпывающих и объективных характеристик таким общим правовым категориям, как предмет, система и функции, имеющих большое значение и для развития регионального административного

права. И все же необходимость в исследованиях особенностей административно-правового воздействия в субъектах РФ, изучения правовых источников, особенностей административного правового статуса субъектов административного права в ХМАО – Югре имеет познавательное и научно-прикладное значение для совершенствования местного, регионального и федерального государственного управления.

Таким образом, нам представляется, что в условиях, когда «административные реформы буксуют» как никогда полезной может оказаться помощь регионального правоведа. И здесь как нельзя лучше может этому способствовать обобщение нормотворческой, правореализующей и правозащитной административно-правовой практики органов государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа. Считаем, что накопление такой практики уже достигло определенного своего качества и это вполне может быть использовано в целях формирования отрасли «Административное право ХМАО – Югры». К таким накоплениям административно-правовой практики следует отнести, например, создание института государственной службы ХМАО – Югры, формирование органов исполнительной власти в ХМАО – Югре, принятие окружного закона об административных правонарушениях и др.

С учетом имеющихся наработок основными разделами в системе курса «Административное право ХМАО – Югры», на наш взгляд, могут быть: административно-правовое регулирование; административное правоисполнение; административная правозащита (судебная и внесудебная). В качестве общей догматической основы может быть использован раздел с названием «Сущностные характеристики административного права ХМАО – Югры». При такой системе учебная дисциплина административного права, на наш взгляд, будет максимально соответствовать духу времени и социальной действительности.

Итак, в системе административного права ХМАО – Югры предлагается выделять следующие разделы:

Введение в административное право ХМАО – Югры. Сущностные характеристики административного права ХМАО – Югры

1. Принципы административного права ХМАО – Югры.
2. Значение предмета и метода для развития административного права ХМАО – Югры.
3. Основные функции административного права ХМАО – Югры.
4. Система административного права ХМАО – Югры.
5. Источники административного права ХМАО – Югры.

Раздел 1. Административно-правовое регулирование

1. Нормы административного права ХМАО – Югры.
2. Административно-правовые отношения.
3. Административные акты и административные договоры ХМАО – Югры.
4. Служебное право ХМАО – Югры.
5. Административно-правовой статус органов исполнительной власти ХМАО – Югры.
6. Общественные и религиозные объединения ХМАО – Югры: особенности административно-правового статуса, регистрации и контроля.
7. Органы с делегированными государственными полномочиями ХМАО – Югры (органы МСУ, корпорации, госкомпании, фонды, саморегулируемые организации).

Раздел 2. Административная правоисполнительная функция органов исполнительной власти ХМАО – Югры: формы и методы ее реализации

1. Правовые формы административно-правовой деятельности (административный контроль, административный надзор, административный процесс).
2. Правовые методы административно-правовой деятельности (убеждение, разрешение, ограничение и др.).
3. Административная ответственность и административные правонарушения.
4. Организационные формы и методы административной деятельности (информационное, кадровое, материально-техническое, другие виды обеспечения).

Раздел 3. Административная правозащитная функция

1. Правовые гарантии защиты граждан от неправомерных действий органов государственной административной власти (прокурорский надзор, административное обращение граждан, ответственность государственных и муниципальных служащих).
2. Административная юрисдикция (юрисдикционный процесс).
3. Административное судопроизводство.
4. Административная юстиция.

Литература

1. Административное право : учебник / под ред. Ю. М. Козлова, Л. Л. Попова. М. : Юристъ, 1999. С. 39.
2. Алехин А. П., Кармолицкий А. А., Козлов Ю. М. Административное право Российской Федерации : учебник. М. : Зерцало, 1997. С. 31.
3. Бахрах Д. Н. Предмет и источники административного права России. Проблемы теории административного права // Административное право на рубеже веков : межвуз. сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. С. 12–11.
4. Бельский К. С. К вопросу о предмете административного права // Государство и право. 1997. № 11. С. 19–21.
5. Бельский К. С. О предмете и системе науки административного права. URL: <http://www.juristy.ru/> (дата обращения: 20.04.2016).
6. Ивакин В. И. Предмет науки административного права: автореферат дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1995. С. 20.
7. Кирин А. В. О реформировании системы административного права // Журн. рос. права. 2012. № 3.
8. Князев С. Д. Предмет и система административного права Российской Федерации: традиционные взгляды и современные реалии // Юрист. 2001. № 5. С. 48.
9. Ло Хаоцай. Очерки современного административного права Китая / пер. с китайск. В. В. Жигулевой, Б. Я. Надточенко ; под ред. А. А. Демина. М. : Книгодел, 2010. С. 17, 36, 56.
10. Лончаков А. П. Предмет и система административного права Российской Федерации. Хабаровск, 1999. С. 168.
11. Нехайчик В. К. В поисках сущности современного административного права: к вопросу о формировании концепции механизма административно-правового воздействия в России // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2012. № 1. С. 37–44.
12. Стариков Ю. Н. Административное право: сущность, проблемы, реформы и новая система // Правоведение. 2000. № 5. С. 3–24.
13. Тихомиров Ю. А. Курс административного права и процесса. М. : 1998. С. 78.
14. Тихомиров Ю. А. Природа и система административного права. Административное право и процесс : полный курс ; 2-е изд., доп. и перераб. М., 2005. С. 85.
15. Тихомиров Ю. А. Публичное право : учебник. М. : БЕК, 1995. С. 333.

УДК 347.918:342.565.2

Чарковская Н. И.
Charkovskaya N. I.

ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ ПО ПРИМЕНЕНИЮ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ТРЕТЕЙСКОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО

LEGAL POSITION OF CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION ON STANDARDS GOVERNING ARBITRATION APPLICATION

В настоящей статье рассматриваются два постановления Конституционного Суда РФ, в которых закреплены правовые позиции по применению норм, регулирующих третейское разбирательство.

Ключевые слова: правовые позиции Конституционного Суда РФ, беспристрастность третейских судей, споры о праве на недвижимость.

В последнее время активно популяризируются альтернативные формы урегулирования споров. Законодательное регламентирование получила медиация. Вместе с тем, как показывает практика Высшего Арбитражного суда РФ (далее – ВАС РФ), он весьма негативно относится к третейским судам.

Не идеализируя третейские суды, не опровергая факта, что отдельные третейские суды осуществляют свою деятельность с нарушением законодательства, тем не менее, считаем, что такая негативная позиция ВАС РФ является не только не оправданной, но и противозаконной, и даже антиконституционной.

В связи с указанным выше правовые позиции Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ), сформулированные в постановлениях, относительно применения норм, регулирующих третейское разбирательство, представляются весьма актуальными и значимыми.

26 мая 2011 г. Конституционным Судом РФ было принято постановление № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», статьи 28 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» (далее – Постановление КС РФ № 10), которое разрешило дискуссии по вопросу о возможности рассмотрения споров о праве на недвижимое имущество третейскими судами.

Долгое время преобладала практика, основанная на позиции, изложенной Президиумом ВАС РФ в информационном письме от 22.12.2005 № 96 [2]. Согласно п. 27 указанного документа арбитражный суд отказывает в удовлетворении заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, которое обязывает регистрирующий орган зарегистрировать право собственности на недвижимое имущество за стороной третейского разбирательства, так как вопросы публично-правового характера (регистрация недвижимости) не могут быть предметом рассмотрения в третейском суде.

Данный подход обоснован тем, что государственная регистрация является единственным доказательством существования зарегистрированного права и представляет собой юридический акт признания и подтверждения государством возникновения, перехода или прекращения прав на недвижимое имущество. Правоотношение, связанное с регистрацией права собственности, имеет публично-правовой характер, а решение третейско-

го суда, обязывающее регистрирующий орган осуществить соответствующие действия, – публично-правовые последствия.

Согласно ст. 17 федерального закона 21.07.1997 № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» основанием для государственной регистрации наличия, возникновения, прекращения, перехода, ограничения (обременения) прав на недвижимое имущество и сделок с ним являются вступившие в законную силу судебные акты. Это положение, по мнению ВАС РФ, свидетельствует о том, что вопрос о праве собственности на недвижимое имущество относится к исключительной компетенции государственных судов.

Постановление Конституционного Суда РФ 10-П опровергло подобную судебную практику, указав на законность решения третейскими судами споров о недвижимом имуществе. Основные положения данного постановления можно обозначить следующим образом.

Во-первых, публично-правовой характер споров, предопределяющий невозможность их передачи на рассмотрение третейского суда, обуславливается не видом имущества (движимого или недвижимого), а спецификой правоотношений, из которых возникает спор относительно данного имущества, и составом участвующих в споре лиц. Требование же государственной регистрации недвижимого имущества не связано ни со сторонами спора, ни с характером правоотношения, по поводу которого он возник, – определяющим является природа объекта данного имущественного правоотношения.

Во-вторых, обязательность государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним не может рассматриваться как обстоятельство, исключающее возможность передачи споров по поводу недвижимого имущества на рассмотрение третейских судов.

В-третьих, в системе действующего правового регулирования решения третейских судов не только порождают обязательство их исполнения лицами, участвующими в третейском разбирательстве, но и являются основанием для совершения иными субъектами определенных юридически значимых действий. Так, если решением третейского суда, принятым по результатам рассмотрения спора, касающегося недвижимого имущества, установлены права на это имущество, регистрирующий орган обязан совершить действия по их государственной регистрации.

В-четвертых, в отличие от решений государственных судов свойством принудительной исполнимости решение третейского суда наделяется только после прохождения установленных процессуальным законодательством процедур получения исполнительного листа. Указанные процедуры предполагают проверку на предмет надлежащего, основанного на законе формирования состава третейского суда, соблюдения процессуальных гарантий прав сторон и соответствия решения третейского суда основополагающим принципам российского права, т. е. на предмет соответствия данного частноправового по своей природе акта тем требованиям, которые предъявляются законом для целей принудительного исполнения. Такая проверка осуществляется только государственным судом.

В-пятых, решение третейским судом спора об обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество приравнивается к судебному порядку обращения взыскания на заложенное имущество и не может рассматриваться как нарушающее гарантии права собственности, установленные Конституцией Российской Федерации.

Таким образом, Постановление КС РФ № 10 признало законность рассмотрения споров о недвижимости третейскими судами (так как это споры частноправового характера, несмотря на необходимость государственной регистрации прав на недвижимое имущество) и тем самым поставило точку в продолжительном споре. Кроме того, данный документ подтвердил возможность решения третейским судом спора об обращении взыскания на заложенное недвижимое имущество, а также указал, что для государственной регистрации права на недвижимое имущество на основании решения третейского суда необходимо наличие судебного акта о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение этого решения.

Второй документ, в котором сформулирована правовая позиция по применению норм, регулирующих третейское разбирательство, – это постановление Конституционного Суда РФ от 18.11.2014 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 18 Федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации», п. 2 ч. 3 ст. 239 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и п. 3 ст. 10 федерального закона «О некоммерческих организациях» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Сбербанк России» (далее – Постановление КС РФ № 30).

В соответствии со ст. 18 федерального закона от 24.02.2002 № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» одним из принципов третейского разбирательства является принцип беспристрастности судей. Данный принцип как обоснование принятого решения широко использовал ВАС РФ при отказе в выдаче исполнительных листов на решения третейских судов, если стороной спора являлась организация-учредитель данного суда или аффилированное с ней лицо.

Правовая позиция ВАС РФ заключалась в том, что создание и финансирование третейского суда одним из контрагентов по гражданско-правовому договору (или аффилированным с ним лицом) с одновременной возможностью рассмотрения споров, вытекающих из этого договора, в таком третейском суде свидетельствуют о нарушении гарантии объективной беспристрастности суда и, как следствие, справедливости рассмотрения спора в виде нарушения равноправия и автономии воли спорящих сторон. Принцип беспристрастности третейского суда состоит из двух составляющих: объективной беспристрастности суда и субъективной беспристрастности судей, рассматривающих конкретный спор [4, 5, 6].

Последовательное, формальное применение принципа беспристрастности третейских судей в вышеобозначенном понимании привел к принятию Верховным Судом РФ незаконного определения от 14 августа 2014 г. по делу № 304-ЭС14-495. Суть спора, по которому вынесен данный судебный акт, заключалась в том, что Третейский суд при ОАО «Газпром» вынес решение о взыскании с ООО «Газпром инвест Восток» (дочернее общество ОАО «Газпром») в пользу ООО «Геотрест» денежной суммы, неуплаченной по договору. Ответчик добровольно решение не исполнил. Истец обратился за выдачей исполнительного листа. Все инстанции отказали.

В упомянутом определении Верховного Суда РФ (далее – ВС РФ) указано, что суды пришли к обоснованному выводу о том, что «при рассмотрении спора Третейским судом при открытом акционерном обществе «Газпром» был нарушен принцип объективной беспристрастности. Третейский суд при ОАО «Газпром» не имел права рассматривать спор по существу между обществами, аффилированным лицом одного из которых ОАО «Газпром» является» [3].

Таким образом, мы получили в реальности, что организация, чьи права нарушены контрагентом, не может получить исполнительный документ, потому что ответчик аффилирован с учредителем третейского суда. И в чем же здесь выражается защита прав сторон, участвующих в процессе? Ответчик может, не возражая против рассмотрения дела третейским судом, не заявляя отводов судьям, получив неудобное для него решение, оспорить его. Это гарантия чего? Какие права защищаются данной позицией?

Как свидетельствует анализ арбитражной практики по делам об отказе в выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов, ответчиками по таким делам, как правило, являются лица, не желающие исполнять свои обязательства и не имеющие никаких серьезных аргументов в свою пользу по существу спора [1].

Учитывая вышеизложенное, очень важным и значимым является принятие в ноябре 2014 г. постановления КС РФ № 30, поводом для которого послужила жалоба, основанная на следующих обстоятельствах.

Третейский суд при автономной некоммерческой организации «Центр Третейского Разбирательства» удовлетворил иск ОАО «Сбербанк России» к ООО «СОФИД» (должнику) и гражданину А. С. Шитю (поручителю) о взыскании с них солидарно задолженности по кредитному договору и обратил взыскание на имущество должника и поручителя.

В связи с неисполнением ответчиками решения третейского суда в добровольном порядке ОАО «Сбербанк России» обратилось в арбитражный суд. Спор в итоге дошел до Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ, который постановлением от 16 июля 2013 г. отказал в удовлетворении заявления ОАО «Сбербанк России» о выдаче исполнительного листа на том основании, что рассмотрение спора третейским судом, созданным при организации, учредителем которой является одна из сторон этого спора, свидетельствует о нарушении гарантий объективной беспристрастности третейского суда, факт соблюдения которых арбитражными судами нижестоящих инстанций проверен не был.

ОАО «Сбербанк России» обратилось в КС РФ с жалобой о конституционности ряда норм в связи с тем, что они по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, позволяют рассматривать решение третейского суда как нарушающее основополагающие принципы российского права, если оно принято по спору, одной из сторон которого является учредитель автономной некоммерческой организации, при которой создан данный третейский суд, и отказывать на этом основании в выдаче исполнительного листа на его принудительное исполнение.

Позиция КС РФ аргументирована следующим.

1. Образовывать постоянно действующие третейские суды могут организации – юридические лица, созданные в соответствии с законодательством Российской Федерации, или их объединения (ассоциации, союзы). Закон запрещает образование постоянно действующих третейских судов при федеральных органах государственной власти, органах государственной власти субъектов Российской Федерации и органах местного самоуправления, а также избрание (назначение) третейским судьей физического лица, которое в соответствии с его должностным статусом, определенным федеральным законом, не может быть избрано (назначено) третейским судьей. Иных ограничений законодательство не предусматривает.

2. Независимость третейского судьи, избранного (назначенного) в состав постоянно действующего третейского суда, от организации-учредителя данного третейского суда обеспечивается:

- запретом на вмешательство в его деятельность по рассмотрению спора и в принятие решения по делу органов, должностных лиц и сотрудников этой организации, которая уполномочена лишь на утверждение процедурных правил соответствующей деятельности и списка третейских судей, порядком выплаты им гонораров и компенсации иных расходов, связанных с участием в третейском разбирательстве;

- фактом, что размер вознаграждения (гонорар) зависит от заранее определенного размера уплачиваемого авансом третейского сбора, часть которого подлежит распределению между третейскими судьями вне зависимости от результатов рассмотрения дела (сама же организация-учредитель лишь получает соответствующие денежные средства, осуществляет их хранение и выплату).

3. Независимость третейского судьи от сторон рассматриваемого спора подразумевает, как правило, отсутствие трудовых (работник – работодатель, начальник – подчиненный), гражданско-правовых (должник – кредитор) и иных правоотношений (административных, финансовых, семейных и т. д.).

4. Беспристрастность судей обеспечивается законодательным закреплением ряда специальных требований, которые предъявляются к третейским судьям: согласно п. 1 ст. 8 федерального закона «О третейских судах в Российской Федерации» третейским судьей может быть избрано (назначено) лицо, прямо или косвенно не заинтересованное в исходе дела и являющееся независимым от сторон.

5. Для отмены (отказа в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение) решения третейского суда необходимо установление нарушения принципа беспристрастности при рассмотрении конкретного спора именно составом третейского суда.

Таким образом, КС РФ пришел к выводу, что передача на рассмотрение постоянно действующего третейского суда, образованного при автономной некоммерческой организа-

ции, гражданско-правового спора, одной из сторон которого является учредитель данной автономной некоммерческой организации, не противоречит законодательству.

Следует отметить, что, ссылаясь на данное постановление КС РФ, заместитель Председателя ВС РФ в декабре 2014 г. по спору между ООО «Газпром инвест Восток» и ООО «Геотрест» вынес определение о передаче дела на рассмотрение в Судебную коллегия по экономическим спорам ВС РФ [3]. Заседание в ВС РФ состоялось 24 февраля 2015 г. Итог – акты нижестоящих инстанций отменены, а арбитражный суд Томской области обязан выдать ООО «Геотрест» исполнительный лист на принудительное исполнение решения Третейского суда при ОАО «Газпром».

Отрадно, что в данном случае не возникла проблема применения правовой позиции КС РФ. Таким образом, в конкретном деле справедливость восторжествовала.

В настоящее время существует проблема «карманных» третейских судов. Однако ее следует решать путем установления четких, понятных законодательных ограничений и осуществления контроля за деятельностью третейских судов. Недопустимо под предлогом борьбы с «карманными» судами вообще не доверять третейским судам. Если имеется стойкое сомнение в законности принимаемых решений третейскими судами, если практически устанавливается презумпция незаконности решений третейских судов, то их следует упразднить как институт разрешения споров.

Таким образом, Конституционный Суд РФ подчеркивает, что третейские суды являются институтами гражданского общества, наделенными публичными функциями, обращение в третейский суд – общепризнанным способом разрешения гражданско-правовых споров, при этом публичные интересы обеспечиваются законодательными предписаниями, устанавливающими процедуры третейского разбирательства.

Литература

1. Курбатов А. Я. Аффилированность как средство борьбы с третейскими судами // Предпринимательское право. 2013. № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о признании и приведении в исполнение решений иностранных судов, об оспаривании решений третейских судов и о выдаче исполнительных листов на принудительное исполнение решений третейских судов : информац. письмо Президиума Высш. Арбитраж. Суда РФ от 22.12.2005 № 96 // Вестн. ВАС. 2006. № 3.
3. Определение Верховного Суда РФ от 30.12.2014 № 304-ЭС14-495 по делу № А67-1587/2014. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Президиума Высш. Арбитраж. Суда Рос. Федерации от 24.05.2011 № 17020/10. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Президиума Высш. Арбитраж. Суда Рос. Федерации от 22.05.2012 № 16541/11. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Постановление Президиума Высш. Арбитраж. Суда Рос. Федерации от 16.07.2013 № 1567/13. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

УДК 343.197.1(091)«1931/1933»:656.6

*Шкаревский Д. Н.
Shkarevsky D. N.*

**ОБ ОРГАНИЗАЦИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ СУДОВ НА ВОДНОМ ТРАНСПОРТЕ
В 1931–1933 гг.**

**TOWARDS SPECIAL COURTS CREATION IN WATER TRANSPORT
IN 1931–1933 ss**

В статье автор рассматривает процесс становления специальных органов юстиции на водном транспорте в начале 1930-х гг. Автор приходит к выводу о том, что создание органов специальной юстиции на примере железнодорожного транспорта доказало свою эффективность по сравнению с деятельностью нарсудов на водном транспорте. По мнению автора, в 1931–1933 гг. на водном транспорте была предпринята попытка проведения «чистки», которая из-за низкой результативности деятельности органов юстиции провалилась.

Ключевые слова: советская юстиция, специальная юстиция, специальные суды.

В первой половине 1930-х гг. ни железнодорожный, ни водный транспорт не справлялись с поставленными перед ними задачами. Ситуацию на транспорте (железнодорожном и водном) характеризовали как «узкое место всего нашего народного хозяйства» [1]. К примеру, «волжским транспортом общий годовой план всех перевозок на 1 августа 1931 г. выполнен только на 29,8 %» [6].

Исправить положение предполагалось, в основном, репрессивными методами. Для этого на железнодорожном транспорте были созданы органы специальной юстиции в конце 1930 – начале 1931 г. [3] Однако на водном транспорте специальные суды и прокуратура появляются только в 1934 г. [4]. С чем связано подобное отставание в развитии специальных органов юстиции на водном транспорте в отличие от железнодорожного? По-нашему мнению, это связано со стремлением руководства страны сравнить результативность деятельности обычных органов юстиции на водном транспорте и специальных органов юстиции на железнодорожном транспорте.

Дело в том, что ситуации на водном транспорте уделялось не меньше внимания, чем на железнодорожном. Уже в апреле 1931 г. был издан циркуляр НКЮ № 30, который требовал от органов прокуратуры следующее:

«1. Вопрос о борьбе с преступностью на речном транспорте поставить на ближайшем камерном совещании с вызовом представителей транспорта, соответствующих хозяйственных органов, печати рабочих организаций, наметив на этом совещании план своей работы.

2. Во всех краевых (областных) прокуратурах наблюдение за делами, связанными с преступностью на речном транспорте, возложить на одного из прокуроров отдела труда и производства.

3. Тесно связаться с правлениями речных пароходств в практической работе, обеспечив немедленную бесперебойную информацию по вопросам аварийности, качества ремонта судов, состоянию труддисциплины и неполной загрузки грузовых судов...

4. В отношении учреждений и лиц, дающих нереальные заявки на отправку грузов ... возбуждать уголовное преследование по ст. 111, 112 ч. 2 УК.

5. Во всех случаях значительных аварий расследование производить силами прокуратор, высылая на места аварий специального следователя.

6. По всем пароходствам в первый месяц навигации провести ряд показательных процессов...

7. Расследование по этим делам производить не больше, чем в декадный срок ...» [1].

Однако это не привело к решению проблем: «рассмотрение уголовных дел, возникших в связи с авариями на водном транспорте по месту совершения преступного деяния, вызывает большие затруднения. Обвиняемые и свидетели, принадлежащие к плавающему составу, часто не являются в суд или из-за невручения им повесток или из-за невозможности оставить судно во время ударной навигационной работы; дела рассматриваются вдали от мест нахождения крупных портов Советского торгового флота и районных управлений речного транспорта по месту совершения преступления. Нередко эти дела попадают на рассмотрение народных судей и народных заседателей, незнакомых со специфическими условиями работы водного транспорта. Из-за этого происходят ошибки, вызывающие необходимость подачи жалобы и протестов, главное, что эти ошибки создают неудобства в работе водного транспорта и отвлекают от напряженной работы большое количество водников» [2].

В результате в июле 1931 г. НКЮ был издан циркуляр № 79, согласно которому в морских и речных пунктах создавались «особые судебные камеры по делам об авариях на водном транспорте» при краевых (областных) судах Дальневосточного, Нижегородского, Средне-Волжского, Нижне-Волжского, Западно-Сибирского, Восточно-Сибирского, Северо-Кавказского и Северного краев, Иваново-Промышленной, Московской, Ленинградской областей.

Краевым и областным судам было приказано «обеспечить эти камеры специальным составом народных заседателей из числа членов профсоюза водников, выделив их из общих списков народных заседателей, избранных на 1931 г.; в особых камерах ... сосредоточить рассмотрение всех дел по авариям, возникшим в пределах морского бассейна или речного района, обслуживаемого данной камерой; ... передать в эти камеры дела об авариях, находящихся в производстве прочих народных судов; дела, связанные с авариями на водном транспорте, должны рассматриваться особыми камерами вне всякой очереди...; краевым, областным прокурорам ... возложить на специально выделенных помощников прокуроров наблюдение за деятельностью особых камер нарсудов по делам водного транспорта...». При этом особо оговаривалось, что «организация особых камер по делам водного транспорта проводится без увеличения существующей сети народных судов и их штатов» [2].

Особые судебные камеры по делам об авариях на водном транспорте были созданы в пунктах, указанных в табл. 1.

Таблица 1

Список особых камер народного суда по делам водного транспорта

№	Местонахождение камер	Обслуживаемый район
А) Камеры по делам морского транспорта		
1	Владивосток	район Дальневосточного управления Совторгфлота
Б) Камеры по делам речного транспорта		
а) Волжский и Северо-Западный бассейны		
2	Рыбинск	р. Волга от истока до Пучежа включительно с притоками
3	Нижний Новгород	р. Волга от Пучежа до Ильинки включительно с притоками
4	Самара	от Ильинки до Хвалынска (исключая Ильинку и Хвалынск)
5	Саратов	от Хвалынска до Владимировки включительно
б) Московско-Окский бассейн		
6	Москва	р. Ока с притоками
в) Камский бассейн		
7	Пермь	р. Кама с притоками кроме Белой и Вятки
8	Уфа	р. Белая
9	Вятка	р. Вятка
г) Западно-Сибирский бассейн		
10	Ново-Сибирск	р. Обь от истока до устья р. Иртыша
11	Тобольск	р. Обь от устья р. Иртыша до своего устья и р. Иртыш от Тобольска включительно до устья

Окончание табл. 1

№	Местонахождение камер	Обслуживаемый район
12	Омск	р. Иртыш от границы до Тобольска (исключая Тобольск) с притоками
д) Енисейский бассейн		
13	Красноярск	р. Енисей
е) Амурский бассейн		
14	Хабаровск	р. Амур
В) Специальные камеры по делам как морского, так и речного транспорта		
15	Ленинград	а) район Балтийского управления Совторгфлота (кроме Мурманского порта) б) р. Нева и др.
16	Ростов-на-Дону	а) район Азовского управления Совторгфлота б) р. Дон, Кубань от истока до устья
17	Архангельск	а) р-он Северного управления Совторгфлота и Мурманский порт б) р. Северная Двина, Онега, Печора и др.
18	Астрахань	а) р-он Каспийского управления Совторгфлота б) р. Волга от Владимировки (исключая Владимировку) до устья

Эти органы должны были бороться с «отсутствием плановости, слабым осуществлением единоначалия, отсутствием хозрасчета, обезличкой, текучестью рабочей силы и слабой трудовой дисциплиной среди работников ... простоями, недоброкачеством ремонта» [6].

Однако деятельность и результативность специальных камер на водном транспорте оставляла желать лучшего: «слишком медленно ведется расследование, большая половина дел находится в расследовании свыше одного месяца, а некоторые тянутся до двух – трех месяцев и больше, качество следственного производства низко, в ряде случаев следователи не умеют отличить конкретных виновников преступлений от посторонних лиц и привлекают к ответственности огульно тех и других, нередко конкретные преступники совершенно не обнаруживаются, а к уголовной ответственности привлекаются совершенно невиновные... Следователи, а иногда и прокуратура, недостаточно умеют ориентироваться в специфической обстановке работы речного транспорта» [6].

Деятельность народных судов по делам водного транспорта характеризовалась так: «медленность рассмотрения дел, недостаточное умение сосредоточить основной удар судебной репрессии против конкретных преступников, ... почти полное отсутствие руководства производственно-товарищескими судами на речном транспорте ... Некоторые народные суды все еще не поняли тех задач, которые на них возложены циркуляром НКЮ по борьбе с авариями на речном транспорте» [6].

Специальные камеры народных судов по рассмотрению дел об авариях, созданные в результате издания циркуляра № 79 характеризовались как «недостаточно развернувшие свою работу» [6]. К тому же их создание явно затянулось. Так, в июле 1932 г. на Волге «специальных камер суда по делам водного транспорта не организовано за исключением Нижнего Новгорода... Отсутствие специальных судебных камер и выделения членов крайсуда для рассмотрения важных дел краевой подсудности приводит к отрицательным показателям судебной работы: медленность, келейный разбор дел, отсутствие изучения особенностей работы водного транспорта, отсутствие руководства работой производ.-товсудами и т. д.» [7].

Основными причинами неудовлетворительной работы органов юстиции по борьбе с преступлениями на речном транспорте были признаны:

а) обезличка в работе органов расследования: одно и то же дело расследуется милицией, ТООГПУ, следователем, а в ряде случаев переходит от одного следователя к другому;

б) отсутствие концентрированного руководства борьбой с преступностью в бассейне реки, распыленность надзора прокуратуры по некоторым делам: надзор распылялся по нескольким краям и областям, что на практике также приводило к обезличке прокурорского надзора;

в) слабая связь с общественностью, отсутствие групп содействия на судах и неиспользование в должной мере производственно-товарищеских судов;

г) незнание большинством работников юстиции основных правил техники работ речного транспорта.

Поэтому НКЮ признал необходимым организовать в больших речных бассейнах межкраевые (головные) прокуратуры, которым подчиняется надзор за преступлениями на речном транспорте на протяжении всего бассейна реки и в распоряжении которых краевые, областные прокуратуры выделяют соответствующих прокуроров.

В дополнение к этому указывалось на необходимость «привлечь ... широкие массы рабочей общественности, организовать группы содействия» и «основной удар судебной репрессии сосредоточить против классовых врагов, злостных дезорганизаторов речного транспорта, других преступных элементов» [6].

Однако результативность работы органов юстиции на водном транспорте продолжала оставаться достаточно низкой, поэтому уже в октябре 1931 г. был поставлен вопрос «об уточнении прав и обязанностей судебных камер речного транспорта, или организации специальных судов в по типу линейных судов на железнодорожном транспорте» [5].

Итак, представляется возможным сделать следующие выводы.

Во-первых, создание органов специальной юстиции на примере железнодорожного транспорта доказало свою эффективность, по сравнению с деятельностью нарсудов на водном транспорте. К примеру, за 1932–1937 гг. производительность труда на одного работника на железнодорожном транспорте выросла с 240 до 357 (в тыс. ткм) [8]. На водном транспорте же ситуация серьезно не изменилась, возможно, поэтому и было принято решение о создании органов специальной юстиции на водном транспорте в 1934 г.

Во-вторых, в 1931–1933 гг. на водном транспорте была предпринята попытка проведения «чистки» – репрессивной кампании «против классовых врагов, злостных дезорганизаторов речного транспорта, других преступных элементов». Однако из-за низкой результативности деятельности органов юстиции на водном транспорте и сплоченности работников водного транспорта она провалилась.

Литература

1. О включении органов юстиции в борьбу за оздоровление речного транспорта (циркуляр НКЮ № 30) // Сов. юстиция. 1931. № 10. С. 31.
2. Об организации особых камер народного суда и выделении специальных прокуроров по делам водного транспорта // Сов. юстиция. 1931. № 21. С. 36.
3. О железнодорожных линейных судах : постановление ЦИК и СНК СССР от 27.11.1930 г. // СЗ. 1930. № 57. Ст. 601.
4. Об организации водных транспортных судов и водной транспортной прокуратуры : постановление ЦИК и СНК СССР // СЗ. 1934. № 33. Ст. 251.
5. Раусов Ф. Речной транспорт и задачи органов юстиции // Сов. юстиция. 1931. № 28. С. 14.
6. Седов С. Речной транспорт и задачи органов юстиции // Сов. юстиция. 1931. № 26. С. 12.
7. Улучшить работу органов юстиции по обслуживанию водного транспорта // Сов. юстиция. 1932. № 22. С. 17–20.
8. Шкаревский Д. Н. О некоторых причинах создания органов транспортной юстиции в СССР в 30-е гг. XX в. // История государства и права. 2013. № 23. С. 18.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

УДК 332.145.012.324(571.122)

*Бирук И. А., Гаджиева К. Ф., Пьянов К. В.
Biruk I. A., Gadzhieva K. F., Pyanov K. V.*

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОРПОРАЦИЙ В ХМАО – ЮГРЕ

DEVELOPMENT PERSPECTIVES OF CORPORATES SOCIAL RESPONSIBILITY IN KHANTY-MANSI AUTONOMOUS OKRUG – UGRA

В основу статьи положены научные исследования авторов о социальной деятельности предприятий крупного и среднего бизнеса, а также данные отчетов правительства ХМАО – Югры и отчеты губернатора ХМАО – Югры.

Ключевые слова: бизнес, социальная ответственность корпораций, Арктика, Торгово-промышленная палата, Ассоциации ТПП, Корпорация общин коренных малочисленных народов Севера.

Стратегическое значение Севера и арктической зоны России, включая ХМАО – Югру, ставит вопрос о необходимости лучшей организации всех видов социально-экономической деятельности на этом пространстве, включая развитие человеческого потенциала, эффективное освоение природных ресурсов, достижение максимума экологической безопасности и т. п. При этом сегодня особенно остро обозначилась необходимость в выстраивании стратегического партнерства между государственными институтами регулирования экономики и предпринимательским сообществом, а в условиях бюджетных ограничений, модернизации хозяйственной и социальной инфраструктуры очевидность более широкого использования механизма государственно-частного партнерства не вызывает сомнений.

Природные условия северных регионов страны столь сложны, а запасы полезных ископаемых и биоресурсов столь масштабны, что непременно требуется широкая международная кооперация, но с мобилизацией российского научно-технического потенциала и с установлением порядка, защищающего законные интересы нашей страны.

Несмотря на определенные достижения в области экономической и социальной политики, существуют и серьезные недостатки в управлении освоением ресурсов и развитием социально-экономических систем российского Севера и Арктики. Это низкий уровень здоровья местного населения; низкий уровень качества жизни; существенное снижение экономической привлекательности работы на Севере; недостаток молодых специалистов, в том числе инновационного профиля; несоответствие социальной инфраструктуры Севера современным требованиям; наличие комплекса специфически северных проблем, касающихся особо уязвимых социальных групп – пенсионеров и коренных народов Севера.

Решению обозначенных проблем должно способствовать повышение социальной ответственности корпораций в процессе реализации следующих основных рекомендаций:

1. Развитие принципов КСО на межрегиональном и международном уровне с участием: 1) Ассоциации ТПП северных (приполярных) территорий и зоны Арктики и 2) Международной сети северных и циркумполярных ТПП и бизнес-ассоциаций.

2. Создание Международной торгово-промышленной палаты северных (приполярных) территорий и зоны Арктики.

3. Совершенствование деятельности государственных и муниципальных органов власти РФ по развитию и поддержке социальной ответственности бизнеса.

Торгово-промышленные палаты играют важную роль в двустороннем сотрудничестве стран Севера и Зоны Арктики. Так, Норвежско-Российская торговая палата (НРТП) была учреждена 20 октября 2003 г. по инициативе деловых кругов Норвегии с целью развития двусторонних торгово-экономических отношений. В числе ее учредителей – норвежские компании Telenor, Statoil, Orkla Foods, Aker Kvaerner Contracting, Export Finance, A-Pressen, Корпорация промышленного развития Норвегии, Государственный фонд промышленного и регионального развития, Норвежский банк, ряд российских компаний. В качестве основных направлений деятельности палаты заявлены: представительство и защита интересов норвежских и российских компаний; оказание посреднических и консультационных услуг, в том числе проведение исследований рынков; распространение информации об экономической ситуации в Норвегии и России; анализ торговых и инвестиционных возможностей; организация деловых встреч, семинаров, симпозиумов (нечленам палаты данные услуги оказываются на коммерческой основе).

Начиная с 2006 г. палата организует мероприятия в различных регионах Норвегии с целью повышения общей информированности норвежских деловых кругов о России как о перспективном рынке. Также с 2006 г. проводятся регулярные членские собрания в России. НРТП рассматривает в качестве перспективных отраслей двустороннего экономического взаимодействия нефтегазовую промышленность, рыболовство и рыбозапасоведение, лесопользование, судостроение, информационные и телекоммуникационные технологии.

В марте 2009 г. в Торонто (Канада) была создана международная сеть северных и циркумполярных торгово-промышленных палат и бизнес-ассоциаций, куда вошли ТПП Лапландии (Финляндия), Бизнес агентство г. Акурейри (Исландия), ТПП Эдмонта (Канада), ТПП Северо-Западных территорий (Канада), ТПП территории Юкон (Канада), ТПП Еллоунаф (Канада); Всемирный торговый центр Аляски (США), а также ТПП Санкт-Петербурга, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов.

Главными приоритетами международного сотрудничества в рамках сети являются: 1) окружающая среда; 2) экономическое сотрудничество; 3) научно-техническое сотрудничество; 4) региональная инфраструктура; 5) коренное население; 6) различные аспекты гуманитарной сферы; 7) приграничное сотрудничество.

Учитывая, что Север и зона Арктики все больше вовлекается в международный экономический оборот, Торгово-промышленная палата РФ в целях реализации государственной политики в данном регионе приняла решение о расширении своей деятельности в данном направлении, а 22 декабря 2010 г. руководителями ТПП северных территорий РФ на заседании в Москве была создана ассоциация ТПП северных (приполярных) территорий и зоны Арктики, объединившая в своих рядах торгово-промышленные палаты Якутии, Архангельской, Мурманской, Магаданской, Тюменской областей, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов, г. Санкт-Петербурга и города-порта Находки. Сегодня к деятельности ассоциации проявляют заметный интерес палаты Карелии, Коми, Красноярского и Камчатского краев.

Главными функциями ассоциации стали: реализация государственной политики России на Севере и в Арктике; развитие предпринимательства в северных регионах; развитие международных связей и внешнеэкономического сотрудничества.

В дальнейшем работа по укреплению международных социально-экономических связей может привести к формированию международной торгово-промышленной палаты (МТП) северных (приполярных) территорий и зоны Арктики для более эффективной помощи бизнесу путем продвижения торговли и инвестиций, открытия рынков для товаров и услуг и свободного движения капиталов в масштабе северных (приполярных) территорий и зоны Арктики.

К основным направлениям деятельности МТП следует отнести: 1) международный арбитраж; 2) разработку рекомендаций в областях: международной торговли, финансовых

услуг, электронного бизнеса; информационных технологий; энергетики и окружающей среды; интеллектуальной собственности; маркетинга и рекламы; налогообложения; инвестиционной политики; кадровой политики; транспорта; 3) борьбу с мошенничеством и другими преступлениями в сфере бизнеса; 4) координацию межпалатского сотрудничества на северных (приполярных) территориях и в зоне Арктики.

Перечисленные объединения, включая МТП, призваны не только содействовать инициативам по регулированию торгово-экономических потоков между северными территориями. На наш взгляд, они должны быть востребованы и для трансфера предпринимательского знания. Кроме того, члены этих объединений могут выносить на обсуждение на международном уровне вопросы развития транспортной инфраструктуры и содействовать обеспечению транспортной доступности бизнеса, инициировать разработку механизмов сотрудничества частного бизнеса с международными институтами развития в проектах по поставкам техники, машин и оборудования, способных функционировать в условиях экстремально низких температур, проводить экспертизу контрактов и результатов их исполнения при закупке товаров, производстве работ и оказании услуг с международным участием по обеспечению благоприятной окружающей среды в Арктическом регионе.

Более того, в современных условиях устойчивое развитие арктических территорий непосредственно зависит от накопления человеческого капитала и формирования основ экономики знания. На решение этих задач должна напрямую работать междисциплинарная координация и интеграция разного рода знаний в арктических университетах, технопарках, бизнес-инкубаторах и других структурах, развитию которых должны активно содействовать Ассоциация ТПП северных (приполярных) территорий и зоны Арктики, международная сеть северных и циркумполярных ТПП и бизнес-ассоциаций, а также будущая МТП.

Одновременно необходимо существенно расширять тематику научных исследований и спектр мероприятий, реализуемых с учетом полученных результатов. В период холодной войны проблематика здесь была редуцирована до исследований проблем коренных малочисленных народов Севера, вопросов размещения основных промышленных и военных центров на циркумполярном Севере, отдельных вопросов арктической навигации. Сегодня и в перспективе особое внимание необходимо уделять: вопросам безопасности в широком смысле (энергетическая, экологическая, продовольственная и т. д.); управлению на уровне муниципальных образований, регионов, стран Севера и Зоны Арктики; управлению природопользованием в регионе; социально-экономическим последствиям изменения климата и т. д.

Так, например, экологическая безопасность может быть обеспечена за счет реализации комплексного экосистемного подхода по следующим направлениям: совместные экологические проекты для развития арктической флоры и фауны (например, обмен данными по биологическому разнообразию); обеспечение экологической безопасности при промышленном освоении Севера и Арктики; координация действий по предотвращению нефтеразливов, мониторингу состояния атмосферного воздуха арктических городов и населенных пунктов, водных объектов; адаптация передовых технологий по восстановлению земель, в том числе естественных кормовых угодий оленей.

С точки зрения международного сотрудничества наиболее мощным потенциалом обладают крупные транснациональные компании, поставляющие ресурсы Арктики на мировые рынки. Вместе с тем именно с этими компаниями связана опасность нанесения максимально возможного ущерба природной среде, обусловленная масштабностью производства. Здесь важнейший фактор контроля – открытость и доступность информации о деятельности таких компаний (например, в средствах массовой информации).

Одновременно укреплению международного экологического сотрудничества могут помочь, с одной стороны, обмен лучшими практиками на локальном и региональном уровнях (при значительной роли региональных общественных организаций), с другой – международные проекты по содействию выходу региональных компаний на глобальный рынок.

Актуальными представляются меры по получению компаниями международных экологических сертификатов (например, оказание им организационной и консультативной под-

держки со стороны Ассоциации ТПП северных (приполярных) территорий и зоны Арктики, а также международной сети северных и циркумполярных ТПП и бизнес-ассоциаций).

Большое значение имеет позитивная информационная политика Ассоциации, Сети и МТП: распространение информации о лучших практиках экологически безопасного хозяйствования в соответствующих отраслях; содействие региональным и местным властям в их усилиях по внедрению экологически безопасных технологий и т. п.

Ключевыми партнерами властей и ТПП на этих уровнях должны стать общественные организации экологической направленности (например, WWF и др.).

Для конкретных видов хозяйственной деятельности – в зависимости от характера хозяйствующих субъектов – необходима комбинация принимаемых мер (табл. 1).

Таблица 1

Эффективные меры по обеспечению международного экологического сотрудничества в области хозяйственной деятельности в северных (приполярных) регионах и зоне Арктики в РФ

Виды хозяйственной деятельности	Преобладающие собственники	Наиболее эффективные меры международного сотрудничества
А. Добыча полезных ископаемых	Транснациональные и иные крупные компании, действующие на глобальном рынке	Активизация влияния мирового рынка (режим благоприятствования для международных экологических организаций); программы сертификации; программы по превентивному удалению отходов, превентивному обеспечению экологически безопасной консервации
	Региональные компании	Обмен практиками по активизации местного сообщества, укрепление корпоративной социальной ответственности; программы сертификации; программы по превентивному удалению отходов, превентивному обеспечению экологически безопасной консервации
Б. Использование возобновляемых природных ресурсов	Природопользование, направленное на жизнеобеспечение традиционных сообществ	В районах с сохраненными традиционными институтами – развитие международного опыта по укреплению традиционных институтов; в районах с разрушенными традиционными институтами – адаптация зарубежных технологий восстановления естественных ландшафтов
	Природопользование, направленное на получение товарной продукции: крупные компании	Активизация влияния мирового рынка (режим благоприятствования для международных экологических организаций); программы сертификации; программы по превентивному удалению отходов, превентивному обеспечению экологически безопасной консервации
	Природопользование, направленное на получение товарной продукции: крупные компании	Меры по усилению корпоративной социальной ответственности, принимаемые со стороны региональной власти и местного сообщества; программы сертификации; программы по превентивному удалению отходов, превентивному обеспечению экологически безопасной консервации
В. Государственная деятельность по сопровождению стратегических объектов.	Государство.	Программы по превентивному удалению отходов, превентивному обеспечению экологически безопасной консервации.

Один из важнейших источников обеспечения экологической безопасности северных регионов является сетевая самоорганизация местных жителей, связанных с использованием возобновляемых природных ресурсов, и на это должны быть ориентированы специальные меры.

В первую очередь требуется наладить сотрудничество с общественными природоохранительными организациями, имеющими большой опыт взаимодействия с местными сообществами, сетевыми сообществами рыбаков, охотников и туристов, с образовательными учреждениями. Наряду с этим, необходимо более активно привлекать местное население к организации эффективного бизнеса с учетом территориальных и исторических особенностей региона.

В качестве примера рассмотрим проект по созданию и развитию на территории ХМАО – Югры предприятия «Корпорация общин и малых форм хозяйствования коренных малочисленных народов Севера». Настоящий проект представлен в целях создания и развития промыслово-заготовительной деятельности и производства продукции оленеводства, сбора дикоросов, охотпромысла, рыбодобычи и обеспечения производственно-технологической базы по переработке и сбыту продукции традиционных промыслов коренных малочисленных народов Севера автономного округа.

Для населения реализация данного проекта означает возможность повышения благосостояния, для коммерческих структур – эффективное вложение капитала, для власти важна социальная ориентация проекта, выражающаяся в экономическом развитии территорий компактного проживания коренных малочисленных народов Севера, формирование трудозанятости и повышения уровня жизни, а также обеспечение продовольственной безопасности автономного округа.

На сегодняшний день отсутствует упорядоченный механизм поддержки предприятий коренных малочисленных народов Севера ХМАО по основным видам традиционной хозяйственной деятельности (олeneводство, рыбодобыча, сбор дикоросов, охотпромысел). Также остро стоит вопрос трудоустройства в перечисленных отраслях и отсутствие механизма реализации произведенной продукции. Общее количество предприятий округа, осуществляющих традиционную хозяйственную деятельность, за 2012–2014 гг. увеличилось с 90 до 96, то есть всего на 6 единиц, что, по нашему мнению, совершенно недостаточно. Основные проблемы здесь связаны с хранением и реализацией продукции промыслов, нехваткой оборудования и транспортных средств, устаревшей материально-технической базой, отсутствием перерабатывающих производств в местах добычи и заготовки промысловых ресурсов. Труд коренных народов не востребован и, соответственно, не оплачивается должным образом. Хотя за 2012–2014 гг. численность работающих на предприятиях, осуществляющих традиционную хозяйственную деятельность, возросла, но процент увеличения совсем невелик (3,2 %). К тому же количество трудоустроенных граждан из числа коренных малочисленных народов Севера сократилось почти на 20 % (с 1 071 чел. в 2013 г. до 866 чел. в 2014 г.).

При этом традиционный сектор хозяйствования является основой сохранения самобытности коренных малочисленных народов Севера. Следовательно, его развитие должно быть организовано таким образом, чтобы, с одной стороны, обеспечивать сохранение менталитета коренных малочисленных народов Севера, а с другой – обеспечить их органичное вхождение в современную цивилизацию на основе свободного и равноправного доступа к ее достижениям.

В результате на сегодняшний момент возникла острая необходимость создания рабочей программы организации и развития Уполномоченного предприятия, которое бы сумело объединить в одно целое сферу потребления природного сырья (сбор и организованный прием дикоросов, продукции охотпромысла и рыбодобычи, оленеводства); сферу переработки природного сырья (единый законченный цикл производства продукции по всем направлениям переработки); сферу реализации произведенной продукции (реализацию как на внутреннем, так и на внешнем рынке).

Уполномоченное предприятие должно, с одной стороны, объединить ведущие традиционные отрасли хозяйствования, с другой стороны, повысить социально-экономический

уровень коренных малочисленных народов Севера и жителей сельской местности. Данная структура должна учитывать реальные возможности материально-сырьевой базы округа, уровень экономического и социального развития ХМАО, заинтересованность со стороны правительства округа в становлении и развитии АПК и традиционных видов хозяйствования, самобытность и интересы коренных малочисленных народов Севера и сельского населения, а также имеющийся спрос на продукцию оленеводства, охотпромысла, рыболовства, и дикоросов.

Предприятие «Корпорация общин и малых форм хозяйствования коренных малочисленных народов Севера» планирует организовать сбор и переработку природного сырья на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Предполагаемые участники проекта: Правительство Ханты-Мансийского автономного округа – Югры; общины коренных малочисленных народов Севера ХМАО; малые формы хозяйствования ХМАО (КФХ, СПК, ИП); инвесторы (коммерческие предприятия оптовой розничной торговли, предприятия ТЭК).

Корпорация планирует осуществлять следующие виды деятельности:

- организация разветвленной сети приемных пунктов по сбору, приему, хранению, переработке и реализации продукции местного производства, приближенных к местам добычи и промысла;

- организация рабочих мест в традиционных отраслях хозяйствования коренных малочисленных народов Севера рыболовство, рыбоводство, охотпромысел и заготовка дикой пушнины, мяса диких копытных животных, боровой дичи, сбор и переработка дикорастущих, переработка шкур оленя, лося и т. д.;

- организация торгово-сервисного комплекса, позволяющего производить реализацию готовой продукции через сеть фирменных магазинов в регионе и за его пределами, в том числе на международном рынке;

- развитие общественного и частного оленеводства и клеточного звероводства;

- оказание целевой, адресной материально-технической, финансовой, бухгалтерской, юридической помощи коренным малочисленным народам Севера их общинам и предпринимателям;

- природоохранная деятельность с целью сохранения и воссоздания природных ресурсов и объектов животного мира;

- гостиничные услуги, в том числе организация придорожного сервиса;

- транспортные услуги;

- промышленное и гражданское строительство, в том числе обустройство родовых угодий, строительство жилья аборигенам и т. д.;

- заготовка, реализация, переработка вторичного сырья, отходов производства;

- сотрудничество с отечественными и зарубежными организациями по вопросам развития традиционных отраслей хозяйствования коренных малочисленных народов Севера.

Для реализации проекта планируются собственные перерабатывающие производства: производство сушеных, замороженных, соленых, маринованных грибов; производство сушеных и замороженных ягод; производство джемов, сиропов, соков и газированных напитков; производство продукции из рыбы, мяса животных, птицы; выделка шкур животных; производство кедрового молока, кедрового масла, кедровых орехов в меду, кедровых орехов в соли.

Имущество предприятия является долевой собственностью автономного округа, общин и малых форм хозяйствования.

Конкурентоспособность предприятия будет обеспечена низкими внутрипроизводственными издержками вследствие организации производства по замкнутому циклу (от самостоятельной добычи и переработки до реализации продукции через собственную торговую сеть) и преимущественную ориентацию других хозяйствующих субъектов в данной отрасли, вследствие отсутствия достаточной материально-технической базы, на заготовку сырья.

Кроме того, в настоящее время среди предприятий округа, действующих на рынке ХМАО – Югры в секторе традиционных отраслей хозяйствования, нет крупных конкурентов.

В целом действующие предприятия ориентированы на заготовку сырья древесной лесной продукции для его дальнейшего сбыта по оптовым ценам мелкими и средними партиями.

Возможные риски проекта и меры по их предупреждению и снижению объединены в табл. 2.

Таблица 2

Риски и угрозы проекта

Фактор риска	Возможные потери	Мера предупреждения и снижения риска
Торговый	Снижение объемов денежных поступлений	Отпуск продукции преимущественно по предоплате, включение в состав договоров статей, позволяющих предъявлять санкции к заказчику
Производственный	Потеря части прибыли	Организация многоступенчатого контроля качества, трудовой и технологической дисциплины; подбор партнеров с хорошей репутацией
Политический	Снижение объемов продаж	Взаимодействие с органами власти для получения поддержки и гарантий
Маркетинговый	Снижение объемов продаж, потеря прибыли	Создание программы маркетинговых мероприятий; наличие договоров на поставку продукции на время действия кредита
Финансовый	Потеря части прибыли	Осуществление расчетов с потребителями на основе текущего курса рубля к доллару

Таким образом, реализация предложенного проекта обеспечит:

- поддержание традиционных видов хозяйственной деятельности и увеличение объемов заготавливаемой продукции традиционных промыслов через создание условий для ее сбыта физическими лицами непосредственно корпорацией общин и МФХ КМНС;
- формирование единой системы заготовки, переработки и реализации продукции традиционных промыслов в товарном виде на базе производственных мощностей корпорации;
- развитие материально-технической базы национальных общин и предприятий, реализующих заготовленную продукцию традиционных промыслов через корпорацию;
- повышение жизненного уровня коренных малочисленных народов Севера за счет стимулирования к заготовке дикоросов, оленеводства, рыбодобычи, мяса диких животных, боровой дичи, продукции охотпромысла и создания дополнительных возможностей по их реализации;
- эффективное использование местных сырьевых и трудовых ресурсов;
- повышение конкурентоспособности и товарного выхода местного производства на основе развития традиционных, сопряженных и новых отраслей производства;
- повышение доходности региональных и местных бюджетов;
- наиболее полное удовлетворение потребностей населения в полноценных и качественных продуктах питания.

Обращаясь к освещению третьей рекомендации, сформулированной выше и касающейся совершенствования деятельности государственных и муниципальных органов власти РФ по развитию и поддержке социальной ответственности бизнеса, выделим сначала основные моменты, касающиеся господдержки международного социально-экономического сотрудничества:

1. Сотрудничество должно быть направлено на повышение устойчивости экономики полярных территорий России и иметь зримый, измеряемый экономический эффект (новые рабочие места, поток доходов жителям российского Севера).

Максимальные гарантии для этого дает использование в новых бизнес-проектах передового опыта, практик и компетенций, накопленных зарубежными партнерами. Драйверами таких перетоков знания могут выступить предприниматели, объединяемые ассоциацией ТПП

северных (приполярных) территорий и зоны Арктики. И это является важнейшим приоритетом для государственной поддержки, особенно в условиях санкций, которые обращены на крупные российские структуры и федеральные органы исполнительной и законодательной власти. С учетом последнего смещение акцента в сотрудничестве на региональный и муниципальный уровни, на уровень отдельных предпринимателей абсолютно оправдано и целесообразно. Государство должно стимулировать образование международных партнерств, способных обогатить российский Север новыми компетенциями, технологиями и знаниями (например, в энергосбережении, альтернативной энергетике, модернизации городской инфраструктуры, экотуризме и др.).

2. Следует поощрять участие зарубежных партнеров в создании на российском Севере объектов инновационной инфраструктуры: промышленных парков, бизнес-инкубаторов, центров трансфера технологий, филиалов университетских консорциумов и др. – с целью постепенного становления здесь интеллектуального промышленного сервиса для развития ресурсных отраслей.

3. Одновременно нужно стремиться минимизировать издержки международного сотрудничества, которые для России проявляются, прежде всего, в оттоке молодых талантов в соседние страны Баренц-региона. Эта «штучная» работа по созданию привлекательных условий для жизни и работы молодых квалифицированных кадров российского Заполярья имеет приоритетный характер для местной и региональной власти и нуждается в нормативно-правовом оформлении на федеральном и региональном уровнях.

4. Вопросы динамики и полнокровности международного экономического сотрудничества России на северных территориях напрямую связаны с его институциональным оформлением. Речь в данном случае идет о воссоздании на федеральном уровне структуры, ответственной за формирование целостной, скоординированной федеральной арктической политики. Необходимо также разработать правовой регламент, определиться со стратегической целью и задачами межгосударственного сотрудничества в Арктике как руководства к действию для всех его российских участников.

В то же время Российской Федерации, если она действительно стремится к статусу социального государства, следует значительно интенсифицировать работу по «цивилизации» отечественного бизнеса:

1. Во-первых, следует расширить политико-правовые и прочие условия формирования каждой компанией социальных программ (программ социальной ответственности).

2. Во-вторых, нужно повысить требования к их качеству.

Особенно большая работа предстоит государству с теневым бизнесом. Практика борьбы с этим бизнесом знает два пути его «цивилизации»:

- один путь – создание условий его выхода из тени в сферу легальной деятельности;

- второй путь – ужесточение законодательства, усиление контрольных механизмов в отношении теневого бизнеса в целях пресечения его деятельности (в особенности, «черного»).

Государство, с одной стороны, регламентирует деятельность бизнеса посредством юридических законов и норм и контролирует их исполнение. С другой стороны, разрабатывая стратегию развития общества, определяя цели задачи общества на перспективу, оно тем самым формирует (подсказывает) площадки для возможной деятельности бизнеса, в том числе площадки для государственно-частного партнерства. И тут уже многое зависит от того, насколько корпорации восприимчивы к этим подсказкам.

В отношении политики стандартизации социальной ответственности государственные институты, в том числе и на территории ХМАО – Югры, могут сделать определенные качественные шаги, что стало бы катализатором роста уровня российских компаний по показателям социальной и экологической ответственности:

1. Формирование инфраструктуры процесса повышения качества жизни: модернизация системы национальных стандартов по аналогии с глобальными, формирование промышленных консорциумов и сообществ по выработке универсальных отраслевых стандартов.

2. Разработка образовательных программ для различных отраслей промышленности и групп участников по лучшей мировой и российской практике внедрения основ социальной ответственности; проведение совокупного мониторинга исполнения социальных и экологических стратегий компаний с организацией систематического обмена опытом;

3. Выращивание отдельной группы экономических субъектов, которые будут агентами инноваций, организационных изменений и перемен: интегрирование в международные клубы по стандартам и качеству наблюдателей/активных участников, разработка системы стимулирования социально ответственного поведения бизнеса.

4. Создание институциональной базы, обеспечивающей приемлемый минимум необходимых социальных и экологических норм, который будет гарантировать средний рост индикаторов эффективности КСО, а также позволит компаниям изыскивать посильное финансирование проектов и программ в сфере социальной ответственности.

5. Модернизация образовательной политики: поддержание кооперации образовательных учреждений и компаний, применяющих современные методы организации производства; разработка и реализация региональных и муниципальных программ и конкурсов, стимулирующих улучшения организации производства; проведение активной информационной поддержки мероприятий, ориентированных на обмен опытом в сфере реализации внутренней КСО.

Другими словами, институциональные структуры должны генерировать стимулы общественного распространения идей повсеместного повышения качества жизни через устойчивое развитие КСО и поддержку всех стейкхолдеров, активно прививающих этот концепт в российских реалиях. Любой успешный метод, опыт, новация, которая обладает потенциалом приращения социального капитала или доказала свою состоятельность на локальном уровне, должна становиться общедоступным знанием, распространяясь среди всех заинтересованных сторон для последующего копирования и совершенствования на местах. При этом активный формат участия компании в масштабном процессе распространения идеи КСО можно возводить в ранг стратегически полезной, рассматривая как инвестицию в создание региональной / национальной культуры качества, которая, в свою очередь, будет являться инвестицией в будущую способность компании аккумулировать прибыль. Подкрепляя такую активную позицию компаний косвенными экономическими стимулами, можно добиться впечатляющих результатов.

Государству следует расширять компетенции некоммерческих организаций в России, поскольку именно их давление совместно со средствами масс-медиа создают благоприятный социальный фон для продвижения идей КСО среди общества и бизнес-сообщества. СМИ формируют общественное мнение, которое затем влияет на все сферы реализации КСО компанией, выступают движущей силой перемен. Это заставляет компании более активно заниматься практическим приложением сфер КСО в экономике страны.

В системе взаимоотношений «государство – общество – бизнес» не должно складываться односторонних инициатив. Государство должно обеспечивать всей необходимой поддержкой инициативы в сфере социальных проектов компаний. Складываются такие ситуации, когда бизнес не находит поддержки у местных властей, поэтому корпоративные социальные планы разрабатываются отдельно от системы государственных институтов. Получается, что компания живет в одной реальности, а органы власти – в другой, строя собственные планы и стратегии.

Государственная политика не может сводиться к банальному распределению указов в сфере КСО, это не способствует построению конструктивного диалога. Российский бизнес проявляет сильную озабоченность непредсказуемой политикой государства в ситуации планирования социальных стратегий.

Заинтересованным участникам также следует предпринимать активные усилия по позиционированию собственного вклада в структуру социального капитала. Граждане должны быть более требовательными к характеру экономической деятельности компаний, реализа-

ции их социальных функций и производимым благам. Если людей устраивает то, каким образом коммерческая структура выполняет свои социальные обязанности, между ними устанавливается неформальный социальный контракт, основанный на взаимной установке высокой социальной ориентации со стороны компании и приобретении воспроизводимых благ со стороны населения.

Таким образом, вырабатывая ментальность социальной ответственности за все происходящее вокруг среди всех заинтересованных участников можно добиться высокой ориентированности на качественный результат, что мобилизует ресурсы, реализует потенциал экономического роста вне зависимости от внешней конъюнктуры рынка. В современных финансово-экономических условиях главное – правильная интерпретация причинно-следственных связей, осознание того, что кризисные явления несут и потенциал возможностей. Все эти возможности необходимо решать совместно с накопившимся комплексом социальных проблем, что и станет новой парадигмой долгосрочного роста, нацеленного на увеличение уровня благосостояния российских граждан.

В сфере международного сотрудничества формы участия в нем российских северных регионов должны быть полностью согласованы с национальными интересами страны и направлены на обретение нового знания о современных технологиях, институтах, структурах, на обеспечение прогрессивных структурных сдвигов в региональной экономике и социальной сфере.

Литература

1. Акимкин В. П. Институциональные основы повышения социальной ответственности бизнеса в условиях реализации концепции устойчивого развития : дис. ... канд. экон. н. М., 2015. 152 с.
2. Акимова Т. А. Основы экономики устойчивого развития. М. : Экономика, 2013. 332 с.
3. Атаманчук Г. В. Теория государственного управления. М. : Омега-Л, 2014. 301 с.
4. Бакша Н. В., Данилюк А. А. Корпоративная социальная ответственность. Тюмень : Тюмен. гос. ун-т, 2012. 274 с.
5. Белкин В. Н., Белкина Н. А., Лузин Н. А. Роль государства, бизнеса и работников в модернизации экономики России // Вестн. Оренбург. гос. ун-та, 2013. № 12 (161). С. 88–92.
6. Беляева Д. В. Оценка уровня развития социальной ответственности промышленного предприятия // Эконом. и гуманитар. науки. № 8 (235). 2011. С. 103–109.
7. Беляева Д. В. Социологические аспекты управления социальной ответственностью нефтехимического предприятия Тюменской области // Вопросы управления. 2012. № 1. С. 186–191.
8. Бикеева М. В. Социальная ответственность бизнеса: теория, методология, практика: монография. СПб. : Изд-во Политех. ун-та, 2012. 138 с.
9. Благоев Ю. Е. Корпоративная социальная ответственность: эволюция концепции. СПб. : Высш. шк. менеджмента, 2012. 272 с.
10. Бритвин И. А. Разработка маркетингового механизма управления корпоративной социальной ответственностью промышленных предприятий : дис. ... канд. экон. н. Волгоград, 2015. 169 с.
11. Грант Р. М. Современный стратегический анализ. СПб. : Питер, 2014. 560 с.
12. О состоянии делового климата в России в 2014 году : доклад РСПП, Москва, март, 2015 г. URL: http://media.rspp.ru/document/1/a/e/aef84d30097f6e457871_ae66f34ab7f.pdf (дата обращения: 04.11.2015).
13. Егорова Ю. М. Корпоративная социальная ответственность как механизм устойчивого развития региона // Вестн. ТвГУ. Сер.: Экономика и управление. 2011. № 10. С. 58–67.
14. Зарецкий А. Д., Иванова Т. Е. Корпоративная социальная ответственность: мировая и отечественная практика : учеб. пособие. Краснодар : Изд-во КСЭИ, 2012. 231 с.

15. Канаева О. А. Корпоративная социальная политика: теория и практика управленческих решений : моногр. // Изд-во СПбГУ, 2013. 360 с.
16. Максимов Д. А., Толпегин П. В. Проблемы взаимодействия власти и бизнеса в современной России. М. : Ленанд, 2014. 144 с.
17. ООфициальный сайт Торгово-промышленной палаты РФ. URL: <http://tpprf.ru/ru/mission/> (дата обращения: 04.11.2015).
18. Отчет Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа – Югры о результатах деятельности Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры за 2014 год, в том числе по вопросам, поставленным Думой Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // Официальный сайт Правительства ХМАО – Югры. URL: <http://www.gov.admhmao.ru/wps/portal/prav/home/otchet/otchet/otchet/> (дата обращения: 22.11.2015).
19. Павлов Р. Н. Институты социальной ответственности бизнеса и проблемы корпоративного поведения в России. М. : ЦЭМИ РАН, 2013. 187 с.
20. О государственной программе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Развитие и использование минерально-сырьевой базы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на 2014–2020 годы» : постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 09.10.2013 г. № 410-п // Официальный сайт Правительства ХМАО – Югры. URL: <http://www.depnedra.admhmao.ru/wps/portal/res/home/celevye-programmy/dokument/> (дата обращения: 22.11.2015).
21. О государственной программе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры №Обеспечение экологической безопасности Ханты-Мансийского автономного округа – Югры на 2014–2020 годы» : постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 09.10.2013 № 426-п (ред. от 13.11.2015) // Официальный сайт Правительства ХМАО – Югры. URL: <http://www.admhmao.ru/wps/portal!/ut/p/b1/> (дата обращения: 22.11.2015).
22. О государственной программе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Содействие занятости населения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на 2014–2020 годы» : постановление Правительства ХМАО – Югры от 09.10.2013 № 409-п (ред. от 13.11.2015) // Официальный сайт Правительства ХМАО – Югры. URL: <http://www.deptrud.admhmao.ru/wps/portal/trd/home/celevye-programmy/dokument/celprogramma/proekt/doki/> (дата обращения: 22.11.2015).
23. О развитии системы социального партнерства в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре : постановление Правительства ХМАО – Югры от 22.04.2009 № 88-п // Официальный сайт Правительства ХМАО – Югры. URL: <http://www.deptrud.admhmao.ru/wps/portal/trd/home/celevye-programmy/dokument/celprogramma/proekt/doki/> (дата обращения: 22.11.2015).
24. Об итогах социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры за 2014 год : распоряжение Правительства ХМАО – Югры от 15.05.2015 № 245-рп // Официальный сайт Правительства ХМАО – Югры. URL: <http://www.depeconom.admhmao.ru/wps/wcm/connect/1aad8e45-f8a7-4240-8b8d-fdfc81e94e78/245-%D1%80%D0%BF+%D0%BE%D1%82+15-+05-2015.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=1aad8e45-f8a7-4240-8b8d-fdfc81e94e78> (дата обращения: 22.11.2015).
25. О стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2020 года и на период до 2030 года // Инвестиционный портал ХМАО – Югры. URL: <http://investugra.ru/strategy/> (дата обращения: 22.11.2015).
26. Татаркин А. И., Романова О. А. Промышленная политика: генезис, региональные особенности и законодательное обеспечение // Экономика региона, 2014. № 2. С. 9–21.
27. Фасиков Ю. Ф. Теоретические проблемы социально экономического развития ХМАО – Югры // Молодой ученый. 2015. № 16. С. 316–319.
28. Чумлякова Д. В. Модель интеграции социальной ответственности бизнеса в систему стратегического управления организацией : дис. ... канд. эконом. н. Тюмень, 2015. 228 с.

УДК 332.145.012.324:338.1

Бирук И. А., Гаджиева К. Ф., Пьянов К. В.
Biruk I. A., Gadzhieva K. F., Pyanov K. V.

**ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
КОРПОРАЦИЙ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА**

**CORPORATIONS SOCIAL ACCOUNTABILITY EFFECTIVENESS IMPROVEMENT
AS COMMONWEALTH SUSTAINABLE ECONOMIC DEVELOPMENT FACTOR**

В основу статьи положены научные исследования авторов о социальной деятельности предприятий и развитие государственной политики в области социальной ответственности. Приведены научные примеры и факторы развития.

Ключевые слова: социальная ответственность корпораций, экономическое развитие, факторы развития государства, благотворительность, социально-экономические соглашения.

Период развития корпоративной социальной ответственности (далее – КСО) в России составляет около пятнадцати лет. В начале XXI века в связи с оживлением экономической и политической деятельности и выходом российских компаний на мировые рынки возникла потребность в пересмотре их подходов к социальной ответственности. Таким образом, повышение социальной ответственности корпораций востребовано естественным ходом событий.

Среди основных и наиболее перспективных форм развития КСО в нашей стране можно выделить следующие [3]:

- социальные инвестиции – вид инвестиций, направленных на решение актуальных для страны проблем в сфере занятости, борьбы с бедностью, образования, жилья, безопасности, охраны здоровья и среды обитания;
- корпоративное волонтерство, подразумевающее участие сотрудников компании в работе на благо местных сообществ на добровольной основе;
- социально значимый маркетинг как форма адресной финансовой помощи, заключающаяся в направлении процента от продаж товаров на проведение социальных программ;
- гранты в денежной форме, выделяемые компанией на реализацию социальных программ в области науки и образования, и, как правило, связанные с деятельностью компании и стратегическими целями бизнеса;
- благотворительные пожертвования – форма адресной помощи, выделяемой компанией для проведения социальных программ как в денежной, так и в натуральной форме;
- социально-экономические соглашения с органами власти, позволяющие в сотрудничестве с администрациями муниципальных образований, местными сообществами и некоммерческими организациями реализовывать комплекс социальных и благотворительных проектов.

Вместе с тем далеко не все российские компании готовы использовать новаторский стиль управления: быть системными и отвечать на запросы внутренних и внешних заинтересованных сторон. К примеру, исследование, проведенное РСПП в 2014 г., показало, что в рамках корпоративного управления социальная ответственность по приоритетности направлений деятельности занимает лишь 7 место из 10 возможных (4,2 балла из 7). Сами представители отечественного бизнеса оценивают уровень социальной ответственности как средний (40 %) и лишь 20 % опрошенных считает его высоким. По сравнению с 2013 г. этот процент снизился на 1,5 пункта, а количество респондентов, считающих социальную ответственность

низкой, также сократилось (40,0 % против 42,9 % в 2013 г.). Мотивами участия бизнеса в программах развития территорий являются в большинстве случаев примеры общераспространенной практики, принцип «так принято в бизнес-среде» (42 %). Из числа опрошенных респондентов [2]:

- 29 % полагают, что представители бизнеса должны помогать социально незащищенным слоям;
- 21 % считают, что бизнес должен брать на себя часть социальных расходов местных и региональных властей;
- 30 % опрошенных помогают территории присутствия компании, опасаясь, что в ином случае предприятие подвергнется санкциям со стороны властей.

Д. В. Чумлякова считает, что сегодня существует несколько основных факторов, сдерживающих внедрение социальной ответственности в систему стратегического управления российских компаний.

Во-первых, отсутствие поддержки, стимулирования, признания социально ответственных предпринимателей государством. По мнению многих участников российского бизнеса, органы государственной власти относятся к ним «как к кошельку» (42 % опрошенных), удовлетворяющему потребности общества [2]. Нуждается в совершенствовании правовая база развития системы социального диалога с властью, которая исключает всякое принудительное вовлечение бизнеса в процессы социального партнерства, оставляя право добровольного участия. Чем ниже будет уровень коррумпированности власти, больше примеров успешного выполнения социальных проектов со стороны государства, тем большее число компаний воспримет пример модели ответственного поведения.

Во-вторых, новые механизмы корпоративного управления обострили проблемы, связанные с нечеткими критериями ответственности менеджеров, недобросовестным поведением участников корпоративных конфликтов, несовершенством нормативно-правовых актов регулирования корпоративных отношений, которые обеспечивают защиту прав собственности и стимулируют привлечение инвестиций.

Третья проблема, сдерживающая интеграцию социальной ответственности корпораций, по мнению автора, это недостаточное понимание связи социальной ответственности и роста капитализации бизнеса, обеспечивающее прибыльность и конкурентоспособность. Для большинства руководителей российского бизнеса вложения в социальную ответственность признаются как вынужденные «затраты», поскольку это напрямую связано с оценкой инвестиционной привлекательности бизнеса на фондовом рынке. Отчасти непонимание возникает из-за отсутствия у многих компаний реально действующих или декларативных стратегий развития. Как показало исследование РСПП, лишь в 20,8 % российских компаниях существует стратегия долгосрочного развития на срок свыше 5 лет [2]. Основная проблема в оценке социальных инвестиций состоит в том, что временные рамки для измерения затрат, результатов и долгосрочного воздействия во многом различны. Если затраты могут быть измерены в течение одного года, то оценка долгосрочного воздействия проявится по истечению ряда лет после внедрения инвестиций.

Еще одна проблема, сдерживающая интеграцию социальной ответственности бизнеса, связана с недостаточной поддержкой методического руководства в решении таких задач, как повышение эффективности управления и позиционирование в сфере социальной ответственности. Недостаточная развитость институтов по независимой оценке и качеству информации приводит к низкой информационной открытости перед акционерами, инвесторами и другими заинтересованными сторонами. Бизнесу необходимы инструменты анализа, мониторинга, отчетности социальной ответственности и совершенствования систем управления, адаптированные под российские реалии. В этих целях с 2013 г. в российскую практику внедрен Национальный стандарт ГОСТ Р ИСО 26000 : 2012, в основу которого положен международный стандарт ISO 26000. Введение стандарта задает единую систему координат для оценки деятельности компаний в области социальной ответственности и позволяет проводить последовательную работу в этом направлении.

В период кризиса интеграция социальной ответственности также сдерживается экономическими и политическими условиями, которые отрицательно влияют на взаимодействия со стейкхолдерами. Стратегическое партнерство с иностранными компаниями пренебрегается в связи с несогласованностью политических взглядов государств, не соблюдаются или приостанавливаются договорные обязательства между сторонами. В такой ситуации прибыль компаний сокращается, а следовательно, снижаются расходы на социальную деятельность [3].

Возможное решение указанных проблем Д. В. Чумлякова видит в следующих мерах [3]:

- внедрение новой редакции Кодекса корпоративного управления (одобрена Правительством РФ от 13.02.2014);
- проведение органами власти целенаправленной работы по распространению, поддержке и стимулированию ответственной деловой практики;
- развитие практики подготовки компаниями социальных (нефинансовых) отчетов, распространение российского стандарта социальной ответственности, социальной хартии российского бизнеса, регламентов и прочих документов, регулирующих деловую активность;
- раскрытие преимуществ социально ответственного поведения и свидетельств его влияния на рост материальных и нематериальных активов компаний, на развитие регионов и страны в целом;
- повышение информационной открытости российского бизнеса и прозрачности деятельности;
- развитие и укрепление институтов общественного заверения публичных корпоративных отчетов в целях повышения качества информации и уровня доверия заинтересованных сторон;
- создание организационных, методических и информационных условий для успешного внедрения социальной ответственности бизнеса.

А. А. Ватлин [1], в свою очередь, справедливо замечает, что эффективное развитие бизнеса в сторону большей цивилизованности невозможно без трансформации природы социально ориентированного подхода в отдельный механизм с эффективно выстроенными процессами, функциями, индикаторами эффективности. При этом такое институциональное оформление должно происходить и в смежных структурах взаимодействующих с компанией институтов государственного и общественного характера. Стихийные процессы должны стать управляемыми, интересы государства, бизнеса и общества сбалансированными, а плоскость взаимодействия строиться на базе активного социально-экономического пространства. Другими словами, структуры бизнеса, государство и общество должны выстраивать потоки взаимоотношений на единой платформе и принципах, где каждый понимает роль и задачи другой стороны.

Формирование активного социально-экономического пространства предполагает применение различных методов с учетом современных принципов управления, сочетание которых позволяет вовлекать в происходящие в социально-экономическом пространстве процессы все большее количество участников. Сюда относятся, например, социальное и государственно-частное партнерство, саморегулирование, со-регулирование, некоммерческие организации и др., а также применяемые в зарубежной практике стандарты системы менеджмента корпоративной социальной ответственности. Более того, в России сегодня сильно ощущается ведущая роль государственных инициатив в социальной сфере. Доминирующее положение государства относительно обоснованно, поскольку слабое развитие гражданского общества, давление олигархических структур бизнеса, размытость юридического поля не способны формировать здоровый институт социальной ответственности корпораций [1, с. 48–58].

Таким образом, институциональное поле КСО подразумевает стратегию взаимосвязи государственного и корпоративного развития в долгосрочной перспективе. Только в этих условиях возможно достижение устойчивого развития, что требует обеспечения сбалансированности интересов между экономическими, экологическими и социальными компонентами в процессе развития социально-экономических систем.

Литература

1. Ватлин А. А. Менеджмент корпоративной социальной ответственности как фактор устойчивого развития организации : дис. ... канд. экон. н. / А. А. Ватлин. Тамбов, 2015. 194 с.
2. О состоянии делового климата в России в 2014 году : доклад РСПП, Москва, март, 2015 г. // Официальный сайт РСПП. URL: http://media.rspp.ru/document/1/a/e/aeef84_d30097f6e457871ae66f34ab7f.pdf (дата обращения: 04.11.2015).
3. Чумлякова Д. В. Модель интеграции социальной ответственности бизнеса в систему стратегического управления организацией. М., 2015. С. 28, 116–118.

УДК 378.22(1-17):37

Варлакова Ю. Р.
Varlakova Yu. R.

МЕТОДИКА РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОСТИ БАКАЛАВРОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ СЕВЕРНОГО ВУЗА

BACHELORS CREATIVITY DEVELOPMENT METHODOLOGY OF PEDAGOGIC EDUCATION IN TERMS OF NORTHERN UNIVERSITY

Статья посвящена проблеме развития креативности бакалавров педагогического образования в северном вузе. В качестве условий развития креативности предлагается включение студентов в деятельность по решению профессиональных задач, обогащение содержания образования жизненным опытом студентов, обеспечение проблемного характера образовательного процесса. В статье описывается последовательная реализация и результативность данных педагогических условий в образовательном процессе.

Ключевые слова: креативность, развитие, бакалавры педагогического образования, северный вуз, профессиональные задачи.

Федеральный государственный образовательный стандарт по направлению «Педагогическое образование» ставит перед вузами задачу развития профессиональных компетенций студентов, в числе которых значится формирование творческих способностей обучающихся. В рамках нашего исследования мы полагаем, что этого можно достигнуть с помощью обогащения содержания образования жизненным опытом студентов; включения студентов в деятельность по решению профессиональных задач; обеспечения проблемного характера образовательного процесса бакалавров педагогического образования. Реализация выделенных нами педагогических условий осуществлялась поэтапно и базировалась на ряде принципов в соответствии с разработанной моделью:

Во-первых, на подготовительном этапе развития креативности вся работа опиралась на формирование соответствующих мотивов и намерений к обучению и профессии, мотивов самосовершенствования, личностного профессионального роста.

Во-вторых, вся работа, направленная на формирование мотивов и ценностных ориентаций должна опираться на систему соответствующих знаний студентов о творчестве, смысле педагогической и дизайнерской деятельности, о возможных вариантах мотивации обучения и профессиональной деятельности, о различных креативных технологиях. То есть должно происходить наполнение когнитивного компонента креативности.

В-третьих, система сформированных знаний, мотивов и установок должна реализовываться в соответствующих умениях и навыках, направленных на воплощение личностных и

профессиональных намерений в практике обучения и деятельности, что происходит на профессионально-деятельностном этапе в процессе прохождения практики, участия в деловых играх, проведении мероприятий, во внеучебной и научно-исследовательской деятельности.

В-четвертых, процесс развития креативности должен сопровождаться комплексным анализом, диагностикой и рефлексией исходных и конечных особенностей развития компонентов креативности. В связи с этим нами были определены критерии и показатели креативности, а также диагностический инструментарий исследования.

В пятых, реализация выделенных педагогических условий должна осуществляться в соответствии с принципами гуманизации, индивидуализации подготовки, мотивации и активности, профессиональной целесообразности и преемственности обучения.

Внедрение данных педагогических условий охватывало все основные формы деятельности студентов: учебную, внеучебную и научно-исследовательскую.

В учебной деятельности выделенные нами педагогические условия реализовывались в форме деловых игр, ситуационных заданий, тренингов и креативных техник, применения ментальных карт и кластеров в решении проблемных ситуаций. Основная характеристика данных техник – наличие проблемы, которую необходимо решать с помощью актуализации креативности студентов.

Во внеучебной деятельности также осуществлялась технология комплексного развития креативной личности студента и активизация его мотивационной, познавательной, коммуникативной, эмоционально-ценностной и рефлексивной сфер за счет подготовки и проведения различных мастер-классов, организованных студентами для школьников, участия в таких мероприятиях, как «Студенческая весна», «Дебют первокурсника», «Лучшая академическая группа», социальные акции, олимпиады, конкурсы, организация художественных выставок.

В профессионально-ориентированной научно-исследовательской деятельности происходила актуализация творческого потенциала бакалавров педагогического образования в виде работы над курсовыми проектами, статьями и докладами научных конференций, отчетами по практикам, дипломными работами, способствующими формированию познавательной активности и профессиональной креативности.

Остановимся подробнее на методике реализации выделенных нами педагогических условий. Одним из эффективных способов сделать информацию для студента значимой с целью повышения уровня знаний является привнесение в нее его жизненного опыта. Этому способствуют субъект-субъектные отношения между преподавателем и студентом, направленные на включение студентов в деятельность по решению профессиональных задач.

Для реализации данных условий педагогу необходимо создать непринужденную атмосферу на своих занятиях, что предполагает деятельное участие всех субъектов образовательного процесса, где формируется особая среда обучения, возникающая в результате взаимодействия преподавателя и студентов.

Включить студентов в деятельность по решению профессиональных задач на первом этапе можно с помощью соответствующих ситуационных практико-ориентированных заданий как вида самостоятельной работы. Ситуационные задания из практики могут быть различными, но непременно должны находиться в области профессионального самоопределения бакалавров педагогического образования, быть значимыми и интересными для студентов. Ситуационные практико-ориентированные задания способствуют погружению студентов в профессиональную деятельность, позволяют ощутить себя в роли субъекта образовательного процесса, применяющего свои знания и актуализирующего свой жизненный опыт. Структура такого рода задания выглядит следующим образом: 1. Постановка цели. 2. Обоснование актуальности. 3. Сбор и обработка информации (анализ, обобщение, предоставление аргументированных выводов). 4. Оформление результата (реферат, доклад, отчет и пр.). 5. Презентация. 6. Рефлексия.

По нашим наблюдениям, ситуационные практико-ориентированные задания большинство студентов воспринимает с энтузиазмом, что связано, прежде всего, с темами зада-

ний, связанных с реальным педагогическим процессом. Актуализация новой, профессионально значимой информации приближает его к профессиональным условиям и стимулирует желание не просто достичь конструктивных результатов, но и проявить свои знания и творческие способности, оригинальность и беглость мышления.

Построение заданий и учебных занятий на идее погружения студентов в профессиональную деятельность приводит к тому, что качественно меняются результаты учебной деятельности, они перестают быть предсказуемыми, запланированными, а становятся неожиданными как для студентов, так и для преподавателя [3]. Педагог перестает воздействовать на студентов, вместо этого он взаимодействует с ними, сопровождает их и в получении академических знаний, и в погружении в будущую профессиональную деятельность. Педагог обращается к жизненному опыту студентов и совместно с ними качественно трансформирует его для развития креативности, для решения профессиональных задач.

Применение выделенных нами педагогических условий нашло отражение не только в учебной, но и в научно-исследовательской деятельности студентов. С целью актуализации жизненного опыта бакалавров педагогического образования и включения их в деятельность по решению профессиональных задач нами было использовано прохождение педагогической и технологической практик студентами и, соответственно, составление итогового отчета, представляющего собой обязательный документ, в котором обобщаются результаты исследования и даются рекомендации для практического использования.

С целью решения поставленной проблемы в процессе прохождения производственной практики и составления отчетов студенты занимались поиском и нахождением информации в различных источниках: производственная документация, статьи в специализированных журналах, Интернет, опрос и анкетирование коллектива предприятия, на котором студенты опытно-экспериментальных групп проходили практику. Результатом такой деятельности стала отобранная, проанализированная, систематизированная информация и пополнение жизненного опыта студентов в профессиональной деятельности. Все участники опытно-экспериментальных групп проявили умение работать с такого рода информацией, что демонстрирует вполне сформированный когнитивный компонент креативности. Исследовательский потенциал данного вида учебной деятельности направлен на актуализацию жизненного опыта студентов, на углубление знаний и развитие умения продуктивно взаимодействовать с окружающим социальным пространством, улучшая его с помощью творческих идей, оригинальных мыслей и креативности студентов.

Результатом прохождения производственной практики студентов стал разработанный ими дизайн сайтов, визиток и буклетов предприятий, а также наглядных пособий. Студенты проявили креативность и в оформлении школьных музеев и детских садов г. Сургута.

Наблюдая за работой студентов, анализируя сильные и слабые стороны учебно-исследовательских работ и творческих проектов студентов, мы пришли к выводу, что каждый участник не только актуализировал свой жизненный опыт, но и качественно трансформировал его, что и является ценностью исследовательской работы.

Применение в учебном процессе технологии проблемного обучения было обусловлено тем, что педагог (в отличие от традиционной системы преподавания, где мотивация осуществляется объяснением важности обучения для будущей деятельности студентов) превращает процесс обучения в диалогическое взаимодействие, в котором студенты проявляют интеллектуальную, личностную и социальную активность, строят предположения, выдвигают гипотезы, дискутируют, а также совместно выбирают оптимальное решение поставленных профессиональных задач. На таких занятиях изложение материала следует за возникшей проблемой, которая построена педагогом с помощью студентов, что в значительной мере влияет на их мотивацию [3].

Как показывает практика, по мере развития креативности студентов их соучастие в ходе проблемного изложения возрастает и можно приступать к следующему этапу – совместному обучению, где педагог самостоятельно ставит проблему, а решение достигается

совместно со студентами, преподаватель направляет ход мыслей студентов, стимулирует их к активности, генерированию новых идей и решений, воспринимает их как главных субъектов учебного процесса.

По завершении данного этапа переходим к исследованию, в котором педагог ставит проблему, а решение достигается студентами самостоятельно. Практика показывает, что исследование может проводиться как на лекционном, так и семинарском занятии. Мы использовали на семинарских занятиях метод 6-3-5, один из вариантов мозговой атаки. Так же, как и в традиционном методе мозговой атаки, перед участниками ставилась определенная проблема, но они должны были решить ее уже без руководства преподавателя.

Заключительным и самым сложным этапом в реализации проблемного обучения является творческое обучение, так как студенты сами формулируют проблему и находят ее решение. Обычно это происходит на лекционных занятиях в процессе представления материала педагогом [1].

Применение данных педагогических условий реализовывалось также с помощью научно-исследовательской деятельности: будущие бакалавры педагогического образования принимали участие в «Студенческой конференции им. Г. И. Назина», где представляли свои проекты и статьи в таких секциях как «Педагогика», «Графика и дизайн», а также работали над курсовыми проектами. Участвуя в конференциях и написании курсовых работ, студенты ощущают себя в полной мере субъектами образовательного процесса и проявляют креативность в научно-исследовательской деятельности.

По окончании конференции нами было проведено анкетирование студентов, по результатам которого было установлено, что 85 % студентов экспериментальных групп считали, что полученный опыт участия в учебно-исследовательской работе поможет в будущей профессиональной деятельности; 55 % – захотели выступить на научно-практической конференции и победить в ней; 27 % респондентов – это студенты, желающие проявить свои творческие и исследовательские качества; 25 % отметили пополнение и актуализацию жизненного опыта в процессе подготовки и выступления; 32 % участников отметили осознание себя субъектами образовательного процесса. На вопрос: «Как Вы поступите, если посчитаете, что данная учебно-исследовательская работа не получилась?» – 85 % анкетированных ответили, что «попробуют еще раз».

С целью повышения мотивации студентов к обучению и творческой деятельности педагогами кафедры периодически организовываются мастер-классы в Сургутском государственном университете в рамках внеучебной деятельности студентов. Мастер-классы дают студенты школьникам, обучая их различным художественным техникам, таким как песочная анимация, скрапбукинг, батик, художественная обработка фотографий с помощью графических редакторов. В процессе подготовки и проведения таких открытых занятий студенты выступали в роли субъектов образовательного процесса, они отвечали за подборку и представление материалов, организационные моменты. Преподаватель в данном случае выступал в качестве помощника: направлял и корректировал поисковую деятельность студентов, помогал в выборе актуальной тематики выступления и построении его структуры. Студенты с большим интересом осуществляют такую деятельность, творчески подходят к подготовке и реализации своих проектов, а заинтересованность школьников в участии в мастер-классах и их восторженные отзывы служат дополнительным стимулом как для участия в таких мероприятиях, так и для образовательного процесса в целом.

Обогащение содержания образования бакалавров педагогического образования собственным жизненным опытом и включение студентов в деятельность по решению профессиональных задач, а также проблемный характер образовательного процесса способствуют личностному развитию студента, нацеливают на восприятие нового, вызывают желание проявить инициативу, настраивают на самостоятельное развитие креативности.

В процессе реализации предложенных нами педагогических условий студенты преодолевали различные коммуникативные и креативные барьеры, ощущая себя полноправным

субъектом учебного процесса. У большинства студентов появилось не только стремление к активному участию в учебном процессе и внеучебной деятельности, но и способность самостоятельно конструировать их на творческой основе.

Литература

1. Варлакова Ю. Р. Теория и методика развития креативности будущих педагогов в вузе. Ульяновск : Зебра, 2016. 153 с.
2. Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб. : Питер, 2012. 448 с.
3. Кипнис М. Тренинг креативности. М. : Ось, 2005. 128 с.

УДК 376.74(=1-81) (571.122)

*Гапоненко Ж. А.
Gaponenko Zh. A.*

ПОЛУЧЕНИЕ КАЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЕТЬМИ КОРЕННОЙ НАЦИОНАЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ

QUALITATIVE EDUCATION OBTAINING BY CHILDREN OF INDIGENOUS NATIONALITY IN CONDITIONS OF RURAL SCHOOL

В условиях сельской школы от состояния компетентности обучающихся зависит сохранение их устойчивой учебной мотивации, позволяющей решать проблемы получения качественного образования. Для этого в нашей школе для детей коренных национальностей преподаются предметы этнической направленности. На всех этапах обучения и воспитания важно для ребёнка учиться пользоваться родным языком как средством установления социальных отношений с окружающими. Это позволит сформировать у него положительное отношение к традиционному образу жизни, заставит гордиться знанием своего языка и культуры, позволит чтить и сохранять традиции народа ханты и манси.

Ключевые слова: Югорская земля, народ ханты, качество образования, родной язык.

У каждого народа важным в воспитании подрастающего поколения являются духовно-нравственные ценности и культура своих предков. Многие тысячелетия народы чтут и сохраняют свои традиции и накопленный жизненный опыт.

Не исключение из правил и проживающие на территории Югорской земли уже более пяти тысяч лет народы ханты и манси («обские угры»), «народы с самобытной и неповторимой культурой» [1]. «Этнонимы "ханты" и "манси" образованы от самоназваний народов хантэ (хандэ, кантык) и маньси, что означает "человек". Старые, употреблявшиеся до 1930-х годов наименования обских угров, – остяки и вогулы. Культура ханты и манси до конца XVII в. была языческой, но в сравнении с другими народами Сибири, ханты и манси испытали более существенное влияние христианства» [1].

Современное образование характеризуется поисками путей, которые позволят решить насущные проблемы не только сохранения традиций и воспитания детей коренных национальностей, но и получения ими качественного образования. В условиях сельской школы от состояния компетентности обучающихся зависит сохранение их устойчивой учебной мотивации, формирование у детей представления о себе как о субъекте сообщества, ценностное отношение к выбору дальнейшей профессии и своего жизненного пути в целом. Проблемы

качественного образования и сохранения культуры народов в муниципальном бюджетном общеобразовательном учреждении «Ляминская средняя общеобразовательная школа» решаются комплексно, во взаимосвязи: воспитание, сохранение самобытной культуры и предоставление качественного образования.

В нашей организации обучаются дети сельского поселения Лямина и со стойбищ Сургутского района. С 7–8 лет дети коренных малочисленных народов Севера (далее – КМНС) проживают в пришкольном интернате и большую часть года находятся круглосуточно в организации. Для них здесь создаются прекрасные условия для проживания и возможности реализовать себя в учебе, творчестве, спорте, продемонстрировать свою значимость в процессе общения, поучаствовать в проектах и мероприятиях различного уровня, создавать неповторимые национальные изделия своими руками.

В целях получения качественного образования в нашей сельской школе для детей коренных национальностей преподаются предметы этнической направленности, педагогами разработаны индивидуальные образовательные маршруты, реализуемые на основе традиционно организуемых курсов и через самообразование обучающихся. Изучение родного (хантыйского) языка и литературы в рамках учебного плана начинается с первого класса, рассчитано на 1 час в неделю и является пропедевтическим курсом к обучению родному языку во 2–4 и старших классах.

Учебным планом предусмотрено также изучение таких дисциплин, как: «Мы – дети природы», «История и география ХМАО», «Экология», проводятся групповые занятия и элективные курсы. В рамках внеурочной деятельности – национальные виды спорта, курсы «Азбука истоков», «Мой край», «Живая планета». Дополнительное образование позволяет привлечь детей к творчеству: «Народная культура. Фольклор», «Театр», «Музей», «Кукольный театр» и др.

Дети, проживающие на угодьях, не посещают детский сад, поэтому особенно нуждаются в адаптационном периоде. Многие из них с рождения знают родной Сургутский диалект хантыйского языка, но культурные, психологические особенности народа сказываются на воспитании детей со стойбищ. Поэтому и педагог, преподающий предметы в школе, и воспитатель в интернате, и учитель внеурочной деятельности должны владеть этнопедагогикой народа ханты и особенно чутко относиться к «Детям Природы». Чтобы суметь «раскрыть» ребенка, преподаватель обязан создать обучающимся комфортную психологическую обстановку. Занятия должны строиться на понятном доступном этническом материале, тогда они смогут заинтересовать ребенка и позволят повысить его мотивацию. А это является первым шагом для дальнейшего развития ученика и качественного освоения им других учебных предметов.

На всех этапах обучения и воспитания важно, чтобы ребёнок учился пользоваться родным языком не только как средством общения, но и средством познания и установления социальных отношений с окружающими людьми. Это позволит сформировать у него положительное отношение к традиционному здоровому образу жизни, заставит гордиться знанием своего языка и культуры, позволит почитать и сохранять традиции народа ханты.

В стенах школы проводятся многочисленные массовые мероприятия: «Фестиваль финно-угорских народов», «Вороний день», поездки на стойбище, выступления национальных коллективов на концертах и праздниках, позволяющие сдружить детей и показать им обычаи и культуру разных национальностей. Для творческого раскрытия учащихся учителем родного языка реализовываются проекты «Стойбище в рисунках», «Пластилиновое стойбище», «Литературный десант».

Но на первом плане для получения качественного образования обучающимися – изучение родного языка и литературы. Язык и культура взаимосвязаны. Как язык человека отражает и раскрывает культуру своего народа, так культура формирует речь ребенка, его личность и отношение к жизни. «Культура личности определяется многими факторами, в том числе (и не в последнюю очередь) тем, насколько грамотна, образна, логична его речь. Про-

цесс развития речи тесно связан с развитием мышления обучающегося, освоением культуры собственного народа, присвоением культуросообразных норм» [2]. Еще Д. С. Лихачев писал: «Богатство языка определяется не только богатством "словарного запаса" и грамматическими возможностями, но и богатством концептуального мира, концептуальной сферы, носителем которой является язык человека и его нации» [4]. В этом плане для повышения престижа изучения родного языка действенную помощь оказывают проведение предметных олимпиад, глобальные диктанты, авторские встречи с известными писателями и поэтами, мастер-классы, организация и проведение национальных праздников, взаимодействие с родителями и социальными партнерами учреждения, публикации в средствах массовой информации.

Овладение родным языком – это еще и настоятельное требование сегодняшнего дня, когда происходит интенсивный процесс утраты хантыйского языка. Для реализации этой цели необходимо поднять преподавание родного языка на новый уровень, соответствующий потребностям социума, усилить практическую направленность обучения хантыйскому языку, повысить качество, результативность и эффективность каждого занятия с детьми. Становление духовного мира человека, развитие связной хантыйской речи – одна из важнейших задач на уроках родного языка и литературы. При этом ставится глобальная цель – сделать родной язык пожизненным достоянием человека, обеспечивающим связь с родной землей и народами, проживающими на Югорской земле, через его самобытность, сохранение культуры своего народа и возможность осуществлять формирование языковой – коммуникативной компетентности.

Приятно осознавать, что в последние годы заметно активизировалась работа по приобщению ребенка к культуре народов России. Дети с большим интересом относятся к изучению традиционной культуры, в том числе к культуре своего народа – ханты и манси, способны оценить и освоить его основы, а это определяет их физическое и духовное здоровье.

Детей младшего школьного возраста приобщать к народной культуре лучше всего через песенно-игровые традиции, календарно-обрядовые праздники. Сегодня многие обычаи переосмыслены и наполнены новым содержанием, но основа старинных народных праздников, их обрядовость сохранена.

В стенах нашей школы проходят встречи и проводы времен года – «Проводы русской зимы», или «Вороний день»; «Праздник трясогузки», «Медвежий праздник», «Праздник берёзки». Это далеко не весь перечень праздников обских угров и русского народа. Яркая, живая сторона народной культуры, отражающая древние традиции и обряды, должна войти в жизнь детей всех возрастов. Дети не только знакомятся с народными традициями, но и несут полученные знания в повседневную жизнь. Мудрость народной культуры делает их более осведомленными в бытовых ситуациях, эмоционально и нравственно воспитывает, готовит их к будущей жизни.

Достаточно актуально введение в учебный процесс проектной формы обучения для развития умственной деятельности детей ханты. «В ней естественно представлены все наиболее важные моменты любой деятельности», [5] – считает психолог В. Б. Хозиев. Именно такой подход позволяет говорить об эффективном освоении того или иного действия или знания, которое направлено в том числе и на психологическую адаптацию детей ханты. Психологическая адаптация проходит в условиях постоянной совместной деятельности детей, которая направлена на некоторое разделение функций и обязанностей, что позволяет говорить о постепенном формировании децентрации, рефлексии, адекватности самооценки. Проектную форму обучения нужно начинать с подготовительного класса, как только дети со стойбищ попадают в интернат. Это психологически оправдано, так как в этот момент детям необходима родная языковая среда, основанная, к примеру, на хантыйских сказках.

Отдельно хотелось бы остановиться на разработанной в учреждении программе «Народная культура. Фольклор» по ознакомлению детей с русским народным творчеством и творчеству обских угров, которая учитывает преемственность воспитания школьников.

На определенном этапе функционирования нашего учреждения, в котором обучаются и русские дети, и дети ханты, назрела необходимость разработки наиболее оптимальных и кон-

кретных методов, общих приемов изучения русского и хантыйского народного творчества, которые позволили бы учащимся понять живое народное искусство, его художественные законы, своеобразие фольклорных произведений, и использовать полученные знания в жизни.

Бесспорная новизна и значимость программы в том, что она носит интегративный характер, при этом учитываются такие органичные свойства фольклора, как синкретичность и синтетичность. При выборе методов и форм, приемов работы учитываются возрастные особенности учащихся. В начальных классах главное – это исполнение народных песен и знакомство с их жанровым разнообразием, умение обыграть или сыграть песню, сказку; позволить детям самим пройти весь путь жизни от рождения до старости во всей красоте русской народной культуры, фольклора как целостной системы, и культуре Северных народов.

Отличительной особенностью программы является обращение к фольклору разных народов, потому что в школе учатся дети разных национальностей. Программа позволяет развить индивидуальные творческие способности, накопить опыт в процессе восприятия традиционных музыкальных форм, развить полученные знания и приобретенные исполнительские навыки, научиться анализировать и понимать органическую целостность народной культуры, оценивать ее значение в выработке своих жизненных ориентиров в современной действительности. Кроме того, воспитанники получают дополнительную информацию по изучаемым в школе предметам (литературе, истории, экологии, музыке, физкультуре и т. д.).

Программа отражает динамику развития музыкальных способностей детей от импульсивных откликов на простейшие музыкальные явления – к целостному активному восприятию народной культуры. Она объединяет в себе различные элементы учебно-воспитательного процесса и процесса «проживания» фольклора, его «прорастания» в жизнь ребёнка. Весь музыкальный материал представлен в доступной для исполнения детьми каждого года обучения форме. Занятия переплетаются с развитием речи, ознакомлением с окружающим миром, уроками изобразительной деятельности.

Поскольку программа «Народная культура. Фольклор» рассчитана на широкий диапазон сообщаемых детям знаний, предполагается и обширная материально-техническая база. Освоение традиционной народной культуры невозможно без наглядного материала (предметы быта, фотографии, иллюстрации), просмотра видеоматериала, прослушивания в записи фольклорных произведений в исполнении народных хоров, оркестра русских народных инструментов, фольклора обских угров, народных кукол и экспонатов народно-прикладного творчества, истории изучения русского и хантыйского народного костюма. Данный вопрос находится в настоящее время на стадии решения.

В течение последних нескольких лет происходит изменение сознания молодого поколения выпускников коренной национальности: они осознают, что без образования сейчас трудно прожить на стойбище. К тому же они видят положительный пример своих сородичей, которые востребованы в техногенном обществе. Поэтому сами родители стремятся дать своим детям достойное образование, и выпускники школы стремятся продолжить обучение в других образовательных учреждениях. Но проблема адаптации после выхода из школы молодого поколения народа ханты в современном мире является достаточно актуальной, поскольку современная этническая социальная среда претерпевает существенные изменения в контексте урбанизации, «русификации», быстро происходящих технологических процессов.

Культура хантыйского народа, так кропотливо собиравшаяся в течение многих веков, безжалостно растворяется в других культурах. Основные ценности: терпимость, уважение, гостеприимство, трудолюбие, доброта, скромность, уважение чужого мнения – претерпели существенные изменения. Не на первом месте обязательное знание хантыйских обрядов, обычаев и уважение к другим религиям. Единственным выходом из сложившейся ситуации является необходимость создания для ребенка этнической среды, приближенной к его естественным условиям обитания, пересмотр существующей системы обучения и воспитания в дошкольных интернатах. И дело не в том, чтобы накормить детей, нужно гораздо большее – борьба за «чистую» душу ребёнка.

На данный момент нужно со школьной скамьи проводить психологическую адаптацию детей КМНС к техногенным условиям взаимодействия. У хантыйской молодёжи два варианта выбора жизненного пути после окончания школы: проживание на стойбище или проживание в городских условиях. И везде нужно уметь взаимодействовать с окружающим миром, а это очень трудно для многих, так как ханты по своему характеру ранимы, доверчивы, по-детски наивны. Всё это сформировалось особыми условиями их проживания. Неумение преодолеть техногенную ситуацию приводит к тому, что они (ханты) уходят от общения с окружающей действительностью, что зачастую ведёт к плачевным исходам.

Проблема спасения народов Севера должна идти через формирование у подрастающего поколения положительных черт традиционного здорового образа жизни, знания своего языка, где ученик не пассивный слушатель, а участник, помощник в сохранении своей культуры. Всё это можно осуществить в условиях школы. Через активную деятельность учеников, воспитателей, родителей произойдет усвоение всего того, что даёт возможность развить самодостаточность личности ребенка. Центром сосредоточения духовно-нравственных, художественных, трудовых, спортивных, игровых традиций народа ханты может и должна быть школа с пришкольным интернатом. Школа должна нравиться детям, в ней необходимо предусмотреть пути реализации активности самих детей через ситуацию успеха.

Быть может, нам всем вместе предстоит возродить и беречь нашу Югорскую Землю, от которой мы кормимся не один век. Быть может, именно мы, не зависимо от национальности, сможем полюбить этот край и сохранить в своей памяти самобытную культуру Югорской Земли!

Литература

1. Библиография // Сайт Государственного театра обско-угорских народов. URL: <http://www.toun.ru> (дата обращения: 20.04.2016).
2. Гаврилов А. А. Анализ концептуального пространства текста как форма организации работы по развитию культуры речи студентов вузов // Вестн. угроведения. Ханты-Мансийск. 2014. № 1 (16). 200 с.
3. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 г № 273-ФЗ (в ред. федер. законов от 07.05.2013 № 99-ФЗ, от 23.07.2013 № 203-ФЗ). 234 с.
4. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Изд. АН СССР. Сер.: Литература и язык. 1993. Т. 52. № 1.
5. Хозиев В. Б. Практикум по психологии формирования продуктивной деятельности дошкольников и младших школьников. М., 2002.

УДК 378.22(1-17):37

*Дроздова А. А., Насырова Э. Ф.
Drozdova A. A., Nasyrova E. F.*

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ В УСЛОВИЯХ СЕВЕРНОГО ВУЗА

REGIONAL FEATURES OF FUTURE TEACHERS TRAINING IN CONDITIONS OF NORTHERN UNIVERSITY

Статья посвящена региональным особенностям подготовки бакалавров педагогического образования в условиях Северного вуза. Основные аспекты, рассмотренные в статье: особенность образовательной политики северных регионов, подготовка педагогов техноло-

гического и профессионального обучения с учетом профессиональных компетенций, необходимых для специалистов образовательных организаций Севера.

Ключевые слова: бакалавры технологического и профессионального обучения, коренные и малочисленные народы Севера, система подготовки бакалавров, профессиональная готовность.

Текущий этап развития российского образования характеризуется непрерывной модернизацией, которая в свою очередь требует изменений в содержании и организации образовательной деятельности на всех этапах получения образования. Также данные изменения неуклонно затрагивают и процесс подготовки педагогических кадров.

Повсеместная инновационная политика в системе образования отражается в новых формах и методах образовательной деятельности, однако рациональность многих инноваций обусловлена спецификой регионов, соответствующей национальным тенденциям их развития. Касаемо образовательной политики северных регионов выделяются такие стратегические приоритеты, как: вариативность образовательных организаций, взаимосвязь социального опыта и культурно-этнического развития коренных малочисленных народов Севера, пропорциональное соответствие инноваций к традициям и усовершенствование образовательного процесса в контексте культурных традиций, что в свою очередь определяет и требование к обновлению кадрового обеспечения образовательных организаций всех уровней, а также подготовку молодых учителей.

Вопросы оптимальной жизнедеятельности образовательной системы коренных и малочисленных народов Севера напрямую взаимосвязаны с их общим развитием в энергично модифицирующихся условиях социально-экономической среды. Основные вопросы рассматриваются в «Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ», утвержденной 4 февраля 2009 г. распоряжением Правительства РФ № 132-р. В содержании Концепции говорится, что РФ является одним из крупнейших многонациональных государств в мире, где проживают более 160 народов, каждый из которых обладает уникальными особенностями материальной и духовной культуры. Преобладающее большинство народов страны на протяжении веков сложились как этнические общности на территории России, и в этом смысле они являются коренными народами, сыгравшими историческую роль в формировании российского государства. Среди народов, проживающих в Российской Федерации, особое место занимают малочисленные народы Севера, права которых гарантируются Конституцией РФ, а также законодательством РФ в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации. Российское государство на протяжении столетий оказывало поддержку самобытному социально-экономическому и этнокультурному развитию малочисленных народов Севера.

Целью Концепции является создание в РФ условий для формирования устойчивого развития малочисленных народов Севера на основе укрепления их социально-экономического потенциала при сохранении исконной среды обитания, традиционного образа жизни и культурных ценностей этих народов. Для достижения данной цели предусматривается комплексное решение целого ряда задач. Одной из основополагающих задач является повышение доступа к образовательным услугам малочисленных народов Севера с учетом их этнокультурных особенностей. Решение указанной задачи предусматривает: внедрение современных технологий дистанционного обучения; необходимость повышения уровня и качества профессиональной подготовки педагогических кадров национальных школ и других образовательных учреждений; организацию подготовки и переподготовки кадров по специальностям, связанным с осуществлением традиционных видов хозяйственной деятельности; разработку и издание учебно-методических мультимедийных учебников, электронных пособий для изучения родных языков и национальной культуры малочисленных народов Севера [3].

По информации Департамента образования и науки Ханты-Мансийского автономного округа, «общее количество учащихся коренных национальностей, продолжающих обучение в 7 классе и далее, – менее 35 %, успешно оканчивают среднюю школу только 5 % поступивших в нее» [1]. Выход из сложившейся ситуации многим ученым видится в усилении поликультурности как основной педагогической стратегии современного образования, которая ориентирует на диалог между субъектами образования, уважение личности, свободу принимаемых решений и толерантность.

Нормативно-правовые акты принимают во внимание наличие координационных проблем организации системы образования коренных народов при их активном включении в социокультурное пространство РФ, и на первое место выносятся вопросы сохранения традиционной культуры, родного языка и образа жизни. Так, в Ханты-Мансийском автономном округе действуют распорядительные документы, предоставляющие малочисленным народам получать особенные образовательные услуги, которые способствуют сохранению их этнической самобытности.

В настоящее время в Сургутском государственном университете, в частности на кафедре теории и методики профессионального образования, осуществляется подготовка педагогов технологического и профессионального обучения с учётом профессиональных компетенций, необходимых для специалистов образовательных организаций Севера. Студенты по данным направлениям изучают в вариативной части такие дисциплины, как «Основы этнопедагогике», «Творчество коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа», «Декоративно-прикладное искусство», направленные на освоение специфики работы с коренными малочисленными народами, укреплению традиционной культуры и полноценной социализации будущих бакалавров.

Также, по нашему мнению, актуальной становится адаптация коренных малочисленных народов Севера к новым условиям организации жизнедеятельности на основе повсеместной информатизации. Здесь оказывается необходимой интеграция традиционных способов освоения знаний и новых информационных технологий, подкрепленных особенностями деятельностного подхода. Данные решения будут положительно оказывать влияние не только на личностные характеристики быта коренного населения, но и на развитие художественных промыслов, включая изготовление сувенирной продукции, а также организацию продвижения и рекламы на внутреннем и внешнем рынке.

Дисциплин, призванных обеспечить решение данной задачи в профилях подготовки «Технологическое образование», «Декоративно-прикладное искусство и дизайн», огромное разнообразие. Это дисциплины: «Основы информационно-графической культуры», «Макетирование и моделирование», «Керамика», «Дизайн-проектирование», «Дизайн в рекламе». Все они ориентированы согласно новым Федеральным государственным образовательным стандартам (ФГОС) на обеспечение образовательной деятельности с учетом особых образовательных потребностей и формирование образовательной среды для обеспечения качества образования, в том числе с применением информационных технологий.

Образование должно предоставить каждому представителю малочисленного этноса и гражданину Российской Федерации возможность реализовать свои права, в том числе и приобрести соответствующую профессию, оставаясь носителем своей уникальной культуры, образцы которой востребованы и сегодня. Необходимость полноценной реализации их права на образование не только остается, но и актуализируется в связи с тем, что многие из этих территорий являются кладовыми востребованных страной энергоносителей и других природных богатств. Все это предполагает решение проблемы подготовки учителей, обеспечивающих позитивную динамику указанных процессов, что ставит новые и часто беспрецедентные задачи перед современной педагогической наукой. Одной из главных задач в области образования, закрепленной в «Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике до 2020 года и на дальнейшую перспективу» (утверждены Президентом Российской Федерации в сентябре 2008 года) является поиск новых форм обучения и воспитания учащихся.

Отсюда вытекает проблема профессиональной готовности в условиях реализации гуманитарной парадигмы. Существует множество мнений относительно структуры готовности в зависимости от рассматриваемого подхода. Готовность представляется как определенное состояние или склонность к чему-либо. Но в некоторых источниках готовность определяется как специально организованный результат педагогической деятельности. Объединяет все эти положения теория деятельности. Обобщая и сравнивая содержание этого понятия, мы придерживаемся мнения, что готовность – это особое состояние личности, которое проявляется на функциональном уровне; интегративное свойство, которое проявляется на личностном уровне; особое психологическое состояние личности, которое может проявляться как на функциональном, так и на личностном уровнях [2].

Ввиду того, что цель образования коренных малочисленных народов Севера диктуется особенностями их жизненного уклада, то и от педагога требуется развитая социальная культура, проявляющаяся в заинтересованности к национальным традициям и этнокультурным ценностям. Наряду с вышеперечисленными требованиями от педагогов северного региона требуется и психофизиологическая устойчивость, способствующая самореализации в северных регионах.

Упрочение поликультурности образования северных народов превращается в стратегию организации учебного процесса в образовательных учреждениях всех уровней. Все функционирование данных организаций подчиняется принципу региональности, что предполагает их содержательное наполнение этнокультурной спецификой, способствующей социализации школьников, их профессиональному самоопределению, интеграции в складывающуюся региональную общность. Таким образом, профессионально-педагогическая культура учителя приобретает свои особенности, а педагогическая деятельность, интегрируя новые функции, требует готовности к организации учебного процесса с учетом целей и задач, характерных для образовательных организаций различного уровня, реализующих доминирующие тенденции развития образования северного региона.

Литература

1. Дивеева Г. В. Формирование готовности учителей к организации учебно-воспитательного процесса в общеобразовательных учреждениях севера : дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2015. 187 с.
2. Ковешникова Л. Н. Формирование готовности к взрослой жизни подростков коренных малочисленных народов Севера: дис. ... канд. пед. наук. Самара, 2007. 195 с.
3. О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации : распоряжение Правительства РФ от 04.02.2009 № 132-р. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

УДК 39(=511.142)

*Касько Л. М.
Kasko L. M.*

ПО СЛЕДАМ ЖИВОЙ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНЫХ ХАНТЫ ЧЕРЕЗ ОБРЯДЫ И ТРАДИЦИИ

ON PATH OF LIVING CULTURE OF EASTERN KHANTY PEOPLE THROUGH RITUALS AND TRADITIONS

В статье рассматриваются ханты и манси – два близкородственных по языку и культуре финноугорских народа, проживающих на севере Западной Сибири – в Тюменской, Томской и Свердловской областях, объединённых под общим названием «обские угры», рассе-

лённых по реке Оби и ее притокам, ведущих традиционный образ жизни, занимающихся охотой, рыболовством, а небольшая часть – оленеводством. В разнообразиях обрядов и традиций народа нашло отражение богатейшего опыта освоения человеком северной природы, представляющей великое культурное достояние и широкое поле для изучения и передачи последующим поколениям.

Ключевые слова: обские угры, восточные ханты, традиции северного народа, обрядовая деятельность.

Обрядовая деятельность – важнейший компонент духовной культуры каждого народа. Описание и изучение обрядов дает представление о богатстве национальной культуры, помогает понять истоки многих современных традиций. Особое место среди традиционных обрядов занимают ежегодно повторяющиеся обряды, посвященные различным календарным праздникам.

Обряды, возникшие в глубокой древности, пройдя сквозь тысячелетия, сохранились благодаря преемственности поколений, правда инородческая культура и современная цивилизация вторгаются и частично разрушают вековые устои малочисленных народов, которые использовались в целях воспитания уважения к старшим и почитания своих предков молодым поколением.

Вся жизнь северных народов неразделима с окружающей природой: воздух, вода, земля, растительный и животный мир – вот что нужно коренным народам для нормальной жизни, поэтому из поколения в поколение воспитывается бережное и разумное отношение к природе, ведь звери, птицы и даже растения для ханты и манси – предмет культа и почитания.

С давних времён люди одушевляли и восхваляли силу природы через песни и обряды, основной темой которых было размножение животных, рыбы, птиц, благополучие и здоровье людей. Знакомство с обрядами проходило в каждой семье, ненавязчиво, с детства, через игру и смену видов деятельности, поэтому воспринималась легко и свободно.

В понимании коренных народов у каждого природного явления, будь то тучи, гром, молнии, северное сияние, есть свой дух-хозяин, а у каждого предмета, места, горы, реки, дома, семьи имеются духи-покровители.

Лес – кормилец угров, по их представлениям он населен различными духами, и главный лесной дух, от которого зависит успех охотников и урожай ягод, грибов и орехов, – это Вурики. Он очень обидчив. Если человек ведет себя неуважительно по отношению к природе, то не видать ему удачи в промысле.

Бог реки Оби Асики посылает рыбу, отношение к нему такое же, как и к Вурики. Рыбы вылавливается столько, сколько необходимо для пропитания семьи и кормления собак, но не более. Жадному рыболову, берущему рыбы больше, чем ему нужно, в следующий раз на рыбалке не повезет.

Зная опасность лесных пожаров, угры почитали хозяйку огня Най Экву (Наими), относясь к огню очень бережно и соблюдая целый ряд правил и обрядов, связанных с ним. Охотник никогда не оставит костер непотушенным, не будет зря рубить дерево, стрелять зверя и птицу, разорять гнезда.

Все хантыйские и мансийские семьи имели закрепленные за ними промысловые угодья. Никто, кроме этой семьи, не имел права собирать дикоросы, охотиться и ловить рыбу на их территории.

В повседневной жизни народы ханты и манси очень бережно относятся к природе, нанесение вреда природе расценивается, по представлениям угров, оскорблением Верховного Бога Торума. Существование самого человека связано со средним миром, покровительницей которого является Калтащ – богиня-жизнеподательница.

Торум яун Эвэт Мых – Шаман-Гора. Это одно из функционирующих в настоящее время **святилищ восточных ханты** является местом поклонения и «проживания» боже-

ства-покровителя реки Тромьёган – Торум яун Эвэт Ики, и это одно из наиболее значимых культовых объектов ханты Сургутского Приобья. Опубликован цикл фольклора о культовом персонаже Торум яун Эвэт Ики, который, согласно мифологии восточных ханты, был одним из сыновей верховного бога-создателя – Торума.

Хранителями святилища являются мужчины из рода Кечимовых, а сам род, по сведениям информантов, ведёт свое родство от Торум яун Эвэт Ики. По сведениям коренных жителей, на Шаман-Горе в обрядах часто принимают участие не только тромьёганские, но и аганские, а также пимские и ляминские ханты.

Исходя из мощности культурного слоя, оставшегося после многочисленных обрядов жертвоприношения, а также исходя из привязки жертвенной площадки к территории городища Ермаково, можно предположить, что святилище функционировало со времён позднего средневековья.

Во время *Мыр* – коллективных жертвоприношений, которые происходят не реже одного раза в год, чаще всего зимой, коренные жители совершают моления, обращённые не только к «хозяину» священного места Шаман-Гора, но и к другим главным божествам хантыйского пантеона.

Йыр (кровавые индивидуальные) и *Пори* (бескровные приношения) происходят регулярно и приурочены к разным событиям в жизни людей. В ходе опросов информантов определено, что территориально в ритуальный комплекс Торум яун Эвэт Мых входит не только Шаман-Гора, но и возвышенность, находящаяся к юго-востоку.

Помимо этого, с комплексом Торум яун Эвэт Мых неразрывно связан другой комплекс, находящийся в восьми километрах и известный в среде коренных жителей как *святилище Кор Воч Эвэт*, а в мифологии обозначенное как зимнее стойбище божества-покровителя р. Тромьёган.

По сведениям ханты, место, известное в научной литературе как Шаман-Гора, в хантыйской мифологии является летним стойбищем Торум яун Эвэт Ики [4].

Угры с почтением относятся ко всем богам и духам – хозяевам неба, воды, леса, камня, огня и обращаются с ними, как с живыми существами, веря, что они помогают охотникам, рыболовам, оленеводам и приносят им удачу. Сердить этих духов считается не просто нежелательным, но и опасным делом: в ярости они могут погубить человека, перевернув лодку, а лесная женщина Мисне ещё и увести пришельца в тайгу.

Ханты и манси очень бережно относятся к природе: берут от нее только то, что необходимо для жизни. Они считают, что у всего живого есть души: есть душа у человека, есть душа у дерева, у травинки, у цветка. А все, у кого есть душа, чувствуют боль.

Обряд поклонения Водному духу. Во все времена жизнь охотников и рыбаков во многом зависела от воды, поэтому перед тем как начать рыбный сезон, важно было задобрить духа воды, чтобы год стал удачным на улов, и на воде не случилось несчастья.

Если в прошлом в жертву приносили животных, то позже стали ограничиваться бескровным приношением, например, угощением рыбной пищей, зачастую юганские ханты выливают в реку стакан водки или ставят его на столик.

После молитвы на родном языке, в которой просят духов воды оберегать рыбаков, мужчина на обласе выплывает на середину реки и, запустив в небо семь стрел, опускает в воду светлую ткань с завязанными в неё монетками. Так задабривают водных духов, и, по поверьям, рыбак обязательно должен вернуться домой живым и невредимым. Этот обряд сохранился до настоящего времени у сургутских ханты как неотъемлемая часть всех праздников на воде.

Пимские ханты поклоняются Пим латэхэ ики – Мужчине, охраняющем Пим.

У юганских ханты берется голубая или белая ткань, в которую по углам завязываются монеты, на середину полотна выкладывают угощение из приготовленной рыбы, которые мужчина опускают с обласа на середине Большого Югана в воду, после того как лодка делает три круговых поворота «по солнцу». Все присутствующие также бросают монетки с берега в воду, чтобы задобрить водных духов и смачивают голову водой.

Если промысел заканчивался неудачно, то проводился дополнительный обряд с просьбой одарить хорошим уловом, и снова совершалось жертвоприношение.

Обряд поклонения Огню. Всем народам свойственно особое поклонение Огню и вера, что в огне живут его духи-хозяева и от них зависит благополучие в доме и удача на промысле. У народов Сибири Огонь считался посредником между миром людей и миром духов предков вселенной, поэтому к нему обращались в разных жизненных ситуациях. Домашний очаг считался семейной святыней, а хранительницей очага была старшая в доме женщина. Огню приносили жертвы перед едой, бросая в очаг кусочки от каждого блюда. К матери Огня обращались перед отправкой на охоту, а также приносили жертвы во время промысла.

В верованиях обских угров божество Огня занимает значимое место и почитается многие тысячелетия ханты и манси.

Огонь – это мать наша, поэтому у неё разные ласковые имена: это и Тут-Анки – Огонь-Мать, и Най-Анки – Огонь-Богиня.

К огню очага относятся, как к Богине, живущей в доме: протяни руку – и она приласкает и обогреет тебя. Перед ней нельзя оставаться в долгу, для чего заранее покупают платок или ткань обязательно красного цвета, хранят в укромном переднем углу дома, а при надобности берут и передают огню. При этом произносят молитву: «Пусть этот день наполнится взаимопониманием и добротой» и просят, чтобы Богиня огня охраняла дом, обогревала, а при болезнях лечила. На ритуальном столе ставят продукты для угощения, которые позже передают огню.

Дух огня представляется в образе живого существа – женщины в красном халате, которая обитает в каждом домашнем очаге, очищает, защищает, не дает зайти в дом злым духам. Но она требует соблюдения определённых правил обращения с ней:

- люди просили прощения, когда подкладывали дрова или помешивали головёшки;
- огонь разжигали только чистыми руками, разговаривая и принося в жертву тканевую куклу;
- огонь поддерживали, для задабривания «кормили», принося жертву в виде кусочков пищи;
- не бросали в огонь грязные вещи и острые предметы, чтобы не обидеть;
- с огнём не баловались, не «пинали» ногой, не бросали в него мусор, не плевали, не ругали;
- железные предметы, например кочерга, причиняют ему боль и оскорбляют;
- охотники приносили жертву Духу огня для удачной добычи, отправляясь на промысел, а также устраивали церемонию с закалыванием жертвенного животного и общим угощением;
- задабривать Дух огня можно тканью красного цвета, которую перед сжиганием обносят «по солнцу» перед присутствующими для того, чтобы все к ней прикоснулись.

С огнём всегда обращались бережно. Огонь и дым до сих пор имеют большое значение в культовых и шаманских ритуалах.

В детскую колыбель принято было класть спички: считалось, что ребёнок таким образом находится под покровительством огня. А чтобы людям не болеть, делали бескровное жертвоприношения, т. е. огню предавали платок или ткань.

Очищение дома юганские ханты проводили с поджиганием гриба-тутовика, обходя трижды помещение по солнцу, при этом читая молитву: «Кур-кур, кур тата вольты атум нумсат ира мататы. – Пусть все нечистые мысли, плохие духи покинут дом» [3].

За огнём признаётся способность защищать всё окружающее в жизни людей, о чём говорится в многочисленных сказках и притчах.

Обряд поклонения духу леса. В основе религиозных представлений народов Сибири лежит вера в духов природы, а весь окружающий мир представляется населённым духами, которые принимают участие в жизни людей и промыслах.

Считалось, что духи – хозяева природы, населяют средний мир вселенной: горы, леса, реки, моря, огонь и каждый вид животных также имеет своего духа-хозяина, от расположения которых зависит благополучие в жизни и удача в промысле.

Прежде чем войти в лес, коренное население реки Лямин произносят приветствие-обращение лесному духу: «Здравствуй, лес! Здравствуй, вселенная! Здравствуй, земля! Я вхожу в лес с хорошими и добрыми помыслами». Обряд проводится в течение всего летне-осеннего периода, когда начинается пора сбора ягод, грибов, шишек и т. д.

Пимские ханты, помня наказ своих бабушек, повязывают на ягодку морошки «косыночку», прося здоровья. По рассказам информантов, порой в лесу встречаются целые солнечные полянки таких «наряженных» ягод.

Собираясь в лес, напоминают женщины из села Сытомино, одежда должна быть спокойных и незаметных цветов, иначе в ярких одеждах можно привлечь нечистую силу, которая будет с вами играть, путать, и поход может принести одни неприятности. Нельзя злить и гневить дух леса, иначе он может сурово наказать, и вы рискуете вернуться домой ни с чем.

Если, собирая лесные дары, роняешь на землю ягоды и грибы, то это считается угощением Духа леса, поднимать их нельзя.

В лесу нельзя громко разговаривать, кричать, ломать ветки деревьев, но если всё же необходимо обломать веточку, то у дерева нужно обязательно попросить прощения. Полный кузовок прикрывают сухими веточками, которые кладутся крестом, защищая набранный урожай от Порэ – Злой волшебницы.

После сбора лесных даров, выходя из леса, нужно повернуться к лесу лицом и произнести слова благодарности: «Дух леса, благодарю тебя за лесные дары! Благодарю тебя Вселенная! Благодарю тебя земля, за то, что ты кормишь меня, моих родных и близких. Если что-то я сделала не так, вы простите меня, я не со зла». Три раза повернуться по солнцу и поклониться.

Обряд поклонения трем Мирам народа ханты. Поклонение Верхнему, Среднему, Нижнему Мирам проводится во время праздников: на березу вешаются белые, голубые, тёмные лоскуты ткани. По верованиям народа ханты дерево является связующим звеном между тремя мирами. Поклоняющиеся встают лицом к солнцу около накрытых для духов столов, делают по три поклона, опуская голову до груди, затем, подняв голову, медленно поворачиваются вокруг своей оси по ходу солнца. Повороты с поклонами повторяются три раза.

Обряд поклонения трем стихиям. Поклонение воздушной, водной и огненной стихиям проводят ранней весной на берегу реки Тром-Аган, просят защиты в земных делах, удачи в промыслах, покровительства свыше. Белую ткань повязывают на берёзку, голубую – пускают в воду, красную – скручивают и задабривают огонь в разгоревшемся костре. Обряд проводили в национальной деревне Русскинская тромьёганские ханты Л. И. Сопочина, Н. И. Покачева [3].

Обряд поклонения домашнему очагу проводится каждый год перед началом охоты. Считается, что Огонь может предсказывать ближайшие события. Хозяйка дома заранее шьет маленький красный сак, одевает на ветку, где прутики, как ручки, просовываются по сторонам. Сначала читается молитва, потом куклу бережно ставят на огонь в очаг. У юганских ханты обряд проводит глава семьи, а если его нет, то старшая по возрасту женщина. Женщины, поддерживающие огонь, для задабривания его «кормят», принося в жертву кусочки пищи, также на специальном ритуальном маленьком столике раскладывается угощение для участников ритуала.

Огонь считается одним из главных покровителей охотников, рыбаков, оленеводов, защищающим лесных людей от злых духов, и почитается как доброжелательный Дух.

В семье приучают детей уважительно обращаться с огнём, а выпавший молочный зуб всегда бросают в очаг, чтобы взамен вырос новый здоровый [3].

Обряд поклонения Ягун-Ики – Богу реки Юган. Народам Сибири известны разные формы родового и семейного культа. Родовой культ имеет общественную форму поклоне-

ния, его ритуалы проводятся один или два раза в году, весной или осенью, всегда приурочены к календарным периодам и имеют промысловый характер.

К лабазу у юганских ханты на родовые моления и жертвоприношения ходят только мужчины, а если долго не ходили в лабаз, где находится идол, то читаются молитвы, подносятся вовнутрь отрезки ткани, наводится порядок. Женщины же стоят в отдалении, накрывают столик с угощениями: хлеб, чай, конфеты [3].

Обрядовые молитвы. Особенностью мировоззрения ханты и манси является отсутствие строгого разделения на живую и неживую природу. Посредником между миром богов и миром людей выступает мир духов. Место обитания духов – священная земля.

В окрестностях Сургута таким местом является Барсова гора, где проводятся религиозные обряды. Обычно руководит обрядом посвященный мужчина, который обращается с просьбой-молитвой о благополучии и здоровье.

На территории Сургутского района пимские ханты съезжаются весной на один-три дня поклониться своим богам на нетронутые нефтеразработками святые места севернее Лянтора. Мужчины молятся, проводят обряд жертвоприношения Мыр.

Для обрядовой молитвы используется сакральное дерево – берёза, на которую вывешивается ткань белого цвета с завязанными в неё монетками по углам. По традиционным представлениям белый цвет символизируют благополучие, здоровье, изобилие. На берёзке также подвешивают подарок для небесного бога.

Обряд поклонения своим домашним идолам. Семейно-родовой культ у обских угров, ханты и манси, сохранил свое значение и в настоящее время. На священных местах в специальных культовых амбарах хранятся изображения духов-покровителей, в комплекс которых входят духи различного происхождения: верховные боги-покровители, тотемные предки, изображения умерших, предки-богатыри, предки-покровители селения, атрибуты медвежьего праздника. В честь семейных и родовых покровителей устраиваются жертвоприношения, в подарок для них развешивают одежду, головные платки, куски ткани с завязанными монетками по уголкам.

В каждой юрте есть свой покровитель, он находится в лабазе.

В семье юганских ханты, в юртах Рыскиных, где покровитель рода Сох-юх-Ики (Дед с посохом), обряд проводит глава семьи или пожилая женщина.

Семейных духов-покровителей изготавливают из металла, дерева или ткани, им можно подносить ткань и угощение.

Обряд, к сожалению, постепенно теряет свою актуальность из-за политики переселения коренных жителей в национальные коттеджные поселки, а земли родовых угодий занимают нефтеразработки, оскверняющие священные места, так постепенно исчезают идолы и лабазы.

Обряды очищения очень разнообразны, одно из них – это невольное нарушение родовых запретов, распространяющегося на определённый людской род, по отношению к разным видам животных, рыб и птиц. Тогда все болезни семьи связывают с подобными нарушениями.

Возьмём примеры из традиционной жизни обских угров [1].

Женщина съела в гостях мясо, которое было запрещено в их роду, и вызвала рвоту – этим она произвела обряд очищения.

Постоянно проводили очистительные обряды огнём обские женщины, работающие в разделочном цехе рыбокомбината во время войны, одним из которых нельзя было касаться щуки, другим – налима.

Обряд очищения огнём популярен в наши дни и проводится на всех значимых праздниках, как культовый, с сохранением традиций.

Обряд «Тылац пори – угощения луны» символичен для традиционного календаря обских угров. Он открывает начало нового года, связан с суточным движением луны и солнца, проводится в конце февраля – начале марта, когда луна приближается к полной фазе, а за

окном еще темные вечера. В это время уже проступают первые признаки весны, постепенно увеличивается световой день, немного подтаивает снег, рыба набирает икру.

Считается, что в момент перехода к тёплому времени года данный обряд способствует возрождению всего живого в природе, поэтому люди обращаются к божествам с просьбами уступить путь солнцу, светлым дням и коротким ночам, чтобы рыбы и зверья размножались вдоволь, а лично для себя и детей просят здоровья и благополучия.

Участие принимало всё население: старшие дети обходили дома с пожеланиями здоровья и материального достатка, собирали продукты, необходимые для обряда, младшие – слушали сказки и отгадывали загадки, пока женщины готовили угощение. Дети в данном случае олицетворяют расцветающую силу природы после зимней спячки [3].

Обряд Добрых пожеланий уходит корнями в церемонию традиционных свадеб коренных малочисленных северных народов, когда от сглаза на чумы жениха и невесты прикрепляли цветные ленты в качестве оберегов, а также всем гостям раздавали тесьму, чтобы повязать их на березе, которая является для ханты и манси священным деревом. Обряд подвязывания ленточек на дереве существует у многих народов, в ходе смешения культур он превратился в современный элемент культовых действий, сопровождаемый загадыванием заветных желаний. Такие «наряженные» Сухмэт-юх – Берёзки можно часто встретить на Югорской земле.

Обычаи, связанные с отношением к природе. Промысловые обряды, нацеленные на возрождение животных и обеспечение удачной охоты, были распространены у народов Сибири.

Во время охоты выполнялись магические действия, связанные с верой в то, что звери понимают человеческую речь и могут отомстить охотнику.

Ханты и манси совершали обряды жертвоприношения в начале промысла, будь то рыбная ловля или охота, обращаясь с просьбой к духам – хозяевам этих мест, чтобы дали больше добычи в наступающем сезоне.

Большую роль в жизни ханты и манси играли запреты, которые служили определённым фактором нравственного воспитания и определяли правила поведения в доме, в лесу, в обществе. Это особенно ярко проявляется по отношению к земле, которую нельзя даже поранить острым предметом. Существовали священные участки берегов озёр и рек, на которые запрещалось даже ступать, в крайнем случае нужно было привязать к подошвам бересту. Проходя или проезжая мимо таких мест, ханты и манси совершают определённые обряды, принося в жертву пищу, приклады из ткани или что-то другое.

Обычай гостеприимства известен всем народам мира, строго соблюдался он и уграми. Значительную часть года проводя в тайге на своих родовых угодьях в отрыве от других семей, они воспринимали приезд гостей как праздник, о чём красноречиво свидетельствует поговорка северного народа: «Гостеприимный чум не бывает пуст, а его хозяин одинок», об этом же написал югорский поэт Юван Шесталов:

*Кто приходит к дыму чума иль найдёт костёр потухший,
В поле, тундре иль у чума будет гостем, добрым словом,
Угощеньем и едою должен быть вначале встречен.
Если хочет, пусть расскажет: кто, куда и зачем идёт он.
Если нет, никто не должен спрашивать, откуда,
Чей ты будешь, незнакомец, за каким идёшь ты делом [2].*

Гостей усаживали на почетное место в чуме, за очагом, напротив входа, угощали самыми вкусными блюдами, зачастую мелко накрошенным мясом медведя, приправленным прожаренным медвежьим жиром. Еду не принято было оставлять недоеденной или раньше времени вставать из-за стола, сидели все вместе: и взрослые, и дети.

После обильного угощения обменивались новостями, а когда день клонился к вечеру, кто-либо из гостей или хозяев начинал неспешный рассказ. В теплое время года на улице в честь приезда гостей устраивали танцы или спортивные состязания.

Традиционный свадебный обряд с полным набором национальных «обрядностей» возможен только на стойбище, в городских условиях обряд тоже соблюдают, но в довольно сокращенном варианте, с частичной потерей национального колорита и первоначальной прелести.

В ИКЦ «Старый Сургут» обряд был воспроизведен с использованием основных моментов и национальных традиций. Были две хантыйские семьи, их разместили в разных чумах, сватовство повторялось более десяти раз, так как при первом визите договоренность между родителями не была достигнута. Когда сваха сообщает жениху о сговоре, то он идет с родителями, неся подарки, к семье невесты. С этого времени невеста должна соблюдать обычай «избегание», скрывая своё лицо от отца жениха и его старших братьев.

Отец жениха проводит обряд поклонения огню, на костре сжигают ткань цвета пламени огня. Обрядовый стол заносят в чум, ставят возле головы священной медведицы, исполняется песня в честь молодых. Начинается свадебное пиршество. В Лянторе нередко случается так, что молодожены, уже зарегистрировавшие брак в ЗАГСе, по настоянию родителей и почитая традиции своего народа, проводят национальный свадебный обряд в хантыйском этнографическом музее [3].

Вывод. Поверия и обряды обских угров говорят нам о том, что природа для них всегда была и остаётся как нечто живое, со своим характером и особыми законами, несоблюдение которых незамедлительно карается. Сакральные действия и в наше время проводятся старшим поколением так же, но скрыто в местах, издревле почитаемых коренными жителями.

Напрашивается вывод, что, если прежде обряды служили родовым фундаментом каждой семьи, внося в повседневную жизнь разнообразие и являясь одновременно праздником, то сейчас зачастую выполняют информационную и культовую функции воссоздания традиционной обрядности.

В ходе изучения обычаев и обрядов ханты и манси обозначилось, что в городских условиях элементы традиций жизненного цикла пережили трансформацию, выявлено, что традиционные обычаи с полным набором национальных обрядностей возможны только на стойбище, а в городской среде обряды тоже соблюдают, но в сокращенном или видоизменённом варианте.

В данной статье читателям было предложено познакомиться с живой традиционной культурой восточных ханты Сургутского района, собранной специалистами «Районного организационно-методического центра» и «Рускинского Центра национальной культуры» на основе сведений информантов.

Литература

1. Касько Л. М. Праздники и обряды сургутских ханты в ракурсе современности // Методический поиск. Сургут. 2015. № 14. С. 4–19.
2. Информанты Сургутского района : материалы из архива Сургутского районного организационно-методического центра.
3. Шесталов Ю. П. Стихотворения. Собр. соч. СПб. : Фонд космич. сознания, 1979. Т. 1. С. 480.
4. Dissercat. Науч. библиотека дис. и автореф. URL: <http://www.dissercat.com/content/nravy-i-jbychai-v-povsednevnoi-kulture-khantov-i-mansi#ixzz3apgzISIf> (дата обращения 17.10.2015).

УДК 37.035.6

Кравченко Е. Н.
Kravchenko E. N.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ У УЧАЩИХСЯ

THE FORMATION OF ETHNIC IDENTITY OF THE PUPILS

Этническое самосознание является сложным социально-психологическим феноменом. Актуальность проблемы формирования этнического самосознания учащихся определяется не только тем, что в новейшей истории России межнациональные отношения стали обостряться, но и тем, что некоторые народы стали забывать свои корни, отказываться от традиционного уклада жизни. В статье рассматривается проблема формирования этнического самосознания у учащихся и некоторые пути ее решения в условиях национальной начальной школе – детский сад.

Ключевые слова: этническое самосознание, ханты, традиционная культура, сохранение культуры, национальная школа.

Для иностранца словосочетание «Север России» будет звучать пугающе, как и для многих русских, которые никогда не уезжали далеко от крупных городов России. Что такое «Север России», и нужен ли он для современной России? В 1930-е годы в СССР появился термин «Крайний Север», под ним стали понимать ту территорию, которая заселена малочисленными коренными народами. На данный момент времени Российский Север представляет собой полностью или частично территорию 27 субъектов Российской Федерации, что составляет около 60 % территории всей страны [6].

Самое главное на этой территории – уникальная Северная цивилизация. Северные территории – родина коренных малочисленных народов, олицетворяющая самобытные культуры. Особенность Крайнего Севера формируют не только суровые климатические условия, но и те особые виды деятельности, которые начали развиваться здесь многие столетия назад. Они определяют мировоззрение и духовные истоки коренных народов.

При изменениях в социальной жизни, перестройке экономических, политических и правовых отношений даже не осознаваемые до конца глубинные ценности продолжают сохраняться. И всякие попытки разрушить их и приобщить народ к чуждой ему культуре, целям и образцам деятельности приводят к его дезориентации и стихийному сопротивлению. Ключевые ценности этноса, которые ранее вызывали сильнейший импульс к действию, сохраняются, опираясь на зафиксированные письменно и устно комплексы идей и представлений о месте того или иного народа в мире. Овладение этими идеями, ценностями, традициями, обычаями, перенесение их в личный опыт и приучение пользоваться ими должно складываться в систему национального воспитания, способную противостоять ассимиляционным процессам.

Именно присвоение ценностей, ценностных ориентаций, установок, потребностей и интересов, с одной стороны, и конкретных эталонных образцов поведения, свойственных этносу и зафиксированных в национальной культуре (в песнях, ганцах, музыке, фольклоре, образе жизни, обычаях и обрядах) – с другой, и определяет психический склад этнической общности и национальный характер, национальное сознание и самосознание.

Национальное сознание – это совокупность социальных, политических, философских, экономических, нравственных, эстетических, религиозных и других взглядов, характеризующих содержание, уровень и особенности духовного развития наций и народностей. Нацио-

нальное самосознание составляет элемент самосознания личности в целом и предполагает познание себя и определение отношения к себе, т. е. самооценку, которая с необходимостью включает выделение себя среди других и этническое самоопределение. Таким образом, главным носителем этнического самосознания является индивид, который идентифицируется с определенной этнической общностью [2].

Этническое самосознание индивида является одним из наиболее глубинных элементов, это целостный образ собственного этнического Я, выступающего как установка по отношению к самому себе. Этническое самосознание формируется с детства.

Процессы развития национальной культуры малочисленных народов Севера идут с большими сбоями. Наблюдается снижение уровня общего и профессионально-технического образования коренных народов. Почти 48 процентов представителей этих народов имеют только начальное и неполное среднее образование, 17 процентов не имеют даже начального образования.

Существующая сеть общеобразовательных учреждений не обеспечивает потребности коренных народов в образовании. На Севере действует около 300 национальных школ и более 200 школ смешанного типа. Издаются буквари на 17 языках, более 100 наименований учебно-методической литературы. Одним из известных считается «Букварь хантыйского языка» под редакцией А. С. Песиковой, но и он не в состоянии охватить все существующие на сегодняшний день диалекты восточных ханты. Так, основной культурной проблемой коренных народов Севера можно назвать утрату родного языка, и именно эта проблема возложена на образовательные учреждения.

Однако школы испытывают недостаток педагогических кадров, имеющих достаточное образование для преподавания языка, не укомплектованы учебной и учебно-методической литературой, пособиями для внеклассного чтения, особенно на языках коренных народов, слабо оснащены современными техническими средствами обучения. А если учесть, что восточные ханты делятся на три различных группы диалектов (Тром-Аганский, Юганский, Пимской), то обучение родному хантыйскому языку для одних детей, становится изучением чужого диалекта для других.

Особое внимание стоит уделить острой нехватке литературы на национальных языках. В библиотеках районов проживания малочисленных народов Севера на 1 января 2010 г. насчитывалось только 7 846 экземпляров книг на 12 языках. В условиях рыночной экономики очень сложно решать вопросы материального обеспечения культуры.

Одной из попыток улучшить состояние культуры коренных народов Севера является национальная школа, которая может противопоставить процессам ассимиляции формирование национального самосознания и самобытности. Именно национальная школа, с одной стороны, выступает как условие реализации этнического самосознания на личностном уровне, а с другой, как место, где идет процесс его становления и развития. Следует отметить, что национальная школа – это центр свободного общения по поводу национальных культур, а не селекция по национальному признаку.

Учебно-воспитательный процесс в национальной школе строится на признании за любой национальной культурой статуса достояния человеческой цивилизации и обязательно включает воспитание чувства уважения к культуре и традициям своего народа и приобщение детей к общечеловеческим ценностям и достижениям мировой культуры. Известно, что задачей национальной школы является формирование этнокультурно-ориентированной личности, способной к творческому саморазвитию в поликультурном открытом мире [2].

Существенное значение, с этой точки зрения, приобретает работа по формированию этнического сознания и самосознания, прежде всего у учителей, воспитателей и родителей. А это станет возможным, если они постигнут «дух» этноса, его исконную культуру и традиционную педагогику, являющуюся «ядерной энергией» культуры и целостной системой воспитания подрастающего поколения.

Знание народной педагогической культуры любой нации или народности обогатит духовно педагогов, работающих в национальных детских садах, школах. Изучение исконных

подходов к воспитанию личности будет способствовать формированию культуры межнационального общения, уважения к обычаям, языку, традициям, искусству, являющихся источником национального самосознания и эстетических чувств.

Для того чтобы эта работа осуществлялась в системе, нужна программа по расширению национального самосознания детей с детского сада до окончания школы. Особую часть ее должно составить семейное воспитание, а также участие всех посреднических структур, ответственных за стратегию воспитания.

«Странно, – писал Ушинский, – что идея обязательного обучения возбудила такое сильное противодействие со стороны некоторых из наших прогрессивных журналов. Кажется, что им не понравилось самое слово: "обязательный и принудительный", и они не разобрали, что под этим словом скрывается одна из либеральнейших идей. Обязательное учение стесняет не дитя, которое учится, но родителей, которые, в силу этой обязанности, должны дать образование своим детям. Обязанность учения детей есть самое справедливое ограничение отцовского деспотизма и самое справедливое требование общества относительно отдельного лица. Кто имеет детей, тот обязан приготовить из них хороших, полезных членов обществу, среди которого он живет» [5].

Что касается формирования этнического самосознания со стороны образовательного учреждения, то работу по его формированию можно разделить на два направления: учебное и воспитательное.

Анализируя работу учителей начальных классов «Тром-Аганской НШДС», можно отметить, что со стороны учителя осуществляется дифференциация учеников по уровню знаний, что позволяет использовать в работе разноуровневые карточки, дополненные реалиями бытовой жизни ханты.

Пример:

Условие задачи: Папа с сыном поплыли на обласе на рыбалку. Папа поймал 30 окуней, а сын поймал 6 щук.

Уровень 1	Уровень 2	Уровень 3
Сколько всего рыбы поймали папа с сыном?	Поставь вопрос задачи так, чтобы задача решалась действием вычитания.	Измени условие задачи, чтобы она решалась выражением: $30 + (30 + 6)$.

Каждая работа включает не меньше 3 заданий разного уровня:

*первое задание отражает общие требования к использованию знаний, умений и навыков на репродуктивном уровне;

*второе задание позволяет установить возможность использования знаний и умений в условиях, требующих сочетания репродуктивного уровня с элементами продуктивной деятельности;

*третье задание устанавливает способность ученика использовать знания в условиях, когда основной становится продуктивная, творческая деятельность, т. е. значительно отличается от привычной учебной ситуации.

В то же время учащиеся проецируют условие задачи на себя и свое окружение, что позволяет повысить личную мотивацию для ее решения, а также познакомить остальных детей с традиционным укладом жизни народа ханты.

Из опыта работы социального педагога можно отметить, что большое воспитательное значение имеет внедрение в учебно-воспитательный процесс мероприятий, посвященных праздникам народа ханты. С их помощью образовательное учреждение реализует не только цели по сохранению культуры этого народа, но и, вовлекая в процесс детей других национальностей, способствует процессам взаимного обогащения различных культур.

В качестве примера можно привести фрагмент мероприятия «Обряд гостеприимства», проведенного в начальной школе п. Тром-Аган.

Цель: сохранение традиций и обычаев народа ханты.

Оборудование: теплый чум, продукты, нарты, тынзян (ременной аркан), хорей, коврик, палка для игры.

Предшествующая работа: беседа с родителями и воспитанниками о правилах встречи гостей в чуме. Разучивание стихов. Разработка сценария и подготовка обряда гостеприимства.

Участники: хозяйка чума, хозяин чума, помощники хозяйки.

Гости: учащиеся начальной школы – детского сада, родители.

Место проведения: чум, находящийся на территории этнического музея народа ханты, который оборудовали прямо под открытым небом – на базе национального стойбища.

Ход мероприятия:

Хозяйка чума со своими помощницами готовится к встрече гостей, накрывает стол.

Хозяин чума (Николай) встречает гостей на улице:

- Здравствуйте, дорогие гости! (Пэча волитэх!)

За руки здороваются со всеми гостями, приглашает гостей в чум.

Ведущая (соц. педагог): В чум первым заходить должен хозяин, вслед за ним мужчины, а затем женщины и дети. Гости, зайдя в чум, здороваются со всеми за руку. Мужчины располагаются на мужской половине чума, а женщины на своей половине со стороны входа. Ребята, попрошу вас сесть правильно, как требует обычай.

(Гости садятся.)

Ханты, как и другие северные народы, очень гостеприимны. Родственники никогда не предупреждают о своем приезде, потому что знают – их встретят в любое время суток, накормят блюдами из оленины или рыбы, угостят горячим чаем. Также приветливы ханты и к любому другому путнику, которому требуется ночлег или помощь.

У народа ханты есть обычай, встречать любого гостя в любое время. Даже если путник приехал поздней ночью, хозяйка должна встать зажечь лампу, растопить печь, поставить кипятить чайник и встретить гостя. Напоить его горячим чаем, накормить, если путник дальше не едет, уложить спать. Если хозяйка не встала и не встретила гостя как положено, то про нее будут говорить, что она нехороший человек.

(Хозяйка ставит чайник и накрывает стол, приглашает всех к столу, сначала угощает строганиной.)

«...»

Ведущая: Всех мальчиков приглашаем на улицу на состязания.

(Ребята выходят с хозяином чума на улицу.)

Проводятся национальные соревнования среди мальчиков на улице:

- Прыжки через нарты;

- Перетягивание палки;

- Метание тынзяна на хорей.

(Хозяйка прибирает со стола со своими помощницами) [3].

В качестве вывода по данному мероприятию стоит заметить, что после праздника «Обряд гостеприимства» был выявлен возросший интерес к традиционной культуре народа ханты, как среди детей – носителей культуры, так и среди учащихся других национальностей. Это говорит о том, что повышается вероятность подражания детей взрослым: желание быть, как папа – охотником, или, как мама – рукодельницей, звучит чаще, чем желание уехать в город и «быть, как все».

Благодаря таким мероприятиям дети-ханты осознают свою «непохожесть» на остальных детей, начинают испытывать чувство гордости за свою культуру, проявлять к ней интерес, и в перспективе именно такие мероприятия смогут нам гарантировать, что термин «традиционная культура» не станет забытым.

Обращение к старому, возрождение старого, его сохранение – это не отказ от нового, это новое понимание старого, своих корней, ощущение себя в истории. «Культура не дается

человеку от рождения, – отмечал академик П. П. Пиотровский. – Путь один: обучение и воспитание. Насколько осознанно пропущено через сердце и ум и переосмыслено наше наследие, настолько можно говорить и о культуре каждого нового поколения и каждого отдельного человека» [4].

Литература

1. Беликова Е. В., Битаева О. И., Елисеева Л. В. Теория и методика воспитания: конспект лекций. URL: <http://coollib.com/b/89746/read> (дата обращения: 29.04.2016).
2. Бугаева А. Л., Зуева У. Н. Формирование этнического самосознания у учащихся на основе традиций Севера. Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2002. 190 с.
3. Кравченко Е. Н. Сценарий внеклассного мероприятия «Обряд гостеприимства». Из личного архива.
4. Пиотровский П. П. Без мудрости прошлого мир одичает // Труд. 1980. 5 дек.
5. Ушинский К. Д. Наука и искусство воспитания / сост. С. Ф. Егоров. М., 1994.
6. Этнография и краеведение: стратегическое значение Севера для экономики России. URL: <http://www.ethnowork.ru/rins-985-1.html> (дата обращения: 21.04.2016).

УДК 371.67:372.881.151.114.2

*Лельхова Ф. М.
Lelkhova F. M.*

К ВОПРОСУ РЕАЛИЗАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО КОМПОНЕНТА В УЧЕБНЫХ ПОСОБИЯХ ПО ХАНТЫЙСКОМУ ЯЗЫКУ (СУРГУТСКИЙ ДИАЛЕКТ)

TOWARDS QUESTION OF ETHNO-CULTURAL COMPONENT IMPLEMENTATION IN TEACHING AIDS IN KHANTY LANGUAGE (SURGUT DIALECT)

Статья посвящена реализации этнокультурного компонента в учебных пособиях по хантыйскому языку. Реализация этнокультуроведческого аспекта в содержании образования – это новый подход к разработке программ, учебников, учебных пособий по родному языку, литературе, в которых раскрывается этнокультурный компонент учебных предметов. Этнокультуроведческий материал, отражающий традиционное мировосприятие народа, национально-культурный пласт хантыйской лексики при обучении родному языку необходим в целях активизации познавательной деятельности учащихся по овладению хантыйской культурой.

Ключевые слова: этнокультурный компонент, учебно-методический комплекс, хантыйский язык.

В современной педагогической науке и практике актуализируется проблема формирования содержания школьного гуманитарного образования на основе культурологического подхода, сориентированного на интеграцию различных национальных культур. Этот процесс в большей степени проявляется в школьном учебнике, воплощающем конкретное содержание учебных программ, основные цели образования и воспитания.

В ОУИПИИР поставлена задача расширения учебно-методической базы для обучения родному языку и подготовки словарно-справочной литературы на всех диалектах хантыйско-

го языка. На сургутском диалекте хантыйского языка изданы учебно-методические комплекты для школ с этнокультурным содержанием образования. А. С. Сопочина (Песикова) [6–8] является автором многих учебников, учебных пособий, словарей, разговорников по сургутскому диалекту хантыйского языка. Ею написаны по хантыйскому языку современные учебники 1–4 классов, «Картинный словарь хантыйского языка», «Русско-хантыйский разговорник», актуальность составления которых определяется отсутствием учебных пособий для владеющих и невладеющих родным языком. При обучении рекомендуется использовать методы и формы работы методики обучения языку как иностранному.

За годы работы ею написано около 25 учебных изданий, в том числе книги по культуре, фольклору сургутских ханты. Родной хантыйский язык она пропагандирует всегда: общаясь с маленькими детьми, со школьниками, студентами, взрослым населением, а также рассказывая о нем на лекциях в школах, на курсах повышения квалификации учителей, на семинарах подготовки учебных пособий, за рубежом, куда ее не раз приглашали для чтения лекций, для проведения различных мероприятий, для консультаций по различным вопросам.

А. С. Сопочиной изданы книги «Детские сказки варьеганских ханты», «Кул кэнчэ панэ кулэли илты моньть (перевод сказки “Сказка о рыбаке и рыбке”», «Сорнен тютюкурек илты моньть (“Сказка о золотом петушке”», которые можно использовать в работе как в дошкольных, школьных учреждениях, так и в высшей школе при изучении языка, при знакомстве с фольклором ханты, с устным народным творчеством.

Выпущен также комплект пособий «Занимательная грамматика хантыйского языка» 1–4 классы (авторы А. Н. Волкова, А. А. Шиянова, Г. Л. Нахрачева) [1–5]. Данные учебные пособия являются экспериментальными пособиями для детей, не владеющих хантыйским языком, предназначены для систематической проверки знаний учащихся. Комплекс учебных пособий «Занимательная грамматика хантыйского языка для 1–5 классов» представляет собой методические пособия по изучению и закреплению словарного, грамматического материала хантыйского языка. В пособие включены занимательные задания, упражнения для детей, не владеющих хантыйским языком. Учебный материал поможет сформировать грамматически правильный строй речи, научит самостоятельно строить рассказ, отвечать на вопросы, выявит типичные ошибки и позволит своевременно их устранить. При изучении и закреплении имен существительных даются творческие задания на умение подбирать слова, отвечающие на вопросы *кто, что*, умение образовывать число имен существительных, слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Лексический и грамматический материал пособия доступен и понятен младшим школьникам. Сборник снабжен яркими красочными рисунками.

А. С. Сопочиной опубликованы также научные статьи, тезисы, сообщения в отдельных сборниках по проблемам этнопедагогики, этнопсихологии, этике обско-угорских народов. Вопросы воспитания хантыйского ребенка в семье изложены в статье «Традиционное воспитание детей сургутских ханты», «Некоторые аспекты этнопсихологии обских угров (на примере пимских ханты)», «Нормы поведения на хантыйском стойбище», «Взгляд изнутри культуры». Написаны работы по проблемам регулирования отношений коренного населения, ведущего традиционный образ жизни, с нефтяными компаниями, по вопросам самоуправления КМНС, по вопросам социально-экономического положения КМНС, по вопросам родовых угодий и др.: «Самоуправление коренных народов Севера и Сибири и принципы его моделирования», «Взаимоотношение техногенной и аборигенной цивилизации», «Современное социально-экономическое положение сургутских ханты», «Ландшафт для слабых и сильных», «О чем думают в общине “Ханто”» и многие другие статьи). Ее работы также посвящены традиционному мировоззрению, духовной и материальной культуре восточных ханты, которые имеют отличительные особенности от других локальных групп ханты не только в языке, но и в материальной и духовной сфере: в одежде, жилище, обрядах, традициях: «Современная структура миропонимания обских угров, ведущих традиционный образ жизни»,

«Что такое “Богатство” в представлении хантов реки Тром-Аган?», «Сургутские ханты» и другие интересные публикации.

Составной частью УМК по литературе ОУН является книга для чтения (сургутский диалект) для 4 класса (авторы А. С. Сопочина, А. Н. Волкова) [9]. В книге представлены поэты и писатели обско-угорских народов (Ю. Вэлла, В. Волдин, К. И. Маремьянин, А. М. Конькова, М. П. Вахрушева, Г. Лазарев), писатели тюменского Севера (М. К. Анисимкова), ученые-исследователи (Г. И. Бардин, М. П. Вахрушева), а также небольшие рассказы школьников ХМАО, устное народное творчество обско-угорских народов (народные сказки ханты и манси, загадки), рассказы советских писателей о животных, переведенные на хантыйский язык, рассказы Григория Лазарева. Открывает книгу биография поэта Юрия Вэллы (Айваседа), пишущего на восточном диалекте хантыйского языка. Представлены его стихи на хантыском языке, а также личные песни, записанные у знатоков языка. В учебнике описано также творчество В. Волдина, его биография, стихи. Мансийская литература представлена творчеством известной мансийской писательницы, сказительницы А. М. Коньковой. Её воспоминания о своей родной деревне, о жизни, мансийские сказки в обработке писательницы. В учебнике можно познакомиться с творчеством известной в округе русской писательницы М. К. Анисимковой, в частности, с ее переводом поэмы «Пупи лангалтуп». Также в книге представлена биография и воспоминания первой мансийской писательницы, ученой М. П. Вахрушевой о Малой Юконде. Воспоминания полярника, ученого Г. И. Бардина о сургутском крае. В книге мы найдем биографию К. Маремьянина, написанную исследователем языка ханты Е. А. Немысовой. Он был учеником В. Штейница, который записал его песни, сказки.

Современная хантыйская учебная книга строится в основном на связных текстах, тематика которых содержит обширный аспект воспитательного воздействия на детей. В ней широко представлены тексты о родном крае, о малой Родине, родном языке, его структуре, богатстве и выразительности, природе родного края (флора и фауна, реки и озера, времена года), выдающихся личностях, а также материалы устного народного творчества. Тексты для чтения имеют большое воспитывающее, познавательное и обучающее значение. Тематика уроков разнообразна и интересна, постепенно вводит детей в культуру народов, расширяет знания учащихся о литературном творчестве ханты и манси. Основной целью обучения родному языку, литературе является развитие речевых навыков, монологической и диалогической речи, обогащение словарного запаса учащихся, овладение умениями слушания, говорения, чтения, письма, необходимыми для общения, воспитание положительного отношения к хантыскому языку, к родному краю, развитие личностных, познавательных и созидательных способностей учащегося.

Содержание и структура учебников четко продумана, отбор и организация языкового материала, практических заданий и упражнений определяются принципом коммуникативной направленности обучения. Преподнесение лексического материала направлено на последовательное закрепление навыков произношения, накопление словарного запаса, формирование основ разговорной хантыйской речи.

На каждом уроке запланирована работа, направленная на выработку четкого произношения звуков хантыйского языка. Пройденный лексический и грамматический материал последовательно повторяется из урока в урок, что важно для закрепления и полного его усвоения учащимися.

Тематический материал преподносится с учетом этнокультуроведческого компонента в процессе обучения. Приобщение учащихся к культуре хантыйского этноса происходит через знакомство с хантыскими загадками, в которых отражается мировоззрение народа, знакомство с народным календарем, разучивание небольших стихотворений, чтение и инсценирование сказок. Тексты для чтения, описывающие народные праздники, хантыские игры и игрушки, животный и растительный мир родного края, а также фольклорные тексты и стихотворения известных северных поэтов и писателей (А. Сенгепова, М. К. Волдиной, Ю. Шесталова), в том числе оригинальные стихи и рассказы самого автора (А. С. Песиковой) имеют большое воспитывающее, познавательное и обучающее значение.

Тематика уроков разнообразна и интересна, постепенно вводит детей в языковую среду, расширяет знания учащихся об окружающей их действительности. Это темы, посвященные знакомству, семье, друзьям, дому, животному миру, явлениям природы, традиционной одежде, пище, предметам быта и т. д. На уроках учащиеся знакомятся со звукоподражательными словами, устойчивыми сочетаниями, которые для более удобного восприятия выделены в рамочки. Учебник знакомит с терминами родства, с хантыйскими именами и фамилиями, кличками животных, все имена даются в хантыйской орфографии. Авторы учебников активно используют краеведческий материал: топонимы, тексты о городах, памятниках округа, карту округа, рассказы, иллюстрации, знакомящие с достопримечательностями финно-угорских народов и т. д. Учебники снабжены небольшими по объему и легко усвояемыми стихотворениями, художественными и фольклорными текстами, которые, как и весь остальной материал, формируют внутренний мир личности, определяют приобщение человека к национальным традициям, обычаям, быту, нравам.

Обучение родному языку по указанным учебно-методическим комплектам способствует развитию речевых способностей учащихся, монологической и диалогической речи, усвоению элементарных знаний о фонетике, грамматике, лексике языка, овладению умениями говорения, чтения, письма, обогащению словарного запаса школьников, воспитанию положительного отношения к хантыйскому языку, к родному краю, развитию личностных, познавательных и созидательных способностей учащегося. Весь языковой и грамматический материал изложен в доступной форме. Особенно хочется отметить подачу грамматического материала. Авторы учебников подробно акцентируют внимание учащихся на хантыйских синтаксических структурах. Это простые конструкции предложений, отрицательные предложения, модальные конструкции, сравнительные обороты и т. д., которые направлены на усвоение разговорной хантыйской речи. Различные виды творческих заданий и упражнений (из букв собрать слова, подобрать антонимы, нарисовать к тексту картину, дополнить предложения, подобрать правильную грамматическую форму, чтение по ролям, пересказ текста, задания в форме теста, составление предложений, рассказов по образцам и т. д.) должны выработать у учащихся навыки устной и письменной хантыйской речи. Положительным в работе является и то, что учебно-методические комплекты, адресованные учащимся начальных классов, обучающихся в школах с этнокультурным компонентом в системе образования, построены по принципу подачи материала для учащихся, не знающих язык или слабо владеющих языком, их можно использовать всем, кто желает изучать хантыйский язык. Каждый учебник сопровождается хантыйско-русским словарем, что очень удобно для аудитории, не владеющей языком, так как данные пособия можно использовать при обучении хантыйскому языку не только в школах, но и в других учебных заведениях. В ОУИПИИР были изданы также фольклорные сборники на языке сургутских ханты «Сказки, рассказы с реки Лямы», сост. А. С. Песикова, А. Н. Волкова [11] и «Сказки и рассказы сургутских ханты», сост. М. Чепреги [10].

Таким образом, учебная литература по хантыйскому языку позволяет нам установить основной подход к формированию ее содержания – культурологический, что проявляется в обширном использовании материалов о хантыйском языке, об обско-угорских народах. Этнокультурологический материал, отражающий традиционное мировосприятие народа, национально-культурный пласт хантыйской лексики при обучении родному языку в условиях современной языковой ситуации в округе, когда даже в национальных школах немногие ученики свободно владеют родным языком, необходим в целях активизации познавательной деятельности учащихся по овладению высшими ценностями хантыйской культуры. Язык есть отражение национальной культуры народа, говорящего на нем. Язык и национальная культура неразделимы. Именно язык является хранителем информации об окружающем нас мире, зеркалом национальной культуры, следовательно, обучение хантыйскому языку необходимо связывать с усвоением культуры хантыйского народа, что и отражается последовательно на страницах данных учебных пособий.

Литература

1. Волкова А. Н., Нахрачёва Г. Л. Занимательная грамматика хантыйского языка (сургутский диалект): 2 класс : эксперимент. учеб. пособие для детей, не владеющих хантыйским языком / под ред. А. С. Песиковой ; Департамент образования и молодежной политики ХМАО – Югры ; Обско-угор. ин-т прикладных исследований и разработок. Ханты-Мансийск : Югорский формат, 2014. 19 с.
2. Волкова А. Н., Нахрачёва Г. Л. Занимательная грамматика хантыйского языка (сургутский диалект): 3 класс : эксперимент. учеб. пособие для детей, не владеющих хантыйским языком / под ред. А. С. Песиковой ; Департамент образования и молодежной политики ХМАО – Югры ; Обско-угор. ин-т прикладных исследований и разработок. Ханты-Мансийск : Югорский формат, 2014. 19 с.
3. Волкова А. Н., Нахрачёва Г. Л., Шиянова А. А. Занимательная грамматика хантыйского языка (сургутский диалект): 5 класс : эксперимент. учеб. пособие для детей, не владеющих хантыйским языком / под ред. А. С. Песиковой ; Департамент образования и молодежной политики ХМАО – Югры ; Обско-угорский ин-т прикладных исследований и разработок. Ханты-Мансийск : Югорский формат, 2014. 39 с.
4. Волкова А. Н., Шиянова А. А. Занимательная грамматика хантыйского языка (сургутский диалект): 1 класс : эксперимент. учеб. пособие для детей, не владеющих хантыйским языком / под ред. А. С. Песиковой ; Департамент образования и молодежной политики ХМАО – Югры ; Обско-угорский ин-т прикладных исследований и разработок. Ханты-Мансийск : Югорский формат, 2014. 23 с.
5. Волкова А. Н., Шиянова А. А. Занимательная грамматика хантыйского языка (сургутский диалект): 4 класс : эксперимент. учеб. пособие для детей, не владеющих хантыйским языком / под ред. А. С. Песиковой ; Департамент образования и молодежной политики ХМАО – Югры ; Обско-угорский ин-т прикладных исследований и разработок. Ханты-Мансийск : Югорский формат, 2014. 19 с.
6. Песикова А. С. Хантыйский язык (сургутский диалект). 2 кл : учеб. для общеобразоват. учрежд. Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2008. 144 с.
7. Песикова А. С. Хантыйский язык (сургутский диалект). 4 кл : учеб. для общеобразоват. учрежд. Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2008. 128 с.
8. Песикова А. С. Хантыйский язык (сургутский диалект). Букварь. 1 кл : учеб. для общеобразоват. учрежд. Ханты-Мансийск : Полиграфист, 2008. 124 с.
9. Песикова А. С., Волкова А. Н. Книга для чтения (сургутский диалект). 4 кл.; Департамент образования и молодежной политики ХМАО – Югры ; Обско-угор. ин-т прикладных исследований и разработок. Ханты-Мансийск : ИИЦ ЮГУ, 2010. 132 с.
10. Сказки и рассказы сургутских ханты: фольклорный сб. / авт.-сост. М. Чепреги ; под ред. А. С. Песиковой ; пер. на рус. яз. Т. А. Ефремова, А. С. Песикова ; Департамент образования и молодеж. политики ХМАО – Югры ; Обско-угор. ин-т прикладных исслед. и разработок. Тюмень : Формат, 2015. 118 с.
11. Сказки, рассказы с реки Лямы : фольклорный сб. на языке сургутских ханты / сост.: А. С. Песикова, А. Н. Волкова ; ред. Н. А. Белова ; Департамент образования и молодеж. политики ХМАО – Югры, Обско-угор. ин-т прикладных исслед. и разработок. Ханты-Мансийск : Юграфика, 2013. 328 с.

УДК 376.6(=1-81)(571.122)

Орехова А. Н.
Orekhova A. N.

ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА ЮГРЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

INDIGENOUS PEOPLES CHILDREN EDUCATION OF THE UGRA NORTH: PROBLEMS AND PROSPECTS

В данной статье рассматривается вопрос о системе образования в школах-интернатах детей коренных малочисленных народов севера Югры, о проблемах перехода на новые стандарты дошкольного образования.

Ключевые слова: школа, образование, «стойбищных школ».

Человечество – это полотно восхитительной красоты и разнообразия. Коренные народы мира являются яркой и неотъемлемой частью этого полотна. У них есть многое, чем можно гордиться, и многое, чему можно научить других членов человеческого сообщества. Защита и развитие их прав и культуры является проблемой фундаментальной важности для всех государств и народов.

Генеральный секретарь ООН
Кофи Аннан, 1997–2006 гг.

Исторически сложилось, что за последние 70 лет на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке развилась целая система школ интернатского типа. Туда из труднодоступных, удаленных мест к началу учебного года привозят детей на обучение и постоянное пребывание. У детей есть возможность получить среднее, а в дальнейшем и высшее образование. Начальные школы существуют в ряде населенных пунктов, но это очень маленький охват. В целом в крупных административных центрах Севера, Сибири и Дальнего Востока работают школы-интернаты.

В Сургутском районе 3 интерната, где обучаются дети коренных малочисленных народов Севера (далее – КМНС) (ханты), у всех школ (интернатов) есть общая проблема – необходимость создания условий для индивидуально-личностного развития обучающихся из числа КМНС в процессе обучения в школах-интернатах, сохраняющих национальные традиции в условиях реализации ФГОС с учётом психофункциональной готовности младших школьников к периоду школьного обучения, вхождения в образовательную среду, адаптированности к новым условиям жизнедеятельности.

Воспитание детей в интернатной системе дает свои плоды: дети, выросшие в тайге, на стойбище, не могут вжиться в городскую среду, обучаясь в населенных пунктах, после окончания школы, они не могут поступить в высшие учебные заведения, а когда поступают, то не все получают дипломы, но возвращаться на стойбище уже не хотят. Именно за счет таких молодых людей, оторванных от родных корней, пополняются маргинальные слои общества.

Слабой можно считать подготовку квалифицированных кадров из числа КМНС. К сожалению, число представителей коренных народов Севера, поступающих в высшие учебные заведения, год от года снижается, хотя государство тратит огромные деньги, выделяются бюджетные места, оказывается финансовое содействие в проезде к месту учебы, но результатов пока нет.

Поэтому перед нашей школой стоит задача не просто давать детям знания, обучать русскому языку, обучать компьютерной грамотности, но и воспитывать их таким образом, чтобы они любили родной край и хотели жить так, как жили и живут их отцы и деды. Решение данного актуального вопроса во многих регионах уже обсуждалось, но на практике к реализации приступили лишь в нескольких регионах страны, это Республика Саха (Якутия), ЯНАО. Родители и дети в данных регионах имеют возможность получать и давать образование как в школе-интернате, так и в кочевых школах. В Республике Саха статус кочевого образования закреплен законодательно.

Суть кочевых школ скрыта в самом названии – это мобильные подразделения, передвижные модули, которые могут добраться до труднодоступных уголков, где люди ведут традиционный вид хозяйствования. Идея в том, чтобы маленькие дети оставались в семье, чтобы ребенок шел из дома ухоженным и обласканным родителями. И самое главное – чтобы сами родители лично участвовали в воспитании ребенка, ведь первые знания, которые получит ребенок, будут восприняты через призму семьи. Кочевые школы созданы для сохранения традиций, для непрерывности в передаче опыта ведения хозяйства кочевых народов, для сохранения языков коренных народов Севера [2].

Психологическая подготовка ребенка к обучению в школе является важным шагом развития дошкольника и определяется системой требований, которые школа предъявляет ребенку. Это личная, социальная, эмоционально-волевая, интеллектуальная готовность, его речевое развитие и соматическое здоровье, а также состояние мелкой моторики и кругозора развития ребенка. При поступлении детей КМНС в первый класс имеются проблемы по адаптации в образовательном процессе: незнание русского языка, оторванность от родителей, не сформированы основы готовности к школьному обучению, дети не знакомы с правилами поведения в организованном детском коллективе. Данные проблемы накапливаются, и в результате мы имеем слабую мотивацию в учебе, нет желания получить профессиональное, высшее образование в дальнейшем. И дети, живущие на стойбище, ни в коем случае не виноваты в том, что они все это не могут сделать.

В Концепции модернизации системы образования одной из приоритетных задач ставится обеспечение государственных гарантий доступности и равных возможностей получения дошкольного образования для всех слоев населения. Государственная политика в области образования на современном этапе направлена на обеспечение вариативности и гибкости предоставления различных форм образовательных услуг детям дошкольного возраста [1].

Сегодня проблема обеспечения доступности услуг качественного дошкольного образования маленьких детей КМНС со стойбищ продолжает существовать. В связи с этим одной из стратегических государственных позиций названо обеспечение населения вариативными формами дошкольного образования в соответствии с их потребностями и возможностями.

В нашей школе также обозначены проблемы организации образовательной среды для детей КМНС в рамках перехода на федеральные государственные стандарты (ФГОС). Кардинальное отличие стандартов нового поколения – ориентация на конкретные результаты образования – формирование личности, способной адаптироваться и реализоваться в современном динамичном поликультурном обществе, формирование универсальных учебных действий (УУД) [1]. Учитывается ли все это в системе образования (дошкольного и общего)? Должна, с одной стороны, быть адаптивной к уровню и особенностям развития и подготовки детей к процессу обучения (ст. 2, п. 3 закона РФ «Об образовании»), а с другой, способствовать адаптации детей к образу жизни в современном обществе. Для более эффективной реализации образовательных задач, сохранения и укрепления здоровья обучающихся необходимо при организации учебно-воспитательного процесса учитывать психофизиологические особенности детей, а в результате – неравный старт обучения с 1-го класса, как следствие, низкие результаты ЕГЭ и ГИА; несоответствие способов оценки знаний особенностям культуры народов Севера; особенности мышления детей КМНС снижают возможности сдачи экзаменов в форме тестов.

Необходимость введения и функционирование «стойбищных школ» актуальна, к несомненным достоинствам стойбищных школ относится пребывание детей в семье, но бытовые условия и кочевой образ жизни слабо соотносится с полноценным образовательным процессом. Для этого необходимо пересмотреть (адаптировать) учебные программы и планы таким образом, чтобы учебный процесс не становился препятствием традиционной хозяйственной деятельности коренных народов. Главная цель открытия, внедрения «стойбищных школ» – обеспечить каждому ребенку дошкольного возраста свой уровень физического развития, развития коммуникативности, любознательности, самостоятельности, активности, познавательной инициативы, преодоления ошибок и неудач, воспитание на культуре, традициях, обычаях своего народа, без отрыва от родителей, среды обитания. Все это позволит каждому ребенку быть успешным при обучении в школе. Важным преимуществом «стойбищной школы» и предшкольной адаптации подготовки является то, что дети имеют возможность жить в условиях традиционного уклада жизни, у них легче проходит адаптация к образовательному процессу, это способствует большей успешности учеников в первые месяцы обучения в школе.

Воспитательная система нашей школы сконцентрирована на создании воспитательной среды, комфортной для детей-ханты от 7 до 18 лет, коллектив педагогов школы пытается компенсировать отсутствие непосредственного влияния родителей на ребенка в процессе обучения в школе и сохранить традиции и обычаи народа ханты. Основой воспитательной системы прежде всего является культурологическое знание жизненного уклада, быта и традиции своего народа, его духовно-нравственных ориентиров и их проявлений в народных промыслах, в творчестве и традиционных ремеслах.

Уже не одно десятилетие специалисты и простые граждане спорят и говорят о степени пагубности интернатного воспитания детей коренных малочисленных народов, о том, что наилучшим образом интересам ребенка отвечает проживание и воспитание в родной семье, дома на стойбище. Но создать на каждом стойбище и промысловой точке, отдельную школу, наверное, не сможет ни одно государство в мире, найти золотую середину – задача государства и сообщества коренных малочисленных народов севера.

Таким образом, актуальность введения новой формы дошкольного образования, а именно «кочевых групп», «стойбищных школ», а также адаптации программ ФГОС обусловлена нерешенными проблемами общедоступности услуг качественного дошкольного образования, гарантированных Конституцией Российской Федерации. Актуальность подчеркивают проблемы разноподготовленности детей КМНС к школьному обучению, затруднения адаптации к новым условиям школьной жизни, социализации в обществе, отрицательным влиянием данных процессов на развитие ребенка и его здоровье (появлением тревожности, снижением (или завышением) уровня самооценки, снижением познавательного интереса, нежеланием учиться в школе, а в целом несформированности готовности к систематическому обучению).

Опыт применения кочевых школ на Ямале, в Якутии (Саха) – это первый шаг к тому, чтобы приблизить учебу к местам проживания людей, где они могут получить образование, не отрываясь от семьи. От своих родителей дети получают языковую атмосферу, получают те важные знания, на которых веками строится культура и жизнь народа ханты.

Литература

1. Концепция федеральных государственных образовательных стандартов общего образования: проект / Рос. акад. образования ; под ред. А. М. Кондакова, А. А. Кузнецова. М. : Просвещение, 2008. 39 с. (Стандарты второго поколения).
2. Национальный акцент. URL: <http://nazaccent.ru/column/64/> (дата обращения: 20.04.2016).

УДК 392.8(=511.142)

Пятникова Т. Р.

Ryatnikova T. R.

ПИЦЦА В КУЛЬТУРЕ СЕВЕРНЫХ ХАНТОВ ПОЛНОВАТСКОГО ПРИОБЬЯ

FOOD IN CULTURE OF POLNOVAT OV NORTHERN KHANTY

Адаптация человека к условиям проживания и уровню хозяйственно-культурного развития происходит в непрерывном взаимодействии культурных и биологических факторов. Важную роль в такой адаптации всегда играло формирование традиций питания. Состав и количество пищи должны были удовлетворять потребности человека. В статью включены материалы по традиционной культуре хантов полноватского Приобья, связанные с пищей.

Ключевые слова: пицца, рыбий жир, кожа рыбы, «сад», продукты охоты, каша «со-ламат», жертвоприношение, обряд.

В процессе своего существования человечество приспосабливается к окружающей среде через создание материально объективированных явлений культуры. На их формирование оказывают влияние самые различные факторы: природная среда, особенности образа жизни и хозяйственных занятий населения, взаимодействие его с соседними народами [8, с. 157].

О способах заготовки и традиционной национальной кухне ханты есть достаточно сведений в этнографической литературе [2; 3; 4; 5]. Поэтому остановимся лишь на некоторых особенностях традиционной кухни северных ханты данного региона, изменениях в системе питания, о значении пищи в жизни народа.

Основу питания коренного населения составляли рыба, мясо домашних животных (коровы, овцы, лошадь), молоко, молочные продукты, хлеб, ягоды. Определённое место в рационе питания занимали и продукты охоты (лось, водоплавающие птицы, дичь). С образованием колхозов в 1930-х гг. на корм скоту стали выращивать картофель, морковь, репу и другие овощи. По воспоминаниям информантов, для них это была непривычная еда. Впоследствии в теплицах стали выращивать помидоры, огурцы, перец и т. д. Собирали различные травы и коренья, кору некоторых деревьев, которые применялись в качестве чая и в народной медицине. Грибы в пищу совсем не употребляли.

Рыболовство составляет основу жизнеобеспечения населения. Орудия и способы лова почти не изменились, лишь крапивные сети заменены капроновыми. Способы заготовки рыбы различались по сезону, виду рыбы. Её ели сырой, вялили, сушили, коптили, в XX в. стали солить. Из внутренностей белой рыбы (нельма, муксун) вытапливали рыбий жир и заготавливали впрок. В рыбьем жире варили желудки белки, наполненные кедровыми орехами. Рыбий жир использовали для освещения жилища, он служил предметом обмена с оленеводами, его выменивали на шкуры оленя, одежду из оленьей шкуры. Кости рыбы сушили в течение лета, затем толкли в муку, зимой как приправу добавляли в уху. Кожу рыбы (налима) обрабатывали, и она шла на изготовление непромокаемых мешков, предметов одежды (плащ от дождя, укрывной материал, обувь) и домашнего обихода. Этот давно забытый вид занятия в настоящее время возрождают в Центрах культуры национального творчества, выделявая кожу рыб по современной технологии. Не меньшую роль в хозяйстве имела рыба чешуя, кожу и кости использовали для выварки крепкого рыбьего клея. Для изготовления клея их долго варили в воде. Готовую массу сливали в деревянную посуду, где она застывала. Затем разрезали на куски и так хранили. При надобности отрезали кусок и растапливали.

В прошлом рыбу ловили и заготавливали только для пропитания, впоследствии – для продажи, обмена. С образованием рыболовецких артелей (1920-е г.), колхозов рыбу стали ловить много. Чтобы дольше сохранять рыбу в свежем виде, появились новые способы хранения. Например, в воде – это «сад» наподобие ящика, сколоченный из досок или сделанный из сетей; ледники – выкапывали глубокую яму, зимой спускали лёд. Информанты вспоминают, что раньше рыбы ловили полные неводные лодки. Во время сильного ветра у берега лодки с рыбой захлёстывало волной и рыбу уносило течением. Переворачивало и плашкоуты с рыбой. С таким трудом выловленная рыба пропадала, получалось невыполнение плана, и опять надо было ловить. В то время были маленькие катера «Свобода», «Полноватец», «Табески», за одну ночь неводом столько ловили, что два катера вытаскивали плашкоут с рыбой.

В настоящее время традиционное рыболовство переживает тяжёлые времена, в реке не стало рыбы. По мнению Я. Г. Слепцова: «Катастрофическое сокращение вылова отнюдь не связано с истощением природных ресурсов промысловой рыбы в водоёмах. Оно является следствием преждевременной безрасчётной приватизации многоотраслевых рыбопромысловых совхозов и рыбозаводов Севера. На месте распущенных совхозов и рыбозаводов в 1992–1993 гг. были образованы множество рыбопромысловых структур различной формы собственности, основанных на производственных базах совхозов...» [6, с. 351]. Коренные жители для получения права на вылов рыбы каждый год подают заявки о предоставлении биологических ресурсов в пользование для осуществления рыболовства. Если соответствующие документы не оформлены (часто это одинокие пенсионеры) – штраф. Основными факторами уменьшения рыбы, по мнению местного населения, являются: загрязнение реки Обь, интенсивный промысел, неуправляемое браконьерство (не коренным населением). Ко всему этому можно добавить и взрыв льда весной, т. к. в это время рыба собирается у берегов и ищет место для нереста. Во время взрыва глушится не только рыба, пропадает и икра. В 1970-е годы в начале лета по реке проходил небольшой ледокол из Омска, по мнению информантов, это более экономично и экологично.

В рационе питания большое значение имели и продукты охоты. Приёмы и орудия охоты были самыми разнообразными. Наиболее древними орудиями охоты служили стрелы, самострел, петли, ловчие ямы, всевозможные ловушки. С приходом русских стали широко применять огнестрельное оружие, при этом старались попасть зверю в глаз, чтобы не испортить шкурку, появились капканы, провода, их использовали для установки петель на крупных животных.

Не менее важным объектом охоты были и перелётные птицы. В прошлом пух и перо водоплавающих птиц сортировали, сдавали в приёмный пункт. Собирали яйца уток и чайки-суры. Суры – самая маленькая по размеру чайка, обитает в озёрах питается только водорослями и редко – мелкой рыбой-мальками, не питается падалью, поэтому яйца употребляли в пищу.

Продукты животноводства занимали ведущее место в рационе питания. Парное молоко использовали как лекарство при бронхиальной астме, болезни горла. Молоко хранили в берестяных вёдрах, в них оно быстро не портилось. В настоящее время некоторые люди в домашних условиях из молока готовят сливочное масло, плавленый сыр. Домашних животных закалывали для мяса, совершая при этом определённый обряд. Посвящали животное определённому духу-покровителю семьи, рода. Обязательно приглашали родственников и соседей. Внутренний жир перетапливали, добавляли в традиционную кашу-соламат, во время чаепития макали хлеб. Мясо на стол подавали в деревянной посуде, ничем не заправленный бульон подавали отдельно. Свежая кровь использовалась при лечении малокровия, желудочных болезней.

Без лошади было невозможно вести хозяйство. Лошадь использовали как транспорт, жертвенное животное, для охоты. Мясо старой лошади сдавали в ПОХ в с. Полноват как корм для лис, также использовали как приманку для зверей во время охоты. Шкурой лошади подбивали или клеили подошвы охотничьих лыж, изготавливали невысокую обувь *тэпър*. Гриву использовали для плетения верёвки, изготовления петли для ловли птиц.

Собирали и ели в свежем виде ягоды малины, земляники, чёрной смородины, черёмухи, шиповника, морошки, брусники, голубики, черники и т. д. Ягоды чёрной смородины и черёмухи, чтобы сохранить их в свежем виде, на зиму заливали рыбьим жиром. Листья ягод, плоды и корни шиповника имеют сладковатый привкус, зимой из них варили чай и настой, они служили средством для лечения некоторых болезней. Весной в большом количестве употребляли берёзовый сок, из него кипятили сладковатый чай, такой напиток особенно любили дети.

До сегодняшнего дня праздничной и обрядовой пищей ханты остаётся традиционная каша-соломат, пироги с различной начинкой (мясо, рыба, ягоды, творог). Кашу-соломат готовят на мясном бульоне с добавлением ржаной муки. В прошлом кашу ели с рыбьим жиром, растопленным внутренним животным жиром, молоком. Без него не обходилось и не обходится ни одно семейное торжество и общественное жертвоприношение.

Пища в жизни человека занимает одно из центральных мест в системе других ценностей. Она связана с жизнедеятельностью человека, и поэтому необходима каждый день. Пища поддерживает не только физические, но и духовные силы. Особое отношение было к ритуальной пище. При жертвоприношении перед тем как поставить пищу-угощение в передний (священный) угол для причащения божествам трижды поворачивались по ходу солнца, зажигали берёзовый нарост, произносили молитвы. Затем снова поворачивались трижды по ходу солнца и отходили. Через некоторое время, чтобы взять поставленную пищу, делали то же самое. Только после этого люди приступали к трапезе. Считалось, что так устанавливается связь между божеством и человеком, они едят одну пищу: пар, поднимающий от горячей пищи, – божество, еду – человек. При жертвоприношении кушать мясо приглашаются соседи, родственники, совместная трапеза объединяет всех, устанавливаются отношения особой близости, гостеприимства.

Через пищу устанавливаются отношения и с духами леса, местности, воды. Во время сбора ягод, начала охотничьего и рыболовного промысла хозяевам леса и вод делали и в настоящее время делают угощение.

По отношению к пище существовали различного рода запреты, ограничения, правила. Например, мясо медведя мужчины давали присутствующим, нанизав на выструганную палочку, и перед тем как взять в рот, нужно было сказать *хурх*.

В повседневной жизни большое значение имели кровавые и бескровные пищевые приношения и умиловительные обряды. Во время обряда (бескровное жертвоприношение) «Угощения Луне» жертвенных животных делали из мякиша хлеба, во время обряда «Небесному отцу» в качестве угощения кипятили 7 котелков воды [7]. Жертвоприношения и молитвы, пища и тосты составляли неотъемлемую часть любого обряда. Общая трапеза сближает, объединяет людей, приобщает их к божествам, силам природы. Через действия с пищей, так же, как и через молитвы, человек вступает в тесные контакты со сверхъестественными силами и постоянно поддерживает эти контакты для самоуспокоения, обретения относительной уверенности в будущем. Пищу и другие приношения можно считать сделкой между человеком и божеством, хозяином местности, вод, когда жертва предлагается взамен тех или иных благ.

С помощью пищи поддерживали связь и с умершими предками. Во время поминального обряда на кладбище сначала разводили костёр, варили горячую пищу, ставили усопшим. Сначала ест человек, только потом будто едят усопшие. Надо попробовать еду из каждой тарелки, иначе и они не будут есть. Поминальные обряды предполагают, что едят не только живые, но и мёртвые. При приношении божествам сначала «ест» божество, а лишь затем человек. При поминании же сначала ест человек, а лишь затем усопший.

Во время обрядов пища исполняет роль посредника между человеком и божествами, силами природы, духами предков. Пища объединяет 3 разные сферы – верхний мир, где обитают верховные божества, людей, живущих на земле, нижний мир – во время поминального обряда. Во время трапезы между ними устанавливается незримая связь.

В настоящее время у коренного населения произошли существенные перемены в питании и в жизни. В современную пищу всё шире входят национальные блюда других народов.

Как подчёркивает исследователь данного вопроса С. А. Арутюнов: «Пища – это тот элемент материальной культуры, в котором более других сохраняются традиционные черты, с ним более всего связаны представления народа о его специфике, и в то же время он легче и быстрее других поддаётся заимствованиям, вариациям, модификациям и новациям» [8].

Литература

1. Арутюнов С. А. Основные пищевые модели и их локальные вариации у народов // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М. : Наука, 2001. С. 10–18.
2. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-Ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв. : этнографические очерки. Томск : Изд-во Том. ун-та. 1977.
3. Лукина Н. В. Формирование материальной культуры хантов (Восточная группа). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1985.
4. Сирелиус У. Т. Путешествие к хантам / пер. с нем. и публ. Н. В. Лукиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 344 с.
5. Слепенкова Р. К. Традиционные способы ловли рыбы и её приготовление у хантов усть-казымского Приобья // Материалы III Югорских чтений / под ред. Н. В. Лукиной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001.
6. Слепцов Я. Г. Проблемы и перспективы рыбного промысла // Сохранение традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера и проблемы устойчивого развития : материалы международной научной конференции, г. Ханты-Мансийск. 23–26 июня 2003 г. М., 2004.
7. Пятникова Т. Р. Традиционные обряды хантов усть-казымского Приобья. Екатеринбург : Баско, 2008. 80 с.
8. Фёдорова Е. Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб. : Европейский Дом, 2000.

Информанты

1. Гришкин Илларион Николаевич, род. ю. Суреи, 1932 г.
2. Гришкина (Лельхова) Пелагея Алексеевна, род. д. Пашторы, 1932 г.
3. Курикова (Молданова) Мария Ивановна род. д. Ванзеват, 1927 г.
4. Лельхова Евдокия Ефремовна, род. д. Пашторы, 1936 г.
5. Лельхова (Федотова) Акулина Васильевна, род. д. Пашторы, 1923 г.
6. Ользина (Гришкина) Матрёна Алексеевна род. д. Тугияны, 1924 г.
7. Ользина Матрена Григорьевна, род. д. Суреи (окр. Тугияны), 1930 г.
8. Пятникова (Ользина) Евдокия Григорьевна, род. д. Суреи (окр. Тугияны), 1924 г.
9. Собянина (Себурова) Мария Николаевна, род. д. Тугияны, 1935 г.
10. Юмина (Лельхова) Матрена Григорьевна, род. д. Пашторы, 1934 г.
11. Юхлымова (Миляхова) Прасковья Николаевна, род. д. Чуэли, (окр. с. Полноват), 1930 г.
12. Юмина (Пендахова) Татьяна Васильевна, род. д. Шашвош Октябрьский района, 1928 г.
13. Яркина (Молданова) Матрёна Егоровна, род. д. Ванзеват, 1927 г.

УДК 376.74 (=1-81) (571.122)

Садретдинова В. Б.
Sadretdinova V. B.

ОБ ОБУЧЕНИИ ДЕТЕЙ НАРОДОВ КОРЕННЫХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

TOWARDS TEACHING CHILDREN OF NATIVE NATIONALITIES

Учителя при обучении детей народов коренных национальностей в школе-интернате сталкиваются с множеством проблем. В статье говорится о том, что необходим пересмотр существующей системы обучения и воспитания детей в школах-интернатах

Ключевые слова: дети коренных национальностей, обучение, воспитание, школа-интернат, традиции, родной язык.

В нашем поселке издавна существовали две школы: средняя общеобразовательная школа, где обучались дети жителей поселка, и школа-интернат, где обучались дети коренных национальностей ханты и манси. Две школы жили дружно и сотрудничали между собой: проводили совместные заседания МО, среди учащихся проводились спортивные соревнования и различные конкурсы. Но школа-интернат имела свою специфику: дети говорили на своем родном языке, носили национальную одежду, родителям разрешалось пожить вместе с детьми; в школе ежегодно проводились фестивали финно-угорских народов, постоянно проходили различные семинары по обучению детей ханты и манси, встречи с известными людьми коренных национальностей. А учителями были пройдены курсы по обучению детей коренных национальностей.

В 2014 г. в целях оптимизации школы объединили, несмотря на многочисленные обращения против объединения учителей и родителей двух разных школ. Прошел год, и мы пришли к выводу, что обучать детей поселка и детей ханты, приезжающих со стойбищ, вместе не совсем целесообразно: здесь страдают все. Во-первых, дети из леса приезжают без знания русского языка, поэтому учителю первого класса очень сложно организовать работу в двух группах, еще труднее и детям ханты, и местным ребятишкам: пока ни те, ни другие не научились работать самостоятельно. Все это отражается на психологическом климате урока и класса в целом. Во-вторых, маленькие ребятишки ханты очень скучают по своим родителям и дому, что сильно травмирует их психику. В-третьих, живя вдали от стойбищ, они утрачивают свои национальные особенности.

Перейдя с этими проблемами в среднее звено, подростки теряют интерес к учебе. В этом состоит актуальность рассматриваемой темы.

Отсутствие комплексных исследований в области обучения детей коренных национальностей создает противоречия между желанием нашего правительства дать образование всем детям коренных национальностей и действительностью.

Мои педагогические наблюдения дают возможность сказать с уверенностью, что современные ханты и манси – это потерянное поколение народов коренных национальностей Севера: дети ханты, или дети природы, как их красиво называют, оказались между небом и землей: забыли свое и чужое не приняли. С высоких трибун произносятся правильные слова. На «Международной конференции по образованию в интересах устойчивого развития», прошедшей в июне 2015 г, было сообщено, что «в начальной школе с 1 сентября 2015 года в рамках апробации будет реализован новый учебно-методический комплекс "Югра – мое наследие"... Содержание курса раскрывает смысл главного условия выживания человечества – сохранение природного и культурного наследия..." [1].

Историей доказано, что сохранение обрядов, обычаев и традиций возможно только в условиях семьи, поэтому для сохранения культурного и этнического наследия коренных народностей они должны обучаться автономно, хотя бы в начальном звене, а курсы – это что-то искусственно навязанное, тем более, в классе учатся дети разных национальностей. Раньше в национальных поселках существовали подготовительные (нулевые) классы. В современном мире можно использовать радиосвязь, интернет, обучение на дому; на стойбищах организовать небольшие школы, как это было. Впоследствии в среднее звено брать только тех, кто желает учиться в обычной школе (остальным продолжать учиться по-прежнему). Конечно, будут желающие учиться вдали от родителей, найдутся родители, которые убедят своих детей, но эти ребята уже осознанно придут в школу с желанием учиться. На настоящий же день учащиеся среднего звена так и говорят: «Зачем нам нужна ваша учеба? Мы все равно будем жить в лесу!» И действительно, учащимся очень нравится жить на своих угодьях: они часами могут рассказывать об оленях, об охоте, о рыбалке и т. д., но учиться они не желают, они не видят в этом смысла! Перспективы, которые мы «рисует», детям коренных национальностей не нужны: они не хотят менять свою культуру и образ жизни! Но, живя в интернатах, они теряют свою самобытность!

Конечно, можно быть образованным и продолжать жить на угодьях, но получать знания «дети природы» должны не таким образом, как это делается сегодня. Мне стало интересно, как решается вопрос по проблемам обучения детей коренных национальностей в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре.

«Гуляя» по интернету, я не нашла ни одной работы по данной теме, кроме высказываний блогера Сергея Анашкевича, которого, видимо, тоже волнует эта проблема. Хочу дословно привести его слова: «Особого внимания заслуживает среднее образование коренных жителей Югры. Дети ханты учатся в интернатах ..., в которых дети и учатся, и живут...» (23.03.2012) [2]. «Общение с ханты показало, что они не всегда положительно оценивают подобную систему образования, ведь они лишаются, во-первых, помощников, а во-вторых, получая общеобразовательные знания, дети не получают практических знаний, как получали их испокон веков вместе с отцом, идя на охоту, или вместе с матерью, вычиная оленью шкуру. Однако родители не имеют права не отдавать детей учиться. Ведь таким образом они нарушат федеральный закон России, согласно которому родители обязаны обеспечить своему ребенку возможность получения среднего образования. Если они не привезут ребенка в интернат, это может иметь для них серьезные последствия. Еще одной серьезной проблемой при обучении в интернате является социальное неравенство. Живя в стойбище, как правило, для ребенка это не является проблемой, т. к. он не знает понятия "начальства". Для него есть только отец и мать. В интернате же зачастую дети (особенно из тундры и леса) очень болезненно привыкают к новому для себя фактору» (23.03.2013) [2].

Если нежелание родителей отправлять детей учиться – это нарушение Федерального закона об образовании, то принуждение детей учиться вдали от родного крова за 200–300 километров – это не ущемление прав ребенка? Тем более, что ханты очень трепетно относятся к своим детям, и малыши до шестилетнего возраста растут только рядом с матерью!

Между тем известно, что 1 февраля 2012 г. в г. Ханты-Мансийске прошло заседание круглого стола «Проблемы обучения детей мигрантов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре». В заседании приняло участие 25 человек (депутаты, руководители разных уровней), в результате которого было вынесено решение, состоящее из 5 пунктов.

1. Принять информацию к сведению.

2. Подчеркнуть, что система образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры достаточно эффективно решает проблему обучения детей мигрантов. Вместе с тем необходимо отметить, что новые вызовы времени требуют оперативного решения целого ряда проблем, которые назревают и превращаются в риски и угрозы.

Относительно благополучная ситуация, которая зафиксирована в исследовании, касается лишь учащихся старших классов, уже прошедших частичную адаптацию. В отношении

учащихся младших классов ситуация более напряжённая. Она связана с плохим знанием или полным незнанием русского языка детьми мигрантов, их незнанием норм и ценностей поведения и общения, низким уровнем социокультурной адаптации и др.

3. Рекомендовать Правительству Ханты-Мансийского автономного округа – Югры:

3.1. Провести оценку состояния нормативно-правовой базы, обеспечивающей работу с детьми мигрантов.

3.2. Актуализировать Реестр семей мигрантов, имеющих детей.

3.3. Провести анализ проблем социокультурной адаптации детей мигрантов, связанных с особенностями проживания мигрантов и уровнем развития инфраструктуры, культуры и досуга в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре.

3.4. Изучить роль общественных организаций мигрантских сообществ (диаспор) в процессе социокультурной адаптации детей мигрантов и их родителей.

3.5. Обеспечить совершенствование подготовки социальных педагогов, учителей, студентов, ориентированных на работу с детьми-мигрантами к организации и осуществлению педагогической поддержки учащихся в поликультурном образовательном пространстве посредством:

- введения на педагогических отделениях вузов автономного округа спецкурсов и специальных семинаров «Основы межкультурного общения», «Подготовка учителя к осуществлению педагогической поддержки детей мигрантов» (практика вузов России);

- подготовки учителей, способных к организации диалога культур.

3.6. Рассмотреть возможность введения в учебные планы (программы) школ Ханты-Мансийского автономного округа – Югры адаптационно-образовательных программ для детей мигрантов с учетом опыта работы Ростовской области (школа Е. В. Бондаревской).

3.7. Обеспечить психолого-педагогическую поддержку детей мигрантов во время учебного процесса путём:

- создания соответствующих центров, психологических служб по адаптации детей при учреждениях органов образования автономного округа;

- организации работы с семьёй (семейного консультирования), в том числе с приглашением представителей сторонних организаций (УФМС, социальные службы, диаспоры).

3.8. Сформировать реестр-справочник организаций по вопросам экономической, юридической, медицинской, психологической помощи мигрантам, в том числе реестр диаспор, находящихся на территории автономного округа.

3.9. Рассмотреть возможность внесения изменений в постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 13.10.2011 № 371-п «О назначении и выплате пособий гражданам, имеющим детей, единовременного пособия супругам в связи с юбилеем их совместной жизни, выдаче удостоверения и предоставлении мер социальной поддержки многодетным семьям» в части установления:

- выплаты мер социальной поддержки через отделения почтовой связи, для подтверждения факта проживания гражданина (получателя мер социальной поддержки) на территории автономного округа;

- прекращения выплаты мер социальной поддержки в случае неполучения их в течение 3 месяцев в почтовом отделении связи.

3.10. Рассмотреть возможность создания в системе органов исполнительной власти автономного округа структуры, отвечающей за вопросы национального развития, межнационального благополучия, взаимодействие этносов.

3.11. Продолжить работу по исследованию проблем обучения детей мигрантов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре с размещением данной информации в СМИ автономного округа.

4. Рекомендовать Территориальному органу федеральной службы государственной статистики по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре рассмотреть возможность выйти с инициативой по внесению изменений в статистические формы сбора отчетности, ре-

гулирующие отношения в сфере миграционной политики (численность, уровень образование, этнический состав, степень владения русским языком, необходимость получения медицинского обслуживания) с учетом возрастных и гендерных особенностей.

5. Рекомендовать Управлению Федеральной миграционной службы по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре в соответствии с п. 1.1 ст. 1 Указа Президента Российской Федерации от 19 июля 2004 года № 928 «Вопросы федеральной миграционной службы» рассмотреть возможность инициирования проектов нормативных правовых актов, устраняющих противоречия норм действующего законодательства в сфере миграционной политики в отношении детей мигрантов и их родителей и направить их в ФМС России.

А проблемы обучения детей тех, на чьей земле мы живем, никого не волнуют... Не парадокс ли это? (К слову сказать, в понятие «обучение» я вкладываю не только учебу, но и содержание в интернате). Там для учащихся созданы прекрасные условия, кормят великолепно, но... Это не их условия жизни, не их пища. Небольшой пример: все дети с садика любят кашу и компот из сухофруктов. В интернате же многие дети ханты утром остаются почти голодные: не едят они кашу! А обед – в 14:30! Какая речь может быть об учебе?! А в обед дети ханты не пьют компот! «Национальные блюда для детей коренных национальностей предусмотрены?» – поинтересовалась я у поваров. «Не разрешено по СанПин!» – был ответ. Почему бы в рацион питания не включить элементы национальной кухни?

Таким образом, я вкратце постаралась описать, что меня и моих коллег волнует в обучении детей коренных национальностей и считаю, что единственным выходом из сложившейся ситуации является необходимость пересмотра существующей системы обучения и воспитания детей в школах-интернатах.

Литература

1. Анадеева Н. Маленькие супермены. URL: <http://ugra-news.ru/authors/113/18/06/2015> (дата обращения: 20.04.2016).
2. Анашкевич С. Жизнь в путешествиях : сетевой журнал. URL: <http://aquatek-filips.livejournal.com/501712.html> (дата обращения: 20.04.2016).
3. Рекомендации по итогам проведения круглого стола на тему социологического исследования «Проблемы обучения детей мигрантов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» 1 февр. 2012 г., г. Ханты-Мансийск. URL: <http://dumahmao.Rucommissionsoftheduma...20122.php> (дата обращения: 07.02.2016).
4. Список участников круглого стола на тему социологического исследования «Проблемы обучения детей мигрантов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре», 1 февр. 2012 г., г. Ханты-Мансийск. URL: <http://www.dumahmao.ru/commissions/social/20120201p.docx> (дата обращения: 20.04.2016).

УДК 342.41(=1-81):008(571.122)

Силантьева Н. А., Сунцов А. П.
Silantyeva N. A., Suntsov A. P.

**К ВОПРОСУ О РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОЙ ГАРАНТИИ ПРАВ
КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ
В ХАНТЫ-МАНСИЙСКОМ АВТОНОМНОМ ОКРУГЕ – ЮГРЕ**

**TOWARDS CONSTITUTIONAL GUARANTY REALIZATION OF INDIGENOUS
MINORITIES RIGHTS IN SPHERE OF CULTURE
IN KHANTY-MANSI AUTONOMOUS OKRUG-UGRA**

В статье анализируется законодательство Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по защите прав коренных малочисленных народов на сохранение и развитие своих традиционных культур и языков. Особое внимание уделяется накопленному опыту по продвижению национальных языков коренных малочисленных народов в средствах массовой информации в Ханты-Мансийском округе. Автор приходит к выводу, что существующее региональное регулирование отношений, связанных с сохранением, развитием и использованием языков конкретных малочисленных народов Севера можно характеризовать как достаточно «осторожное». Оно не выходит за рамки федерального законодательства и в целом мало что к нему добавляет. Однако его значение в том, что оно признает и выделяет эти языки, гарантирует им и их носителям специальную защиту и возможность использования данных языков в частноправовых и публично-правовых сферах.

Ключевые слова: реализация конституционного права, коренные малочисленные народы, государственная политика, родной язык, образование, языковая политика, культурное наследие.

Российская Федерация является одним из крупнейших многонациональных государств мира. На совместном заседании президиумов Совета по межнациональным отношениям и Совета по русскому языку, прошедшем 28 января 2015 г., Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что в нашей стране проживают представители 193 национальностей. Из числа этих народов в отдельную социальную группу Российская Федерация выделяет коренные малочисленные народы; 47 коренных малочисленных народов включено в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации [5].

Отдавая дань важности проблемам коренных народов, Генеральная Ассамблея ООН провозгласила 1993 год Годом коренных народов, а в 1994 г. было объявлено десятилетие защиты прав коренных народов (1994–2004), в 2004 г. провозглашено Второе международное десятилетие коренных народов мира на период 2005–2014 гг. Важным моментом стало принятие 13 сентября 2007 г. Генеральной Ассамблеей ООН Декларации о правах коренных народов, это свидетельствует о важности регулирования и защиты прав коренных народов не только в отдельно взятых государствах, но и во всем мире.

Согласно Конституции Российской Федерации в нашей стране гарантируются права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации (ст. 69).

Так, в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в рамках реализации указанной конституционной гарантии осуществляются следующие мероприятия:

- 2015 год объявлен Годом сохранения и развития традиционных промыслов и ремесел, исторического и культурного наследия народов, населяющих Югру;

- Правительством ХМАО – Югры принята «Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»;
- Статус коренных малочисленных народов Севера как коренного населения закреплен в Уставе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [14] – центральном правовом акте автономного округа;
- Законодательство Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в сфере культуры включает меры, нацеленные на охрану святыниц коренных малочисленных народов, на развитие фольклора, сохранение и развитие языка, организацию образования с учетом потребностей северных народов. В округе существует ряд законов, предметом регулирования которых является именно культурная сфера.

Анализируя окружное законодательство, следует отметить, что хронологически первым в данном списке стоит Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 19 ноября 2001 г. № 73-оз «Об общинах коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» [6], в соответствии с которым в округе создаются общины малочисленных народов для возрождения, сохранения традиционного образа жизни, ведения традиционного хозяйствования, рационального природопользования, обеспечения занятости и социальной защиты, а также развития культур и языков малочисленных народов.

После закона об общинах в сфере культуры был принят закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 4 декабря 2001 г. № 89-оз «О языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ханты-Мансийского автономного округа» [12]. Закон установил, что органы государственной власти автономного округа в целях сохранения, изучения и развития языков коренных малочисленных народов разрабатывают, принимают и исполняют мероприятия и программы, направленные на сохранение, изучение и развитие языков коренных малочисленных народов, создают условия для научных исследований в области языковых проблем, содействуют в создании условий для функционирования дошкольных и образовательных организаций, в которых этими учреждениями наряду с воспитанием и обучением организуется возможность непрерывного изучения и преподавания родных языков.

Но вместе с тем возможность обучения на родном языке, фактически не всегда предоставляется. Согласно законодательству, ответственность за сохранение родных языков коренных малочисленных народов, их национальных культур в конечном счете возлагается на образовательные учреждения, а также на их учредителей – органы местного самоуправления. Вместе с тем ограниченные возможности большинства образовательных учреждений, находящихся в основном в сельской местности, где преимущественно проживают коренные малочисленные народы, в соответствии с новым законом РФ «Об образовании», позволяет им вообще не преподавать родной язык как учебный предмет или делать это факультативно, что вступает в противоречие с конституционным правом на получение образования на родном языке, а также правом на выбор языка обучения [1, с. 135].

В 2013 г. в ХМАО – Югре Постановлением Правительства ХМАО – Югры от 13 мая 2011 г. № 153-п образован Научно-координационный совет по вопросам сохранения родного языка и традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [7].

Относительно образовательного компонента отдельно стоит отметить следующее. Закона, предметом регулирования которого является именно образование коренных малочисленных народов, в Югре не существует, тем не менее, особое внимание в округе уделяется образовательным учреждениям, находящимся в местах компактного проживания коренных малочисленных народов. В Югре в различные образовательные программы включены 8 предметов этнокультурного содержания. На сегодняшний день изучение родных языков обских угров организовано в 8 детских садах для 246 воспитанников [15].

Законом Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 18 июня 2003 г. № 37-оз «О фольклоре коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Хан-

ты-Мансийского автономного округа – Югры» [8] урегулированы отношения, связанные с сохранением, изучением, использованием и популяризацией фольклора коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Югры, в целях обеспечения культурного разнообразия, реализации права коренных малочисленных народов на сохранение и развитие своей национально-культурной самобытности, защиты, восстановления и сохранения их исконной историко-культурной среды обитания и традиционного образа жизни, развития живых фольклорных традиций данных народов.

В соответствии с постановлением Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 18 мая 2013 года № 185-п «О стратегии развития культуры в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре до 2020 года и на период до 2030 года» в целях создания условий для сохранения и развития нематериального культурного наследия народов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры утверждено Положение о Реестре объектов нематериального культурного наследия народов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [13]. Реестр представляет собой единую информационную систему, включающую в себя банк данных объектов нематериального культурного наследия народов Югры (идентификация, документирование, исследование), сохраняющихся и развивающихся в организациях социально-культурной сферы, национально-территориальных сообществах, национальных и родовых общинах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Законом ХМАО – Югры от 23 декабря 2004 г. № 88-оз «О поддержке средств массовой информации, издаваемых (выпускаемых) на языках коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» [9] определены меры поддержки средств массовой информации, издаваемых (выпускаемых) на языках коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. Финансовое обеспечение учреждений, средств массовой информации, издаваемых на языках коренных малочисленных народов, осуществляется за счет средств окружного бюджета.

На данный момент в округе издаются две национальные газеты – «Ханты ясанг» и «Луима сэрипос». С 2012 г. окружные периодические издания на языках коренных народов Югры выходят в новом формате: А4, 16-полосный, из них 6 – цветные. С 2013 г. в объединённой редакции газет создан сайт: www.khanty-yasang.ru, благодаря которому жители округа обрели возможность читать информацию на трёх языках: хантыйском, мансийском и русском.

С 2014 г. Правительством округа финансируется издание печатных средств массовой информации на языках коренных малочисленных народов: газета на сургутском диалекте языка ханты «Айкол», детский журнал на языке ханты «Хатлые» и детский журнал на языке манси «Витсам».

В региональных врезках федерального телеканала «Россия-1» выходят информационные программы на языках ханты и манси, а также культурно-просветительские передачи, посвященные о быте, традициях и культуре коренных народов Югры: «Увас мир путур» – ежемесячная информационная программа на языках ханты и манси; «Йомваш щунюнг йох» – еженедельная программа на языке ханты; «Югорское наследие» – еженедельная программа на русском языке и на языках ханты и манси.

Закон ХМАО – Югры от 8 ноября 2005 г. № 92-оз «О святынях коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» [10] регулирует отношения в области сохранения, использования и охраны святынь коренных малочисленных народов, проживающих на территории Ханты-Мансийского автономного округа, в целях защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни данных народов, сохранения их обычаев и верований, реализации прав лиц, относящихся к коренным малочисленным народам, и объединений этих народов в целях соблюдения своих традиций и совершения религиозных обрядов, содержания и охраны культовых мест.

Таким образом, на данный момент в округе принято пять законов, предметом регулирования которых являются именно отношения в сфере культуры: об общинах, о языках, о фольклоре, о поддержке СМИ, о святынях.

Неурегулированным с учетом интересов коренных малочисленных народов округа остается вопрос сохранения памятников культуры. В частности, в округе меньше памятников архитектуры и монументального искусства, чем в целом по стране, значительно преобладают археологические памятники и наследие коренных малочисленных народов. Так, из более 4 000 поставленных на учет объектов, археологические памятники составляют 94 %, памятные места – 3 %, исторические памятники – 2 %, архитектурные – 1 % [3, с. 84]. Большая часть памятников выявлена в результате проведения историко-культурных экспертиз территорий, отводимых под хозяйственное освоение [4, с. 77].

На современном этапе сохранения памятников наследия важную роль играет Центр охраны культурного наследия, созданный в 1997 г. С 2008 г. он является подведомственным учреждением службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Основная деятельность учреждения направлена на выявление, учет, охрану, использование и популяризацию историко-культурного наследия округа.

В 2006 г. Думой округа был принят закон «О сохранении, использовании, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» [11], который регулирует отношения в области сохранения, использования и популяризации объектов наследия, находящихся в собственности округа. Сегодня реализуется ведомственная целевая программа «Историко-культурное наследие Югры на 2013–2015 гг.».

Начиная с 1987 года на территории ХМАО появляются этнографические музеи под открытым небом. Однако на современном этапе их деятельность менее формализована, первоначальный смысл создания таких музеев искажен [2, с. 17].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод: окружное законодательство в сфере культуры включает нормы, нацеленные на охрану святынь коренных малочисленных народов, на развитие фольклора, сохранение и развитие языка, поддержку средств массовой информации на языках коренных малочисленных народов, организацию образования с учетом их потребностей. Большое внимание уделяется возрождению, сохранению и развитию народных художественных промыслов, традиционных ремесел и всех видов современного декоративно-прикладного искусства коренных народов округа, обеспечению преемственности в развитии народных традиций.

Также стоит отметить, что существующее региональное регулирование отношений, связанных с сохранением, развитием и использованием языков конкретных малочисленных народов Севера можно охарактеризовать как достаточно «осторожное». Оно не выходит за рамки федерального законодательства и в целом мало что к нему добавляет. Однако его значение в том, что оно признает и выделяет эти языки, гарантирует им и их носителям специальную защиту и возможность использования данных языков в частноправовых и публично-правовых сферах.

Литература

1. Арефьев А. Л. Языки коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в системе образования: история и современность. М. : Центр соц. прогнозирования и маркетинга, 2014. 488 с.
2. Молданова Т. А. Этнографические музеи под открытым небом: хранилища материальных ценностей или живые очаги культуры // Вестн. угроведения. 2014. № 2. С. 16–17.
3. Наследие Югры. Наше наследие. 2007. № 5. С. 83–84.
4. Никифорова А. А. Памятники природно-культурного наследия в регионах ресурсного типа: особенности охраны : моногр. Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2013. 127 с.

5. О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 г. № 255 // СЗ РФ. 2000. № 14. Ст. 1493.

6. Об общинах коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре : закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 19 ноября 2001 г. № 73-оз. URL: <http://www.kmns.admhmao.ru/> (дата обращения: 15.04.2015).

7. О научно-координационном совете по вопросам сохранения родного языка и традиционной культуры коренных малочисленных народов севера Ханты-Мансийского автономного округа – Югры : постановление Правительства ХМАО – Югры от 13 мая 2011 г. № 153-п. URL: <http://www.dumahmao.ru/> (дата обращения: 15.04.2015).

8. О фольклоре коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры : закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 18 июня 2003 г. № 37-оз. URL: <http://www.dumahmao.ru/> (дата обращения: 15.04.2015).

9. О поддержке средств массовой информации, издаваемых (выпускаемых) на языках коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре : закон ХМАО – Югры от 23 декабря 2004 г. № 88-оз. URL: <http://www.dumahmao.ru/> (дата обращения: 15.04.2015).

10. О святынях коренных малочисленных народов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре : закон ХМАО – Югры от 8 ноября 2005 г. № 92-оз // Собрание законов ХМАО. 2005. № 11. Ст. 1277.

11. О сохранении, использовании, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия в ХМАО – Югре: закон ХМАО – Югры. URL: <http://www.dumahmao.ru> (дата обращения: 23.09.2015).

12. О языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Ханты-Мансийского автономного округа : закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 4 декабря 2001 г. № 89-оз // Новости Югры. 2002. № 12.

13. Реестр объектов нематериального культурного наследия народов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. URL: <http://www.kultura.admhmao.ru> (дата обращения: 25.05.2015).

14. Устав (Основной закон) Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 26.04.1995 № 4-оз // Новости Югры. 2005. № 44.

15. Языки коренных малочисленных народов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры: цифры и факты. URL: <http://unesco.ru> (дата обращения: 22.04.2015).

УДК 331. 548-053.8(=1-81) (1-17)

*Ткачук Н. В.
Tkachuk N. V.*

**МОЛОДЕЖЬ ИЗ ЧИСЛА КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА
В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ
ТРУДОУСТРОЙСТВА, ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОРИЕНТАЦИИ**

**YOUNG PEOPLE OF INDIGENOUS SMALL-NUMBERED PEOPLES OF THE NORTH
IN SYSTEM OF SOCIAL-LABOUR RELATIONSHIPS:
EMPLOYMENT ISSUES, LABOUR AND PROFESSIONAL ORIENTATIONS**

В статье анализируются взгляды современной молодежи Югры на выбор профессии. По результатам опросов представлены проблемы молодежи в период вступления в профессионально-трудовые отношения. Отрадно, что принятые решения молодых людей в выборе

профессии в большей степени соответствуют требованиям регионального рынка труда, но по результатам мониторингов выявлено, что на начальном этапе трудового становления выпускники, молодые специалисты сталкиваются с требованиями к наличию практического опыта и стажа.

Ключевые слова: рынок труда, молодой специалист, респонденты, трудоустройство.

В современной социологии интерес исследователей к вопросам профессиональных, трудовых планов молодежи остается повышенным. Изучение изменений образовательных, профессиональных стратегий молодежи Сибирского региона российскими социологами были начаты в 1962 г. Тема молодежи и профессии, их устремлений и реальных достижений продолжает занимать главное место в социологических исследованиях в настоящее время. В своих исследованиях социологи анализируют социальное поведение и проблемы молодежи, резюмируют недостаточное изучение поколения [1].

Ситуация современного рынка труда такова, что без своевременно организованной профориентационной работы среди выпускников школ не стоит ожидать успешного вхождения молодежи в систему социально-трудовых отношений на различных ее стадиях в будущем. В теории рынка труда, занятости, анализа трудовых отношений выделены стадии социально-трудовых отношений. На первой стадии социально-трудовые отношения связаны с профессиональной ориентацией человека. Во второй стадии происходят взаимодействия и отношения работника и работодателя согласно договорным отношениям (условия найма, оплаты труда, расторжение трудового договора и др.) [4, с. 317]. Известно, что вхождение молодежи в систему социально-трудовых отношений сопровождается рядом проблем.

Анализ социологических исследований, проведенных в период с 2013 по 2015 гг., среди молодежи из числа коренных малочисленных народов Севера показал, что требования работодателя к наличию практического опыта и стажа молодого начинающего специалиста являются основной проблемой при трудоустройстве (148,7 %) (табл. 1). В опросах приняли участие юноши и девушки по национальному составу ханты, манси, ненцы, проживающие на территории Югры. Преимущественно социологические опросы проводились в сельских поселениях разных муниципальных образований. В опросе по Березовскому району охвачены были молодые респонденты с. п. Саранпауль, д. Щекурья, п. Теги, в Кондинском районе жители районного центра Междуреченский, с. п. Шугур, п. г. т. Кондинское, в Октябрьском районе опросы состоялись в с. п. Шеркалы, п. Нарыкары, п. Большой Атлым. Выбор населенных пунктов определяло компактное расселение представителей коренных малочисленных народов округа.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Назовите основную проблему при трудоустройстве молодого специалиста» (в % от числа опрошенных)

Год/Территория	Основные проблемы при трудоустройстве молодого специалиста			
	Отсутствие опыта и стажа работы	Завышенные требования к практическим знаниям молодого специалиста	Жилищные проблемы	Затрудняюсь ответить
2013 г. (Березовский район) <i>n</i> * = 83	45,8	16,9	9,6	28,9
2014 г. (Кондинский район) <i>n</i> = 116	58,6	26,7	18,1	13,8
2015 г. (Октябрьский район) <i>n</i> = 88	44,3	13,6	5,7	52,3
ИТОГО	148,7	57,2	33,4	95

Примечание: *n** – число ответивших респондентов

Из анализа ответов видим, что 57,2 % респондентов сельских территорий отметили вариант «завышенные требования к практическим знаниям молодого специалиста». Настрой среди работодателей очевиден. Трудовым законодательством Российской Федерации не предусмотрено четкое определение «молодой специалист», за исключением ст. 70 ТК, которая запрещает работодателю устанавливать при приеме на работу испытательные сроки для граждан, окончивших средние профессиональные и высшие учебные заведения менее года назад. Иных льгот для молодых специалистов не предусмотрено. Таким образом, требования к наличию опыта и стажа начинающего специалиста не являются нарушением трудового закона со стороны работодателя, а трудоустройство выпускника может осуществляться на общих основаниях с другими претендентами на вакантное место. Соответственно, большая вероятность остаться неконкурентным – у выпускника, молодого специалиста без практического опыта.

В результате, отсутствие практического опыта, невысокий уровень производственных знаний вызывают у молодого выпускника неуверенность вхождения в систему социально-трудовых отношений. Неуверенность в благополучном трудоустройстве рождает у молодежи устоявшиеся отношения к происходящему. Наши респонденты – студенты, работающие, неработающие (безработные, по уходу за детьми), выпускники учреждений профессионального образования – в ходе опросов выражали субъективные мнения: «Молодым тяжело устроиться, т. к. требуют стаж, опыт работы», «Чтобы устроиться на хорошую работу, нужно иметь хорошие связи. Молодых специалистов нужно распределять на работу...», «Без связей не устроишься», «Если есть хорошие связи, то устроишься», «Хотелось бы надеяться на государство, потому что трудоустройство выпускников – это важно», «Дали бы мне направление на работу после окончания учебы, наработаю и стаж, и опыт», «Во время учебы надо искать работу и совмещать с учебой».

Представители органов исполнительной власти автономного округа отмечают проблему и ее последствия. Ежегодно в окружные центры занятости населения за содействием в поиске работы обращаются порядка 1,5 тысяч выпускников, среди которых риск быть нетрудоустроенными ежегодно имеют порядка 10–11 %, или 170–200 человек [3]. На региональном уровне проблема трудоустройства выпускников профессиональных образовательных организаций и образовательных организаций высшего образования регулируется. Решением данной социальной задачи является стимулирование работодателя к созданию рабочего места для выпускника посредством компенсационных выплат на заработную плату, расходы на повышение практических навыков начинающего молодого специалиста.

Региональные потребности в специалистах, социально-экономические условия округа должны определять характер профессионального будущего молодежи. Анализ данных спроса и предложений на регистрируемом рынке труда автономного округа 2015 г. обращает внимание на низкие показатели в необходимости в специалистах непродуцированной сферы. Невысокая потребность в бухгалтерях и специалистах по финансам, среди них количество вакансий 368, напротив, признанных безработными 593, в юристах 323/42, в экономистах 218/827, в юрисконсультах, судебных исполнителях 9/0 соответственно. В то же время ежегодные показатели анализа рынка труда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры показывают высокую потребность в специалистах среднего, высшего уровня квалификаций. На сегодняшний момент можно отметить наибольшую заявленную потребность во врачах (880 вакантных мест), окружное здравоохранение испытывает дефицит в медицинском персонале по уходу (420), образовательные учреждения – в преподавателях начальных и средних школ (907), производственной отрасли региона требуются строители-инженеры (559). Не менее остро нуждается рынок региона в квалифицированных рабочих строительной, транспортной сферы: строители (952), водители (1829), каменщики (802), плотники (459), слесари (1963), сравнительно меньше востребованы квалифицированные работники лесного хозяйства: лесозаготовка (125) [2].

В вопросе регулирования соотношения спроса и предложения важными становятся профессиональные, трудовые ориентиры молодежи. Анализ данных показывает, что профес-

сиональные предпочтения молодого поколения не ограничены в одном направлении, спектр выбранных ими профессий широк. В ходе социологических исследований среди молодежи выявлено, что привлекательными для них являются отрасли производственной и непроизводственной сфер, более всего желают реализовать себя в образовании (83,3 %), промышленности (62,4 %) (табл. 2).

Таблица 2

Ответы респондентов на вопрос «В какой сфере Вы хотели бы реализовать свои знания, способности?» ($n^* = 287$) (в % от числа опрошенных)

Варианты ответа	2013 г. Березовский район ($n = 83$)	2014 г. Кондинский район ($n = 116$)	2015 г. Октябрьский район ($n = 88$)	Итого
Промышленность	22,9	19,0	20,5	62,4
Образование	22,9	38,8	21,6	83,3
Медицина	4,8	10,3	6,8	21,9
Торговля, предпринимательство	13,3	6,9	4,5	24,7
Традиционный сектор хозяйствования КМНС (охота, рыболовство, оленеводство, сбор и заготовка дикоросов)	18,1	6,0	1,1	25,2
Муниципальная служба (управление)	4,8	13,8	1,1	19,2

Примечание: n – число респондентов.

Ответы респондентов на открытый вопрос анкеты «Выбранная вами специальность» позволили составить обширный перечень вариантов. Из перечня перечисленных специальностей отметим те, которые занимали верхние позиции по показателям: оператор по добыче нефти и газа, экскаваторщик, судоводитель, монтажник, повар-технолог, автослесарь, электрик, сварщик, водитель, оператор электромонтер, дорожное строительство, воспитатель, учитель, продавец, бухгалтер, портной и др. Местом получения профессионального образования респонденты указывали учебные заведения округа: Игримский политехнический колледж, Ханты-Мансийский технологический колледж, Няганский технологический колледж, Приобское профессиональное училище.

Таким образом, представленные ответы характеризуют профессионально-трудовые ориентации молодежи из числа коренных малочисленных народов Севера преимущественно на рабочие профессии. Несмотря на широкий спектр выбранных специальностей, респондентами не было отмечено узких направлений, требующих высокой школьной профильной подготовки, знаний. А также не было отмечено востребованных на рынке региона профессий медицинских, научных групп, информационных технологий, проектных разработок.

Социологические опросы, проведенные в районах автономного округа, показали, что молодые югорчане на первых порах вступления в систему социально-трудовых отношений испытывают некоторые сложности с трудоустройством из-за отсутствия практических навыков и стажа работы. Парадоксально, что приложенные усилия в получении профессионального образования не гарантируют полной уверенности в трудоустройстве. Можем отметить, что для части молодых югорчан вопрос успешного, своевременного трудоустройства стоит открытым.

Литература

1. Константиновский Д. Л., Абрамова М. А., Вознесенская Е. Д. и др. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования : моногр. М. : ЦСПиМ, 2015. 232 с.
2. Официальный сайт Департамента труда и занятости населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. URL: http://job.dzhnmao.ru/App_Shared/Web_Parts (дата обращения: 06.04.2016).

3. О государственной программе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Содействие занятости населения в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на 2016–2020 годы»: постановление Правительства от 9 октября 2013 г. № 409-п.

4. Экономика и социология труда: (социально-трудовые отношения) : учебник / под ред. В. А. Гаги. Томск : Изд - во Том. ун-та, 2008. 340 с.

УДК 347.173

Филиппова Н. А.
Filippova N. A.

**ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ К КОРЕННЫМ НАРОДАМ:
МОДЕЛИ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ**

**BELONGING TO INDIGENOUS PEOPLES:
MODEL OF LEGAL SUPPORT**

В статье исследована проблема критериев принадлежности лица к коренному народу как особой этно-культурной общности, сопоставлены две модели правового регулирования такой принадлежности: бюрократическая и самоуправленческая. Обоснован вывод о перспективности формирования региональных реестров коренных малочисленных народов в России, названы условия, при которых такие реестры могут быть сформированы.

Ключевые слова: коренные народы, принадлежность к коренным малочисленным народам РФ, реестр коренных народов, общины коренных малочисленных народов.

Проблема юридических критериев принадлежности к коренным народам не нова, но российская юридическая наука переживает новый этап дискуссий по этому вопросу. Отчасти он обусловлен пробелами действующего законодательства, отчасти – заметным изменением юридических характеристик самих коренных народов как в международном, так и в национальном праве. Прежде международные правовые акты были направлены на обеспечение прав лиц, принадлежащих к традиционным этническим меньшинствам. Теперь их предметом являются коренные народы (аборигены) как самостоятельные субъекты права, а также права этих народов: право на сохранение своей идентичности, языка, культуры, на политическое участие [3]. Соответственно, и в конституциях государств появляются статьи, закрепляющие специфический статус именно этой этнической общности. Таковы ст. 69 Конституции РФ, новые (2011 г.) положения формы правления Швеции, учредившие особый статус саами в сравнении с иными этническими меньшинствами [4, с. 10]; аналогичные изменения Конституции Норвегии в 1988 г. [8, с. 185].

Признание коренных народов в качестве самостоятельных субъектов права способствовало постановке целого спектра новых вопросов: о взаимоотношениях между лицом, относящимся к коренным народам, и самим этим народом; о пределах правового регулирования этих отношений, в том числе – об объективных и субъективных критериях принадлежности лица к сообществу коренного этноса.

В самом деле, в документах, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации, нет указания на национальность (этническую принадлежность). Но граждане вправе по своему желанию указывать ее, к примеру, в свидетельстве о рождении, о заключении брака, об усыновлении и т. д. Это приводит к негативным последствиям двоякого рода. Во-первых, существует соблазн заявить о своей принадлежности к коренным народам в надежде на получение предусмотренных законом льгот и специальных условий хозяйственной деятельности. Эксперты приводят многочисленные примеры попыток и даже фактов «причис-

ления» к коренным народам граждан, являющихся представителями иных этносов [6, с. 128]. Во-вторых, сложности возникают и у представителей коренных народов, если для реализации субъективного права требуется особый порядок подтверждения принадлежности к своей этнической группе. Если речь идет о таких правах как право на альтернативную гражданскую службу, на получение оружия, на формирование общин коренных малочисленных народов, на закрепление охотничьих угодий и т. д., требуется документальное подтверждение принадлежности к коренным народам, которое может и отсутствовать.

Предложения, сформулированные российскими юристами, можно объединить в два основных подхода (модели) решения проблемы установления принадлежности к коренным народам.

Первый подход: бюрократический. Согласно этому подходу необходимо формализовать процедуру определения принадлежности к коренным малочисленным народам, а результаты ее прохождения отражать документально вкладышем в паспорт или штампом в нем [1, с. 48] либо специальным свидетельством о принадлежности к коренным малочисленным народам [7]. Если предположить, что критерии принадлежности просты и валидны, а сама процедура не слишком сложна, проблема была бы решена. Но как раз критерии принадлежности остаются камнем преткновения. Является ли таким критерием ведение традиционного образа жизни? Владение языком? Документы, подтверждающие этническую принадлежность родителей или хотя бы одного из них? И российская практика, и практика зарубежных государств, в которых проживают коренные народы, свидетельствует о неизбежности ассимиляционных процессов. Так, в Швеции сообщество саамов давно разделилось на «оленеводов» и тех, кто, сохраняя свою культуру и язык, уже не занимается традиционным промыслом [4]. Однако особый статус предоставлен им всем. В противном случае «размывание» этничности будет происходить еще быстрее. Если же взглянуть на этот подход с учетом традиционной «коррупционной составляющей», окажется, что вовлечение в процесс органов исполнительной власти (а именно они в лице территориальных управлений Федеральной миграционной службы будут предоставлять вкладыши и ставить штампы), скорее, усложнит проблему. Во всяком случае, особых преимуществ в сравнении с существующей практикой отметки этнической принадлежности в свидетельстве о рождении в предлагаемой модели нет.

Дефекты рассмотренной модели компенсируются тезисом о безусловном праве на этническое самоопределение; допущением возможности судебного установления принадлежности к коренным народам, в том числе, – на основании свидетельствования общественных объединений [5].

Второй подход: самоуправленческий. Он предполагает формирование реестра представителей коренных малочисленных народов, с предоставлением права его первичного формирования и изменения общинам коренных малочисленных народов [6, с. 129–130]. Успешный опыт такой самоидентификации имеется у индейцев Канады и США. Надо сказать, что в обеих названных федерациях вопросы защиты прав коренных народов отнесены не к совместному ведению, как в России, а к исключительному федеральному ведению. Например, на территориях резерваций североамериканских индейцев не действуют законы штатов, а правовой режим использования этих территорий определяется договорами между соответствующими племенами и федеральными властями. Аналогичным образом решается и вопрос ведения реестра индейцев в Канаде. Федеральное правительство заключает соглашения с общинами и формирует реестр на основе данных, которые получает от них. При этом включение в реестр для каждого индейца является добровольным и право на исключение из него – безусловным [6, с. 129].

Легко заметить, что такой подход предполагает наличие особых взаимоотношений между общиной индейцев и ее отдельными членами; этот правовой режим взаимоотношений выражается в своеобразном балансе взаимных прав и обязанностей. Со стороны лица требуется соответствовать традиционным социальным нормам сообщества; со стороны общины гарантируется предоставление лицу преимуществ, обусловленных особым статусом корен-

ных народов. Наличие этой правовой связи и является гарантией того, что принадлежность к коренным народам будет установлена достоверно без формального закрепления критериев и процедур.

Однако простой перенос на российскую почву этой модели установления принадлежности к коренным малочисленным народам не представляется возможным. Во-первых, как уже отмечалось, в Российской Федерации иная модель разграничения предметов ведения и полномочий. Защита прав коренных народов у нас отнесена к предметам совместного ведения, что требует возложения некоторой доли полномочий и ответственности за решение этой проблемы на органы государственной власти субъектов Российской Федерации. Во-вторых, степень разнообразия и разнородности коренных малочисленных народов в России заметно выше. Для индейцев Северной Америки характерно стремление к формированию надплеменной, паниндейской идеологии, что выражается в давно сложившейся практике проведения ежегодного фестиваля всех индейцев «Pow Wow». Коренные народы России обособлены, не склонны в полной мере отождествлять себя с общественными организациями, выступающими от имени их всех (например, с ассоциацией коренных малочисленных народов России). Наконец, степень самоорганизации у российских аборигенов пока недостаточна в сравнении с коренными народами европейского и американского континентов. В России нет парламентов коренных народов (как в Швеции, Норвегии и Финляндии), нет высших учебных заведений, подобных Институту искусств Североамериканских индейцев (штат Нью-Мексико, США), общины коренных малочисленных народов в субъектах РФ не могут позволить себе самостоятельное (внебюджетное) финансирование колледжей, киностудий, музеев и т. д.

Следовательно, ориентируясь на вторую модель как более удачную, необходимо прежде предпринять усилия в направлении *формирования корпоративного самосознания* коренных народов России и, тем самым, способствовать развитию институтов их самоорганизации (а это не только общины, но и территориальное общественное самоуправление коренных малочисленных народов) [2, с. 278].

Обязательными предпосылками решения этой задачи являются меры по сохранению языков и культур коренных малочисленных народов, по выстраиванию специальных схем образования аборигенов, а также вовлечению их в осуществление полномочий органов публичной власти через приемлемые для них институты гражданского участия. Лишь на фундаменте этих социальных и правовых институтов возможно формирование реестров коренных малочисленных народов России, которые, полагаем, изначально должны формироваться в субъектах Российской Федерации.

Литература

1. Гарбар Т. В. Проблемы идентификации коренных малочисленных народов России // Вестн. Северо-Восточного федер. ун-та им. М. К. Аммосова. 2014. Т.11. С. 48.
2. Гоголев П. В. Конституционно-правовые основы патернализма и партнерства в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России : дис. ... д. ю. н. М. : МГУ, 2014. 434 с.
3. Декларация о правах коренных народов. Принята Генеральной Ассамблеей 13 сентября 2007 г. URL: <http://www.ohchr.org/RU/Issues/IPeoples/Pages/Declaration.aspx> (дата обращения 04.05.2016).
4. Зиганшин И. Р. Национальные меньшинства Швеции: конституционно-правовые основы (на примере народа саами) // Сравнит. конституц. обозрение. 2014. № 4. С. 10–17.
5. Кряжков В. А. Коренные малочисленные народы в российском праве. М. : НОРМА, 2010 С. 205–206.
6. Нечаева Н. В. Правовые основы учета лиц, относящихся к коренным малочисленным народам // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории. Тамбов : Грамота, 2013. В 2 ч. № 8 (34). Ч. II. С. 127–130.

7. Харючи С. Н. Проблемы совершенствования российского законодательства в области прав коренных малочисленных народов // Конституц. и муницип. право. 2009. № 2. С. 13–16.

8. Юдин В. И. Государственная политика Норвегии в отношении народа саами: правовые основания и социокультурные противоречия // Власть. 2011. № 12. С. 183–186.

УДК 316.347(1-81):352(571.122)

*Хакназаров С. Х.
Khaknazarov S. Kh.*

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА: НА ПРИМЕРЕ СУРГУТСКОГО
И НИЖНЕВАРТОВСКОГО РАЙОНОВ ЮГРЫ**

**SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF LOCAL GOVERNMENTS ACTIVITY
AND SOCIO- ECONOMIC SITUATION OF INDIGENOUS PEOPLE
OF THE NORTH: ON EXAMPLE OF SURGUT
AND NIZHNEVARTOVSK REGIONS OF UGRA**

В современных условиях важно изучать общественное мнение о работе различных административных органов государственной власти на муниципальном и окружном уровнях. Это является важным и для самих административных работников. В данной статье анализируются и обобщаются результаты социологических исследований, проведенных с 2008 по 2010 гг. на территориях Сургутского и Нижневартовского районов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, Департамент по вопросам малочисленных народов Севера, комитет, деятельность местных администраций, Сургутский район, Нижневартовский район.

Деятельность местных администраций должна способствовать удовлетворению социальных потребностей населения в образовании, культуре, здравоохранении, физкультуре и спорте и др. Недостаточная эффективность решения важных вопросов местного значения, использование не в полной мере организационно-управленческого потенциала, противоречия между целевыми ориентирами в муниципальных программах и реальными потребностями местного населения могут вызвать неудовлетворенность населения решением многих жизненных проблем. Поэтому возникает потребность в инструментарии диагностики и оценки эффективности деятельности местных администраций [3]. По мнению автора, необходимо постоянно анализировать социально-экономическую ситуацию в муниципальном образовании; системно изучать «болевые точки» и «точки роста», характеризующие настоящее, а также прогнозировать будущее состояние муниципального образования; изучать общественное мнение, потребности населения и степень их удовлетворенности; своевременно и оперативно реагировать на обращения граждан, контролировать выполнение «социального заказа» населения.

Также необходимы теоретические разработки проблемы социальной эффективности деятельности местных администраций, определение показателей и способов ее измерения, определение критериев оценки социальной эффективности муниципального управления. Поэтому проблема эффективности деятельности местных администраций нуждается в углубленном социологическом анализе и практическом решении [3].

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра является исторической родиной коренного (аборигенного) населения, которое представлено тремя небольшими по численности народностями. Это ханты, манси и лесные ненцы. Численность коренных малочисленных народов Севера (КМНС) Югры в 2010 г. составила 31 483 чел. (2,05 % от общей численности населения округа). Из них: ханты – 19 068, манси – 10 977, ненцы (в т. ч. лесные) – 1 438 чел.

Численность населения Сургутского района составляет 120,3 тыс. чел. (декабрь 2012 г.). Численность коренных народов Севера составляет 3 215 чел. 42 % территории района занимают родовые (общинные) угодья (157 шт.), где проживают более 500 семей (более 2 000 чел.) представителей КНС, которые занимаются в основном традиционными видами хозяйственной деятельности [2].

На территории Нижневартовского района, по данным Всероссийской переписи (2010 г.), проживает 34 651 чел. (36 341 чел. на 2012 г.). На территории района проживает население более 70 национальностей, в том числе – 2,4 тыс. чел. представителей коренной национальности – ханты (84 %), манси (около 3 %), лесные ненцы (12 %), эвенки, шорцы и селькупы (менее 1 %) [1].

В 2008–2010 гг. сотрудниками Обско-угорского института прикладных исследований и разработок были проведены социологические исследования среди жителей Сургутского района Югры. Опоросы проводились в анкетной форме. Вопросы содержали варианты ответов. Респондентам нужно было выбрать только те ответы, которые они считали приемлемыми. Помимо анкет, было много устных бесед по наиболее проблемным вопросам.

В опросах¹ 2008 г. (Сургутский район) приняло участие 229 респондентов из числа коренных народов Севера (ханты, манси, лесные ненцы). Из них: мужчин – 106 (46,29 %), женщин – 123 (53,71 %). Эксперты: 29 респондента, из них: мужчин – 9 (31,03 %), женщин – 20 (68,97 %).

В опросах 2010 г. (Сургутский район) приняли участие 201 респондент из числа коренных народов Севера. Из них: мужчин – 117 (58,2 %), женщин – 84 (41,8 %).

В опросах² 2008 г. (Нижневартовский район) приняли участие 221 респондент. Из них: представители коренных народов Севера (ханты, манси, лесные ненцы) – 176 (79,62 %) и других национальностей – 38 (17,2 %). Нет данных у 7 (3,2 %) респондентов. Из них: мужчин – 73 (33,0 %), женщин – 148 (67,0 %).

В ходе исследований мы поставили задачу: выяснить отношение респондентов к рассматриваемому вопросу о том, как люди относятся к деятельности различных административных органов власти. Ниже приведены результаты опросов по некоторым вопросам.

Оценивая работу местных администраций по решению проблем коренных малочисленных народов Севера, большинство респондентов (75,11 % и 48,28 % соответственно КМНС и эксперты) Сургутского района работу местных администраций считают удовлетворительной [4].

Парадоксально, но факт, что мнение респондентов района по данному вопросу по результатам повторного опроса, проведенного в 2010 г., изменились в обратную сторону. То есть возросла доля лиц, считающих работу местных администраций по решению проблем КМНС неудовлетворительной (97,0 % вместо 16,59 % в 2008 г.). Мы полагаем, что такой результат связан с тем, что основным контингентом респондентов являлись владельцами территории традиционного природопользования [5].

¹ Эмпирический опрос по Сургутскому району в 2008 и 2010 гг. на месте провела начальник Сургутского филиала Обско-угорского института прикладных исследований и разработок. Обработку результатов в программе для обработки социологических и маркетинговых исследований «Vortex» выполнил науч. сотрудник отдела социально-экономического развития и мониторинга В. Т. Харамзин.

² Эмпирический опрос в 2008 г. по Нижневартовскому району на месте провела научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок. Обработку результатов в программе для обработки социологических и маркетинговых исследований «Vortex» выполнил науч. сотрудник отдела социально-экономического развития и мониторинга В. Т. Харамзин.

Мнения респондентов Нижневартовского района по данному вопросу представлены в табл. 1.

Оценивая работу местных администраций по решению проблем коренных малочисленных народов Севера, большинство респондентов (50,7 %) Нижневартовского района (табл. 1) работу местных администраций также, как и респонденты Сургутского района (2010 г.), считают неудовлетворительной. Удовлетворительной считают 40,3 % респондентов.

Таблица 1

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Как Вы оцениваете работу местных администраций по решению проблем КМНС?»**

Варианты ответов	Число ответивших	% от числа опрошенных
Удовлетворительно	89	40,3
Неудовлетворительно	112	50,7
Другое	7	3,2
Затруднялись ответить	13	5,9
Итого	221	100,0

Также большинство респондентов (61,14 % и 62,07 % соответственно КМНС и эксперты) Сургутского района удовлетворительно оценивали и работу бывшего Комитета по вопросам малочисленных народов Севера муниципального образования.

Относительное большинство респондентов (44,8 %) Нижневартовского района, отвечая на данный вопрос, также удовлетворительно оценивали работу бывшего Комитета по вопросам малочисленных народов Севера муниципального образования. Неудовлетворительную работу данного комитета отметили 41,2 % респондентов района (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение ответов респондентов на вопрос:
«Как Вы оцениваете работу Комитета по вопросам МНС муниципального образования по решению проблем КМНС?»**

Варианты ответов	Число ответивших	% от числа опрошенных
Удовлетворительно	99	44,8
Неудовлетворительно	91	41,2
Другое	10	4,5
Затруднялись ответить	21	9,5
Итого	221	100,0

А вот большинство респондентов (включая и экспертов) Сургутского района (68,12 % и 62,07 % соответственно представители КМНС и эксперты) работу бывшего Департамента по вопросам малочисленных народов Севера по решению проблем коренных народов Севера оценили неудовлетворительно. Например, данный показатель по Сургутскому району – 68 % (62 %) ¹, Октябрьскому району – 53 % (38 %) [1]. 14,41 % и 31,03 % респондентов района (соответственно представителей КМНС и эксперты) считают неудовлетворительной работу бывшего Департамента по вопросам КМНС.

Незначительное количество респондентов (43,4 %) Нижневартовского района работу бывшего Департамента по вопросам малочисленных народов Севера по решению проблем коренных народов Севера в отличие от респондентов Сургутского района, наоборот, оценили как удовлетворительное. Неудовлетворительно считают 31,2 % респондентов района (табл. 3).

¹ В скобках указаны оценки экспертов.

Справедливости ради можно отметить, что респонденты не во всех районах дают одинаковую оценку. Например, респонденты из Белоярского района работу бывшего Департамента по вопросам малочисленных народов Севера по решению проблем коренных народов Севера считают удовлетворительной (48 %). Мы полагаем, что это связано с тем, что бывший Департамент по вопросам малочисленных народов Севера и его представительства на местах неодинаково обращают внимание на решение проблемы представителей КМНС [4].

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы оцениваете работу Департамента по вопросам МНС по решению проблем КМНС?»

Варианты ответов	Число ответивших	% от числа опрошенных
Удовлетворительно	96	43,4
Неудовлетворительно	69	31,2
Другое	29	13,1
Затруднялись ответить	27	12,2
Итого	221	100,0

Далее мы рассмотрим проблему взаимодействия органов государственной власти с представителями коренных народов Севера по вопросам, касающимся жизненных интересов последних.

Касаясь вопроса делегирования, отметим, что, отвечая на вопрос: «Делегируют ли коренные малочисленные народы Севера своих уполномоченных представителей в Советы при органах государственной власти?», большинство респондентов (56,33 % и 44,83 % соответственно) Сургутского района сказали «нет», делегирование происходит, но не так активно (10 % и 41 %), как хотелось бы. Отвечая «да», 16 % респондентов отметили, что они в какой-то мере содействуют решению проблем коренных народов Севера, решают их насущные проблемы (1,75 %). 3 % твердо убеждены, что эти представители в органах власти – лишь для формальности [5].

Отвечая на этот же вопрос, в отличие от респондентов Сургутского района, значительное большинство респондентов Нижневартовского района (55,2 %) сказали «да». Сказали «нет» – 22,2 %. Отвечая «да», 15,8 % респондентов Нижневартовского района отметили, что они в какой-то мере содействуют решению проблем коренных народов Севера, решают их насущные проблемы (14,9 %). Незначительное большинство респондентов (20,0 %) твердо убеждены, что эти представители в органах власти – лишь для формальности. Относительное большинство респондентов (43,4 %) района затруднялись ответить на данный вопрос.

Отвечая на вопрос: «Получают ли КМНС от органов государственной власти и других организаций материальные и финансовые средства, необходимые для их социально-экономического и культурного развития?», большинство респондентов (50,7 %) Нижневартовского района утвердительно отметили, что да, получают материальные и финансовые средства, необходимые для их социально-экономического развития от органов государственной власти. 27,6 % респондентов района отметили, что не получают такую помощь. 10,9 % респондентов затруднялись ответить на данный вопрос.

Относительно вопроса роли общественных организаций в деле сохранения родных языков, 43,5 % респондентов дали утвердительный ответ. 8,7 % высказали отрицательное суждение. Затруднялись ответить на данный вопрос 47,8 % ответивших респондентов.

В числе основных общественных организаций, играющих роль в деле сохранения родных языков, респонденты отметили следующие: общины КМНС – 6,5 % и ассоциация «Спасение Югры» – 2,2 %. 91,3 % респондентов затруднялись ответить на данный вопрос.

Респонденты, отвечая на вопрос: «Как Вы считаете, государством принимаются достаточные меры для сохранения и развития родного языка и культуры в ХМАО – Югре?», незначительное количество респондентов (25,6 %) отметили, что государством принимают-

ся, скорее, достаточные меры для сохранения и развития родных языков и культуры КМНС в ХМАО – Югре. Доля респондентов, полагающих, что государством все-таки принимаются недостаточные меры для сохранения и развития родных языков и культуры КМНС в ХМАО – Югре составляют 18,6 %. Затруднились ответить на данный вопрос 31,7 % респондентов.

Отвечая на вопрос: «Как Вы считаете, государством принимаются достаточные меры для сохранения и развития родного языка и культуры в РФ?», 23,1 % респондентов отметили, что недостаточно. Доля респондентов, полагающих, что государством принимаются, безусловно, достаточные и скорее достаточные меры для сохранения и развития родного языка и культуры КМНС в РФ составляет 12,8 % [4].

В заключение отметим, что большинство респондентов Сургутского и Нижневартовского районов Югры работу органов государственной власти на окружном и местном уровне оценивали в равной степени: как удовлетворительное, так и неудовлетворительное. Следовательно, необходимо всем ведомствам органов государственной власти на различных уровнях, курирующим вопросы коренных малочисленных народов Севера, усилить контроль над работой своих отделов и представительств на местах.

Литература

1. Демография. URL: <http://www.nvraion.ru/ekonomika-i-finansy/social-economic-district/demography.php> (дата обращения: 19.04.2014).
2. Официальный сайт административных органов власти Сургутского района. URL: http://www.admsr.ru/about_the_district/population/ (дата обращения: 19.04.2014).
3. Самков К. Н. Методология и методика оценки социальной эффективности деятельности местной администрации в социальной сфере (на материалах города Нижняя Салда Свердловской области). URL: <http://vestnik.uara.ru/ru-ru/issue/2009/01/22/> (дата обращения: 23.01.2014).
4. Хакназаров С. Х. Органы власти и вопросы социально-экономического развития коренных народов Севера: социологический аспект // Реальность этноса. Образование – культура – экономика в устойчивом развитии Российской Федерации : сб. ст. по материалам XVI междунар. науч.-практ. конф. в рамках Конгресса коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ (26–27.08.2014 г.). СПб. : Изд-во РГПУ им А. И. Герцена, 2014. С. 67–70.
5. Хакназаров С. Х. Оценка деятельности различных органов государственной власти Югры на местах: социологический аспект // Актуальные проблемы развития социально-экономической сферы региона: история и современность : сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Нижневартовск, 2014. С. 109–115.

УДК 614(=511.21) (571.121)

*Цай А. В., Ефанова Е. Н., Русак Ю. Э.
Tsay A. V., Efanova E. N., Rusak Yu. E.*

ПРОБЛЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ СЕЛЬКУПОВ – ОДНОГО ИЗ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

SELKUP HEALTH PROBLEMS – ONE OF INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH

В статье приведены сведения о состоянии заболеваемости и проблемах здравоохранения селькупов – одного из малочисленных народов Севера. Намечены пути и задачи повышения качества медицинского обслуживания коренного населения.

Ключевые слова: селькупы, заболеваемость, здравоохранение.

Состояние здоровья и проблемы здравоохранения малочисленных народов Севера, в т. ч. селькупов, зависит от особенностей традиционного образа жизни и изменений, связанных с широким проникновением в их быт обычаев других народов и индустриализацией территорий их проживания.

До недавнего времени в случае болезни селькупы обращались к шаманам, духи которых вступали в борьбу со злыми духами. Поэтому шаман, приступая к лечению больного, задавался целью выгнать непрошеного гостя из тела больного. Духи (лозы) шамана «гоняли» в человеке злых лозов, стараясь выгнать их на поверхность тела. Со смертью человека злые лозы не гибнут, а «уходят на ветер» и проникают в другое тело. Болезнь объяснялась и тем, что злой дух якобы похищал у человека одну из его душ. В таких случаях шаман отправлялся на поиски похищенной души; если ему удавалось найти ее и водворить на место, больной выздоравливал, в противном случае – умирал. Умерших хоронили в земле, в долбленых стволах деревьев, в лодках. Сверху устанавливали деревянный сруб. Детей хоронили на ветках высоких деревьев. С покойным клали его имущество, предварительно подвергнув порче [1; 4].

В последние годы медико-демографические показатели Красноселькупского района относительно стабильные. Отмечается увеличение рождаемости у коренного населения. Показатели смертности у селькупов высокие, так как определенное значение имеет низкий уровень жизни, безграмотность. Таким образом, в районе сохранялась высокая рождаемость за счёт пришлого и коренного населения. Это показатель, который является не только демографическим, но и медико-социальным критерием жизнеспособности и воспроизводства населения. Такие тенденции в демографических показателях обусловлены, прежде всего, изменениями в Законодательстве Российской Федерации: обеспечением «материнским капиталом» семей при рождении второго и последующего детей, увеличение пособий по беременности и родам и т. д. [2; 3].

В перечне основных заболеваний коренного населения чаще всего встречаются следующие: на первом месте – болезни органов кровообращения, на втором – новообразования, на третьем – туберкулёз. Это объясняется несвоевременной диагностикой, так как охват диспансерного наблюдения происходит не полностью в связи с отсутствием высококвалифицированных специалистов на территории района [3].

Среди факторов риска развития неинфекционных хронических заболеваний, являющихся основной причиной инвалидности и преждевременной смертности населения на территории Красноселькупского района, на первом месте стоит курение; на втором – нерациональное питание, низкая физическая активность, избыточный вес, дислипидемия; на третьем – повышенное артериальное давление, высокий уровень стресса, отягощённая наследственность по хроническим неинфекционным заболеваниям.

Основной проблемой для Красноселькупского района является его отдаленность от близлежащих городов, неудобное расположение, отсутствие транспортной развязки, что затрудняет проведение лечебно-профилактических мероприятий на территории округа. Для решения этого вопроса необходимо задействовать министерство здравоохранения ЯНАО для проведения плановых медицинских осмотров и организовывать выездные рейсы докторам для проведения осмотров местного населения с целью раннего выявления заболеваний и назначения профилактических мероприятий по их предотвращению [3].

Главной задачей здравоохранения Красноселькупского района является обеспечение каждого гражданина качественной и доступной медицинской помощью, основанной на применении современных технологий. Совершенствование медицинской помощи населению связано с инновационным развитием здравоохранения на основе достижений фундаментальной науки, создания и внедрения новых эффективных лечебно-диагностических технологий и лекарственных средств в медицинскую практику. В системе здравоохранения идет постоянная работа по укреплению материально-технической базы учреждения, созданию условий

для эффективного внедрения в медицинскую практику научно-технических достижений; повышению квалификации медицинских кадров; работа практического здравоохранения на оказание медицинской помощи населению в соответствии со стандартами. Благодаря внедрению современных методов профилактики и лечения отмечается снижение заболеваемости как взрослого, так и детского населения. В сравнение: заболеваемость взрослого населения снизилась в 2014 г. по сравнению с 2012 г. на 33 %, детского населения – на 35 %. Также следует отметить укомплектованность кадрами Красноселькупской районной больницы и амбулатории, наличие почти всех важных структурных подразделений: терапевтического, хирургического, гинекологического, родильного, инфекционного, соматического, детского, – что позволяет оказывать своевременную помощь. В связи с этим отмечается некоторое снижение уровня заболеваемости среди населения.

Высокотехнологическая, в том числе специализированная, помощь оказывается за счет средств федерального бюджета и по территориальной программе национального проекта «Здоровье». Для улучшения качества оказания медицинской помощи в рамках проекта необходимо заключать контракты с ведущими клиниками на территории РФ, что позволит своевременно оказывать необходимую помощь при диагностике и лечению заболеваний в таких направлениях, как онкология, гематология, травматология, ортопедия и эндопротезирование, челюстно-лицевая хирургия, микрохирургия глаза и другие приоритетные направления [3].

Основные проблемы, которые стоят перед здравоохранением:

- пациенты должны быть обследованы раньше периода прохождения диспансеризации, установлен диагноз, даны рекомендации;
- незаинтересованность населения в прохождении обследования, отсутствие мотивации к ведению здорового образа жизни;
- трудности транспортной схемы Красноселькупского района;
- средний возраст лиц, проходящих диспансеризацию, относится к группе старше 36 лет, которые уже имеют хронические заболевания и которые уже состоят под диспансерным наблюдением у специалистов.

Основные задачи по снижению заболеваемости:

- активное привлечение населения района к прохождению диспансеризации, определение состояния здоровья каждого;
- своевременное проведение лечебно-оздоровительных, профилактических мероприятий; повышение качества и эффективности медицинской помощи населению путем взаимосвязи и преемственности в работе всех типов учреждений, широкого участия врачей различных специальностей, внедрения новых организационных форм, дальнейшего технического обеспечения и использования ЭВМ;
- активное направление населения нахождение 2-го этапа диспансеризации, прохождение углубленного обследования, индивидуального и группового профессионального консультирования;
- раннее выявление хронических неинфекционных заболеваний, уменьшение числа граждан с первично выявленными заболеваниями на поздних стадиях их развития;
- выявление и устранение причин, вызывающих заболевания; привлечение населения к ведению здорового образа жизни; выявление и коррекцию основных факторов риска развития указанных заболеваний;
- дифференцированное активное динамическое наблюдение за здоровыми лицами, имеющими факторы риска, и больными.

Кроме того, следует продолжить реализацию основных мероприятий и приоритетных направлений национального проекта «Здоровье». В рамках этого проекта отмечается развитие и совершенствование основных направлений первичной медико-санитарной помощи, специализированной, и в том числе высокотехнологичной, медицинской помощи, создаются новые системы профилактики заболеваний и формирования здорового образа жизни. Прово-

дится санитарно-просветительная работа с местным населением, а также выпускаются программы по охране здоровья граждан, проводятся беседы, лекции [3].

Таким образом, необходимо:

1. Продолжить диспансеризацию взрослого и детского населения согласно плана-графика, утверждённого Департаментом здравоохранения ЯНАО.
2. Информатизация здравоохранения и развитие телемедицины.
3. Продолжение развития первичной медико-санитарной помощи (повышение её качества и доступности, ликвидация очередей на прием к специалистам и снижение сроков ожидания диагностических исследований в поликлиниках).
4. Усиление профилактической направленности здравоохранения в целях снижения заболеваемости населения, широкое привлечение населения к вопросам сохранения и укрепления своего здоровья.
5. Пропаганда здорового образа жизни (выступление на телевидении, статьи в газетах, лекции, беседы профилактической направленности среди детей и родителей в детских дошкольных учреждениях и образовательных учреждениях Красноселькупского района).
6. Повышение доступности и удовлетворение потребности населения в высокотехнологичных видах медицинской помощи.
7. Продолжение работы по реализации Национального проекта «Здоровье».
8. Тесное сотрудничество с лечебно-профилактическими учреждениями округа и за его пределами в системе ОМС [3].

Состояние здравоохранения в районах проживания селькупов прямо связано с существованием этого немногочисленного этноса, увеличением его численности. Задачей властных структур ЯНАО является бережное отношение к селькупам, оптимальное решение их проблем и создание условий для их сохранения и развития.

Литература

1. Бауло А. В. Типы надмогильных сооружений у Тазовских селькупов // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 185–191.
2. Лукина Н. В. Этнографические коллекции Музея истории материальной культуры. Томск, 1979. С. 268–270.
3. Отчет по Красноселькупскому району ЯНАО. Министерство здравоохранения, 2014–2015 гг.
4. Шаховцов К. Г. Этническая идентификация южных селькупов : автореф. дис. ... канд. наук. Москва, 2007. 28 с.

УДК 94(57)(=511.21)+39(=511.21)

*Цай А. В., Русак Ю. Э., Ефанова Е. Н.
Tsay A. V., Rusak Yu. E., Efanova E. N.*

КУЛЬТУРА И ИСТОРИЯ СЕЛЬКУПСКОГО НАРОДА

SELKUP FOLK CULTURE AND HISTORY

В статье приводятся сведения об истории селькупов, особенностях их образа жизни, быта, религии, обычаев и традиционных промыслов.

Ключевые слова: селькупы, история, этногенез.

Проблемы малочисленных народов Севера в последние годы привлекают все большее внимание. Каждый народ, даже самый малочисленный, представляет собой бесценное наследие мировой культуры. Задачей общества является бережное отношение к малым народам, создание условий для их сохранения и развития. Одним из таких малочисленных народов являются селькупы.

Селькúпы – народ, живущий на севере Западной Сибири. До 1930-х гг. их называли остяко-самоёдами. Численность селькупов – 3,5 тысячи [1].

Предположительно с XVII в. селькупы разделены на 2 территориальные группы: южную, нарымскую, и северную, тазовско-туруханскую. Северные селькупы образовались в результате ухода в XVII в. части самодийского населения со Средней Оби на север, в бассейн Верхнего Таза и левого притока Енисея реки Турухан [1; 3; 12].

Деление селькупов на две территориальные группы и их контакты с соседними народами фиксируются в особенностях этнической культуры. Южные селькупы в настоящее время значительно ассимилированы русским населением и утратили многие элементы таежного охотничье-рыболовецкого хозяйственно-культурного комплекса, характерного для всех народов, живущих в таежной зоне Западной Сибири [1; 12].

Первые достоверные исторические сведения о селькупках восходят к концу XVI в. Нарымские селькупы назывались тогда в русских актах Пегой ордой [12]. Это название отразило, вероятно, тот факт, что селькупы носили пестрые одежды, сшитые из шкурок мелких зверей и птиц. Во главе их в конце XVI в. стоял «князь» Воня, оказавший упорное сопротивление русским воеводам. Имея до 400 вооруженных людей, Воня долго отказывался от уплаты ясака, вступил в союз с татарским ханом Кучумом и угрожал наступлением на Сургут. Только с основанием Нарыма (1596 г.) Пегая орда была подчинена московскому князю. Согласно Уставу, на всей территории расселения селькупов были созданы административные волости (роды), во главе которых стояли князцы и старшины. В их функции входил сбор *ясака*, то есть дани. Уплату ясака селькупы производили до 1880-х гг. пушниной. Торговцы выменивали у селькупов пушнину, рыбу, птицу, орехи, ягоды и закабалили их неоплатными долгами, переходившими от поколения к поколению. После Октябрьской революции, когда прежние органы административного управления были упразднены, в местах расселения селькупов были созданы туземные (впоследствии сельские) советы [7; 12; 17].

В XVII в. селькупы составляли коренное население Нарымского и Кетского уездов. Кроме того, часть их жила на территории Томского и Сургутского уездов. Территория расселения селькупов состояла в XVII в. из 27 «волостей» (5 кетских, 12 нарымских, 7 томских и 3 сургутских) [3].

Южные (нарымские, или среднеобские) селькупы являются прямыми потомками носителей кулайской культуры, существовавшей в Среднем Приобье в период V в. до н. э. – V в. н. э. С этой историко-культурной общностью исследователи связывают происхождение всех народов самодийской языковой подгруппы. Непосредственным преемником кулайцев в Среднем Приобье, по мнению археологов, являлось население, создавшее *рёлкинскую культуру* (VI–VIII вв. н. э.). Многие элементы хозяйственного уклада, орудий труда и быта релкинцев имеют аналоги с селькупским этнографическим материалом. Окончательное этническое оформление этнографической группы северных селькупов завершилось лишь в XIX в. Наряду с собственно селькупским компонентом в состав северных селькупов вошли семьи энецкого, кетского и хантыйского происхождения. Традиционная социальная организация селькупов сложна и недостаточно изучена. В прошлом у селькупов выявляются следы бытования родового и фратриального деления. В 1-й половине XIX в. у северных селькупов существовали 2 экзогамных объединения – фратрий. Фратриальное деление обнаруживается и у южных (тымских) селькупов, в состав которых входило несколько кровных родов с тотемическими названиями. Судя по фольклорным материалам, некогда все эти роды имели в общественной собственности охотничьи и рыболовные угодья. С конца XIX в. во всех регионах расселения селькупов основной общественной единицей становится соседская община,

объединявшая хозяйства, принадлежавшие к различным этнотерриториальным группам и связанные между собой не кровным родством, а соседскими узами [1; 4; 18].

Русские принесли с собой более совершенные орудия лова рыбы, более совершенные лодки. Участвуя вместе с русскими в промыслах, селькупы стали переходить на оседлый образ жизни, менять свои жилища на избу русского типа. Появляются зачатки животноводства и огородничества; изменяется пищевой режим. В общее потребление входит печеный хлеб. В селькупских селениях появляются русские печи, которые сначала строили под открытым небом, а затем и в избе. Входит в употребление русская одежда. Все это вместе взятое значительно повысило культурный уровень нарымских селькупов, живущих по Оби, отличив их от тех групп, которые, живя в глухих таежных областях, не соприкасались постоянно с русскими [1].

Селькупы вели комплексное хозяйство, главными отраслями которого были охота и рыболовство. Основным объектом пушной охоты в XIX в. были белка, горностай, охотились также на лисицу, росомуху. Северные селькупы добывали песца, используя капканы и деревянные ловушки-пасти. О распространенности беличьего промысла говорит наличие у селькупов специальной (основной) меновой единицы сарум, в переводе «связка из десяти беличьих шкур». Для нарымских селькупов большое значение имела охота на боровую дичь, которая являлась основным источником мяса. Из парнокопытных объектом охоты в тайге (главным образом с помощью ружья) являлся лось. В прошлом на лося настораживали самострелы [13].

Вторым по значению был рыбный промысел. У нарымских селькупов он играл большую роль, чем на севере. У селькупов давние традиции рыболовства на больших и малых реках. До начала XX в. было развито кузнечество. Из руды, доставляемой с Енисея, выплавляли металл при помощи сыродувного процесса и системы из 7 горнов и 14 мехов. Из полученного железа изготавливались орудия труда, оружие, кольчуги, изображения духов. Вплоть до XX в. пользовались также каменными и костяными орудиями труда (скребки для выделки кожи, зернотерки, наконечники стрел, ножи, крючки, иглы и пр.), умели обрабатывать крапиву, прясть из нее нитки (при помощи прядильного веретена кето), ткать крапивные холсты для шитья одежды, одеял на оленьем меху, матрасов [1; 7; 17].

Подсобную роль играло собирательство. Ягоды, клубни сараны, дикий лук заготавливали женщины и дети. Особенное значение имел сбор смородины, черники, клюквы и брусники. В Нарымском крае был развит кедровый промысел [17].

Под влиянием русских нарымские селькупы стали селиться в деревнях, заводить домашний скот, культивировать огородничество (посадки репы, картофеля, гороха). Из домашнего скота в хозяйствах селькупов преобладали лошади и коровы. Овцы и свиньи встречались относительно редко. Традиционными средствами передвижения были собачьи и ручные нарты, а также лыжи и лодки. Основным средством передвижения в тайге зимой служили лыжи из ели или кедра, подбитые снизу оленьим камусом либо шкуркой выдры. Из современных средств транспорта широко применяются снегоходы типа «Буран». Современный охотничий промысел развит главным образом на севере селькупской территории [5; 8].

В XIX в. селькупские селения, юрты, располагались обычно по берегам рек. Традиционное зимнее жилище томских (нарымских) селькупов – землянка или полуземлянка с бревенчатым либо жердевым каркасом и деревянным полом. Крыша покрывалась дерном и засыпалась землей. Сегодня большинство селькупов проживают в современных типовых домах [4; 6; 10].

Селькупский фольклор представлен героическими песнями, историческими преданиями, сказками, загадками, поговорками. У современных селькупов, особенно в Томской области, многие фольклорные произведения исполняются на русском языке.

Из музыкальных инструментов бытовали: варган – губная костяная (из оленьего рога) пластинка с вибрирующим язычком, семиструнная арфа – лебедь. Оба эти инструмента распространены в южной части ареала расселения селькупов. У северных был известен только шаманский бубен. Народные музыкальные инструменты – кагабылька и пананьюх [1; 8; 9].

Селькупы поклонялись духам – хозяевам леса, воды и т. п. Чтобы обеспечить успех в промысле, им приносились жертвы. Одним из своеобразных обрядов в шаманстве селькупов была церемония «оживления» бубна и других предметов шаманского облачения. Шаманский дар у селькупов обязательно передавался по наследству. Обычно один из сыновей наследовал его от отца, матери или деда [8].

Большая этническая территория при малой численности населения предопределяет сложность внутреннего деления селькупского языка. Языковые отличия между северными и южными диалектными группами весьма существенны, что препятствует свободному языковому общению. В конце XIX в. была предпринята неудачная попытка создания селькупской письменности. В начале 1930-х гг. был разработан селькупский алфавит на основе латинской графики. С 1937 г. селькупская письменность переведена на русскую графическую основу [1; 17].

К настоящему времени можно констатировать полную утрату значительной частью селькупских семей традиционной культуры и родного языка. В целом по России в 2002 г. селькупский язык считало родным 25,3 % селькупов. В настоящее время селькупский язык преподается в начальной школе. Коллектив лингвистов Томского педагогического университета разрабатывал учебные пособия для селькупских национальных школ: букварь и учебник по развитию речи для первого класса, учебники по языку, методические рекомендации, дидактический материал, звуковые приложения к урокам и т. п. [1; 17].

Несмотря на христианизацию, еще в XVII–XVIII вв. у селькупов сохранялись анимистические представления об окружающем мире. Селькупы, считаясь официально крещеными, продолжали сохранять другие религиозные представления и обряды. Для борьбы с болезнями селькупы обращались к шаманам, духи которых вступали в борьбу со злыми духами [8; 11; 14; 16].

Специалисты рассматривают будущее селькупов весьма пессимистично. Томские селькупы почти полностью обрусели. Велик процент смешанных браков. Сходная ситуация и в других районах Томской области. У северных селькупов современная этнокультурная ситуация складывается более благоприятно. Здесь меньше степень промышленного освоения региона, лучше знание родного языка, больше мононациональных браков, значительная часть населения занята традиционными промыслами.

Этногенез селькупов связывается с историей формирования древних самодийских народов Западной Сибири. Однако селькупы занимают в этом процессе несколько обособленное место. Территория Нарымского и Томского Приобья, которая является автохтонной для селькупов, в конце I тыс. до н. э. – середине I тыс. н. э. входила в состав кулайской культурной общности и представляла собой северную, таежную периферию самодийцев. В Среднем Приобье с середины II тыс. н. э. традиции кулайцев наследует релкинская археологическая культура, которая идентифицируется в этнокультурном плане как праселькупская. На протяжении 1-й половины II тыс. н. э., когда под воздействием тюрков южные самодийцы переселяются в приполярные районы Западной Сибири и горно-таежные районы Южной Сибири, селькупы практически избежали иноэтнического влияния. Поэтому селькупы в большей мере, чем какой-либо другой самоедоязычный народ, сохранили другую самодийскую основу. В настоящее время нарымская группа селькупов сильно русифицирована, северная же, даже в условиях довольно интенсивных культурных и брачных контактов с кетами и эвенками (в верховьях реки Таз до 3/4 браков, заключенных селькупами, межнациональны), сохраняет свою этническую самобытность. В частности, в этом районе селькупский язык, наряду с русским, является разговорным в среде разноэтнического коренного населения [15, 16].

Будущее селькупов, как и других малочисленных народов Севера, во многом зависит от сохранения природного ландшафта, государственной поддержки и развития самоуправления селькупов.

Литература

1. Аксянова Г. А, Васильев В. И. Селькупы. Общие сведения // Народы Сибири. Сер.: Народы и культуры. М., 2005. С. 301–314.

2. Бауло А. В. Типы надмогильных сооружений у тазовских селькупов // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 185–191.
3. Беккер Э. Г. Селькупские топонимы Западной Сибири : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1965 // Архив Лаборатории языков народов Севера. Томск. педагог. ун-та.
4. Головнев А. В., Тучкова Н. А. Селькупы. Ходатайство // Народы западной Сибири. Сер.: Народы и культуры. М., 2005. С. 317–329.
5. Головнев А. В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. 203 с.
6. Урало-Алтайские исследования. 2001. С. 16–19.
7. Квашнин Ю. Н. Селькупы в низовьях Таза // Вестн. археологии, антропологии и этнологии. 2002. № 4. С. 230–232.
8. Лебедев В. В., Соколова З. П. Селькупы // Этническая история народов Севера. М. : Наука, 1982. С. 118–129.
9. Лукина Н. В. Этнографические коллекции Музея истории материальной культуры. Томск : МАЭС ТГУ, 1979. С. 268–270.
10. Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. Сер.: Народы и культуры. М., 2005. С. 805.
11. Отчет по Красноселькупскому району ЯНАО. Министерство здравоохранения. 2014–2015 гг.
12. Пелих Г. И. Происхождение селькупов. Томск : Изд. Томск. ун-та, 1972. 425 с.
13. Прокофьева Е. Д. Оленеводство тазовских селькупов // Материальная культура народов Сибири и Севера. Л. : Наука, 1976. С. 139–155.
14. Селькупы // Народы России. Атлас культур и религий. М. : Дизайн. Информация. Картография, 2010. 320 с.
15. Терещенко А. В. Таксономия селькупских гидронимов на основе семантических доминант. Томск : Изд. Томск. ун-та, 2014. С. 3–8.
16. Тучков А. Г. «Большая война» и демографическая ситуация у среднеобских селькупов : сб. тр. 2012. С. 100–107.
17. Шаргородский Л. Т. Селькупы: современные этнические процессы у селькупов. М., 1994. С. 206.
18. Шаховцов К. Г. Этническая идентификация южных селькупов : автореф. дис. ... канд. наук. Москва, 2007. 28 с.

УДК 376.74(=511.14) (571.122)

Швейд М. А.

Shveyd M. A.

ОСОБЕННОСТИ НАРОДНОЙ ПЕДАГОГИКИ ОБСКИХ УГРОВ

FEATURES OF NATIONAL PEDAGOGICS OF OB UGRIANS

Существование всех национальных культур предполагает сознательную передачу практического опыта и теоретических знаний разных сторон деятельности человека и окружающего мира. Через это ребенок реализовывал собственную интенцию к самоопределению в сообществе сверстников, чем опосредовалось его вхождение в реальность жизни взрослых.

Ключевые слова: народная педагогика, самобытная культура, сакральность, этнос.

Трудовое воспитание – венец всей системы народного воспитания

Г. Н. Волков

В современном мире, когда экологическая проблема, особенно характерная для Северо-Западной Сибири, где практически разрушена логика взаимодействия человека и природы, а критическое состояние окружающей среды требует от современного представителя коренного населения среднего Приобья выбора новых приоритетов в шкале социокультурных ценностей, ханты и манси стараются не разорвать связующую нить гармонии с природой, жить, оберегая её, но при этом ощущая себя не хозяевами, а только частью окружающего мира. Желая сохранить самобытную культуру, традиции, родной язык, образ жизни и зная, для чего они живут, имея свое место в этом мире под солнцем, защищают всё это в повседневной действительности от разрушения, определив практическую и историческую значимость, роль и место в многонациональной культуре России.

Передача молодому поколению богатейшего культурного наследия восточных ханты через традиционные праздники является одной из приоритетных задач в сохранении традиционной культуры малочисленных северных народов Югры.

В настоящее время, когда идет движение в защиту национальных культур, процесс возрождения многих обычаев, обрядов, традиций стал возможен исключительно благодаря «семейной памяти». Семья – это сакральная часть общества и только в последнюю очередь – экономическая ячейка, поэтому семья оставалась и остается надежным хранителем культуры, обычаев, обрядов, верований, символических функций вещей и многого из того, что в более крупных социальных группах исчезает довольно быстро.

У народов Севера трудовое воспитание детей начиналось с самого раннего возраста. На это обращали внимание путешественники ещё XVIII в. Григорий Новицкий писал: «От младых ногтей принаравливаются як стрелянию из лука убивать зверя, як ловлению птиц, рыбы обучают их», а В. Ф. Зуев добавил: «Лишь мальчик начнет мало иметь понятия, то мать или нянька не чем иным тешат, как бряцанием лучиной тетивы, а когда ходить начнет, уже отец ему и лук готовит» [5].

Кроме непосредственного наблюдения за действиями взрослых и посильного участия в промысловой деятельности, воспитательное значение имели разговоры на хозяйственные темы, которые взрослые вели в присутствии детей.

С раннего возраста детей приучали через фольклорные сюжеты рано вставать, не тратить попусту время, трудиться и попутно своего рода технике безопасности, что было немаловажно, ведь родители могли надолго отлучиться из жилища, а маленькой девочке или мальчику необходимо было делать свою работу уже в отсутствии взрослых.

А. М. Конькова в сказке «Маснэ и Зайчонок» обратила внимание на такой момент: «...И решила бабушка: «Надо учить Маснэ шить».

На другое утро бабушка говорит внучке:

- Маснэ, вставай, солнце осветило все углы нашей избушки. Сегодня будешь учиться шить. – Усадила она внучку, взяла узорный ватлан, сняла с него крышку, достала вышитую подушечку-игольницу, нитки и разноцветные лоскутки.

- Внученька, – говорит бабушка Петось, – прежде надо знать, что иголку в рот брать нельзя, в свое платье втыкать нельзя, на пол бросать тоже нельзя. Иголку надо на место прибирать – в подушечку-игольницу втыкать» [3].

Таким образом, по словам основоположника отечественной этнопедагогики Г. Н. Волкова, «эстетическое воспитание осуществляется в процессе трудовой деятельности. Оно выступает в тесной связи не только с трудовым, но и с умственным, нравственным и физическим воспитанием» [1]. Эта квалификация относима и к традиционной культуре обско-угорских этносов. Родители всячески поощряли раннюю изобразительную деятельность детей. Женщины давали в игру лоскуты с образцами орнамента и показывали, как технически выполнить его. Угадывание животных форм в орнаменте и украшении собственных игрушек фактически превращают работу в игру, имеющую большое значение и дающую благотворные результаты для развития у детей художественного вкуса и умения.

В традиционной жизни ханты рано приобщали детей к изготовлению *народной игрушки*. Этот вид декоративно-прикладного искусства у обско-угорских народов является

особо привлекательным и доступным для детей. Обско-угорская народная игрушка ярка, красочна, выразительна. Ее мотивы разнообразны, а пропорции четко соблюдены. Цветовая гамма узоров, орнаментация соответствует декору народной аппликации обско-угорских народов. В этнографической литературе отведено должное место исследованию кукол обских угров, где описаны два традиционных типа кукол:

- кукла, головку которой заменяет *клюв водоплавающей птицы* с прилегающей к нему шкуркой; на нее нашивались вертикальные цветные полоски сукна, сверху надевалась меховая одежда, имитирующая взрослую. Ханты делали куклу чаще всего из суконного лоскутка; «головой» такой куклы служил *клюв гуся, утки или турпана*, срезанный вместе с лобной шкуркой. Впереди на лоскуток нашивали вертикальные полоски из цветного сукна. Куклол старались украсить ленточками, бусами, бисером, а их одежду сделать во всем похожей на настоящую;

- кукла, головка и одежда которой *делались из ткани*, лицо состояло из целого ряда цветных полос, концы которых завертывались, чтобы удлинить тело куклы.

Для матерчатых «акань» – фигурок женщин, девушек, детей, мужчин, стариков и старух – девочки шили одежду, представляющую миниатюрную копию одежды взрослых, изготавливали предметы быта: миниатюрные сумочки из лоскутов меха с орнаментацией из белого и темного меха, сукна и бисера, игрушечные кузова из бересты, посуду.

Быть мастерицей – одна из главных функций женщины традиционного общества, поэтому символом женского начала является игла. «Иголку ... втыкали в тряпочку, когда рождалась девочка, и уносили на культовое место». Женщина-рукодельница в мешочке *тутчан хир* всегда имела игольницу. Эта вещь всегда у нее при себе, даже если она находится в пути, на рыбалке и т. д. «Игольник» относится к числу сакральных предметов и подчеркивает сакральность женского мира по отношению к мужскому. Как правило, игольник – это небольшой кусочек сукна круглой или квадратной формы, расшитый бисером; в центре чаще всего вышивается бисером крест, который является указанием на сакральность предмета.

Тутчан – очень дорогой для женщин предмет, он переходил от матери к дочери; в некоторых случаях мать шила дочери новый тутчан к свадьбе. Не зря в хантыйской сказке хозяйка говорит герою-богатырю: «У нас, женщин, сто узлов, тысяча узлов: один узел завяжешь, другой развяжешь» [3]. Работа мастерицы – не шаблонный и подневольный труд, а способ творческого самовыражения женщины.

У ханты и манси, как и у других народов Севера, исторически сложилась своя система эстетического воспитания, характерной особенностью которой является его тесная связь с трудовым. Вот отрывок одной из хантыйских сказок: «Бабушка Таись и дедушка Портя, собрав вокруг себя внуков и правнуков, давали в руки каждому нож, кому иголки с нитками, кому красивый лоскуток, и внуки вырезали из дерева стрелы, а внучки вырезали узоры» [3]. Кажется невероятным, но девочка в два – три года умела уже собрать браслетик, в четыре – пять уже составляла орнаменты. В шесть – семь она различала традиционные узоры домашней одежды.

Северные дети смело берутся за любое дело, потому что живут среди людей, умеющих делать все своими руками. Девочки рано начинали помогать матери по хозяйству, учились рукодельничать. Например, в пять лет многие из них уже украшали орнаментом платье. А. М. Тахтуева указывает на такие моменты воспитания в обско-угорской семье: «Хантыйская или мансийская женщина – большая труженица, искусная рукодельница, мастерица, которая не привыкла сидеть сложа руки, они у нее всегда в работе. Дети впитывают это с молоком матери. Бабушка, мать или старшая сестра учат девочек узнавать и рисовать орнаменты, а также использовать их в изготовлении хозяйственной утвари, одежды и обуви. Старшие члены семьи не только знакомят детей с орнаментами, но и показывают им, как их выполнить технически. Девочкам поясняют значение фрагментов орнамента, помогают отыскать в них сходство с фигурами птиц и зверей, вспоминая при этом подходящую сказу, что облегчает работу и пробуждает фантазию ребенка. Угадывание животных, птиц и растений в орнаменте и украшение им собственных игрушек развивает у детей художественный вкус и

побуждает к творчеству. Взрослые шьют орнаменты из замши, меха, сукна, ткани – девочки перенимают. Женщины украшают одежду бисерным плетением, вышивкой – девочки учатся и украшают этим одежду своих кукол. Мать или старшая сестра шьет мешочек для хранения рукодельных принадлежностей, используя орнамент, – девочка копирует. Изготавливается коробка из бересты или пихтовой коры – девочки приобщаются и к этому, учатся методам нанесения орнамента процарапыванием или красками» [2]. А. Н. Рейнсон-Правдин отмечал: «Богато украшены орнаментом берестяные игрушки девочек ханты и манси. Даже пятилетние девочки пытаются изобразить на бересте подобие узора. Выделявая игрушечную берестяную и лубяную утварь, дети приобретают сознательное чувство формы, определяемой назначением предмета, и необходимости единства, слитности формы с орнаментом» [4]. Северная игрушка тесно связана с орнаментальным искусством пян-хасово, ханты и манси. Орнаментика северных народов культивирует детскую фантазию и своеобразно отражается в игрушках детей.

В традиционной обско-угорской семье осуществляется дифференцированный подход к воспитанию мальчика и девочки. Мальчик – это будущий кормилец, охотник, рыбак. Девочка – это будущая хранительница очага, хозяйка дома, мать. Первое, что дарят взрослые мальчику, – это аркан и нож; а девочке – мешочек с набором сухожильных ниток, кусочками ткани и меха.

Передача этих умений и навыков инициировалась взрослыми и служила неотъемлемым элементом социализации подрастающих поколений. «Ребенок овладевал луком, и взрослые были крайне заинтересованы в том, чтобы ребенок владел этим оружием в совершенстве. Но вот появилось огнестрельное оружие. Лук по-прежнему остается в руках детей, но теперь действие с ним уже непосредственно не связано со способами охоты, и упражнения с луком используются для развития некоторых качеств, например, меткости, необходимых охотнику, пользующемуся и огнестрельным оружием», – пишет Д. Б. Эльконин [5].

Но на этом этапе стрельба из лука начинает выполнять и более *общую* функцию, выступая в качестве особой формы *инициации* мальчиков. Умение метко стрелять здесь не просто конкретное умение, а критерий социальной зрелости будущего мужчины, защитника и добытчика. Поэтому отношение взрослых и детей к стрельбе из лука в условиях обществ данного типа всегда отличалось ответственностью и серьезностью, а соответствующее умение обладало особой педагогической ценностью.

Как утверждает большинство этнографов-североведов, трудовое воспитание детей осуществлялось двумя путями: через их непосредственное участие в жизни семьи и под влиянием взрослых, поручавших детям выполнение различных несложных производственных операций. Для детей младшего возраста основным способом приобщения к трудовой деятельности являлись игры. Как указывает отечественный исследователь игр северных народов А. Н. Рейнсон-Правдин, «игра является основным фактором подготовки ребенка к труду: к освоению результатов производственной деятельности прошлых поколений. Игра стимулирует развитие у ребенка суммы качеств и навыков, необходимых в жизни каждого человеческого общества» [4].

Таким образом, через игрушки ребенок не просто обогащает свои знания, умения, навыки, необходимые для адекватной «социализации» в тех или иных конкретно-исторических условиях.

В самодельные куклы, сшитые из ткани, сукна или меха, дети играли в прошлые века; играют с ними и по сей день. Эти куклы всегда были рядом с хантыйскими мальчиками и девочками, словно члены семьи. Если с родителями дети собирались в гости, девочка брала с собой своих акань. Куклы, как и люди, привозили с собой подарки, дарили их акань-родственницам и сами получали подарки.

Обские угры считали, что кукла может ожить, особенно если на ее лице изображены глаза, поэтому детские куклы не имеют лиц. Отсутствие в куклах отличительных признаков человека – черт лица, туловища, рук, ног рассматривается исследователями как свидетельство архаической природы детской куклы, сохранившейся у обских народов. Подобное отношение к кукле присуще и другим традиционным культурам.

Самостоятельно изготавливая привычные традиционные игрушки, а затем играя с ними, дети начинают наделять их *новым смысловым содержанием*. Развитие, достраивание ребенком педагогических замыслов, претворяемых взрослыми в игрушке, дополнительная (подчас существенная) переработка в идеальном плане уже идеализированного в ней содержания, превращает ее в подлинно развивающий воспитательно-образовательный инструмент. Парадокс здесь состоит в том, что это превращение не поддается полному контролю со стороны взрослых людей, происходит как бы стихийно. Но эта стихийность носит закономерный характер, выражая несовпадение цели и результата деятельности в процессе трансляции культуры от поколения к поколению. Именно это «несовпадение» является источником человеческого развития, обеспечивая как поступательность, так и преемственность в этом развитии.

Итак, какие можно сделать выводы относительно природы развивающих функций декоративно-прикладного искусства обских угров?

Во-первых, в его произведениях ребенок открывает для себя исторически заданный образ мира. Принципиально, что этот образ всегда остается потенциально открытым к достраиванию, насыщению новыми смысловыми содержаниями. Данная возможность реализуется благодаря активному включению ребенка в процесс декоративно-прикладного творчества, в котором и воссоздается (и заново рождается) этот образ. Последнее является условием полноценного личностного роста ребенка посредством его творческого самоопределения и индивидуального самовыражения в общезначимом пространстве культуры.

Во-вторых, в процессе декоративно-прикладного творчества ребенок трансформирует обыденную действительность в «необыденную» и с этой новой позиции адекватнее и глубже постигает реальный порядок вещей, устройство того мира, с которым он имеет дело повседневно.

В-третьих, декоративно-прикладное искусство содержит в себе все необходимые источники развития воображения ребенка в качестве универсальной, а не профессионально-специализированной способности.

В-четвертых, в русле сотрудничества взрослых и детей, в форме которого протекает приобщение к произведениям декоративно-прикладного искусства (на уровне непосредственного эмоционального контакта, предметных манипуляций, созерцания, самостоятельного творчества и т. д.) складывается полноценная детско-взрослая общность.

В-пятых, общий вектор развития способностей к декоративно-прикладному творчеству задается единством эстетического и трудового воспитания. С одной стороны, это позволяет устранить противоположность (отнюдь не только в теории, но и на практике) между «созерцанием», которое не вырождается в досужее «глядение на вещи», и «преобразованием», которое здесь является не «насилием» над предметами, а способом выявления их истинной сущности. С другой стороны, достигается собственно воспитательный эффект: творчество становится для ребенка свободным и ответственным трудом, приносящим как индивидуально, так и социально значимые результаты, а труд (даже бытовой) воспринимается им как творчество, как сфера реализации его собственного креативного начала.

Литература

1. Волков Г. Н. Этнопедагогика. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1974. С. 360.
2. Кудрявцев В. Т., Решетникова Р. Г. Ребенок и декоративно-прикладное искусство обских угров. М. : ИКАР, 2003.
3. Кулемзин В. М., Лукина Н. В., Молданов Т. А., Молданова Т. А. Мифология хантов / науч. ред. В. В. Напольских. Томск : Изд-во Томск. ун-та, 2000.
4. Рейнсон-Правдин А. Н. Игра и игрушка народов Обского Севера (социальные корни игры) // Советская этнография. 1949. № 3. С. 109–132.
5. Эльконин Д. Б. Психология игры. М. : Педагогика, 1978.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Адаменко Екатерина Алексеевна – старший лаборант кафедры менеджмента, Сургутский государственный университет

Андрющенко Иван Владимирович – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов денежного обращения и кредита, Сургутский государственный университет

Бахитов Станислав Борисович – кандидат исторических наук, доцент, преподаватель истории и общественных дисциплин, Сургутский профессиональный колледж русской культуры им. А. С. Знаменского

Бирук Инна Александровна – магистр государственного и муниципального управления, президент общественного фонда «Сияние Севера»

Бутенко Надежда Алексеевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и права, Сургутский государственный университет

Варлакова Юлия Рафикатовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики профессионального образования, Сургутский государственный университет

Воронина Евгения Васильевна – кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой налогов и налогообложения, Сургутский государственный университет

Воронов Глеб Анатольевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, Сургутский государственный университет

Воронов Сергей Анатольевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, Сургутский государственный университет

Габеркорн Алёна Игоревна – аспирант, Сургутский государственный университет

Гаджиева Карина Фазаировна – вице-президент регионального общественного фонда устойчивого развития коренных народов Севера «Сияние Севера»

Гапоненко Жанна Александровна – директор, МБОУ Ляминская СОШ, Сургутский район

Гириш Валерия Андреевна – аспирант, Сургутский государственный университет

Горячевская Елена Сергеевна – научный сотрудник, институт экономических проблем им. Г. П. Лузина Кольского научного центра РАН, г. Апатиты

Гребнева Наталья Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, подполковник милиции, Сургутский государственный университет

Громова Гузель – аспирант, Сургутский государственный университет

Денисова Татьяна Юрьевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и права, Сургутский государственный университет

Долгицкий Олег Дмитриевич – медицинский психолог, Нижневартовская психоневрологическая больница

Дроздова Анна Андреевна – преподаватель кафедры теории и методики профессионального образования, Сургутский государственный университет

Ельмендеева Любовь Владимировна – кандидат юридических наук, начальник отдела недропользования, экологии и природных ресурсов, Заслуженный эколог Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, администрация Сургутского района

Ефанова Елена Николаевна – кандидат медицинских наук, доцент кафедры инфекционных, кожных и венерических болезней, Сургутский государственный университет

Жадобина Наталья Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и муниципального права, Сургутский государственный университет

Жогаль Андрей Владимирович – начальник отделения организации службы и пожаротушения, ФГКУ «1-й ОФПС по ХМАО – Югре», г. Сургут

Зарипова Эльмира Кадыровна – старший преподаватель кафедры государственного и муниципального права, Сургутский государственный университет

Зубарева Любовь Витальевна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита, Сургутский государственный университет

Ищенко Оксана Владимировна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Сургутский государственный университет

Касько Людмила Михайловна – методист, Заслуженный работник культуры РФ, Русскинской центр национальной культуры Сургутского района ХМАО – Югры

Королёва Юлия Геннадьевна – директор, департамент по экономической политике администрации города Сургута

Кулагина Ирина Владимировна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права, Сургутский государственный университет

Лельхова Федосья Макаровна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела хантыйской филологии и фольклористики, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск

Мартынов Михаил Юрьевич – доктор политических наук, профессор, заведующий лабораторией социологических и правовых исследований, Сургутский государственный университет

Мархинин Василий Васильевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и права, Почетный работник высшего образования РФ, Заслуженный деятель культуры ХМАО – Югры, Сургутский государственный университет

Мархинин Василий Васильевич – кандидат философских наук, доцент кафедры политологии, Сургутский государственный университет

Мединцева Светлана Геннадьевна – начальник управления экономического развития, департамента по экономической политике администрации города Сургута

Назина Элина Борисовна – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента, Сургутский государственный университет

Насырова Эльмира Фанилевна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры теории и методики профессионального образования, Сургутский государственный университет

Нестерова Оксана Юрьевна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и права, Сургутский государственный университет

Нехайчик Владимир Казимирович – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и муниципального права, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Сургутский государственный университет

Орехова Анжелика Николаевна – заместитель директора, педагог дополнительного образования, Русскинская средняя образовательная школа, Сургутский район

Полищук Виктор Иванович – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной филологии, культурологии и методики их преподавания, Заслуженный работник высшей школы РФ, Заслуженный деятель науки ХМАО – Югры, Тюменский государственный университет

Попков Юрий Владимирович – доктор философских наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующий сектором этносоциальных исследований, Институт философии и права Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск

Пуртова Виктория Сергеевна – старший преподаватель кафедры политико-правовых дисциплин, Сургутский государственный университет

Пьянов Константин Валериевич – генеральный директор ООО «Апостол Север»

Пятникова Тамара Романовна – научный сотрудник, Белоярский филиал, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок

Русак Юрий Эдуардович – доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой инфекционных, кожных и венерических болезней, Почетный работник высшего и среднего образования РФ, Ветеран труда, Сургутский государственный университет

Садретдинова Вафира Бадиевна – учитель, МБОУ Ляминская СОШ, Сургутский район

Сердюков Дмитрий Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры политико-правовых дисциплин, Сургутский государственный университет, директор МКУ «Наш город», г. Сургут

Серова Наталья Александровна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина Кольского научного центра РАН, г. Апатиты

Силантьева Надежда Андреевна – аспирант, Сургутский государственный университет

Соколов Сергей Николаевич – доктор географических наук, доцент, профессор кафедры географии, Нижневартовский государственный университет

Сунцов Александр Павлович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального права, Сургутский государственный университет

Ткачук Наталья Витальевна – научный сотрудник отдела социально-экономического развития и мониторинга, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск

Товмасын Нарине Тиграновна – специалист по связям с общественностью, МКУ «Наш город», г. Сургут

Торгашова Екатерина Сергеевна – аспирант, Сургутский государственный университет

Утенкова Виктория Юрьевна – студент, Сургутский государственный университет

Ушакова Надежда Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политико-правовых дисциплин, Сургутский государственный университет

Филиппова Наталья Алексеевна – доктор юридических наук, кандидат политических наук, профессор кафедры государственного и муниципального права, Заслуженный юрист Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Сургутский государственный университет

Хакназаров Саид Хамдамович – кандидат геолого-минералогических наук, профессор РАЕ, заведующий научно-исследовательским отделом социально-экономического развития и мониторинга, академик Международной академии социальных технологий, академик Европейской академии естественных наук, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, г. Ханты-Мансийск

Цай Анна Владимировна – врач-дерматовенеролог, Ноябрьская городская больница

Чарковская Нозми Ивановна – кандидат юридических наук, доцент гражданско-правовых дисциплин и трудового права, Сургутский государственный университет

Швейд Майя Александровна – заведующий, Национальный сельский клуб посёлка Тром-Аган, Сургутский район

Шкаревский Денис Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Сургутский государственный университет

Научное издание

СЕВЕР РОССИИ: СТРАТЕГИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

*Материалы II Всероссийской научно-практической конференции
27 мая 2016 г.*

Том III

Технический редактор Е. В. Бодрова

За информацию, содержащуюся в статьях, ответственность несут авторы

Отпечатано в Издательском центре СурГУ.
Адрес издателя и типографии:
БУ ВО «Сургутский государственный университет»,
628412, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, пр. Ленина, 1.
Тел. (3462) 76-31-79.

Дата выхода в свет 14.12.2016 г. Формат 60×84/8.
Усл. печ. л. 29,7. Уч.-изд. л. 25,6. Тираж 100.